

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 4
Том 1. Филология**

Санкт-Петербург
2014

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 4 (Том 1)'2014
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобринина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е.С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Гренье, доктор филологических наук, профессор (США);
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
Л. В. Дербенёва, доктор филологических наук, профессор (Украина);
О. Н. Морозова, доктор филологических наук, доцент;
М. К. Пезенти, доктор филологических наук, профессор (Италия);
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Захарова В.Т.</i> Песня и пение в русской прозе Серебряного века.....	7
<i>Сунь Тин</i> Отражение философии даосизма в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»	16
<i>Полубояринова Л.Н.</i> Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II: между консерватизмом и модерном	23
<i>Зеновская П.Е.</i> Персонаж и его пространство в рассказе Иво Андрича «Кафе "Титаник"»	33
<i>Макарова И.С.</i> Образ Корабля Дураков во французской литературе эпохи Ренессанса	41
<i>Гильманова А.А.</i> Функции музыки в пьесе О. Уилсона «Ma Rainey's Black Bottom»	53

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Балакин С.В.</i> Понятие деривационного потенциала языковой и концептуальной систем	60
<i>Беляева Ж. Д.</i> Семантическая модификация терминологической лексики русского языка новейшего периода	68
<i>Кутузов А.А.</i> О градуальном характере категории переходности	77
<i>Салахова И.И.</i> Квазипричастия, заимствованные из арабского языка (на материале тюрко- татарского произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари)	84
<i>Садомина Н.С.</i> Сравнение в хантыйской языковой картине мира.....	91
<i>Букина В.А.</i> Современная английская лексикография	99
<i>Григорян А.Э.</i> Отражение англо-американского лингвокультурного влияния в современной русской просодии (на материале теленовостей).....	103

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

<i>Мельгунова А.В.</i> Вариативность номинаций в художественном тексте	117
<i>Панфилова С.С.</i> Антропонимическое пространство книжного гипертекста (на материале английского языка)	124
<i>Первова А.В.</i> Способы нарушения структурной целостности художественного текста.....	133
<i>Ребрина Л.Н.</i> Автобиографическая память как дискурсивный феномен (на материале немецкого языка).....	141

<i>Салькаева А.Н.</i> Лингвокогнитивные свойства дневникового текста (на материале английского языка)	153
<i>Горбачева Е.Н.</i> Речевая проекция психологической иерархии действий в перформативной дискурсивной практике	161
<i>Усманова Е. Г., Вахрушева Т. А.</i> Анализ суггестивных приемов гипнотизирующего языка рекламных текстов	167
<i>Хасанова Р.М.</i> Средства создания ценностного кода в рекламном профиле компании	178
<i>Кушакова Н.О.</i> К вопросу о конститутивных коммуникативно-речевых характеристиках SMS-опосредованной коммуникации	187
<i>Цуцьева М.Г.</i> Адаптивность языковой личности политика как ее прототипическая системная характеристика	197
<i>Шнякина Н.Ю.</i> Особенности выражения реакции человека на запахи (на материале немецкого языка).....	202

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Ямшанова В.А.</i> Толерантность без терпимости? (Русско-немецкие параллели)	209
<i>Барина И.А., Нестерова Н.М.</i> Денотативная модель перевода в контексте проблемы понимания текста	219
<i>Черникова Е.Д.</i> Процесс описания деятельности переводчика в метапоэтике перевода И.А. Кашкина.....	226

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

<i>Храброва В.Е.</i> Словосочетание как проблема обучения английской письменной речи	235
<i>Артёмова Л.А.</i> Связь лексики и грамматики в обучении китайских студентов (на материале русских прилагательных)	247
<i>Сальникова О.С.</i> Орфографические девиации в письме детей младшего школьного возраста....	255

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Теплицкая А.А.</i> Пропаганда научных знаний в детских научно-популярных изданиях	264
Сведения об авторах	271

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Zaharova V.</i> The Songs and Singing in the Russian Prose of Silver Age	7
<i>Sun ting</i> Taoism Embodied in Laurel by E.G. Vodolazkin	16
<i>Poluboyarinova L.</i> Literary Image of Berlin in the Era of Kaiser Wilhelm II: between Conservatism and Modernity	23
<i>Zenovskaya P.</i> The Character and His Space in Ivo Andrich's Short Story «Buffet "Titanic"».....	33
<i>Makarova I.</i> Image of Ship of Fools in the French Literature of the Renaissance Epoch	41
<i>Gilmanova A.</i> Functions of Music in the Text of Drama in August Wilson's Play «Ma Rainey's Black Bottom».....	53

LINGUISTICS

<i>Balakin S.</i> Notion of Derivative Potential of Language and Conceptual Systems	60
<i>Belyaeva J.</i> Semantic Modification of Russian Terminological Lexic of the Newest Period	68
<i>Kutuzov A.</i> On the Ambivalence of English Transitive Verbs	77
<i>Salakhova I.</i> The Adjectives Likend to the Participles in the Turkish-Tartar Work «Nahdj al-Faradis» of Mahmud al-Bulgari.....	84
<i>Sadomina N.</i> Comparison in the Linguistic Picture of Universe of a Khanty Language.....	91
<i>Bukina V.</i> Modern English Lexicography	99
<i>Grigoryan A.</i> Representation of Anglo-American Linguocultural Influence in Contemporary Russian Prosody (on TV-news Material)	103

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

<i>Melgunova A.</i> Variants of Denominations in Text of Fiction	117
<i>Panfilova S.</i> The Structure of Personal Names in Book Hypertext: an English-Based Study	124
<i>Pervova A.</i> The Means of Violation of the Structural Integrity of the Artistic Text.....	133
<i>Rebrina L.</i> Autobiographical Memory as a Discursive Phenomenon (as Exemplified in German).....	141

<i>Salkaeva A.</i> The Lingual and Cognitive Characteristics of Texts of Personal Nature (based on the Materials of the English Language)	153
<i>Gorbacheva E.</i> Speech Projection of the Psychological Action Hierarchy in the Performative Discourse Practice.....	161
<i>Usmanova E., Wahrusheva T.</i> Suggesting Methods in Analysis of Hypnotic Language Style of Advertisements	167
<i>Khasanova R.</i> Means of Creating Axiological Code in the Advertising Profile of a Company.....	178
<i>Kushakova N.</i> The Pproblem of Constitutive Communicative-speech Features of SMS-mediated Communication	187
<i>Tcutcieva M.</i> Adaptability of Linguistic Identity of a Politician as a Prototypical System Description.....	197
<i>Shnyakina N.</i> Features of Human Reactions to Odors (based on German Language).....	202

LINGUISTIC CULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Jamšanova V.</i> Is Tolerance Possible without Patience? (Russian-German Parallels)	209
<i>Barinova I., Nesterova N.</i> The Denotative Model of Translation within the Context of Text Comprehension Problem.....	219
<i>Chernikova E.</i> Description of the Translator's Activity within I.A. Kashkin's Metapoetics	226

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

<i>Hrabrova V.</i> Collocations as a Problem in ELL Writing.....	235
<i>Artemova L.</i> Teaching Chinese Students Grammar Based on the Material of the Russian Adjectives	247
<i>Salnikova O.</i> Spelling Deviation in the Writing of Children of Younger School Age	255

INFORMATION AND SURVEYS

<i>Teplitckaja A.</i> The Popularization of Scientific Knowledge in Children's Popular Science Magazines.....	264
About authors.....	271

Песня и пение в русской прозе Серебряного века

В статье рассматриваются функции включения в текст песни и пения в аспекте выразительных возможностей неореалистического художественного мышления. Анализ проводится на примере русской прозы Серебряного века (произведения М. Горького, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева). Образ песни и пения в творчестве представленных художников Серебряного века был включен в сферу авторского присутствия в тексте. В каждом случае он имел различную семантику, но всегда свидетельствовал о стремлении авторов к максимально емкому использованию художественной образности для выражения через частное, сугубо индивидуальное, общезначимых проблем.

This article deals with the inclusion in the text of the songs and singing in the aspect of the expressive possibilities of neorealist literary thinking. An analysis on the example of the Russian prose of Silver age: this works by Gorky, B. Zaitsev, I. Shmelev. Image songs and singing in works by artists of the Silver age was included in the author's presence in the text. In each case, he had different semantics, but always testified to the desire of the authors to make demanding use of imagery to express through a private, strictly personal, universal issues.

Ключевые слова: Серебряный век, неореализм, художественное сознание, песня, пение, общезначимые проблемы.

Key words: Silver age, neo-realism, art consciousness, song, singing, general problems.

Русская проза Серебряного века – свидетельство магистральных художественных открытий в развитии русского реализма, становления его нового облика. Сегодня по-разному трактуется понятие неореализм, впервые употребленное Е. Замятиным. Не ставя здесь задачи рассмотрения теоретико-литературных дискуссионных вопросов по этому поводу, – тем более, что нами отчасти такая проблема уже решалась [6], обозначим лишь основы нашего представления об этом понятии.

Неореализм рассматривается в качестве особого типа художественного сознания, которому свойственно тяготение к особому многомерному синтезу. В качестве литературного течения неореализм заявил о себе достаточно ярко в 1910-е годы, однако вполне обоснованно можно вести речь и о его истоках в прозе XIX века (к примеру, в творчестве К.Н. Леонтьева), рубежа XIX – XX веков и о пролонгированности открытий этого периода в дальнейшем развитии русской прозы XX века. Л.А. Смирновой были не только обозначены наиболее важные составляющие этого синтеза, но и –

впервые в новейшем литературоведении – был обоснован подход к прозе Серебряного века с позиции «единства духовных устремлений». Постигание сути новаций этой прозы обрело необходимое философско-эстетическое обоснование.

Справедливо утверждалось, что «структура классических прозаических жанров, с их опорой на взаимодействие сложных характеров, теряла свое значение»; что «редкий по сложности поиск предопределил освоение особых повествовательных структур и жанровых форм»; «влечение к бытийным проблемам обусловило все искания»; «проза утонченных мастеров слова Л. Андреева, И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, А. Ремизова, И. Шмелева была подвижным, многокрасочным «образованием» и так же, как поэзия, по выражению С. Маковского, «мятежной, богищущей, бредившей красотой» [9, с. 10].

При таком понимании сути неореалистического синтеза открывается новая картина развития русской прозы XX века: неореализм как тип художественного сознания оказывается в ней одним из ведущих. Спектр субпарадигмальных разновидностей здесь очень широк. Однако объединяющая проблема художественного синтеза в неореализме представляется гораздо более многомерной, глубокой, чем принято считать. Она охватывает собой всю многоаспектную сферу образного отражения действительности в произведении: это касается, прежде всего, жанрового синтеза, повлекшего за собой изменение роли автора в тексте, несвойственное для литературы прежних лет взаимодействие пространственно-временных отношений, соотношенности частного и общего (выведение частных жизненных реалий на уровень онтологических обобщений).

Сфера авторского присутствия часто переносится в подтекст, в сложную структуру лейтмотивов. Самые различные художественные приемы: звуковое оформление, экфрасис, деталь – призваны создавать образы, обладающие повышенной смысловой нагрузкой.

Рассмотрим функции включения в текст песни и пения в ряде произведений М. Горького, Б. Зайцева, Ив. Бунина. Справедливо замечено Л.А. Спиридоновой, что на пути современного переосмысления творчества Горького, «исходя из усложненной концепции русской литературы XX века, феномен Горького можно назвать новаторским явлением» [10, с. 216]. Исток интереса к новым принципам эстетического мышления у Горького лежит в его увлеченности чеховским творчеством с ранним пониманием того, какого рода новаторство оно с собой несет: у Чехова молодой писатель увидел реализм, который «возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа» [3, XXIII, с. 113].

Повесть М. Горького «Фома Гордеев» (1899) являет собой талантливый пример подобного рода. В рамках данного материала обратим внимание на следующее. Главный нерв повествования здесь у Горького – в художественном исследовании эволюции Фомы Гордеева, приведшей его к трагическому финалу. Текст произведения изобилует примерами много-

гранного художественного осмысления писателем причин его одиночества, которые, главным образом, лежали в сфере психологической, ментальной. Между героем и окружающим прекрасным и бесконечным миром не установилось благодатного взаимодействия, спасительные начала красоты и целесообразности бытия не открылись Фоме даже в детстве, показывает автор. А это, конечно же, обострило драматизм его исканий. В общении с окружающими Фоме мешало «недоумение перед людьми, которые, умея твердо верить в милость бога, были так жестоки к человеку» [3, IV, с. 259]. Эта мысль неоднократно варьируется в тексте. На примере одного из эпизодов покажем, какую роль сыграл в этом плане эпизод с песней Саши.

Речь идет об эпизоде с кутежом на плоту, где Фома, утоляя скуку, очутился в сущности среди чуждых ему людей, – некоторых он видел впервые. Единственный человек, привлекавший его, была его дама в этой компании – гордая Саша. Именно ее песня стала центральным эпизодом этой сюжетной ситуации. Попытки других что-то спеть успехом не увенчались. Когда же запела Саша, все вокруг изменилось. Ей помогала подпевать сестра Васса. Сестры пели песню о неразделенной любви: «Хорошо тому на свете жить // У кого нету заботушки, // В ретивом сердце зазнобушки!» [3, IV, с. 152].

«Два голоса обнялись и поплыли над водой красивым, сочным, дрожащим от избытка силы звуком. Один жаловался на нестерпимую боль сердца и, упиваясь ядом жалобы своей, – рыдал скорбно, слезами заливая огонь своих мучений. Другой – низкий и мужественный – могуче тек в воздухе, полный чувства обиды» [3, IV, с. 152]. Автор рисует реакцию слушателей: почти никого это пение не оставило равнодушным, но особенно поразило оно мужика, прислуживавшего господам: «От костра шел мужик. Он ступал по доскам осторожно, становясь на носки сапог, руки его были заложены за спину, а широкое бородатое лицо все преобразилось в улыбку удивления и наивной радости» [3, IV, с. 153]. На него стали кричать, но Саша поняла в нем что-то и предложила спеть с ней. И полилась горемычная песня, об исполнении которой сказано: «А женщина застонала и заплакала:

Ой со-о-ро-одныи –ими надо расставаться-а...

Понизив голос, мужик с изумительной силой скорби пропел-сказал:

Эх и в чужу сто-орону надоть мне ити...

Когда два голоса, рыдая и тоскуя, влились в тишину и свежесть вечера, – вокруг стало как будто теплее и лучше; все как бы улыбнулось улыбкой сострадания горю человека, которого темная сила рвет из родного гнезда в чужую сторону, на тяжкий труд и унижения. Точно не звуки, не песня, а те горячие слезы человеческого сердца, из которых выкипела эта жалоба, – сами слезы увлажнили воздух. Тоска души, измученная в борьбе, страдания от ран, нанесенных человеку железной рукой нужды, – все было вложено в простые грубые слова...» [3, IV, с. 156].

Далее реакция Фомы была еще более экспрессивной: «Отшатнувшись от певцов, Фома смотрел на них с чувством, близким к испугу, песня кипящей волной вливалась ему в грудь, и бешеная сила тоски, вложенная в нее, до боли сжимала ему сердце. Он чувствовал, что сейчас у него хлынут слезы, в горле щипало, и лицо вздрагивало... И ему казалось, что поют не двое людей – все вокруг поет, рыдает и трепещет в муках скорби, все живое обнялось крепким объятием отчаяния» [3, IV, с. 156-157]. Нечасто в текстах Горького встречается такая сильная экспрессивность. Очевидно, в Фоме ему виделась незаурядная широта души, способность к отзывчивости на чужую боль. И тем понятнее становится нелепый и довольно безжалостный поступок Фомы – отвязать плот с людьми, равнодушными к такой песне: «Его удивляло, что все эти люди ведут себя так, точно они не слышали песни. В его груди она жила, вызывая у него беспоконное желание что-то сделать, сказать» [3, IV, с. 158]. Протест его был вызовом, не грозящим никому гибелью: он попросил мужика последовать за ними с лодкой... Главным внутренним итогом для героя повести здесь было то, что «вместе с людьми на плоту *из груди его как бы уплывало все тяжелое и темное, чем он наполнил ее за это время*» [3, IV, с. 159]. (Курсив в цитатах здесь и далее наш. – В.З.). Парабола исканий Фомы состоит в повести из очень противоречивых и драматичных душевных движений, поступков. Но стремление очиститься, высветлить свою душу связано в повести с песней. Есть еще один знаменательный эпизод. После неприятного осадка от разговоров в доме Маякиных, где он вновь остро почувствовал свое одиночество, Фома оказался на пристани, в «шуме труда». Работая, грузчики пели знаменитую «Дубинушку». Примечательна такая необычная фраза: «*Фома вслушался в песню и пошел к ней на пристань*» [3, IV, с. 242]. Впрочем, в художественном мире Горького антропоморфизм – одна из доминирующих черт его новаторской поэтики. И эта живая песня радовала Фому, как радовала и «стройная, как музыка», работа грузчиков: «Фоме думалось, что хорошо бы вот так дружно работать с добрыми товарищами под веселую песню, устать от работы, выпить стакан водки и поест жирных щей...» [3, IV, с. 242]. И здесь песня – воплощение светлых, гармонизированных начал жизни, к которым тянется душа героя.

Однако, как известно, светлые порывы души не привели Фому к желанному благодетельному исходу: мотив отъединенности Фомы от мира к финалу нарастает. Писатель постепенно подводит читателя к выводу, что драма Фомы Гордеева – это драма одиночества среди людей, драма человека, не сумевшего установить контакты с миром ни на какой оси координат. Ни на горизонтальной, земной, ибо ожесточенность самого Фомы привела его к признанию: «Злой я становлюсь – так бы всех и бил... Не нравятся мне люди... Никак не поймешь – зачем живут?» [3, IV, с. 181]. И не получал животворящей подпитки Фома ни от книг, ни от природы, ни от общения с близкими по духу людьми. А самое главное – от него осталось сокрытым вертикальное измерение бытия, соотнесенность его с Бо-

гом, с вечностью. Здесь стоит вспомнить один важный момент его восприятия песни на плоту, когда ему казалось, что слова поющих «...передавались невыразимо тоскливыми звуками далекому, *пустому небу, в котором никому и ничему нет эха*» [3, IV, с. 156].

Жизнь души, не воспринимающей ответных импульсов от мира, неизбежно ведет к трагедии, – так можно прочесть здесь думу писателя.

Как видим, образ песни и пения в числе многих других средств художественной образности помогла Горькому нарисовать психологически убедительную и сильную по художественному воздействию картину душевной драмы незаурядной личности, наделенной умом, пылкостью, совестливостью, равнодушием к людской боли, но – зашедшей в тупик в своих нравственных исканиях.

Во многих произведениях М. Горького возникает этот образ, – часто эпизодически, но всегда ощутима его концептуальная значимость.

Оригинальным индивидуально-авторским видением отмечен он в произведениях Б. Зайцева, Ив. Шмелева. В ранней прозе Б. Зайцева не однажды возникает женский образ творческой личности – это певица либо актриса (рассказы «Вечерний час», «Актриса»). Позднее он полноценно раскроется в романе эмигрантского периода «Золотой узор» (1926).

Основной «нерв» ранней зайцевской прозы в основном верно уловила критика 1900-х – 1910-х годов. Ю. Айхенвальд придерживался сходного мнения: «...он знает скорбь и ужас, но мир посылает ему свои целительные волны, дает великое “спокойствие”... Именно побудительность духа любви слышится во всех произведениях Зайцева» [1]. С ним перекликался В. Полонский: «Если попытаться назвать в творчестве Зайцева то главное, центральное, сердечное, в старину называли пафосом, то таким пафосом и будет любовь. Он дает ему силу преодолеть трагичность человеческого бытия, победить его основную дисгармонию» [8]. «Печальное – только спутник счастья, а смысл и цель в этом последнем, – трактовал философию молодого писателя П. Коган. – И кто владеет... великим умением любить радость, пред тем бессильно скорбное и болезненное» [7, с. 19].

Рассказ «Вечерний час» – замечательное подтверждение подобных взглядов. Что касается поэтики, то, как известно, с прозой Зайцева с самого начала было связано представление об импрессионизме его прозы [5]. Здесь импрессионистическая поэтика писателя раскрывается особыми чертами. Она – результат овладения В. Зайцевым утонченными формами психологизма чеховского типа, внимания к потаенным, мимолетным, неустановившимся состояниям души. И образ пения в этом рассказе становится центральным в раскрытии основной идеи произведения.

Повествование в «Вечернем часе» ведется, как это нередко бывает у Зайцева, от лица женщины. Главная героиня, бывшая певица Большого театра, показана в период тяжелой душевной депрессии, вызванной уходом со сцены, разводом с мужем, а главное, – вынужденной разлукой с сыном. В надежде обрести душевное равновесие она уезжает в Италию и

поселяется в заброшенной деревушке, где обосновалась небольшая колония русских эмигрантов. Но и здесь не исчезает печально-тоскливое равнодушие женщины к жизни, – острота ее былых переживаний уже притупилась. Зайцев воссоздает сложную «вязь» душевных движений героини на пути обретения ею нравственной опоры. Поэтому в повествовании широко развернут мысленный монолог Веры, передающий с импрессионистической подвижностью смену ее мироощущений, сначала замкнутых на себе, затем обретающих богатый источник внешних побуждений.

Вера открыла в себе интерес к совершенно посторонним ей людям. Постепенно складывается деятельное участие Веры в жизни окружающих, истаивает бывший эгоцентризм Веры. Проверкой необратимости этого процесса стало ее восприятие приглашения спеть на благотворительном концерте. Сугубо личные переживания были отеснены гуманным решением: «Этим Катям и неведомым “товарищам” действительно нужны деньги, и я им помогу, а буду ли иметь успех, или нет, посмеются надо мной, не посмеются – это не важно, все это очень, очень пустое» [4, с. 133].

В отстранении от житейской суетности побеждает истинная высота духа. Такая победа многозначна. Есть в ней привычный, хрестоматийный момент преодоления эгоистических порывов заботой о людях. Но главным является иной – глубинный и широко обобщающий человеческое бытие мотив. Личность постигает подлинное назначение жизни и новый смысл собственных возможностей, счастья: «Вышло странно: оказалось, у меня есть какое-то слово, и я могу обратиться с ним к этим людям, и сказать его могу лишь в пении... Снова мир предо мной раздвигался, и я видела не эту лишь залу, сияющую электричеством, я прижимала к сердцу и лобзала всех, кто жив, кто счастлив и несчастлив, кто придет еще в жизнь, кто добр и кто зол, чист и грешен... Я ощущала свою связь с людьми» [4, с. 131]. Импрессионистическое раскрытие потока незаметных изменений в сознании героини позволило убедительно воплотить эту метаморфозу в усилении сначала горьких сомнений, а потом раздумий о запросах своих и «всечеловеческих». В результате запечатлена развивающаяся в душе радость сближения с живым многообразием бытия. Художник уловил самый миг душевного перелома, происшедший с героиней в самый момент ее профессионального творческого труда. Трудно переоценить значение случившегося: и для самой Веры, и ее слушателей: сила таланта, обнимающего любовью мир, огромна. И, как знать, возможно, слово, сказанное Верой в пении, совершило благодатный переворот не в одной душе.

Эмигрантская печать в зайцевских героях видела их духовную сущность. «Люди Зайцева привлекают к себе своим светом, какой-то внутренней прозрачностью, почти праведностью...», – писал архимандрит Киприан [2, с. 161]. Ему же принадлежит мысль о связи зайцевского импрессионизма с высоким нравственным началом, с исключительной человечностью.

В дооктябрьской прозе Ив. Шмелева есть рассказ, в котором ни песня, ни пение не отображены. Но главной героиней тоже является певица. Речь идет о рассказе «Волчий пережат» (1913). И здесь весьма значимую роль играет фигура умолчания относительно пения.

В этом произведении – акцент на постижении сложных связей жизни отдельного человека, социального бытия, природы. В центре повествования – образы путешествующих по реке артистов – певицы и баритона (так они именованы в рассказе) и их отношение к окружающему. Героине рассказа к месту гастролей в северном городе захотелось плыть пароходом: «...она не бывала в этих пустынных краях, где в тихих селениях дремлют старенькие церкви, где по погостам... притаилась сиротливая жизнь» [11, I, с. 341]. Наблюдения приводят певицу к такому выводу: «Мы едем в пустоте... Какая бедная жизнь» [11, I, с. 343]. Резким, откровенным контрастом, лейтмотивно повторенным в рассказе несколько раз, дан избыточно комфортный мир пароходного салона, «в красном дереве, бронзе и коже», где «свежие скатерти, разноцветный хрусталь, розовые шапки гортензий над серебром, зеркальные, во всю стену, окна, мягкие диваны и пианино» [11, I, с. 344]. Но если здесь пианино на месте, то чуть ниже о нем говорится в следующем контексте: «На одной пристани, где ничего не было, кроме сарая и леса за ним, выгрузили пианино. Его выкатили пароходные молодцы и поставили к горке мешков» [11, I, с. 344]. И «жалким и лишним» показало здесь пианино певице.

Символика образа ассоциативно уже «сработала», но Шмелев ударит по этой больной для него струне еще раз. Героиня рассказа поражена проявлениями чуждой ей и совершенно непонятной народной жизни: «Выходили из *каких-то* лесных своих деревень. *Куда-то, зачем-то* ехали. Иногда съезжали на такие же пустынные берега» [11, I, с. 345]. И мысль о неразгаданности, закрытости для нее этой жизни мучительно отозвалась таким признанием: «Вся Россия огромная, серая, а мы в ней... будто какой-то малюсенький придаток... *как то пианино у леса*» [11, I, с. 347]. Здесь нетрудно обнаружить интонацию у горьковских «Дачников», написанных почти десятилетием ранее. Но, как известно, эпоха 1910-х годов вновь обострила проблему «интеллигенция и народ», и Ив. Шмелев, подобно многим другим писателям, раздумья над ней оставил во многих произведениях. У него нет здесь особой социальной заостренности, но есть думы о целесообразности человеческой жизни, долженствующей связывать ее неразрывно с миром людей, народа, большого общего бытия. Певица не чувствует такой своей связи, хотя человек она, бесспорно, талантливый, способный, по крайней мере, ощутить, осознать драматическую суть этой своей чуждости народной жизни, что оттеняется образом ее спутника – человека пресыщенного, равнодушного.

Оттеняет эти фигуры образ служащего речного управления Серегина, уроженца этих мест. Серегин появился на пароходе, где находились певица и ее спутник, в тревожную, бурную ночь у Волчьего пережата, – появил-

ся, чтобы через полтора часа снова вернуться в эту ночь. Почувствовав в нем какое-то неведомое ей диковатое могущество, актриса стала заинтересованно расспрашивать его. Стало понятно из его слов, что здесь «много крепких людей...отважных...» [11, I, с. 346]. Безмерно удивлен был Серегин, что места эти показались проезжающим пустыми: «Какие же они пустые! С пароходу-то не видать, конечно. Пустые!

- Так-то вот, господа, и про народ говорят – ленивый! А пожить... Деревни кругом... Деготь гонят, скипидар, смолу, корье дерут, леса валят, режут, за границу гонят. Маслобойки! А рыбаки... А поморы!.. Кругом кипит...» [11, I, с. 364]. И актриса чутким сердцем уловила, что за этим рассказом – большая правда большой народной жизни, которой «с парохода не видно». Это открытие заставило ее по-новому взглянуть на свое дело, свое творчество. Ей хотелось спеть что-нибудь для этого человека, но у нее не оказалось для него подходящей песни. «Мы можем петь с вами там, в залах... а здесь надо что-то другое петь, в этой жути, какую-то страшную симфонию... Она творится здесь, я ее чувствую, эту великую симфонию... Мои песенки были бы здесь насмешкой, каким-то писком. Да, да! Сюда надо идти не с подаяньем!.. А когда-нибудь и здесь будут петь... другие...» [11, I, с. 367]. Особенно ценным представляется в этом горестном и взволнованном монологе ощущение того, что народная мощь столь велика, что не нуждается в подаении! Скорей, наоборот, интеллигенция, замкнутая в своем салонном мире, должна еще дотянуться до понимания «великой симфонии», творимой в неведомом мире народной жизни.

Трудно переоценить способность художника емко, стереоскопично охватывать жизнь, чему немало способствовало новое художественное сознание писателя, создававшего в своих произведениях сложный органический неореалистический синтез.

Итак, подводя итоги, можно заметить следующее. По верному наблюдению Л.А. Смирновой, прозе этого периода была присуща «редкая мыслемкость каждого звена повествования... любого изобразительного штриха, краски <...> Всюду (в неравной степени, конечно) проникновение в дисгармоничные реальные процессы слито с романтическим влечением к прекрасному» [9, с. 14–15]. Привлечение образа песни и пения в художественный мир произведений тоже способствовала такому эффекту. Кроме того, образ песни и пения в творчестве представленных художников Серебряного века имел разное смысловое значение, но в каждом случае свидетельствовал о стремлении авторов к максимально емкому использованию всей системы художественных средств для выражения через частное, сугубо индивидуальное, общезначимого, бытийного.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. Литературные очерки. О Борисе Зайцеве // РГАЛИ. Ф. 860. Оп. 1. Ед.хр. 12.
2. Архимандрит Киприан. Зайцев Б.К. // Возрождение. – Париж. – 1951. – № 17. – С. 160–161.

3. Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – М., 1949–1956.
4. Зайцев Б. Вечерний час // Зайцев Б. Собр. соч. – Т. IV. Усадьба Ланиных. – М., 1916–1918. – С. 118–135.
5. Захарова В.Т. Импрессионизм в прозе Серебряного века: моногр. – Н. Новгород: НГПУ, 2012. – 271 с.
6. Захарова В.Т., Комышкова Т.П. Неореализм в русской прозе XX века: типология художественного сознания в аспекте исторической поэтики: учеб. пособие. – Н. Новгород: НГПУ, 2008. – 113 с.
7. Коган П. Зайцев // Критический альманах. Кн. 1. б/г.
8. Полонский В. Борис Зайцев // РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 4. Ед.хр. 1.
9. Смирнова Л.А. Единство духовных устремлений в литературе Серебряного века // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – № 5–6. – С. 10–15.
10. Спиридонова Л.А. М. Горький: новый взгляд: монография. – М., 2004. – 264 с.
11. Шмелев И.С. Соч.: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1989.

Отражение философии даосизма в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»

В статье выявляются творческие установки писателя Евгения Германовича Водолазкина, анализируется образ главного героя, определяется своеобразие жанра «Лавра». Характер главного героя толкуется с точки зрения концепции даосизма.

This article dwells on the novel *Laurel* by Eugene Germanovich Vodolazkin. It begins with the author's motif of writing this novel and its genre features and tries to interpret the features of protagonist from the perspective of Taoism.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, роман «Лавр», интерпретация, читатель-автор, творческое чтение, культурные корни, даосизм, самоотречение, у-вэй, постижение дао, слияние с дао.

Key words: E. Vodolazkin, novel "Laurel", interpretation, implied reader, creative read, cultural background, Daoism, self-abnegation, wu-wei, cognition of Tao, in harmony with the great Tao.

Роман «Лавр» Евгения Водолазкина был удостоен престижных литературных премий 2013 года: «Ясная Поляна» и «Большая книга». И за год существования в публичном пространстве роман переведен в десятках стран [2]. Имя писателя стало широко известным. Успех Е. Водолазкина доказывает, что его шедевр «затрагивает какой-то важный нерв в современном мироощущении, отзывается на какую-то глубинную потребность» [1, с. 14]. Правда, наши современники осваивают космос. Но нам, как и средневековым людям в «Лавре», тоже предстоит решать вечные проблемы: зачем жить и зачем умирать, в чем смысл жизни и что будет после смерти? Ответы на эти вопросы совсем не зависят от технического прогресса и личного успеха (репутации, авторитета и достатка). Многие люди посвящают всю свою жизнь стремлению к общественному признанию, власти, славе, карьере и богатству. В нашем современном обществе ценность и смысл человеческого бытия определены внешними условиями, а не природой и сущностью человека. Наряду с этим широко пропагандируется культ успеха: «жизнь и телевизор заполонили люди, толком ничего не умеющие, профессиональные тусовщики, которые принялись утверждать новые законы бытия, конвертировать свою бездарность в новый стиль жизни» [5, с. 210]. Именно в связи с установившимся сегодня культом успеха Евгений Водолазкин, постигающий смысл жизни, создал положительно прекрасного человека Арсения, чтобы противопоставить его существующим идолам современности.

Чтобы выразить свой «протест в форме утверждения» [6, с. 20] и создать художественный мир, стоящий на почве, на которой живет идеальный человек (Арсений), Евгений Водолазкин выбрал житие – литературный жанр с высоким «коэффициентом истины». Так возникло созданное особыми художественными средствами современное повествование о судьбе человека, живущего в средневековой Руси. В нём объединены все известные на сегодня сюжетные элементы: вечная любовь, странствие в Иерусалим, легенда о конце света, философское размышление о жизни и смерти, об отсутствии времени, описание разных чудес. В их неповторимом сочетании и заключается причина популярности «Лавра» за границей. Мы имеем право считать, что увлекательный сюжет, совершенная композиция романа и его уникальный стиль привлекают внимание читателей с разными культурными корнями. Прочтя этот роман, читатели соприкоснутся с истинной правдой и с «ежедневной жизнь-жертвой» главного героя Арсения. О своём герое Евгений Водолазкин сказал так: «Я писал о человеке, который способен во имя другого человека отречься от себя» [4]. Хотя самоотречение Арсения читатели разных стран и культур понимают и толкуют по-разному.

Согласно теории интерпретации и понимания текста, литературное произведение таит в себе множество смыслов, явных и скрытых, создаваемых и неосоздаваемых писателем. А задача интерпретации заключается в том, чтобы придать высказыванию дополнительное, обнаружить скрытый смысл в контексте, обогатить истолкование текста. По мнению А.А. Потебни, содержание словесно-художественного произведения «развивается уже не в художнике, а в понимающих» [7, с. 181], заслуга художника состоит в том, чтобы известной гибкостью образа «возбуждать самое разнообразное содержание» [7, с. 182]. А такое содержание зависит от «читателя-автора» с определенным кругозором, вкусами и ожиданиями.

В отношении романа «Лавр», который уже стал популярным за рубежом, результат чтения больше всего зависит от культурных установок читателя. В свете европейских традиционных ценностей (человек, сопоставляющий себя с Богом как с идеальной точкой) «Лавр» может быть прочтен как роман о превращении врача в святого, о достижении вечности в слиянии с Богом. А для китайских читателей это роман о превращении обычного человека в Шэнжэня (совершенномудрого) и Шэньсяна (посвященного), о вечности в дао. Хотя даосизм рассматривается как одна из религий, большинство китайцев воспринимает и принимает даосизм как прагматическую философию, поскольку дао являет собой образ жизни. Даосизм как древняя философия предоставляет людям разум жизни. Его основная идея заключается в том, что дао – источник всех вещей, творец всего сущего, которое существует во взаимосвязи и взаимозависимости, ибо все возвращается в дао. Так же, как и всё существующее в мире, человек должен следовать естественной сути вещей – дао как всеобщему закону. Условием достижения дао является пребывание в недеянии (у-вэй).

У-вэй не обозначает полное бездействие, а деятельность в русле мировой гармонии и во избежание крайностей. Того, кто послушно следует естественному ходу вещей; того, кому свойственны скромность, бескорыстие, спокойствие, бесстрастность, нежелание вступать в противоборство с кем-либо, называют совершенномудрым (Шэнжэнь). Того, кто живет отшельником, кто сливается с дао, обладает чудодейственными свойствами и относится к своей смерти с равнодушием, называют посвященным (Шэньсян). Итак, смысл и цель жизни заключаются в том, чтобы постигать дао, следовать дао и в конечном итоге слиться с ним. Такое постижение, следование и слияние и проявляются в жизни Арсения. Рассмотрим подробнее его образ и роман «Лавр» в целом через призму концепции даосизма.

На основе своих исследований по средневековью Е. Водолазкин успешно создал главного героя с бесспорными достоинствами. По вине Арсения его любимая девушка Устина гибнет при родах, и он принимает решение отдать ей свою жизнь и прожить жизнь как бы вместо неё. Он меняет свое имя и совершает от имени возлюбленной добрые дела. Всю жизнь он ищет способ спасения души возлюбленной. Он три раза меняет свое имя: Устин, Амвросий и Лавр. С каждым переименованием меняется и его сюжетная роль в романе: врач-травник, юродивый, пилигрим, отшельник. Это жизненный путь Арсения. На взгляд Татьяны Морозовой, «путь Арсения будет пролегать по двум координатным осям: вертикальной, выражающей силу его любви, и горизонтальной, выражающей земной опыт и земное познание» [5, с. 211]. Горизонтальный путь Арсения – это его перемещение в пространстве: из Рукиной слободки в Белозерск, из Белозерска в Псков, из Пскова в Иерусалим, из Иерусалима в Псков, из Пскова в пещеры около Рукиной слободки. В его горизонтальном пути – отражение вертикального пути: превращение из врача, борющегося со смертью, в юродивого, жалеющего все человечество, животных и даже растения; из юродивого – в пилигрима, путешествующего в святой город Иерусалим; из пилигрима – в отшельника, соединенного с природой. В ряде превращений скрыт путь духовного развития Арсения: от обычного человека со страстью – к совершенномудрому с бескорыстием, бесстрастием, и, наконец, к посвященному, обладающему чудодейственными дарами и сливающегося с естественным дао.

С целью спасти Устину от ада Арсений вступает в битву с чумой, исцеляет людей, защищает от бесов население в Пскове. Он живет жертвенно, и «зачеркивает собственную личность, теряет ее, самоуничижается до крайних степеней» [6, с. 21]. Чтобы Господь судил Устину не по их делам, а по его жажде спасти ее, Арсений подавляет свои желания. Именно по этой причине он оставляет все, препятствующее ему жертвовать и отдаляющее его от Устины. В Белозерске Арсений живет у князя Михаила в роскоши, но чувствует себя слабее: он не может лечить больных, а через лечение больных осуществляется спасение Устины. В Белозерске Арсений встречает женщину Ксению с мальчиком, которого зовут Сильвестр. Арсе-

ний чувствует привязанность Сильвестра к себе как сына к отцу, чувствует он и любовь Ксении. С ними ему становится хорошо и радостно. Когда он замечает, что страсть к встречам усиливается, на него находит стыд. Боясь забыть свое истинное предназначение, Арсений отказывается от любви Ксении и уезжает из Белозерска. В отношении мирской жизни Арсений всегда придерживается убеждения: «Избыточность же порочна и приводит к духовному опустошению...» [3]. С нуждающимися людьми он разделяет хлеб и деньги. Так, он часто отдавал калачи, принесенные калачником Прохором. Приняв кошелек с серебром от посадника Гавриила, Арсений отдает деньги разорившемуся купцу Негоде, чтобы его семья не жила в голоде и холоде. Арсений считает, что «у человека много ненужного имущества и привязанностей, которые тянут вниз» [3]. Его отношение к материальной жизни соответствует учению даосизма, по которому стремление к имуществу и славе мешают человеку формировать моральные достоинства, совершать внутренние деяния на пути к свободе. Чтобы добиться настоящей духовной свободы, человек должен обладать такими добродетелями, как скромность, бескорыстие, спокойствие, бесстрастие. Все эти моральные качества найдем в образе Арсения, который, оставляя уют и отказываясь от зова плоти, посвящает всю жизнь нуждающимся и больным. Именно в этом выражается его самоотречение, приближение к дао.

Чтобы постигать дао, нужно жить без преднамеренности, следовать принципу у-вэй. Художественная трактовка у-вэй дана по принципу контраста. Например, боясь, Устина исчезнет так же внезапно, как пришла, молодой Арсений скрывает её в доме, не показывая никому. Он отказывается пригласить повитуху для Устины, именно его преднамеренность и эгоизм приводят к смерти любимой женщины. Зов совести и любовь к Устине заставляют Арсения выбрать другой путь, отличный от пути его кумира Александра, македонского царя. С детства Арсений любит читать о странствиях Александра и о виденных им диких людях, о его битве с персидским царем Дарием – обо всем этом он рассказывает Устине и Анастасии. И даже в конце жизни Арсений вспоминает странствие не свое, а Александра Македонского. Это указывает на то, что в сознании Арсения Александр Великий служит примером. Хотя композиционно образ последнего служит антитезой к даосской идее у-вэй.

Приведем очевидное сравнение Арсения с Великим Александром в тексте: «Александр был самозабвенным путешественником, и дорога сама расстилалась под его ногами. Иногда я чувствую себя Александром, сказал Арсений Устине. И дорога сама расстилается под моими ногами. И, подобно Александру, любовь моя, я не знаю, куда она ведет» [3]. Видно, оба они сомневаются в своем выбранном пути. «Александр лежит на железной земле под костяным небом. Ему тоскливо. Он не понимает, для чего были все его странствия. И для чего все завоевания» [3], а Арсений сомневается в том, «спасительна ли она (неизвестная дорога) для Устины?» [3]. Такое

сравнение есть и в подтексте. Александр Великий всю жизнь посвятил завоеванию славы и созданию империи, но «его империя распадется в одночасье» [3], как пепел, после его смерти, а Арсений провел всю жизнь в самоотречении. Хотя он всегда убегал от славы, но «слава его была велика. Она заполняла весь обитаемый мир, и он нигде не мог от нее укрыться» [3]. Предчувствуя смерть, Арсений зашел в церковь, мысленно завещая: «Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам» [3]. После его смерти это завещание было исполнено архиепископами и епископами. «К одному концу веревки подходит архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский Иона. К другому концу веревки подходит епископ Пермский и Вологодский Питирим. Они становятся на колени и беззвучно молятся» [3]. Такую славу Арсений завоевал не целенаправленно – она сама к нему «пришла», так как Арсений соблюдал принцип у-вэй – естественно и спонтанно действовать без преднамеренности. Согласно даосскому учению, у-вэй является лучшим способом реализации дао во внешнем мире. В юности сознательные побуждения Арсения лишили Устину жизни, а непреднамеренные действия снискали ему славу и способствовали постижению дао. Великий Александр достиг славы сознательными помыслами, и она исчезла с его гибелью. Не удивительно: его деяния не соответствовали всеобщему закону, противоречили естественному ходу вещей и нарушали гармонию в жизни чужого народа. Сильная жажда власти и славы заставили Александра проигнорировать истинный смысл жизни. Когда Лавр отвечает на вопрос Анастасии: «В чем была ее (жизни Александра. – С.Т.) историческая цель?», – он «неотрывно смотрит в глаза Анастасии и читает в них свои собственные вопросы. Наклонившись к уху спящей, Лавр шепчет: "У жизни нет исторической цели. Или она не главная. Мне кажется, Александр понял это только перед самой смертью"» [3]. По учению даосизма поступки должны быть бесстрастны, бесцельны – их истинная суть в самом процессе. Отсюда спонтанность – как принцип действия дао. Историческая же цель, напротив, предполагает неограниченное применение любого средства и способа, обеспечивающего возможность ее достижения. Это нередко ведет к заговорам, коварству, интригам. Таким образом, человек не может спонтанно и естественно жить, поэтому постепенно сам он становится средством и орудием достижения своей цели, превращаясь в раба власти, славы и денег. В отличие от своевольной деятельности Великого Александра, в квиетизме Арсения скрывается разум даосизма. В судьбе Арсения воплощается идея даосизма: «совершенному мудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится» [8]. В этой мудрости – вечная слава и заслуга Арсения.

Когда речь идет о бессмертии, нельзя не упомянуть проблему жизни и смерти. К смерти очевидно равнодушное отношение у Христофора, Лавра, старца Никандра, юродивого Фомы. Дедушка Христофор сказал Арсению, что люди «с даром рождения обрели дар смерти» [3]. Когда Арсений стал бояться смерти, старец Никандр его утешил: «...и не бойся смерти, потому что смерть – это не только горечь расставания. Это и радость освобождения» [3]. А когда Устина умерла, Никандр уговаривал Арсения отдать свою земную жизнь Устине, поскольку любовь сделала его с Устиной единым целым. С тех пор Арсений стал уверен в том, что «Устина жива, и дитя живо» [3]. Они существуют, только иным образом. В своем завещании Арсений настаивал на том, чтобы люди влекли свои тела в лес на съедение зверям. Все это соответствует даосским взглядам: смерть и жизнь взаимозависимы, они представляют собой различные формы бытия. Смерть – это конец отдельного человека, после смерти происходит переход жизни отдельного к части вечной вселенной. Человек наконец возвращается в источник всех вещей – дао. Постигнув суть жизни и смерти, «Арсений не собирался пребывать в теле вечно» и от этого «сам он не всегда понимал, какое время следует считать настоящим» [3]. Если смерть – это часть жизни, она входит в нее, то зачем нужно время, зачем волноваться за нехватку времени, за срок существования в бренном мире?

Преодоление тревог, вызываемых временем и смертью, способствует соединению человека со всем на свете, осуществлению гармонии. Следует подчеркнуть, что в тексте романа «Лавр» много эпизодов отсылают к концепции даосизма о соединении неба, земли и человека. По учению даосизма, человек не есть венец творения, он осмысливается как часть целостного вселенского организма. Человек гармонизирует земное и небесное. Поэтому ему надо научиться быть в мире не только с самим собой, но и с окружающим. Когда Арсений был мальчиком, дедушка, мудрец Христофор, ему рассказал, что «птицы, рыбы и звери во многом подобны человеку – мы учим друг друга», «до потопа люди не ели животных» [3], и животные любили людей. Они жили в ладу.

В тексте этот «лад» воспроизведен в эпизоде, когда старик, мальчик и волк втроем отправляются на поиски трав. При этом легко понять юродство Арсения в Пскове: он отказывается жить в монастыре, а на монастырском кладбище он «имеет себе одр землю, а покров небо» [3], кормит траву у своего «дома» и бродячих собак, потому что «понимал, что им тоже нужно есть» [3]. Собаки напоминают ему волка из его детства. «Когда они уходили, Арсений кричал им вдогонку слова прощания и просил передать Волку привет» [3].

В гармонии человека со всеми сущими – слияние со всеобщим законом. В даосизме тот, «кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [дао], а кто имеет страсти, видит только его в конечной форме» [8]. Человек, обладающий дао, может познать мир, не выходя со двора. Не выглядывая из окна, он может увидеть естественное дао.

После пострига у Арсения появляется новое имя – Лавр. Чтобы найти то место, где бы душа чувствовала покой, Лавр покидает монастырь. В лесу он странствует много дней, и, наконец, находит желанное место. Это пещера. В пещере Лавру «впервые со времени детства ему было так спокойно. Се покой мой в век века, повторял он про себя и удивлялся глубине своего покоя. Ему казалось, что он слышит источники вод под землей. Дыхание облаков в небесах. В прежней жизни с ним происходило много чего, но так или иначе все происходило на людях» [3]. Это соединение с природой, то есть с естественным дао, подразумевает, что Арсений осуществил слияние с дао, усвоив на всю жизнь всеобщий закон.

Итак, в глазах китайских читателей судьба Арсения – это процесс познания и постижения дао и, в конце концов, слияния с ним. Проникая в дао, Арсений отвратил свой взор от того, что рождает желание, подавил свои желанья, освободился от страсти и стремления к материальным вещам и таким образом сделал свое сердце пустым и открытым, прожил, естественно, нелегкую жизнь, в конце концов приобрел гармонию души и тела, слился с дао.

Художественный мир, созданный Е. Водолазкиным, предоставляет читателям разных стран возможность творческого чтения. В этом вымышленном мире различные читатели смогут найти знакомое и дорогое, а также восполнить скрытые смыслы. Для китайских читателей роман «Лавр» – это, прежде всего, история превращения главного героя из обыкновенного человека в Шэнжэня и Шэньсяна. Образ жизни Арсения, его самоотречение в очередной раз указывают нам на истинный смысл жизни. «Верующие, и атеисты решают одни и те же проблемы и отвечают на сходные вопросы. О сущности, а значит, о смысле жизни» [4]. В этом, на наш взгляд, и заключается главная причина популярности «Лавра» во всем мире сразу после публикации романа. Хочется верить, что с ростом его популярности образ Арсения сможет привлечь внимание всех, кто заинтересован в современном художественном решении вечного вопроса о смысле жизни.

Список литературы

1. Вежлян Е. Присвоение истории // Новый мир. – 2013. – № 11. – С. 12–17.
2. Водолазкин Евгений. Финалисты восьмого сезона Большой книги ответят на вопросы читателей. – [Электронный ресурс]: <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=16973>
3. Водолазкин Евгений. Лавр. – [Электронный ресурс]: <http://bookmate.com/r#d=Lsq5BXWC>
4. Интервью с Евгением Водолазкиным – автором самого яркого русского романа последних лет. – [Электронный ресурс]: <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=17818>
5. Морозова Татьяна. Евгений Водолазкин. Лавр // Знамя. – 2013. – № 4. – С. 210–213.
6. Токарева Марина. История человека важнее истории человечества // Новая газета. – 2013. – № 109. – 30 сент. – С. 20–21.
7. Потебня А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – 613 с.
8. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. – М., 1950. – [Электронный ресурс]: <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>

**Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II:
между консерватизмом и модерном**

В статье на материале произведений немецкого натурализма, экспрессионизма и поэтического реализма исследуется литературный образ Берлина как исторически первого немецкого мегаполиса. Дается подробный анализ пространственных параметров в «берлинском» романе Теодора Фонтане «Поггенпули». Делается вывод о пространственной открытости и многоуровневой коммуникативности как основе образа Берлина у Фонтане.

In this paper we investigate the literary image of Berlin as historically the first German city in the era of Kaiser Wilhelm II on the material of German naturalism, expressionism and poetic realism. Provides a detailed analysis of Theodor Fontane's novel "Poggenpuhls", in which the space of Berlin presents itself in the parameters of transparency and multi-level communicative.

Ключевые слова: эпоха кайзера Вильгельма Второго, литературный образ Берлина, урбанизм, натурализм, экспрессионизм, поэтический реализм, Теодор Фонтане.

Key words: the era of Kaiser Wilhelm II, the literary image of Berlin, urbanism, naturalism, expressionism and poetic realism, Theodor Fontane.

Рост городов и параллельное осознание их культурной значимости как «лабораторий» выработки новых форм культуры, стоящих под знаком модерна, – один из важнейших признаков эпохи конца XIX – начала XX века. Литература *fin de siècle* интенсивно отзывается на данные процессы. Повествовательная проза именно в означенное время с особенной остротой осознает, что «город – романен», что он «и есть наиболее естественная среда, где ... тайна романа может наглядно воплотиться» [6]. Одновременно европейская лирика приобретает параметры «мистического урбанизма» (выражение Б. Пастернака, обращенное в термин В.В. Ивановым [4, с. 178]). Берлин становится объектом и порождающей средой литературного урбанизма в эпоху кайзера Вильгельма, о чем трактуется в обширной литературе вопроса [29].

Главными «застрельщиками» темы мегаполиса в немецкой литературе конца XIX – начала XX века справедливо считаются натуралисты и экспрессионисты. Специфика их берлинских образов достаточно хорошо изучена [10; 29]. В то же время «модерная» специфика урбанистических образов «реалиста» Теодора Фонтане пока еще не вполне осознана. Главная задача настоящей статьи – представить образ Берлина, в соотнесенно-

сти с версий «натуралистической», «экспрессионистической» и «реалистической». Возможно предположить, что записной «реалистический» текст способен оказаться не менее, а подчас и более релевантным в освоении специфической мегаполисной структурности, нежели мифологизирующие и антропоморфизирующие «город-молоч» урбанистические реплики представителей более «модерных» литературных течений.

«С одной стороны, все те же хорошо известные немецкие родовые пороки: реакционность, авторитаризм, милитаризм; с другой стороны, – не менее хорошо известные высшие достижения по части экономики и организации и модернизм, проявившийся как в политической сфере, так и в индустрии» [29, с. 10]. Противопоставляя «авторитаризм» («реакционность») модернизму, современный немецкий историк Вольфганг Кольрауш указывает на ключевые тенденции так называемой «вильгельминской эпохи» (*wilhelminische Ära, wilhelminische Zeit*). Начинается этот период германской истории в 1890 году с отправки Отто фон Бисмарка в отставку с поста государственного канцлера: шел как раз второй год правления 31-летнего кайзера Вильгельма II, – и заканчивается он отречением этого последнего от престола в 1918 году.

Амбивалентность культурно-исторического облика эпохи связывают в немалой степени с противоречивостью фигуры самого Вильгельма. Довольно богатый иконографический ряд создает представление о последнем немецком кайзере как о «воинственном, чтущем традицию, не чуждым мании величия монархе, который в своей белой гвардейской униформе, блестящих нагрудных латах и помпезном шлеме с навершием в виде орла, производит впечатление фигуры, относящейся скорее к XVI, нежели к XX веку» [29, с.10]. Однозначно к веку XX относилось, однако, использование новых медийных способов репрезентации и мультиплицирования данного – архаического по сути – имиджа кайзера, с целью транслировать его на возможно более широкие слои имперской публики: фотография, газета, кинематограф. Фотографические портреты Вильгельма активно распространяются в массах главным образом в виде открыток. Мы имеем дело, таким образом, по ироническому замечанию историка Клауса-Дитера Поля (перефразировавшего название известного эссе Вальтера Беньямина) с «кайзером в эпоху его технической воспроизводимости» [28]. И одновременно, по ироническому замечанию другого историка, Мартина Лойпердингера, с «первой немецкой кинозвездой» [24], ибо Вильгельм активно тиражирует свой имидж также и посредством кинохроники.

Подобный же сложный конгломерат старого и нового являет собой и любимое детище Вильгельма – имперская столица город Берлин. Его стремительный экспандирующий рост – одно из ярчайших выражений экономического бума эпохи грюндерства – начинается сразу после объединения Германии в 1871 году. К 1910 году народонаселение прусской столицы увеличивается ровно в два с половиной раза, достигнув отметки в

два миллиона человек. Берлин становится третьим по численности городом Европы после Лондона и Парижа [15].

Оглядка на французскую столицу была принципиально важна. Именно план барона Жоржа Эжена Османа (1809–1891) по переструктурированию в Париже – исходя из потребностей мегаполиса – генеральных линий застройки как старого городского центра, так и окраин – стал той матрицей, в ориентации на которую модернизировался и Берлин. Правда, в соответствии с планом «немецкого барона Османа» по имени Джеймс Фридрих Лудольф Гобрехт (1825–1902), модернизация столицы – постройка новых вокзалов, широких выездных магистралей, соединение и спрямление улиц в старых кварталах, возведение универмагов и пассажей, прокладка трамвайных путей – производится в гораздо более сжатые сроки [15].

Последнее обстоятельство, к слову сказать, существенно затрудняет, а по сути – делает невозможным появление в берлинском культурном контексте и, в частности, в литературе фигуры, аналогичной бодлеровскому фланеру – главному носителю урбанистической рефлексии и выразителю «модерных» интенций в Париже второй половины XIX века [1, с. 18; 8; 9; 16]. Во французской столице благоприятные условия для фланирования – не связанного определенной целью пешего передвижения в городской среде – складывались уже начиная с конца XVIII века, если вспомнить пространство Пале-Рояля, вызвавшее в 1789 году столь восторженную реакцию русского путешественника Николая Карамзина [2]. Этот пригодный для пеших прогулок ареал был существенно расширен в первой трети XIX века с возникновением первых пассажей. Единственные же два берлинских пассажа возникают, напротив, уже довольно поздно. В новом Берлине с самого начала отдают предпочтение постройке крупных универмагов (Warenhäuser), а вильгельминские широкие проезды магистралей, такие как Лейпцигер- и Фридрихштрассе изначально сориентированы на передвижение по ним больших потоков транспортных средств, при минимализации пространства, отведенного пешеходам. Данное обстоятельство, наряду с исконно немецкой протестантско-буржуазной в своей основе подозрительностью по отношению к празднующимся субъектам, и затруднило, как считает Гаральд Ноймайер, автор специального исследования о фигуре фланера в европейской литературе [27], появление подобного антропологического типа в Берлине.

Имперские, в том числе и колониальные амбиции кайзера находят свое символическое воплощение во внешнем архитектурном облике нового Берлина, в частности – в избытке масштабных репрезентативных сооружений, таких, например, как возведенное в 1884–1894 годах под личным контролем Вильгельма здание рейхстага (архитектор Пауль Вальлот). Перегруженность внешним декором новых берлинских построек – самого рейхстага, новой ратуши, вокзалов, церквей – производит, по аналогии с самой усиленно реанимируемой этим символическим рядом имперской идеей, впечатление скорее архаизирующее. Неслучайно поэтому

появление в историко-архитектурных описаниях вильгельминских построек таких терминов, как «неоренессанс» и «необарокко» [26, с. 278–321].

Барочно-ренессансные ассоциации, однако, остаются на уровне фасадов и парадных интерьеров данных зданий. По части же инфраструктуры – во всем, что касается строительных материалов и технологий, – данные постройки соответствуют последнему слову науки и техники. Тем более «модерный» – в смысле «модернизированный» – облик придает имперской столице современные транспортные коммуникации. Архаизированный образ кайзера Вильгельма Второго своеобразно «уравновешивается» на весах истории фигурой застрельщика технического прогресса Вернера фон Сименса (1816–1892). Недаром начало вильгельминской эпохи – 1890 год – это и год основания в Берлине концерна по производству электротехнического и телеграфного оборудования «Сименс и Хальске», в союзе с AEG (Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft). Именно с деятельностью Сименса связаны в конце 1880–1890-х годов прокладывание и пуск трамвайных путей, а в 1890–1900-е годы – берлинского метро, первая линия которого была запущена в 1902 году. Конка, существовавшая в Берлине до начала нового века, последовательно вытесняется новыми видами городского сообщения.

В тот же знаменательный 1890 год литература начинает воспринимать построение художественного образа нового Берлина в качестве своей ближайшей непосредственной задачи. Подобная проблема отчетливо формулируется, например, в эссе писателя-натуралиста Вильгельма Бёльше (Wilhelm Bölsche, 1861–1939) «Поэзия большого города»: «Вырванный из целого, он [гигантский панцирь вокзала на Александрплатц. – *Л.П.*] представляется безобразным. Безобразны высотные дома-новостройки, бесконечные улицы, отменно безобразны жерди электрических фонарей на Лейпцигерштрассе <...однако> как часть целого, ... как выражение восходящего движения культуры мне все это представляется великим, возвышенным, прекрасным» [12, с. 256].

В основание эстетики большого города и оригинальной литературной поэтики городской среды, как можно вывести из приведенной цитаты, должны быть положены параметры не классически прекрасного, но возвышенно-прекрасного. Тем самым большой город как феномен и, в частности, Берлин уравнивается с такими, по Канту, «возвышенно-прекрасными» явлениями, как океан или горы.

«Endlos ausbreitest du, dem grauen Ocean gleich // Den Riesenleib» («Бесконечно распространяешь ты, подобно серому океану // гигантское тело») – сравнение города с океаном открывает, например, достаточно парадигматичное для натуралистической лирики стихотворение Юлиуса Гарта «Берлин» (1898) [21, с. 5–7]. Данный текст, в контексте многих других (ср., например, также стихотворение Бруно Вилле «Улица» (1890): *An duster ragenden Häserwällen*) [21, с. 60–61], свидетельствует о том, что феномен города осваивается представителями натурализма преимущественно

посредством природных метафор и аллегорий, заимствуемых из прежних поэтических описаний природы (Naturpoesie). У Гарта описан взгляд на Берлин как на гигантский город-монстр с высоты птичьего полета, взгляд, как будто продуцированный неким абстрактным глазом, отдельным от какого бы то ни было антропологически достоверного носителя [30, с. 72–78].

Если же носитель взгляда вдруг погружается в гущу городской среды с порождаемым ею избытком впечатлений, как в стихотворении другого представителя натуралистического цеха Арно Гольца (1863–1929) «Утро большого города» («Großstadt Morgen», 1886), типичным для лирического Я становится ощущение беспомощности и слабости (Ohnmacht), о котором в связи с эффектами большого города упоминает, кстати, и Бёльше в своем эссе. Естественное продолжение подобной реакции – импульс «прочь из этого ада», из города-молоха на лоно природы или в контекст сельской идиллии, исполненной «стрекотания кузнечиков и порхания жаворонков» («voll Grillengezirp und Lerchengewimmel») [20], реконструируемой как минимум в форме воспоминания или видения. Собственно, в реальных биографиях натуралистов этот вектор движения прочь из берлинских Содома и Гоморры также отчетливо прослеживается: даже те из них, кто изначально жил ближе к центру города, постепенно перебираются в предместья и пригороды Берлина, и таковое бегство приобретает подчас окраску почти мистическую [30, с. 24–27].

Уже Бёльше в своем эссе усмотрел в видении дымящихся берлинских заводских труб на фоне полыхающего заката «нечто демоническое», начисто лишенное даже намек на «здоровую романтику». От данного почти апокалипсического образа городского «заката-пожара» совсем близко до ницшевского проклятия, произнесенного устами Заратустры: «Горе этому большому городу! И мне хотелось бы уже видеть огненный столб, в котором сгорит он!» [5, с. 126]. Ницшевская критика большого города как «большой свалки, где пенится всякая накипь» [5, с. 126–127] вообще была близка натуралистам, с одной стороны, остро ощущавшим очарование Großstadt, однако, в то же время, осмыслявшим данный феномен скорее в отрицательных – демонизирующих, мифологизирующих и, соответственно, архаизирующих – параметрах.

Проницшеанская демонизация большого города показательна и для следующего – экспрессионистского поколения берлинских литераторов, если вспомнить, например, знаменитое стихотворение Георга Гейма «Бог города» («Gott der Stadt», 1910) [18]. Однако у экспрессионистов в меньшей мере делается ставка на идиллический, природный противовес «демону города». Напротив, ключевой задачей своей поэзии они делают именно художественное «оформление переживаний интеллектуала-горожанина», как подчеркивает Курт Хиллер в первом экспрессионистском манифесте «Die Jüngst-Berliner» 1911 года [19, с. 234]. В плане поэтики лирическая продукция экспрессионистов строится на изобретенном ими авангардном «стиле рядоположенности» (Reihungsstil), в основе которого – так называемая

«симультанная техника» (Simultantechnik) [14, с. 20–24; 10, с. 175–180; 31, с. 30–40]. Этот стиль и эта техника, действительно, предлагают конкретный художественный инструментарий освоения большого города, самим же городом и порожденный. Ведь, читая берлинские стихи Альфреда Лихтенштейна, такие как «Die Nacht» («Verträumte Polizisten watscheln bei Laternen // Zerbrochne Bettler meckern, wenn sie Leute ahnen. // An manchen Ecken stottern starke Straßenbahnen»), «Punkt», «Gegen Morgen», «Capriccio» [23], или Эрнста Бласса («An Gladys», «Abendstimmung») [11], мы узнаем в выстраиваемых в одну линию обрывках впечатлений не только влияние новых медиа, таких как кино и фотография, а также стиля газетных заголовков, но и непосредственное воздействие динамичности и внезапности впечатлений, показательных для жизни крупного города [31, с. 123–132]. Эти впечатления, однако, не сводятся у экспрессионистов в синтетической единой личностной перспективе, так что в результате не улица «вбирается» в себя лирическим субъектом, но скорее наоборот – телесный субъект прохождения по городскому пространству и носитель данной фрагментированной антропологической рефлексии поглощается городом, улицей и растворяется в них.

Между тем автономная личностная установка для выработки современного чувства большого города принципиально важна. Именно ее имеет в виду современник вильгельминской эпохи философ и социолог Георг Зиммель в своем известном эссе 1903 года «Большие города и духовная жизнь» („Die Großstädte und das Geistesleben“), когда отмечает, что большой город «доставляет индивиду такую личную свободу и в таких больших размахах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области» [3]. Означенная личностная свобода обитателя мегаполиса далее, по Зиммелю, «зависит не от одних только непосредственных наглядных признаков большого города, не от одной только обширности территории и не от одного только огромного числа его жителей» [3]. Соответственно, самым важным в современном городе оказывается некая нематериальная субстанция, лежащая за пределами его «физических границ» и обладающая «функциональным значением». Эта субстанция недаром сопоставляется Зиммелем с кругооборотом денег в экономике. Она есть производное от той динамической – коммуникационной в своей основе и по большому счету морально и ценностно индифферентной (интеллектуалистичной, «расчетливой»), – инфраструктуры или инфраструктурности, каковую в чистом виде и являет собой, по Зиммелю, большой город. Подобная установка с неизбежностью предполагает, как подчеркивает социолог, «атрофию индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии <культуры> объективной» [3]. Наглядным примером подобной, позитивно переживаемой «чужой», но не отчуждающей городской многоголосицы выступала для Зиммеля одна из наиболее оживленных площадей Берлина. «В одном из писем он [Зиммель. – Л.П.] писал своему другу о *Potsdammerplatz* в Берлине, вспоминал какофонию языков, которые он слышал, странные ко-

стюмы людей на большой площади ... Сила чуждости имела смысл во времена Зиммеля ... Чуждость как инаковость – это та сила, которую Зиммель превозносил в городах. Подобно Джойсу или Прусту, Зиммель считал чужака носителем новой свободы» [7, с. 96].

Именно автономная субъективная рефлексия, эстетизирующая не отдельные эффекты новой берлинской инфраструктуры, но само явление городской инфраструктурности – транспортной ли, информационной ли, – мы находим – достаточно неожиданно – в творчестве немецкого «поэтического реалиста» Теодора Фонтане (Theodor Fontane, 1819–1898).

Одним из важнейших моментов, «выделявших» Фонтане на фоне других реалистов и сближавших его с представителями новых течений, было само его место жительства – Берлин. Фонтане явно иронизирует над привязанностью своих коллег-реалистов, в частности, Теодора Шторма (Theodor Storm, 1817–1888) и Вильгельма Раабе (Wilhelm Raabe, 1831–1910), к жизни в небольших провинциальных городках, когда замечает в одном из писем о распространенном среди немцев представлении, «будто бы Хузум, Хайлигенштадт или фамильные ходики моей бабушки (meiner Großmutter alter Uhrkasten) – это и есть весь мир» [цит. по: 17, с. 469]. Сам же писатель однозначно делает выбор в пользу Берлина. Показательны его рассуждения в одном из писем (к Паулю Гейзе от 28 июня 1860): «У меня с течением лет, особенно с тех пор как я пожил в Лондоне, появилась потребность обитать в крупном центре <...>, в месте, где совершаются решающие события. Какие бы шуточки ни отпускали насчет Берлина, <...> факт остается фактом: то, что здесь происходит или не происходит, напрямую связано с великими мировыми свершениями. Для меня стало насущной необходимостью наблюдать этот размах, находясь в непосредственной близости от него...» [цит. по: 17, с. 469].

Берлин был для Фонтане средоточием биографических связей и творческих контактов, главным источником художественных импульсов и предпочтительным местом действия лучших его романов. Этот автор практически одновременно с натуралистами и на полтора десятка лет раньше экспрессионистов открывает для немецкой литературы Берлин (или, согласно известной фразе Эриха Кестнера, – «заново создает» [цит. по: 25, с. 189] этот город в своих произведениях) в качестве современного урбанистического пространства. В романах «Пути-перепутья» („Irrungen, Wirrungen“, 1888), «Стина» („Stine“, 1890), «Госпожа Женни Трайбель» („Frau Jenny Treibel“, 1893), «Штехлин» („Der Stechlin“, 1899), в берлинских эпизодах самого известного его творения – романа «Эффи Брист» („Effi Briest“, 1896) – находим массу признаков новой урбанистической среды – трамваи, электричество, телеграф, коммерческие рекламные щиты. Особенно показателен один эпизод из предпоследнего романа Фонтане – «Поггенпулы» („Die Poggenpuhls“, 1896).

Один из его персонажей отставной генерал Погге фон Поггенпул, постоянно живущий в богатом поместье в Силезии и лишь изредка наезжа-

ющий в столицу, объясняет своим племянникам, чем ему так дорога городская среда, которую он любит наблюдать из окна гостиницы «Фюрстенгоф» на Потсдамерплац: «И когда вот так высунешься утром в окно <...>, и свежий зимний ветерок задувает откуда-то со стороны Галлишес Тор <...> и видишь кафе Бельвю и Йости прямо перед собой, Йости с этой их стеклянной пристройкой, где народ уже с раннего утра сидит и читает газеты, и конки и омнибусы летят со всех сторон, и кажется, что они всякую минуту могут столкнуться, и между ними снуют туда-сюда продавщицы цветов <...>, и в дополнение ко всему этому шуму и сумятице разносчики газет вдруг начинают завывать про экстренный выпуск, не хуже пожарной сирены в добрые старые времена, да еще так заунывно, будто конец света настал, – так вот, дети мои, когда я все это вижу и слышу, мне становится хорошо на душе, и я понимаю, что вот я снова среди людей, и я ни за что не хотел бы от этого отказаться» [13, с. 49].

Упомянутый Зиммелем в письме Потсдамерплац, знаменитое место скрещения пяти проездных улиц, создающее эффект «транспортного хаоса», привлекал также внимание экспрессионистов (ср., например, стихотворения: René Schickele „Der Potsdamer Platz“, 1910; Paul Boldt „Auf der Terrasse des Café Josty“, 1912; Iwan Goll „Hedwig Warmbier, Blumenfrau auf dem Potsdamer Platz“, 1919), однако у них этот берлинский локус с неизбежностью явлен в гораздо более материальном и скорее «пейоративном» изводе: машины, грязь, витрины магазинов, люди. У Фонтане Потсдамерплац, как и Берлин в целом, тоже связаны с материей – но это позитивно понимаемая материя «жизни» как таковой: «... я отдаю предпочтение Потсдамерплац, поскольку на нем более всего жизни. А жизнь – это, как ни посмотри, – лучшее, что есть в большом городе» („... ich ziehe den Potsdamer Platz vor, weil da das meiste Leben ist. Und Leben ist nun mal das Beste, was eine große Stadt hat“, – замечает генерал) [13, с. 49]. Важно также то обстоятельство, что жизнь эта предстает у писателя-реалиста не столько в виде конкретной предметной субстанции (у экспрессионистов, скорее, пугающей и отталкивающей), сколько в качестве совокупности оптических и акустических эффектов, репрезентирующих тот самый анализируемый Г. Зиммелем мегаполисный континуум – как динамическое, всесторонне пронизываемое пространство коммуникации (непосредственно-«человеческой», транспортной и медийной).

Список литературы

1. Беньямин В. Париж, столица девятнадцатого столетия // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – С. 3–32.
2. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М.: Наука, 1984. – 727 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. // Логос. – 2002. – № 3. – С. 1–12. – [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim-pr.html> (дата обращения: 19.05.2014).

4. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М.: Языки славянских культур, 2007. – Т. 4: Системы культуры, искусства и наук. – С. 165–179.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 5–237.
6. Оже М. От города воображаемого к городу-фикции. – [Электронный ресурс]: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 19.05.2014).
7. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие / пер. с англ. // Логос. – 2008. – № 3(66). – С. 95–107.
8. Симбирцева Н.А. Фланер как интерпретатор текста культуры // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – [Электронный ресурс]: www.science-education.ru/105-6959 (дата обращения: 19.05.2014).
9. Трубина Е. Город в теории: опыт осмысления пространства. – М.: НЛЮ, 2011. – 520 с.
10. Anz Thomas. Literatur des Expressionismus. – 2. Aufl. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 2010. – 271 S.
11. Blass Ernst. Gedichte. – [Электронный ресурс]: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5161/1> (дата обращения: 19.05.2014).
12. Bölsche Wilhelm. Poesie der Großstadt // Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur / hrsg. von Manfred Brauneck und Christine Müller. – Stuttgart.: Metzler, 1987. – S. 253–259.
13. Fontane Theodor. Die Poggenpuhls. – Berlin: Verlag der Nation, 1977. – 101 S.
14. Gedichte des Expressionismus / hrsg. von W. Große. – Stuttgart: Klett, 1992. – 108 S.
15. Goebel Benedikt. Der Umbau Alt-Berlins zum modernen Stadt-Zentrum. Planungs-, Bau- und Besitzgeschichte des historischen Berliner Stadtkerns im 19. und 20. Jahrhundert. – Berlin: Braun, 2003. – 554 S.
16. Goebel Rolf J. Medienapparaturen und Großstadttopographie bei Walter Benjamin // Euphorion. – 105 (2011). – S. 187–201.
17. Grawe Christian. Der Fontanesche Roman // Fontane-Handbuch / hrsg. von Ch. Grawe und H. Nürnberger. – Tübingen: Alfred Körner Verlag, 2000. – S. 466–488.
18. Heym Georg. Gott der Stadt. – [Электронный ресурс]: <http://www.lyrikwelt.de/gedichte/heymsg Georg1.htm> (дата обращения: 19.05.2014).
19. Hiller Kurt. Die Jüngst-Berliner // Die Berliner Moderne. 1885–1914 / hrsg. von Jürgen Schutte. – Stuttgart: Reclam, 1987. – S. 230–237.
20. Holz Arno: Grosstadtmorgen. – [Электронный ресурс]: http://www.teachsam.de/deutsch/d_literatur/d_aut/holz/holz_lyrik_txt_2.html (дата обращения: 19.05.2014).
21. Im steinernen Meer: Großstadtgedichte / hrsg. von Oskar Hübner. – Berlin-Schöneberg: Hilfe, 1910. – 200 S.
22. Kohlrausch Martin. Der Monarch im Skandal. Die Logik der Massenmedien und die Transformation der wilhelminischen Monarchie. – Berlin: Akademie-Verlag, 2005. – 536 S.
23. Lichtenstein Alfred. Gedichte. – [Электронный ресурс]: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5161/1> (дата обращения: 19.04.2014).
24. Loiperdinger Martin. Kaiser Wilhelm II. Der erste deutsche Filmstar // Koebner, Thomas (Hrsg.): Idole des deutschen Films. Eine Galerie von Schlüsselfiguren. – München: Ed. Text+Kritik, 1997. – S. 41–53.

25. Lühe Erwin von. Fontanes Berlin // Orte der Literatur / hrsg. v. W. Frick. – Göttingen: Wallstein, 2003. – S. 189–206.
26. Milde Kurt. Neorenaissance in der deutschen Architektur des 19. Jahrhunderts: Grundlagen, Wesen und Gültigkeit. – Dresden: Verlag der Kunst, 1981. – 358 S.
27. Neumayer Harald. Der Flaneur. Konzeptionen der Moderne. – Freiburg im Breisgau: Königshausen und Neumann, 1999. – 420 S.
28. Pohl Klaus-Dieter. Der Kaiser im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Wilhelm II. in Fotografie und Film // Wilderotter Hans (hrsg.) Wilhelm II im Exil. – Gütersloh: Bertelsmann-Lexikon-Verl., 1991. – S. 9–18.
29. Polaschegg Andrea. Auferstanden aus Ruinen. Die diskursive Babylonisierung Berlins im frühen 20. Jahrhundert // Zeitschrift für Germanistik. – 2011. – Bd. 21. – H. 3. – S. 462–479.
30. Stöckmann Ingo. Naturalismus: Lehrbuch Germanistik. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 2011. – 198 S.
31. Vietta Silvio, Kemper Hans-Georg. Expressionismus. – 6. Aufl. – München: Fink, 1997. – 464 S.

Персонаж и его пространство в рассказе Иво Андрича «Кафе "Титаник"»

В статье приведен анализ структуры художественного пространства в рассказе Иво Андрича «Кафе "Титаник"», посвященном ситуации на Балканах во время Второй мировой войны. Основное внимание в исследовании уделяется особенностям хронотопа, находящегося в тесной связи с образом главного героя рассказа.

The article analyses the structure of the fictional space as it appear in the Andrich's short story dedicated to the life of common Balkan people during the World War II. The research puts an accent on the peculiarities of the chronotope which is closely related to the figure of the main character of the story analyzed.

Ключевые слова: славянские литературы, сербская литература, проза, рассказ, хронотоп, художественное пространство, персонаж.

Key words: Slavic literature, serbian literature, prose, short story, chronotope, fictional space, character.

Иво Андрич (1892–1975) – один из крупнейших представителей южнославянского реализма XX века, чьи произведения переведены на многие языки, лауреат Нобелевской премии в области литературы.

XX век в литературе южнославянских народов ознаменовался появлением плеяды выдающихся творцов, таких как Иван Цанкар, Мирослав Крлежа, Милош Црњанский, Меша Селимович, Милорад Павич, Горан Петрович. Однако именно Андрич наиболее полно и глубоко выразил трагизм существования «малых народов», обреченных повиноваться воле крупных государств и быть жертвами мировых исторических катаклизмов.

Творческое наследие Андрича велико по объему и разнообразно в жанровом отношении. Он является автором стихотворений в прозе, эссе, путевых заметок, рассказов, повестей и романов. Традиционно большее внимание исследователей литературы уделяется романному наследию Иво Андрича как главной части его творчества. Получение автором в 1961 году Нобелевской премии, принесшей ему всемирную известность, было связано именно с признанием мировой общественностью дара эпического повествователя, нашедшего свое отражение в исторических романах.

Вместе с тем, Иво Андрича по праву можно назвать одним из крупнейших югославянских рассказчиков XX века. Малая проза – жанр, к которому Андрич не однажды обращается на своем творческом пути, превосходящий по объему все остальное художественное наследие писателя, наиболее органичный для автора. К созданию произведений в жанре

малой прозы Андрич обращается в 1920 году, когда в свет выходит первый его рассказ «Путь Алии Джержелеза». Этот рассказ Андрича во многом определил дальнейшее направление развития его творчества и наметил характерные черты творческой индивидуальности автора. Обращение к жанру малой прозы не было для Андрича случайностью, а стало закономерным следствием поворота в его мировоззрении от модернистской эстетики к объективной реальности. В качестве основной для своего творчества малой прозаической формы писатель выбрал рассказ новеллистического типа, то есть такой, содержание которого может группироваться вокруг единственного события, происшествия. Автор концентрирует внимание читателя на отдельном эпизоде, что позволяет выдвинуть на первый план сам конфликт, лежащий в основе произведения, максимально освободив его от авторских обобщений. Сам Иво Андрич отмечал, что «как бы ни было объемисто, и богато, и разнообразно произведение, над которым трудится писатель, как бы ни уходили ввысь и вширь его замыслы, он остается прикованным к частностям – конкретному явлению, конкретной личности, конкретному слову» [1, с. 261]. В подобном обращении к конкретике, в изображении общего через частное, Андрич видит залог спасения писателя от размытых безликих образов, губящих произведение. Только точные и верные детали, по его мнению, способны ощутимо усилить и прояснить целостную, объективную картину. Именно максимальная объективность в изображении общечеловеческих вневременных проблем неоднократно отмечалась исследователями творчества Андрича как одна из основных характеристик его новеллистики и центральное понятие его философской картины мира.

Отметим, что в качестве времени действия большинства своих произведений данный писатель обычно выбирал достаточно отдаленное прошлое своего родного края. В подобной дистанцированности писатель видел залог объективности и возможность вывести проблематику произведения на более универсальный, общечеловеческий уровень. Вероятно, поэтому во время Второй мировой войны, находясь в оккупированном фашистами Белграде, Андрич создает крупнейшие свои произведения – романы, получившие всемирное признание, при этом намеренно обратившись к изображению времен средневековой Боснии. Это позволяет писателю продемонстрировать, что ход времени не меняет вопросов, стоящих перед человечеством. Тем не менее, Иво Андрич не смог остаться в стороне от событий, происходящих на его родной земле, и они нашли свое место в творчестве прозаика.

Рассказ «Кафе «Титаник», написанный Андричем в 1950 году, повествует о событиях недавнего прошлого Югославии. В присущей ему манере Андрич описал в рассказе пробуждение фашизма на Балканах в начале Второй мировой войны. Рассказ повествует о трагической гибели сараев-

ского еврея Менто Папо от руки его земляка, усташа¹ Степана Ковича во время Второй мировой войны. Допрос и убийство Менто являются центральным эпизодом, вокруг которого построено произведение, тем самым конкретным событием, детальное изображение которого Андрич считает основой новеллы и залогом объективности. Временная структура выстроена таким образом, что к событийному времени, условному настоящему данной новеллы, относится только единственная центральная сцена. Подробно и последовательно, без значительных темпоральных смещений, автор изображает единственный вечер в конце 1941 года, когда два героя, одному из которых суждено стать палачом, а другому – жертвой, встречаются в питейном заведении с гордым названием «Титаник». Отметим, однако, что временной план рассматриваемого рассказа гораздо шире, что напрямую связано с авторской задумкой. Эпизод допроса и убийства автор помещает в финал произведения. Основная же его часть, достаточно объемная, повествует о судьбе героев, приведшей их к трагическому событию. Автор ретроспективно показывает читателю те пути, которыми герои шли навстречу друг другу на протяжении своих жизней, во всей полноте раскрывая образы и характеры персонажей и их непростые судьбы.

Главный герой рассказа «Кафе «Титаник» – Менто Папо – сын мелкого торговца, владеющий небольшим питейным заведением. По национальности Менто Папо – еврей, тем не менее, в сараевской сефардской общине Менто считают пропащим человеком – он не похож на достойных представителей диаспоры: любит выпить, склонен к азартным играм, сожительствует с женщиной крестьянского происхождения. Папо чрезвычайно беден, едва сводит концы с концами, его кабачок «Титаник» грязен, убог и запущен. В юности Менто был учеником коммерческого училища, но проявил себя как бездельник и связался с дурной компанией. Старания родителей и собратьев по религии, стремящихся вернуть молодого человека на путь истинный, не увенчались успехом, и еврейская община признала его лишним человеком, вырождаком. Осознав, что он не имеет никакого сходства с людьми, среди которых вырос, Менто сам не поддерживает никаких связей ни с еврейской общиной, ни с семьей, ни со всеми теми людьми, от которых откололся.

Отделившись от диаспоры, Менто Папо погружается в жизнь сараевского кабацкого мира, наполненную пьянством, проблемами с властью, разгулом и постоянной нехваткой денег. Однако, попав в иную, неродную для себя, общность, Менто ведет жизнь, которая «была действительно странной даже для этой среды, изобилующей странными судьбами» [1]. Завсегдатаи питейных заведений Сараево, так же, как и евреи-сефарды, не

---

¹ Усташа – националистическая сепаратистская организация хорватских фашистов. После захвата Югославии в 1941 г. фашистскими войсками усташа при поддержке оккупантов создали на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины марионеточное «Независимое государство Хорватия». Осуществляли геноцид евреев, цыган и сербов.

готовы признать героя своим. Жизнь его представляется обществу нелепой. Постоянные скандалы Менто с сожительницей Агатой удивляют знакомых. Дерзкая, высокая, атлетически сложенная Агата своей внешностью и характером являет разительный контраст с тщедушным, маленьким и забитым евреем. Их стычки, сопровождаемые дикой бранью и нешуточными драками, происходят на глазах публики, бывающей в кабачке «Титаник», и экзальтация, присущая любовным переживаниям этой пары, кажется окружающим абсурдной.

В таком положении застаёт Менто Вторая Мировая война. В жизни бедного владельца кабачка появляется новая угроза – слухи об истреблении евреев фашистами все чаще звучат в заведении. Эти слухи и постоянные обсуждения еврейского вопроса расстраивают Менто до крайности. Отделившийся от общины, герой более не имеет никаких преимуществ, которые могла бы приносить принадлежность к еврейской диаспоре. При этом он рассчитывает, что и неприятности, связанные с национальностью, не должны его касаться. Однако жизнь распоряжается иначе, и при новых порядках Менто вновь признан евреем. Как только власть в городе захватывают усташы, число посетителей «Титаника» начинает сокращаться. Люди боятся контактировать с Менто, избегают встреч с ним, опускают глаза, проходя мимо кафе. Сараевское разгульное общество вытесняет из себя Папо, он становится практически невидимкой. Бросает еврея и его сожительница Агата, прихватив с собой все немногие ценности, которые смогла найти в доме. Менто Папо бесконечно одинок и жестоко предан всеми. Отмеченный желтой повязкой со звездой Давида, он лишается всего, что было в его жизни, влачит жалкое полуголодное существование, усугубляемое постоянным страхом: «Все, что его окружало до сих пор, отваливалось и спадало с него, как шелуха, кусок за куском, и посередине оставался Менто Папо, еврей без связей с евреями, одинокий, без денег, без веса, без имущества, голый, немой и бессильный». Члены общины, измученные трудом и страхом, не вступают с ним разговор, и он остается один на один со своими переживаниями и тяготами. Неприкаянность и отчужденность Папо от какой бы то ни было общности, в конце концов, приводят его к тому эпизоду, в котором он остается один на один со своим убийцей.

Порядки, негласно установившиеся в оккупированном фашистской властью Сараево, дают возможность усташам ходить по домам евреев и других бесправных людей, незаконно присваивая их собственность и не гнушаясь насилием. В кабачок Менто приходит Степан Кович – новоиспеченный усташ, по-своему несчастный человек, остро переживающий собственную ничтожность. Степан был единственным нелюбимым сыном неприметного судебного служителя, до конца своих дней подозревавшего, что ребенка жена родила от другого мужчины. На всю жизнь туповатый, нервный, измученный комплексом неполноценности Кович остается в своем родном селении предметом насмешек: «Это был один из тех никчемных

и неприкаянных людей-пустоцветов, которые не могут мириться с жизнью мелкой и заурядной, но в то же время не имеют ни сил, ни способностей, чтобы трудом и упорством изменить ее». Приход фашистов показался Ковичу звездным часом, которого он ждал всю жизнь. Долгие годы этот ничтожный человек пытался выделиться чем-то на фоне толпы, поразить окружающих и самоутвердиться за их счет. И вот, избежав всеобщей мобилизации, после ввода немецких войск в Югославию он примкнул к усташам. Среди своих новых собратьев Кович сначала пользуется некоторым уважением, чем невероятно гордится. Однако, как только усташеская власть утверждается в городе, Степан, которого первоначально использовали в качестве наводчика для арестов и экспроприации, уже не нужен. Мучимый комплексами Кович не может освоиться в обществе усташей, они кажутся ему более значительными, более решительными, более самоуверенными. Степану представляется, что он мог бы стать настоящим усташем, обрести смелость, уверенность в себе, в одиночку разобравшись с кем-то из евреев. В поисках жертвы Кович бродит по Сараево и по наводке одного из знакомых приходит в кабачок Менто Папо.

Так кафе «Титаник» становится перекрестком судеб этих людей, схожих в своей неприкаянности и отчужденности. Не случайно этот пространственный образ вынесен автором в заголовок рассказа, в так называемую «сильную позицию» текста произведения, связанную с его семантической доминантой [4, с. 167]. Это и декорация, на фоне которой разворачиваются отношения людей в условиях войны, и дело жизни, и жилище главного героя, отвечающее его представлениям и требованиям. Здесь трагизм судеб героев достигает своей закономерной кульминации, и именно этот локус связан с главной сценой произведения. Придя в заведение «Титаник», Кович впадает в зверство при виде доставшегося ему еврея. Ему становится ясно, что «жид», который ему достался, не имеет «ничего похожего на того богатого, наглого еврея, о котором он мечтал... чтобы он смог действовать как настоящий усташ, смог бы накричать, ударить, обобрать до нитки». Увидев, что Менто – совсем не тот еврей, которого он себе представлял, Кович осознает, что и он сам не тот усташ, каким ему хотелось бы казаться. Через ничтожность своего «подопечного» Степан рассмотрел собственную никчемность. В свою очередь, недалекий Менто тщетно пытается объяснить Ковичу, что не имеет никаких богатств, не понимает, что именно это и является его главным недостатком в глазах пришедшего.

Кафе располагается в далеко не самом фешенебельном районе города, Хисетах, в обветшавшем двухэтажном доме. Автор достаточно подробно для малой прозаической формы останавливается на описании архитектуры района и отмечает, что она представляет собой «помесь между стилями, царившими тогда в Центральной Европе и на Ближнем Востоке». Таким образом, само здание было построено на перекрестье Востока и Запада, и является продуктом их слияния – не самого успешного, по мнению писателя, называющего ее «анемичной и жалкой». Иво Андрич не жалеет красок

для описания нищеты и убожества, царящих в этом районе. По его оценке, это «архитектура жизни без мысли кругозора». Облупленные стены «точно изъедены проказой», а лишённые занавесей и украшений окна выглядят подобно «глазам без ресниц и бровей». Здесь, на первом этаже, и находится кафе с гордым названием, являющее собой «темное помещение без окон, в шесть шагов длиной и в два шага шириной». Трудно было придумать менее подходящее название для подобного заведения, сравнение с великолепным трансатлантическим лайнером выглядит издевкой. Помещение убогое, нищенски обставленное и чрезвычайно грязное. Окна кабачка смотрят в сад, который на самом деле садом не является, а выполняет множество иных функций: курятника, конюшни, помойки.

Примечательно, что писатель оправдывает скудную обстановку кабачка его назначением и отношением к нему посетителей: «Люди, любящие выпивку и кабацкое времяпрепровождение, предпочитают именно такие тесные и убогие комнатухи, где человеку кажется, будто он забрел сюда случайно и вот-вот уйдет... и где поэтому выпивка и пьяный разговор – всегда главное и единственное занятие». В одной этой фразе писатель обозначает сразу две линии философии восприятия пространства.

Во-первых, подобный локус является местом для беседы «в восточном смысле этого слова» [3, с. 17], то есть неким замкнутым пространством, которое объединяет людей исключительно с целью разговора. Не случайно посетители сходятся сюда с разных концов города, не видя ничего зазорного в том, чтобы посетить нищенский убогий район. Внешний вид заведения не играет никакой роли для завсегдатаев подобных заведений, они приходят сюда не в поисках роскоши и не в погоне за утверждением статуса. Карточные игры, пьянство и нетрезвая болтовня абсолютно самодостаточны, они не требуют никакой обстановки и могут осуществляться где угодно. Попадая за дверь заведения «Титаник», посетитель оказывается в некоем пространстве, отрезанном от внешнего мира: здесь пусто, темно и даже вид из окна не дает связи с реальностью, так как окно закрыто. Подобно тому, как Менто Папо добровольно отделился от общины, в одностороннем порядке исключив себя из рядов евреев, он и свой крошечный мирок отделил от всего остального мира. Одинокий, незначительный Менто Папо старается затеряться среди разномастного сброда. Он надеется, что в этой пестрой толпе, лишённой притязаний, за пьянством и азартом никто не станет разбираться в его происхождении и мировоззрении. Так же точно маленькое питейное заведение без особых отличительных черт, пытается затеряться среди сотен других, подобных, в неблагополучном, убогом районе, полном обветшалых грязных зданий.

Во-вторых, это место – точка на пути, остановочный пункт, собирающий непохожих людей в случайном месте. Для посетителей кафе «Титаник» является символом временного пристанища. Эта «забегаловка, пропитанная запахом водки, сыростью и табачным дымом», являет собой полную противоположность понятию дома – постоянного, надежного и

теплого. В произведениях Иво Андрича довольно часто встречаются подобные образы-локусы, в которых заложен мотив гостиницы на перекрестке путей, временного пристанища с неустроенным бытом. Такой мотив несет в себе вышеградский постоялый двор у таможни, расположенный на большой дороге у границы Сербии и Боснии (в рассказе «Путь Алии Джержелеза», 1920). Подобными характеристиками наделена мусафирхана – гостиница при францисканском монастыре, выстроенная специально для того, чтобы турки-мусульмане имели возможность остановиться на ночлег в дороге, не смущая своим поведением и образом жизни приверженцев иной, католической, веры (рассказ «В мусафирхане», 1924). Наконец, временным пристанищем является страшная стамбульская тюрьма, где мелкие жулики и кровавые убийцы из разных земель вместе коротают время заключения, ведя праздные беседы в пустоте общих камер или на лишенном укрытия от солнца и непогоды дворе (повесть «Проклятый двор», 1954).

Таковыми характеристиками наделено и пространство кафе «Титаник». Дурная слава обеспечивает ему постоянный приток посетителей со всех концов города. Здесь сходятся пути множества людей, которые убеждают сами себя, что забрели в это неприятное место по чистой случайности. В той части, где в заведении подается выпивка, нет даже стульев: посетители выпивают как бы на ходу, стоя за стойкой, разве что для тех, кто постарше, может быть принесено какое-то импровизированное сидение, вроде пустого бочонка. Скучная обстановка, пустота и грязь кафе «Титаник» разительно контрастируют с образом роскошного лайнера, имя которого носит кафе. Однако это не мешает провести параллель между заведением и кораблем: точно так же, как и лайнер, кабачок «Титаник» являет собой временное жилище людей, желающих совершить путешествие в Новый Свет и новую жизнь – путешествие, которое на самом деле ведет их к гибели. Сквозь все произведение, описывая подробности судеб героев и особенности их характеров, автор подводит читателя к мысли о неизбежности катастрофы. Персонажи рассказа обречены на гибель – первое предвестие этого заложено в самом названии произведения. Трагические ассоциации, в конце концов, оправдывают себя в финале рассказа, где автор раскрывает перед читателем картину ужасающей бессмысленности убийства одного человека другим.

Примечательно, что это заведение, мало соотносящееся с понятием дома, для самого владельца кафе как раз и является домом: жилые комнаты находятся здесь же, за занавеской. Нищий, неприкаянный Менто, отказавшийся от общества, данного ему по рождению и вере, не нашедший себе места в новом сараевском кабацком мире, называет своим домом место, которое каждый из его приятелей считает случайным, временным. Автор отмечает «по-цыгански неряшливую» комнату, где обитает Менто со своей сожительницей. Жилище его не обустроено, быт не налажен, как у кочевника. Ведь, по собственному выражению героя, он – «капитан великого транс-атлантика», отрицающий любые другие попытки идентификации.

На материале единственного небольшого, но типичного эпизода времен Второй мировой войны Иво Андрич поднимает в данном произведении проблемы, актуальность которых неоспорима для любого места и времени. Это проблемы невозможности бегства от жизни, неизбежности смерти, общего трагизма человеческого существования. Говоря словами самого писателя, которые он произнес в своей Нобелевской речи, «человек рождается без своего ведома и своей воли. И вот он брошен в океан бытия. Нужно плыть. Жить. Быть самим собою. Выдержать... все столкновения, непредвиденные и непредвидимые поступки, свои и чужие, чаще всего превосходящие меру наших сил. А сверх того надо еще выдержать и свое осознание всего этого. Словом, быть человеком» [2, с. 215].

Список литературы

1. Андрич И. Пытка. Избранная проза. – М.: Панорама, 2000. – 592 с. (Серия «Библиотека славянской литературы»). – [Электронный ресурс]: <http://www.net-lit.com/>
2. Андрич И. Человеку и человечеству... – М.: Радуга, 1983. – 506 с.
3. Карасева М.Л. Малая проза Иво Андрича: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 28 с.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Academia, 2003. – 256 с.

Образ Корабля Дураков во французской литературе эпохи Ренессанса

В статье исследуется образ Корабля Дураков во французской литературе эпохи Возрождения на материале четвертой и пятой книг романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: его функции в романе Ф. Рабле и ряд символических значений.

The article is devoted to the analysis of the image of Ship of Fools in the French literature of the Renaissance epoch by the example of the fourth and the fifth books of the novel by François Rabelais *Gargantua and Pantagruel*: its functions in the novel by F. Rabelais and its symbolic meanings.

Ключевые слова: образ, литература, Корабль Дураков, Ренессанс, Рабле.

Key words: image, literature, Ship of Fools, Renaissance, Rabelais.

Расцветом Ренессанса во Франции принято считать 20-е – 50-е годы XVI века. Этот же период стал временем серьезных изменений в религиозной жизни страны. Требования обновления церкви, критические замечания в адрес духовенства, призывы к упрощению ритуалов, которые принесла с собой Реформация, во Франции приобрели особую окраску. Относительная независимость французской церкви от римского понтифика, централизация церковных постов в руках правящего монарха, а также отсутствие интереса в религиозном обновлении государства со стороны крестьянства стали причиной ослабления Реформационного движения во Франции. И, тем не менее, идеи протестантизма постепенно проникали во французское общество, к 30-м годам окончательно разделив его на два враждующих лагеря: протестантов (гугеноты-кальвинисты), которых к началу религиозных войн насчитывалось около 10%, и католиков. Итогом восьми военных столкновений, апофеозом которых стала кровавая Варфоломеевская ночь, явился разрыв гуманизма с движением Реформации, вытеснение протестантов, подрыв экономики страны, политическая нестабильность государства, а также всеобщая атмосфера напряженности и ожесточения.

Укрепление католицизма, народная набожность и приверженность национальным святыням, последовавшие за периодом суровых испытаний для Франции, сопровождались возрождением интереса к средневековой мистике: «Болезненность исканий веры сказалась и в распространении демономании, в участившихся самоубийствах, в массовом психозе ожидания конца света» [3, с. 272]. Как верно подмечает М.М. Бахтин, «иерархический мир средневековья рушился. Односторонне вертикальная вневремен-

ная модель мира с ее абсолютным верхом и низом... стала перестраиваться» [2, с. 446].

В столь неоднозначной атмосфере завершал грандиозную эпопею о приключениях Гаргантюа и Пантагрюэля один из величайших французских писателей эпохи Возрождения Франсуа Рабле – автор пятитомного романа, в последних частях которого было описано фантастическое плавание «обновленного» Корабля Дураков. Роман дипломированного врача, призванный стать лекарством от всех болезней, не только успешно излечивал дух человека, избавляя его от ложных идеалов, фанатизма и узости взглядов, но и выступил в роли своеобразного кривого зеркала, в котором каждый читатель смог увидеть себя, свое окружение, современные нравы и нормы поведения, словом, всю эпоху, свидетелем которой он являлся. Аллегорическое повествование, созданное сыном мелкого судебного чиновника, монахом-расстригой и впоследствии преподавателем медицины, роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» соединил в себе черты смеховой народной культуры Средневековья и гуманистические идеалы Ренессанса. По словам А.Д. Михайлова, Рабле первому удалось создать роман мирового значения, в котором «можно наблюдать не только квинтэссенцию Ренессанса в одном из его высших достижений, но и сам процесс развития французского Ренессанса, исторические судьбы французского Возрождения» [6, с. 240].

Источником вдохновения Франсуа Рабле послужила книга анонимного автора под заголовком «Великие и неоценимые хроники великого и огромного гиганта Гаргантюа», вышедшая весной 1532 года в Лионе – городе, который считался оплотом гуманизма, культурной столицей Франции и важным центром книгопечатания в Европе, и где в то время будущий писатель работал врачом в местной больнице. Подобная литература пользовалась большим спросом во время ярмарочной торговли, и первоначальной идеей начинающего прозаика было создать продолжение популярной истории. В октябре 1532 года, в дни осенней ярмарки, под псевдонимом Alcofribas Nasier (анаграмма имени Рабле) в типографии Клода Нурри он публикует «Страшные и ужасающие деяния и подвиги преславного Пантагрюэля, короля дипсодов, сына великого великана Гаргантюа» (ставшие впоследствии второй книгой эпопеи). Придерживаясь схемы средневековых романов, Рабле описывает становление главного героя – великана Пантагрюэля. Однако вместе с ним на первый план автор выдвигает еще одного центрального персонажа будущей саги – верного спутника великана, плута-остряка Панурга, явившего собой портрет типичного представителя той эпохи. В литературном дебюте Рабле выразительно заявляют о себе гуманистические тенденции: в текст повествования автор мастерски вплетает античные реминисценции и критику схоластики ученых богословов Сорбонны, за что год спустя книга подверглась осуждению со стороны докторов Сорбонского университета, резко осудивших

сатирическое содержание романа и запретивших его к распространению. Однако ободренный успехом «Пантагрюэля», в короткий срок выдержавшего несколько изданий и подделок, Рабле продолжает писать и в октябре 1534 года выпускает «Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля» (впоследствии первую часть эпопеи) – «Подлинное произведение “торжествующего Ренессанса”, сочетающее в себе его боевой дух с присущими ему утопическими мечтами и светлыми иллюзиями» [6, с. 242].

Во втором романе Рабле еще более усиливает сатирическое наполнение аллегорического вымысла, вскрывая противоположность схоластического и гуманистического подходов к обучению, пародируя пафосные речи сорбоннистов, высмеивая приверженцев феодального строя и, наконец, представляя читателям самостоятельно делать выводы, знакомясь с фантазмагорическим Телемским аббатством, над входом в которое прибита надпись: «Делай, что захочешь!». Судьба продолжения романа оказалась более драматичной. В ночь на 18 октября 1534 года разыгрывается ставшее ключевым в истории французской Реформации «Дело о плакатах». Бывший прежде лояльным по отношению к современным деятелям искусства и всячески отстаивавший их интересы перед ораторами Сорбонской кафедры Франциск I вынужден ограничить свободу слову. Рабле спешно покидает Лион и отправляется в Рим, где при содействии друга, кардинала дю Белле, получает высочайшую аудиенцию у Павла III, который соглашается отпустить ему грехи. Вернув себе сан, Рабле продолжает заниматься медицинской практикой, не оставляя при этом и литературной деятельности. В 1542 году он переиздает обе части романа, несколько смягчив наиболее острые главы своего сочинения, содержавшие критику сорбонистов и высказывания в поддержку кальвинистов. Однако, несмотря на последовавшее в 1543 году заступничество французского монарха, писатель, опасаясь дальнейших нападков со стороны богословов (обе переизданные книги были вновь запрещены богословским факультетом Сорбонны), скрывается в провинции и лишь три года спустя вновь заявляет о себе выходом в свет «Третьей книги героических деяний и сказаний о благородном Пантагрюэле», на этот раз напечатанной в парижской типографии и подписанной настоящим именем автора.

Реакция, торжествовавшая во Франции в 1540-х годах, во многом повлияла на общее настроение третьей части романа «медонского кюре»: сатира стала гораздо более умеренной (даже по сравнению со «смягченными» переизданиями 1546 года); на смену активным действиям героев пришли продолжительные беседы; идейной составляющей третьей книги стала так называемая философия пантагрюэлизма, суть которой А.А. Смирнов определяет как «соединение эпикуреизма и стоицизма» [8, с. 476]. Французские богословы вновь подвергают сочинение Рабле остракизму, весьма яростно отреагировав на публикацию третьей книги эпопеи.

Заступничество Маргариты Наваррской, равно как прежде Франциска I, известие о смерти которого писатель получает год спустя, скрываясь в Меце, не спасают Рабле от дальнейших преследований, вынуждая жить в изгнании.

В январе 1548 года в Лионе отдельным изданием выходят первые одиннадцать глав «Четвертой книги героических деяний и сказаний о Пантагрюэле», полная версия которого увидит свет лишь четыре года спустя в 1552 году. В условиях ожесточившейся религиозной борьбы, вскоре грозившей обернуться кровавыми сражениями, Рабле в первой «укороченной» версии четвертой части стремится всячески замаскировать острую сатиру под невинный юмор; однако уже в полном варианте писатель, вновь оказавшийся под защитой кардинала дю Белле, дает волю своему негодованию по отношению к новому монарху Генриху II, потворствующему разгоранию религиозного фанатизма в обществе, сообщая повествованию резко сатирический оттенок.

Содержание новой книги составляет описание морского вояжа Пантагрюэля и его верных спутников к оракулу Божественной Бутылки Бакбук, которая призвана разрешить сомнения Панурга. Четвертая часть пантагрюэлевой эпопеи, создаваемая Рабле в эпоху географической экспансии европейцев, наполнена глубоким аллегорическим смыслом, как и прежде преподносимым автором в сатирической манере. Выход продолжения романа вызвал шквал недовольства со стороны французской общественности. Друг Рабле – ученый-гуманист юрист Андре Тирако публично осуждает его новую книгу, а Парламент приговаривает ее к сожжению. Несмотря на многочисленные нападки и фактическую травлю, санкционированную французскими властями, Рабле продолжает фантастическую сагу, работая над пятой книгой, должной завершить летопись подвигов величайшего из героев.

В 1562 году, спустя девять лет после кончины писателя (9 апреля 1553 года), в свет выходит «Звучащий остров». В 1564 году в парижском издательстве публикуется «Пятая и последняя книга героических деяний и подвигов доброго Пантагрюэля», началом которой является ранее изданный отдельной книгой «Звучащий остров». Споры относительно подлинного авторства заключительной части романа не утихают до сих пор. На основании стилистического несоответствия финальной книги первым четверем (вялое повествование, расплывчатые аллегории и т.д.) высказывается предположение, согласно которому «Пятая книга» была написана другим человеком, воспользовавшимся черновиками Рабле.

Роман, в котором, по мнению М.Л. Андреева, «материальный взгляд на действительность безоговорочно торжествует» [1, с. 319], ставший символом эпохи, олицетворением исторических событий и персоналий, сатирическим зеркалом «времени перемен» во Франции периода Реформации, как никакое другое произведение тех лет способствовал утверждению нового, гуманистического, типа мировоззрения. Уникальность этого произ-

ведения, по словам М.М. Бахтина, состоит в его «принципиальной и неистребимой неофициальности»: «Никакой догматизм, никакая авторитарность... не могут ужиться с раблезианскими образами» [2, с. 6].

Многоголосица различных стилей, использованных Франсуа Рабле в романе, превосходно отражает синкретичность всевозможных проявлений эпохи: отдельные главы созданы писателем в духе средневековых рыцарских романов. Как полагает Е.М. Мелетинский, Рабле использует рыцарское повествование «для гуманистической сатиры, для гуманистической утопии, для карнавальной мениппеи» [5, с. 112]. Другие главы напоминают жития святых; некоторые сюжеты обнаруживают сходство с фэблио – жанром французской средневековой городской литературы. Автор также обращается к литературной традиции бытового анекдота. Присутствуют в сочинении Рабле и зачатки будущих жанров западноевропейской литературы, таких как плутовской роман, роман воспитания, философский роман, роман путешествия. Особое место в прозаическом тексте писателя занимают поэтические вставки, созданные по моделям популярных в то время стихотворных форм.

Не имея собственной литературной школы и прямых последователей, Франсуа Рабле, обладавший поистине энциклопедическими знаниями (в его романе насчитываются цитаты более чем из сотни различных авторов), будучи одним из ярчайших гуманистов своей эпохи, «титаном Ренессанса» [6, с. 251], явился подлинным символом французской национальной культуры. Анализируя художественный метод писателя, М.М. Бахтин отмечал: «Рабле существенно определил судьбы не только французской литературы и французского литературного языка, но и судьбы мировой литературы» [2, с. 6]. Исследователь именуется его «демократичнейшим среди <...> зачинателей новых литератур» [2, с. 6]. По словам Е.В. Гвоздевой, «книга Рабле являет собой литературное самосознание эпохи, анатомию литературного творчества. Его текст — не застывшая форма, а лабораторный журнал литературных экспериментов» [4, с. 355].

Прославленная сага о герое-великане Гаргантюа и о его сыне Пантагрюэле во многом способствовала окончательному оформлению образа Корабля Дураков в качестве самостоятельного дискурса, который впоследствии займет место одного из ведущих в западноевропейском искусстве. Роман Франсуа Рабле, в котором он так же, как и полвека назад его предшественники Брант и Босх, собирает героев своего повествования на борту морского судна, продолжает традицию метафорического образа «мир-корабль». На протяжении двух последних книг персонажи раблезианского эпоса совершают небывалый вояж, открывая фантастические земли, знакомясь с невероятными существами, переживая удивительные приключения, цель которых, как и прежде, – познать себя.

Итак, герои Рабле отправляются в «долговременное и рискованное путешествие» [7, с. 305]. Собрав флотилию «из стольких же судов, сколько некогда вывел из Саламина Аякс во время похода греков на Троию» [7,

с. 305], Пантагрюэль в сопровождении Панурга, Эпистемона, брата Жана Зубодробителя, Эпистемона, Гимнаста, Эвсфена, Ризотома, Карпалима и «других своих слуг и домочадцев» [7, с. 325] держит путь к таинственному оракулу Божественной Бутылки Бакбук. Велико разнообразие морских судов, по воле сочинителя плывущих в заморские края навстречу неведомым землям: галеры, галлионы, бригантины, караки, раубарджи, либурны, триремы, при этом «хорошо оснащенные, проконопаченные и снабженные всем необходимым» [7, с. 325], – все тот же «дурацкий флот», который некогда пустил в счастливое плавание предшественник Рабле – базельский сатирик Себастьян Брант. Интересно отметить, что помимо отличной экипировки, бравая флотилия Пантагрюэля может похвастаться и волшебной защитой, источником которой, как и в случае с античным Арго (об очевидной аллюзии автор упоминает самолично), является чудесное растение: роль вешего дуба во французском романе играет пантагрюэлион – дерево, «которое не горит, не пылает и не обугливается» [7, с. 312], а также обладает множеством иных невероятных свойств, что не вызывает ни малейшего сомнения у читателя, принимающего в расчет истинное название растения, повсеместно именуемого коноплей. По велению капитана ею обшиты нос, корма, камбуз, верхняя палуба, продольный проход и башни всех кораблей, направляющихся к оракулу.

Двенадцать кораблей во главе с Таламегой – «самым большим и самым главным Пантагрюэлевым кораблем» [7, с. 325], покидают Таласскую гавань в «июне месяце, в праздник Весталок» [7, с. 325]. Внимание читателя призваны привлечь предметы, расположенные на корме каждого из судов и заменяющие собой традиционные флаги: «большая и вместительная бутылка наполовину из гладкого полированного серебра, наполовину из золота с алого цвета эмалью» [7, с. 325] – на корме капитанского корабля, символизирующая цель морского вояжа; старинный фонарь, «красивый и емкий фарфоровый кубок» [7, с. 326], «золотой кувшин с двумя ручками, похожий на античную урну» [7, с. 326], «великолепный жбан» [7, с. 326], «кружка, из каких пьют монахи» [7, с. 326], воронка, бокал, ваза, чаша, корзина и бочонок – на прочих судах, свидетельствующие о том, «мореходы – все до одного – бражники и люди добропорядочные» [7, с. 326]. Подобная экипировка подвластна и иной трактовке. Очевидно, что столь обильное присутствие разнообразных предметов посуды, в том числе из золота и серебра, не только усиливает атмосферу веселого бражничества и шутовства, царящую на судах бравой пантагрюэлевой флотилии, но и в определенной степени апеллирует к иконографии раннего северного Возрождения (к примеру, у Босха кувшин являлся символом похоти), а также алхимической традиции (серебро и золото, согласно металлопланетной символике алхимии являющиеся прообразами солнца и луны, составляют основу величайшего таинства – трансмутации). Раблезианская вакханалия пародии и сатиры, представленная на страницах пяти книг «Гаргантюа и Пантагрюэля», не ведает границ: отважные мореплаватели, плывущие под

флагом Бахуса, желающие прикоснуться к великим истинам, оберегаемым Божественной Бакбук (в пер. с ивр. «бутылка»), предстают одновременно и отъявленными грешниками и избранными первооткрывателями сокрытого знания.

На пути славной флотилии встречаются небывалые земли, полные диковинных существ и причудливых обычаев. Как справедливо отмечает в примечаниях к пяти книгам романа С.Д. Артамонов, маршрут одиссеи Пантрагрюэля, равно как и описанные в двух последних частях приключения, восходит к двум основным источникам: морским путешествиям Жака Картье и ряда других французских мореплавателей первой половины XVI века, а также «Правдивой истории» Лукиана, описывающей, среди прочих, путешествие на Луну и Венеру.

Первым причалом, к которому пристают корабли великого Пантрагрюэля на четвертый день плавания, становится остров Медамоти. Посетив шумную ярмарку и приобретя множество диковинных зверей, Пантрагрюэль получает весточку от отца, доставленную на борту быстроходного судна Гаргантюа, известного под названием Хелидон, или морская ласточка – корабля столь легкого, что при взгляде на него кажется, «будто он не плывет, а летит над морем» [7, с. 329]. Незначительный эпизод, в котором перед читателем предстает морское судно, наделенное почти что волшебной силой, в современной интерпретации воспринимается в качестве одного из многочисленных прообразов будущего корабля-фатума, ведомого проклятым капитаном.

Продолжив морской вояж, полный всевозможных курьезных встреч и происшествий, бравая флотилия под предводительством Пантрагрюэля попадает в сильнейший шторм, прелюдией к которому становится встреча с девятью судами, «груженными монахами» [7, с. 352]. Подобная встреча, согласно опрометчивому замечанию Панурга, должна стать предвестием удачи на всем последующем пути странствующих друзей, по иронии судьбы оборачивается одним из самых тягостных для них испытаний. Буря, разыгравшаяся на море, оказывается поистине раблезианского масштаба: «Внезапно море вздулось и всколебалось до самой пучины; громады волн с размаху ударились о борта, мистраль, сопровождаемый неистовыми порывами, ужасными вихрями и смертоносными шквалами, засвистал в реях; небесный свод загремел, заблестал, засверкал, хлынул дождь, посыпался град; воздух утратил прозрачность, сделался непроницаемым, темным и мрачным, и только зарницы, вспышки молний и прозоры меж огнедышащих туч озаряли тьму; категиды, тиэллы, лелапы и престеры беспрерывно проносились над нами; по временам все вокруг нас вспыхивало при свете псолоентов, аргов, элик и прочих истечений эфира» [7, с. 352–353]. «Рассеянными и блуждающим взором» следили путешественники за тем, как «чудовищные смерчи вздымали крутые валы» [7, с. 353], испытывая чувство, будто стали свидетелями разбушевавшегося древнего хаоса, «в коем все стихии – огонь, воздух, море, земля – слились воедино» [7, с. 353]. Отча-

янно борясь с прибывающей водой, брат Жан во всех бедах винит Панурга, что «прилип к палубе и все только плакал да сетовал» [7, с. 353]: «Этот самый чертов горе-морьяк и накликал бурю, и сейчас только он один на всем судне не помогает команде» [7, с. 355]. Словно Иону проклинает Панурга брат Жан, готовый вот-вот сбросить причитающего страдальца за борт, дабы умиловить разбушевавшуюся стихию. На протяжении пяти глав Пантагрюэль и его команда сражаются с бурей, когда, наконец, небо проясняется, а мистраль сменяется на сирокко. Подводя итог пережитому на море, Пантагрюэль признается в собственном страхе погибнуть в морской пучине: «Смерть во время кораблекрушения – это все-таки страшно, и еще как страшно! Недаром Гомер утверждал, что гибель на море тягостна, отвратительна и противоестественна. Пифагорейцы придерживались того мнения, что душа представляет собою огонь и что она огненного происхождения; таким образом, если человек гибнет в воде..., то вся душа его гаснет» [7, с. 359]. Так, Рабле вплетает в текст аллюзии на ветхозаветную притчу и античный эпос, впоследствии положившие начало другому не менее значимому художественному дискурсу Летучий Голландец.

Спустя некоторое время Пантагрюэлева флотилия попадает в штиль – отсутствие ветра сковывает не только морское течение, но и бравых путешественников, которые во главе со своим капитаном пребывают в сонном оцепенении: «Озабоченные, огорошенные, спанталыченные, раздосадованные, мы не единым словом не перекидывались друг с другом» [7, с. 421]. С пробуждением Пантагрюэля брат Жан задается вопросом, от решения которого зависит продолжение достославного плавания – «Как можно в штиль *поднять погоду?*» [7, с. 422]. Находчивый предводитель не мешкает с ответом, предлагая как следует подкрепиться – и уже в самом ближайшем времени его мудрый совет приносит свои плоды: «Еще не подали десерта, а уже западо-северо-западный ветер стал надувать паруса на всех мачтах» [7, с. 424]. Воодушевленный происходящими изменениями Пантагрюэль замечает: «Поднимая и осушая чаши, мы тем самым подняли и погоду, – тут есть некая тайная связь. Если верить мудрым мифологам, так же точно поднимали погоду Атлант и Геркулес» [7, с. 426]. Продолжая философствовать на эту тему, сын великого Гаргантюа приходит к выводу, согласно которому лишь с помощью «доброго, приятного на вкус, упоительного вина душа человека воспаряет, тело его приметно оживляется» [7, с. 426], а стихия, окружающая его, меняется к лучшему.

Будучи совсем близко к достижению поставленной цели – услышать откровения Божественной Бутылки, друзья вынуждены задержаться на острове Звонком – как объясняет им один из местных жителей, мэтр Эдитус: «Здесь море мстит за долгое спокойствие, и, когда к нам приезжают путешественники, четыре дня к ряду грозно бушует. <...> Вам волей-неволей придется у нас побыть, если только вы не хотите иметь дело с Юноной, Нептуном, Доридой, Эолом и всеми вейовисами. Но у вас теперь одна забота: попить на славу» [7, с. 442]. Словно Одиссей, забывший о

доме в объятиях Цирцеи, brave мореплаватели рискуют отклониться от намеченного пути, всецело предавшись излюбленному пороку чревоугодия: «Мы только и делали, что ели, и так продолжалось весь день; мы уже не разбирали, что это: обед или ужин, закуска или завтрак» [7, с. 443]. Однако, как и было обещано, по истечении положенного срока, получив доброе напутствие от гостеприимного мэтра Эдитуса, путешественники вновь пускаются в путь.

Незадолго до окончания морского вояжа героям суждено оказаться плену у эрцгерцога Пушистых Котов, в «поганом царстве Цапцарапа» [7, с. 456]. Во время этого приключения брат Жан раздражается обличительной речью в адрес всей честной компании, предпринявшей путешествие к далекому оракулу Бутылки: «Клянусь своею рясою, что это у нас за путешествие? Это путешествие дристунов – мы только и делаем, что портим воздух, пукаем, какаем, считаем ворон и ничего не делаем» [7, с. 454]. Призывая друзей к совершению «какого-нибудь геройского поступка» [7, с. 455], брат Жан намеревается ограбить тиранов острова, тем самым освободив простой народ от невыносимого гнета Пушистых Котов. Устроив небольшую потасовку, воинствующий путешественник вместе с остальными возвращается на корабль, однако удача не сопутствует мореплавателям: «Вскоре поднялся такой сильный сирокко, что мы сбились с пути и, чуть было вновь не попав к Пушистым Котам, оказались на крайне опасном месте, где море особенно глубоко и страшно» [7, с. 456].

Последним «морским» злключением на пути Пантагрюэлевой флотилии стало испытание, выпавшее на долю мореплавателям, как только они покинули остров Раздутый: с трудом прорвавшись сквозь внезапно налетевший яростный вихрь, капитанский корабль сел на мель – «мы попали из огня да в полымя: все равно как если бы мы, избежав Харибды, наткнулись на Сциллу» [7, с. 461]. Однако и на этот раз все обошлось благополучно, и вскоре судно было снято с мели проходящим мимо кораблем, груженным барабанами.

Морской вояж, которому в самом его начале рассказчик не в праве «предречь с полной уверенностью, что <...> путешествие в оба конца будет веселое и вполне благополучное» [7, с. 517], оканчивается вакханалией, прелюдией к которой выступает изречение оракула: «Не способность смеяться, а способность пить составляет отличительное свойство человека» [7, с. 817]. Так завершается героическое плавание доблестного Пантагрюэля и его верной свиты к «вождеденному острову» [7, с. 490] – плавание, в результате которого, по словам Панурга, «мы обрели то, что стоило нам таких волнений и хлопот» [7, с. 490].

Интерпретация мифопоэтического образа корабля, предложенная Рабле в последних двух книгах о героических подвигах Пантагрюэля, восходит к традиции, ведущей отсчет с эпохи позднего Средневековья. Стремясь очистить города от больных всех мастей, в том числе и умалишенных, власти насильно высылали их за пределы городского поселения; в случае с

сумасшедшими заботу о них нередко препоручали матросам, отбывающим в очередное плавание, пытаясь таким образом обезопасить себя от повторной встречи с нежелательными горожанами.

Особое распространение подобная практика получила на территории Германии, где впоследствии была опубликована сатирическая поэма Себастьяна Бранта, ставшая первым значительным произведением западноевропейской литературы, в котором образ Корабля Дураков получил свое полномасштабное художественное осмысление. Сатира базельского поэта на первый план выдвинула целую «дурацкую флотилию», направляющуюся из Дуроштадта в Глупландию, предъявив миру его собственное недвусмысленное отражение. Сатирическое «зерцало», в котором современники Бранта увидели истинный портрет европейской нации, перед внимательным читателем предстало как бы составленное из множества отдельных зеркал, в которых предельно четко отразились бесчисленные людские пороки.

Вслед за изданной в Германии поэмой в Нидерландах создается живописный шедевр под тем же названием, принадлежащий кисти признанного мастера кошмаров Иеронимуса Босха. Сюжет его картины в определенной степени навеян классическим для искусства Средневековья сюжетом *dance macabre* – аллегии бренности всего сущего, которая изображается в виде персонифицированной Смерти, ведущей за собой пляшущих представителей всех слоев общества. Аллегорическое полотно нидерландского художника в определенной степени можно считать своеобразной иллюстрацией сатирико-дидактического произведения базельского поэта: зритель картины Босха видит знакомые типажи, самозабвенно предающиеся все тем же земным удовольствиям и позабывшие о скорой расплате.

В аллегорической форме рассуждая о судьбе глупцов, праздно проживающих отведенные им годы, Брант и Босх по-разному трактуют исход символического плавания своих судов. По мнению поэта, перед его «пассажирами» открываются две альтернативы: спасительная возможность искоренить зло в своей душе, вовремя одумавшись и вняв мудрому совету, или же окончательно поддавшись соблазнам, продолжить путь порока и греха, чтобы затем навеки сгинуть в морской пучине. Художник, напротив, склонен придерживаться более пессимистического взгляда: созданное им живописное полотно полно горького сарказма, и самое большее, на что уповает Босх, это Чистилище, где человеку будет дан последний шанс, чтобы покаяться.

Позиция Рабле по этому вопросу менее определена. Вердикт, который Божественная Бутылка выносит просителям истины, весьма неоднозначен: «Тринк» – вот и все, что удастся получить в качестве ответа Пантагрюэлю и его верным спутникам, «такое веселое, такое мудрое, такое определенное слово» [7, с. 504]. Вкусив божественное откровение, явившееся в виде бутылки фалернского вина, умиротворенные сладкими речами оракула Бакбук, предвещающего «светлый, тихий, благодатный ветер»

[7, с. 510], путешественники собираются в обратную дорогу. Напутствием им служат слова верховной жрицы: «С легким сердцем пускайтесь в путь» [7, с. 510].

Очевидно, что плавание дружной компании короля дипсодов и его преданной свиты по неведомым морям, среди которых разбросаны удивительные земли, населенные диковинными существами, являет собой аллегорию земной жизни человека с ее штилями и бурями, грехами и слабостями. Как и у его предшественников Бранта и Босха, у Рабле образно представлены все имеющиеся человеческие пороки (Прокурация, населенная отъявленными ябедниками и сутягами, остров Руах, жители которого только и могут что похвастаться «жизнью ветровой... что ничего или почти ничего не стоит» [7, с. 389], Остров апедевтов, живущих в мире, в котором «все должно руководствоваться невежеством» [7, с. 459], остров Раздутый, где «у всех были вздутые животы, и все лопались от жира» [7, с. 460]); в ряде случаев явленные взору читателя в причудливом сочетании (коварные и двуличные Дикие Колбасы, мессер Гастер, что «властен, суров, строг, жесток, неумолим, непреклонен» [7, с. 409], Пушистые Коты, славные тем, что «вешают, жгут, четвертуют, обезглавливают, умерщвляют, бросают в тюрьмы, разоряют и губят все без разбора, и доброе и дурное» [7, с. 450]). Апофеозом яркой аллегории становится долгожданная встреча с Бакбук, которая призывает утомившихся путников продолжать предаваться их любимому занятию, а именно никогда не заканчивать вакханалии, которая и есть подлинная суть человеческого существования. Так, претерпев множество треволнений, мореходы вынуждены начинать обратный путь, в качестве награды получив лишь собственное отражение: «Когда же мы прошли край, полный всяких утех, край приветный <...> то увидели наконец в гавани свои корабли» [7, с. 510].

По мере продвижения к намеченной цели, бороздя моря и океаны в поисках Истины, герои раблезианской саги становятся участниками шумного, пестрого и блестящего карнавала, в котором людская натура раскрывается во всем многообразии ее свойств. В отличие от своих предшественников, представителей раннего Северного Возрождения, Франсуа Рабле, не склонен выносить однозначный вердикт человеку: герои его эпоса, всегда готовые насладиться радостями, что предлагает им жизнь, во многом несовершенны и далеки от идеала, однако, им также присущи самоирония и чувство справедливости. Вместо плоскостных и однозначных изображений человеческой природы, характерных для конца XV – начала XVI веков, читатель видит объемный портрет человека – такого, каким он, похоже и является на самом деле: сложной природы, готовой отчаянно грешить и тут же каяться, подлинную радость обретая в пьянящем забвении.

В заключение стоит отметить, что интерпретация образа Корабля Дураков, предложенная Франсуа Рабле на примере фантастической одиссеи Пантагрюэля и его команды к оракулу Божественной Бакбук (которая, по

мнению М.М. Бахтина, являет собой метафору «древнего кельтского пути в утопическую страну смерти и возрождении» [2, с. 499], многозначна. С одной стороны, она является продолжением традиции, начало которой было положено еще в конце пятнадцатого столетия – аллегорически изобразить человеческие грехи и пороки в образе плывущих на корабле пассажиров, а также вынести вердикт заблудшим душам; с другой стороны, являет собой новый этап эволюции образа – с точки зрения высокого Возрождения взглянуть на природу человека, попытаться раскрыть ее противоречивый характер и дать возможность людям самим определять свою судьбу.

Список литературы

1. Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. – М.: Российский университет, 1993. – С. 312–320.
2. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. Брагина Л.М., Варьяш О.И., Володарский В.М. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. – М.: Высш. шк., 1999. – 479 с.
4. Гводева Е.В. Жанр исторической хроники и его трансформация в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Ф. Рабле // Проблема жанра в литературе Средневековья. – М.: Наследие, 1994. – Вып. 1. – С. 354–392.
5. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М.: РГГУ, 2000. – 167 с.
6. Михайлов А.Д. Франсуа Рабле // История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 240–251.
7. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н.М. Любимова. – М.: Правда, 1981. – 560 с.
8. Смирнов А.А. Рабле // Литературная энциклопедия: в 11 т. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – Т. 9. – Стб. 468–478.

Функции музыки в пьесе О. Уилсона «Ma Rainey's Black Bottom»

В статье рассматриваются различные функции музыки в драматургическом произведении на материале известной пьесы афроамериканского драматурга Огаста Уилсона «Ma Rainey's black bottom». В пьесе прослеживается использование блюза в двух основных функциях взаимодействия – иллюстративном и ритмическом.

The article considers the functions of music in interactions with the text of drama. The author applies the revealed principles to the play “Ma Rainey's black bottom” by a famous African-American dramatist August Wilson. The play reveals the use of blues in its two main functions – illustrative and rhythmic.

Ключевые слова: О. Уилсон, драматургия, афроамериканцы, блюз, джаз, функции музыки, ритмизация, импровизация, соло, подтекст.

Key words: O. Wilson, drama, African-American, blues, jazz, functions of music, rhythmization, improvisation, solo, implications.

Перу афроамериканского драматурга Огаста Уилсона (August Wilson) (1945–2005) принадлежит цикл драматических произведений, посвященных жизни и судьбам афроамериканского населения США в XX столетии. Изначально драматург задумывал написать цикл пьес («Питтсбургский цикл»), каждая из которых посвящена одной декаде двадцатого века. К счастью, драматургу удалось осуществить свою задумку – в период с 1984 по 2005 год он создал десять пьес, тем самым хронологически охватив каждое десятилетие ушедшего века. Пьеса «Ma Rainey's Black Bottom» – первое произведение данного цикла, написанное драматургом в 1984 году. Именно в данном тексте впервые нашли свое отражение как эстетические взгляды автора, так и его творческие принципы. Впервые данное произведение было поставлено в Нью-Хэйвене (штат Коннектикут), а затем и на Бродвее в 1984 году, получив признание критиков как лучшая американская пьеса 1985 года. Пьеса «Ma Rainey's black bottom» прошла с огромным успехом на сцене и была сыграна на Бродвее 276 раз.

Огаст Уилсон не раз заявлял о своих эстетических взглядах в многочисленных интервью. Так, отвечая на вопрос о том, что повлияло на его творчество, драматург упоминает «принцип четырех Б»: «На меня повлияло то, что я называю моими четырьмя Б – на первом месте стоит Блюз, затем Боргес [Хосе Луи Боргес, аргентинский писатель. – А.Г.], Барака [Амири Барака, афроамериканский поэт и драматург. – А.Г.] и Берден [Ромаре Берден, художник. – А.Г.]» [6]. (Здесь и далее перевод с англ. наш. – А.Г.).

При этом именно блюз сформировал Уилсона как писателя и драматурга, поэтому «музыкальность, присутствующая в его работах, происходит, по крайней мере, частично, из его страсти к данной художественной форме» [6]. Как писал сам драматург, «я выбрал блюз в качестве своей эстетики. Я создаю миры из идей, а подходы и материал беру из блюза» [8].

Однако до какой степени музыкальная составляющая может доминировать в драматическом произведении? Является ли она ведущей в театре драматическом, а не музыкальном? Прежде чем приступить к анализу пьесы, остановимся на данных аспектах подробнее.

Изначально синтетическое театральное искусство объединяет в себе разные виды искусств – драматургию (или литературную основу), сценографию, музыку, танец, живопись. Первичным элементом является литературная основа, которая объединяет вокруг себя все прочие виды искусств, так что театральное творчество «соприкасается с другими искусствами и усиливает свое воздействие на зрителя, используя их выразительные действия и технику» [2, с. 80]. При этом в любом синтетическом искусстве присутствует некий базовый элемент, вокруг которого «синтезируются» другие виды искусств. Для драматического театра таким базовым элементом является литературная основа или драматургия, а дополнительными становятся живопись, графика, музыка, пантомима и т. д. Одним из важнейших элементов в структуре драматического театра, так или иначе идущих рука об руку с драмой, является музыка.

Музыка с древнейших времен является неотъемлемой частью драматического театра, при этом, не играя ведущей роли, она является средством придания дополнительной выразительности драматическому действию, обогащая, усиливая, а временами и заменяя его.

Рассмотрим более подробно функции, которые музыка может реализовывать в рамках драмы.

Литературовед и философ А.Я. Зись считает, что «музыка может подчеркивать идейно-эмоциональный смысл, служить созданию эмоциональной атмосферы спектакля или быть ее контрапунктом, способствовать ритмизации сценического действия» [2, с. 82–83].

По мнению исследователя теории искусств В. П. Михалева, музыка в драме исполняет три основные функции: концентрирует место действия, сообщает настроение героев; вытекает из ритма действия и способствует созданию ритмических переходов, ритмической переорганизации действия; выступает как контрдействие, звучит по контрасту с происходящим [4, с. 82].

Искусствовед Д. Катыхева отмечает три основные тенденции, с которыми связана роль музыки в драматическом произведении. Первая основывается на «...принципе целостной музыкально-драматической партитуры, выражающий идейно-художественную концепцию произведения, его жанровую структуру» [3, с. 115–116]. Вторая тенденция основывается на «включении музыки в структуру драмы, с целью выразить

лирическое, духовное начало искусства... Музыка становится средством материализации невидимого, потаенного, поэтически преобразованного и закодированного на сцене - внутреннего действия, которое отрывает смысл происходящего, отражает суть вещей». Обе указанные тенденции могут быть основой для приема контрапункта. Наконец, третья тенденция заключается в иллюстративном использовании музыки в структуре спектакля и является средством дополнительного воздействия на зрителя [3, с. 115–116].

Подобную же точку зрения разделяет культуролог И.Г. Хангельдиева, говоря о художественно-эстетической функции музыки в синтетических видах искусства, и выделяя два основных аспекта: «В театре, кино, на телевидении музыка может нести в эмоционально яркой форме обобщенную идею всего произведения. Она ритмизует действие, и наравне с другими средствами выразительности языка искусства играет формообразующую роль. Музыка в синтетических видах искусства может выполнять иллюстративную, программную и драматургическую функцию» [5, с. 20]. Под программной и драматической функциями имеются в виду создание музыкального произведения на базе литературной основы и драматизация ее в музыкальном театре.

Обобщая вышесказанное, можно определить три основные функции музыки в драме.

1. Иллюстративная – действие напрямую сопровождается музыкой, как бы комментируя его, придавая дополнительную смысловую и эмоциональную окраску. Музыкальное сопровождение усиливает драматический конфликт.

2. Функция контрапункта – музыкальное сопровождение контрастирует с происходящим на сцене, что, в свою очередь, раскрывает дополнительные стороны конфликта, делая его многомерным и противоречивым.

3. Формообразующая (функция ритмизации) – драматическое действие организуется при помощи музыкальной основы, приобретает особый ритм и структуру. В некоторых случаях принципы музыкальной организации являются первичными и ведут за собой организацию драматического действия по принципам музыкального произведения [1, с. 62–67]).

Подробнее следует остановиться на последней функции, так как она требует не только удачной драматической основы, но также знания и внедрения принципов создания музыкального произведения в структуру произведения литературного. Впрочем, зачастую данный принцип реализуется неосознанно, будучи результатом особого синтетического видения автора, способности воспринимать и воспроизводить разномодальные искусства в одном произведении. Итак, под термином «ритмизация драматического действия» будет пониматься также и организация пьесы согласно принципам музыкального произведения или отдельного музыкального жанра.

Рассмотрим, какие функции выполняет музыка в произведении О. Уилсона «Ma Rainey's black bottom». Уточним также, что речь пойдет о

блюзе как о доминирующей музыкальной форме. Сам драматург, который когда-то начинал свою литературную карьеру в качестве поэта, в своих примечаниях так описал музыку, которая должна звучать в пьесе: «Трудно дать определение этой музыке. Достаточно того, что это музыка, которая дышит и прикасается. Которая объединяет. Которая сама по себе – способ существования, отдельный и отличный от любого другого. Эта музыка называется блюз» [10, р. 417].

Итак, сюжетная линия пьесы довольно проста. Действие происходит в звукозаписывающей студии в Чикаго в 1927 году. Герои пьесы – четыре блюзовых музыканта – ждут приезда чернокожей «матери блюза» Гертруды «Ма Рейни» Приджетт, чей сеанс звукозаписи должен пройти в студии. В пьесе звучат блюзовые песни певицы, ее музыкальные номера. Таким образом, налицо использование музыки как элемента сюжета, где музыкальность выполняет иллюстративную функцию. Однако драматург не ограничился внедрением музыки в сюжетную линию.

Рассмотрим, как драматург использует музыку на других уровнях пьесы. Большую часть первого действия герои ведут неспешные беседы, ожидая приезда джазовой дивы. На первый взгляд может показаться, что музыканты говорят о незначительных вещах, ссорятся, не могут решить, с какой песни начать репетицию. Каждый из собеседников (Катлер, Толедо, Слоу Дрэг и Леви) имеет свои, только ему присущие речевые особенности. Каждый из них время от времени начинает вести монолог, рассказывая истории и примеры из жизни своих братьев. Здесь важную роль играет способность рассказчика вести повествование. Как считают исследователи творчества О. Уилсона С. Хосе и С. Дж. Радж, «повествование для афроамериканцев – это не только монолог. Оно принимает вопросно-ответную форму, напоминающую структуру блюзовой музыки» [7, р. 43]. Рассказ каждого героя – отдельная картина из жизни афроамериканцев, своеобразное «соло» на заданную тему, подобное тому, что исполняют сами музыканты на своих инструментах.

На подобное сходство монологической речи героев и блюзовой формы указывает и Ким Перейра: «Каждая история похожа на сольное представление в джазовом квартете, хотя и несет в себе характеристики отдельного «эпизода» по отношению к главной теме на эмоциональном и образном уровне... мы понимаем, что соло не только не прерывает повествование, но и придает особую атмосферу пьесе, так образом работая на драматическом уровне, пока пьеса движется к своему крещендо» [9, р. 69].

Самым большим мастером повествования в пьесе является Катлер – ему принадлежат самые яркие монологи. Картины из повседневной жизни обычного афроамериканца, простые и понятные собеседникам, рассказаны живым и красноречивым языком. Способность Катлера вовлекать собеседника в свой монолог, постоянно поддерживать обратную связь со своим собеседником – это отражение способности блюзового музыканта вовле-

катель зрителя в свое представление. Так, в своем рассказе о священнике по имени Гейтс Катлер постоянно обращается к «публике»:

Катлер: ... Я расскажу вам кое-что. Преподобный Гейтс...ты знаешь, кто такой преподобный Гейтс? ... Слоу Дрэг знает, о ком я говорю. Преподобный Гейтс ... Сейчас я покажу вам, как это бывает, когда белому все равно, кто ты такой... [10, р. 469]. Именно этот монолог приводит антагониста Леви в разъяренное состояние. Затронутая Катлером тема Бога болезненно отзывается в душе Леви возмущением и заканчивается вызовом самому Богу и гневными требованиями справедливости:

Леви: ... Бог Катлера! Приди и спаси этого негра! Приди и спаси его также как ты спас мою маму! Спаси его как ты спас мою маму! Я слышал ее, когда она звала тебя! ... А ты повернулся к ней спиной? Ты повернулся к ней спиной? (Леви становится настолько поглощенным этим диалогом с Богом, что забывает о Катлере и пронзает ножом воздух, пытаясь достать до Бога) Давай! Давай повернись ко мне спиной! Давай! Где ты? Давай, повернись ко мне спиной!... [10, р. 472].

После этого яростного монолога следует лиричное блюзовое соло Ма Рейни, которое контрастирует с монологом Леви только внешне. «Мать блюза» еще раз подчеркивает принадлежность Леви к его корням, истории и народу – всему тому, от чего герой готов отказаться ради денег и мести.

Как видно из вышеуказанного примера, ритм пьесы меняется несколько раз, а каждая импровизация проходит в своем эмоциональном ключе, раскрывая новые стороны характеров героев.

Такая смена повествовательного ритма происходит не единожды в течение пьесы. Так, в первом действии появление в студии Ма Рейни только усиливает напряжение. Диалоги между героями становятся более резкими, напряжение нарастает. Неожиданно словесные перепалки между персонажами переходят в монолог Леви – трагические воспоминания детства, когда белые бандиты надругались над его матерью. Долгий монолог с многочисленными паузами, тяжелый по своей эмоциональной окраске, контрастирует с предыдущими соло и пустыми разговорами. После долгой паузы один из музыкантов исполняет блюз, выражая тем самым боль и трагедию афроамериканцев, и расширяя личную трагедию Леви до национальных масштабов.

Так реализуется иллюстративная функция, которая, однако, присутствует в расширенном ключе и не ограничивается только дублированием сюжета на музыкальном уровне. Блюз помогает высказать то, что нельзя передать словами – невыразимые тонкие эмоциональные переживания, дополнительные смыслы и измерения.

Функция ритмизации также присутствует в пьесе, хотя и не так явно, как иллюстративная. Во-первых, монологи героев строятся по аналогии с блюзовым соло – переходя от одного музыканта к другому, каждый из них раскрывает свою тему доступными ему средствами. Во-вторых, драматург часто использует принцип джазовой (блюзовой) импровизации на литера-

турном уровне, когда заданная тема становится основой для монолога (иногда довольно длительного). Так, например, Толедо «импровизирует» на тему «женщины»:

Слоу Дрэг: Черт, я никогда не видел, чтобы ты связывался с женщинами. Думал, вместо женщин тебя интересуют книги.

Толедо: Конечно, я связывался с ними. Связался с целой кучей женщин. И еще свяжусь с другими. Но я с никогда не дам им задурить мне голову. Что ты думаешь? Что я пришел в этот мир взрослым, с головой зарывшись в книги? И я был молодым. Женился. Завел детей. Я повидал всякое и любил женщин так, что тебе и не снилось. Аж мурашки бежали по спине.

Слоу Дрэг: Я не знал, что ты женат.

Толедо: Конечно. Законно. Я женат законно. Есть бумаги и все такое. Был женат всю жизнь. Сделал свои пометки. Следовал сигналам на дороге. Игнорировал другие. Я через все это прошел. Я затронул, и меня затронуло это. Но я никогда не был одурачен дважды. Вот все, что я могу сказать [10, р. 466].

Собеседник как бы подает тему для импровизации – «женщины», «женитьба» и т.д. Задача музыканта – исполнить свою импровизацию, выполнить ее мастерски, среагировать на «подачу».

Наиболее остро на «темы для импровизации» реагирует Леви – самый молодой и неуравновешенный среди четырех музыкантов. В первом действии его попытка импровизации закончилась полным горечи монологом о трагических событиях детства. Во втором действии после таких же попыток импровизации эмоции Леви выходят из-под контроля, в порыве гнева он убивает Толедо. В финале пьесы «слышен звук трубы, трубы Леви, приглушенный звук ее пытается взять самые верхние ноты и издает звуки боли и предупреждения» [10, р. 480]. Тем самым, именно блюз пытается высказать то, что не может произнести вслух герой – отчаяние, ужас от произошедшего и раскаяние.

Несмотря на вынесенное в заглавие имя Ма Рейни и ее вовлеченность в сюжетную линию пьесы, не она является главной героиней. Ее присутствие и исполнение блюза – дополнительная иллюстрация к происходящим событиям. Блюз является не только формообразующим элементом пьесы, он несет в себе функцию раскрытия подтекста, придавая более широкий масштаб происходящим событиям. Леви – единственный персонаж, готовый отказаться от своего прошлого, его желание «чтобы белые меня уважали» приводит к отказу от самого себя, своей истории и своих корней. В отличие от Леви Ма Рейни – певица, которая «поет, потому что это способ понимания жизни» – четко осознает суть блюза для афроамериканцев: «Белые ничего не смыслят в блюзе. Они слышат, как эта музыка играет, но не знают, как она попадает туда. Они не понимают, что так говорит с ними жизнь» [10, р. 460]. Таким образом, для афроамериканцев блюз – не просто

музыка для развлечения. Это память о прошлом, связь со своими истоками, осознание своей идентичности.

Итак, драматург О. Уилсон использует несколько функций музыки (блюза) в структуре своего драматического произведения.

Сюжетные особенности данной пьесы уже предполагают внедрение музыкальной темы в тематический пласт произведения. Кроме того, блюз часто служит иллюстрацией, не только комментируя действие, но и раскрывая его подтекст и дополнительные смыслы. То есть, данная функция используется в своем расширенном виде.

Функция контрапункта практически не используется драматургом, так как блюз не противоречит и не контрастирует с сюжетом, а идет с ним параллельно.

Функция ритмизации является основной для драмы О. Уилсона. Блюз служит для драматурга организующей формой и присутствует в виде «блюзовых соло», смены ритма и «тональности», импровизации. Уилсон сознательно вводит принципы блюза в произведение драматургии, считая их ведущими и формообразующими. Блюз, таким образом, - это суть данной пьесы. Он приводит к появлению конфликта, он движет действие вперед, он лежит в основе морали пьесы и ее структурных особенностей. Как говорил сам драматург, «Я не пишу о блюзе. Я не нахожусь под влиянием блюза. Я и есть блюз» [6].

Список литературы

1. Гильманова А.А. Драматургия Сэма Шепарда в свете взаимодействия искусств: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 168 с.
2. Зись А.Я. Виды искусства. – М.: Знание, 1979. – 128 с.
3. Катышева Д. Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. – СПб.: СПбГУП, 2001. – 208 с.
4. Михалев В.П. Видовая специфика и синтез искусств. – Киев: Наукова думка, 1984. – 100 с.
5. Хангельдиева И.Г. Музыка в синтетических видах искусства. – М.: Знание, 1987. – 64 с.
6. Flatow Sh. August Wilson and the power of blues // Playbill. – March, 22. – 1996. – [Электронный ресурс]: www.playbill.com/features/article/64255-August-Wilson-and-the-power-of-blues
7. Jose S., Raj S. J., Dr. African culture and oral narratives: an analysis of the storytelling in August Wilson's *Ma Rainey's black bottom*// Discourse (Xaverian Research journal), Vol. I. – No.1. – March. – 2013 – P. 41–45.
8. Lyons B., Plympton G. August Wilson // The Art of Theater. – № 14. – [Электронный ресурс]: www.theparisreview.org/interviews/839/the-art-of-theater-no-14-august-wilson
9. Pereira K. Music and mythology in August Wilson's plays // The Cambridge Companion to August Wilson. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. – P. 65–74.
10. Wilson A. *Ma Rainey's black bottom* // Plays from the contemporary American theater. – New York: Signet Classic, 2002. – P. 411–480.

Понятие деривационного потенциала языковой и концептуальной систем

В статье раскрывается понятие деривационного потенциала, которое в настоящий момент приняло универсальный характер ввиду масштабности его изучения на всех уровнях языковой системы. Деривационный потенциал исследуется в широком и узком аспектах. В связи с возникновением когнитивной науки понятие деривационного потенциала экстраполировалось и на концептуальный уровень.

This article reveals the notion of derivative potential, which takes nowadays universal character considering the range of its studying at all levels of language system. The derivative potential is examined at broad and narrow perspectives. Cognitive science has extrapolated the notion of derivative potential at conceptual level.

Ключевые слова: деривационный потенциал, словообразование, ассоциативный потенциал, деривация текста, когнитивная лингвистика концептуальная деривация.

Key words: derivative potential, word formation, associative potential, derivation of the text, conceptual derivation.

Вопрос о деривационном потенциале, вследствие своей вторичности по отношению к понятию деривации, был принят во внимание исследователями сравнительно недавно, причем он изучался не в качестве отдельного объекта, а как один из аспектов деривации в целом. Лингвист, освещающий какое-либо видоизменение в языке, как правило, рассматривает в том или ином ракурсе и вопрос о его деривационном потенциале. Несмотря на вышеупомянутую вторичность объекта, сам термин имеет междисциплинарный характер с довольно длительной историей.

Так, в схоластической философии было известно такое понятие, как «потенциальность», которое определялось как свойство материи проявлять свои различные возможности в определенном континууме времени и пространстве. Современная философия пытается вскрыть причины возникновения потенциальности, выявить ее зависимость как от характера объекта, так и от внешних факторов. Так, во-первых, отмечается, что потенциальности присуща некая субстанция. Во-вторых, эта субстанция должна обладать «жизненной» энергией, причем, чем живее такая субстанция, тем больше ее потенциальность. Потенциальность как некая энергетическая материя обладает перспективой изменения структуры, проявляющейся в некоторой форме, в определенном пространстве и периоде времени. По-

тенциальность непосредственно связана с фактом реализации: очень трудно представить себе какую-нибудь потенциальность, ни разу не «увидев» ее в динамическом движении и не зафиксировав ее результатов. Поэтому в большинстве случаев изучение потенциальности, особенно в языкознании, имеет ретроспективный характер.

Субстанция, имеющая тенденцию к изменениям, обладает определенной структурой, а структура предполагает наличие элементов, которым присуща потенция, то есть внутренняя сила изменения. Потенция элементов соотносится с потенциальностью всей системы так же, как частное соотносится с общим, что, по словам А.В. Бондарко, дает языковым элементам способность «участвовать в передаче определенного семантического и/или структурно-синтаксического содержания» и определяет «перспективу функционирования этого элемента» [3, с. 22].

Совокупность потенциальности и потенции элементов к изменениям мы будем называть деривационным потенциалом. Данная категория, по нашему мнению, относится к числу универсальных, так как имеет место на всех уровнях языка. В зависимости от цели исследования лингвисты выделяют деривационный потенциал на уровнях лексическом, семантическом, текста и дискурса, а возникшее когнитивное направление автоматически экстраполировало данную категорию на концептуальный уровень, что позволило посредством деривационного потенциала языковых единиц определить возможности развития мышления.

Анализируя деривационный потенциал элементов языковой системы, исследователи раскрывают специфические стороны деривационных способностей единиц языка, и в целом деривационный потенциал изучается в узком и широком аспектах [15, с. 15].

Широкое понимание деривационного потенциала связано с его обобщённым анализом и с изучением тех законов, которые лежат в основе всей словообразовательной системы языка, обладающей совокупностью языковых категорий [15, с. 15]. Ввиду многогранности объекта исследования в настоящий момент существуют различные варианты изучаемого понятия, учитывающие не только синтагматический уровень, но и парадигматический, причем как в синхроническом, так и в диахроническом планах.

Реализация деривационного потенциала, по мнению К.И. Бринева, происходит в двух направлениях. Первое проявляется в специализации значения деривата, «причем развитие данной спецификации выражено как формально, так и семантически», а дериват представляет собой языковую единицу осложненного типа [4, с. 78].

Вторая сторона реализации деривационного потенциала, как считает К.И. Бринев, «связана с извлечением прямого неспециализированного значения мотивирующего слова/значения, которое находит выражение в своей внутренней форме» [4, с. 79]. Автор делает акцент на необходимости совместного изучения семантической структуры языковой единицы и ее деривационного потенциала, так как именно на фоне семантической структуры

можно наиболее полно определить особенности ее изменения. По К.И. Бринеvu внутрисистемное положение мотиватов является суппозицией, предпосылкой, определяющей потенциал их деривационного функционирования. Понятие «мотиват» определяется как результативный элемент некогда протекавшего деривационного процесса. Он является элементом системы языка и самостоятельной функционирующей единицей, обусловленной параметрами коммуникативного порядка [4, с. 78].

Узкое понимание потенциала рассматривает деривационные возможности каждого языкового элемента в отдельности. В большинстве случаев центральным объектом исследования является словообразовательный потенциал, то есть выявление деривационного потенциала слов, словообразовательных и словоизменительных единиц, причем подчеркивается необходимость изучить не просто перечень словообразовательных средств, а проанализировать их в совокупности со всей словообразовательной системой [11, с. 8–9]. Подобной точки зрения придерживается и С.В. Арюхова, рассматривающая словообразовательный потенциал в трех направлениях: целостность языковой системы, совокупность деривационных процессов и взаимоотношения словообразовательных единиц. По мнению ученого выявление словообразовательного потенциала любых языковых единиц прогнозируется их семантической структурой, состоящей из компонентов, то есть определенного набора сем, индивидуальных для каждой лексемы. Таким образом, семантический компонент рассматривается как важнейший элемент при деривации [2, с. 3]. Ряд других исследователей также рассматривают семантический фактор как определяющий при возможности языковых единиц к различным трансформациям, называя подобную способность семантическим потенциалом [16, с. 24].

Изучение деривационного потенциала словообразовательных единиц на синтагматическом уровне позволило авторам также раскрыть некоторые особенности образования и изменения лексических единиц. Так, по мнению Н.Н. Щербаковой словообразовательный потенциал носит креативный характер, сближаясь с таким понятием, как языковая игра. В данном случае необходимо изучение контекстуального окружения новой единицы, что в свою очередь способствует переосмыслению не только ее семантической, но и словообразовательной структуры [19, с. 219]. А.В. Морозов в качестве основного метода изучения деривационных возможностей языка предлагает перевод с одного языка на другой с последующим обратным переводом. В данном случае, как утверждает автор, возникает определенное межъязыковое пространство, в котором раскрываются деривационные возможности языковой парадигмы, которая может быть незаметна говорящим на родном языке [13, с. 71].

Т.А. Агеева анализирует деривационные возможности языковых единиц через ассоциативный потенциал, который является платформой для развития многозначности слова. На ярких примерах образования языковой

игры Т.А. Агеева показывает прямую зависимость деривационного потенциала слова от его многозначности. Для описания деривационного поля полисемантического слова Т.А. Агеева вводит понятие «база», характеризуя ее как некую потенцию у каждой многозначной языковой единицы [1, с. 46]. На наш взгляд, изучение ассоциативного потенциала позволяет рассмотреть лишь одну сторону разветвленного процесса деривации, а именно, преобразовательную способность языковой единицы на основе ассоциативного мышления, не затрагивая многие другие стороны.

Другим аспектом изучения ассоциативного потенциала является попытка спрогнозировать появление новых лексических единиц. Так, исследуя словообразовательный потенциал русских субстантивов с нулевым суффиксом, Т.Ю. Гаврилкина утверждает, что наибольшим деривационным потенциалом обладают словообразовательные типы субстантивов со значениями «лицо», «отвлеченный признак» и «место». Ограничениями при реализации деривационного потенциала автор называет факторы «антинеблагозвучие» (например, мелкий → *мелчь, бурный → *бурнь), «антисинонимичность» и «антиомонимичность». Ограниченным деривационным потенциалом, по результатам исследования ученого, обладают существительные с названием орудий, отвлеченных понятий и женскости [6, с. 41–43].

При изучении номинативного потенциала глагольно-именных словосочетаний М.А. Грошева пытается выявить те модели, которые определяются в качестве способа обозначения объекта действительности, складывающиеся из номинативных возможностей и тех когнитивно-коммуникативных свойств, которые обуславливают «конкурентоспособность» того или иного способа номинации в системе языка [9, с. 4].

Некоторые исследователи рассматривают словообразовательный потенциал в более обобщенном характере, выявляя закономерности словоизменения того или иного языка. Например, А.Р. Попова приходит к выводу о том, что деривационная способность слова в целом реализуется двумя способами: вглубь и вширь. Деривация по типу «вглубь» имеет место при изменении идеального содержания с полным сохранением материальной оболочки, а при деривации «вширь» изменяется не только «идеальное содержание», но и частично изменяется материальная оболочка [14, с. 128]. Следует отметить, что два направления развития слов соответствует трем магистральям номинации, предложенным В.Г. Гаком: формирование новых значений, создание производных слова и образование фразеологических единиц, в состав которых данное слово входит в качестве компонента [5, с. 109].

На уровне деривационных возможностей текста или дискурса авторы выделяют ретроспективный и перспективный подход. Метод ретроспекции предполагает выявление особенностей внутри- и межъязыковой деривации и установление генетического единства текста-основы и его деривата. При перспективном подходе деривация текста рассматривается как процесс

функционально-семантического продления текста-основы в речевой деятельности носителя языка, которая является внутренней формой для деривата. Оба подхода имеют такие объединяющие компоненты, как реферативная ситуация, адресант и адресат [18, с. 234–232]. Данный факт, по нашему мнению, сближает понятие текста с пропозицией, что подчеркивает универсальность последней. Также некоторые исследователи при анализе деривационного потенциала текста опираются на понятие «внутренняя форма». Содержание внутренней формы, по словам Н.Н. Шпильной, складывается из совокупности смысловых «сфер» (то есть субъекта, объекта, предиката), которые отражают весь комплекс процессов смыслообразования, получающих конкретизацию на текстовом уровне. Деривационный потенциал внутренней формы текста определяется его внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условно-технической) природой [18, с. 233–234].

При рассмотрении деривационного потенциала языковой системы невозможно не учитывать когнитивную основу деривации. Исследуя способности языковых единиц к деривации, ученые выделяют разные аспекты этого процесса, что находит свое отражение в его наименованиях: например, номинативно-когнитивный потенциал [8]; когнитивно-деривационный потенциал [17]; функционально-когнитивный потенциал [10].

Так, К.А. Шипков усматривает в когнитивно-деривационном потенциале языковых единиц «способность формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям» [17, с. 28].

В.С. Горбунова, характеризуя номинативно-когнитивный потенциал лексических единиц, кроме указания на их способность «служить средством именованя каких-либо предметов или понятий», акцентирует внимание на сопутствующей способности «хранить и передавать соответствующую информацию» о реалиях человеческой жизни [8, с. 4]. Самым важным показателем номинативно-когнитивного потенциала лексем, обозначающих вещественный мир человека, В.С. Горбунова признает наличие артефакта.

Функционально-когнитивный потенциал языковой единицы реализуется, по мнению Ф.Р. Имамутдиновой, в знании о предмете или явлении, которое вербализуется при помощи языковой структуры. Функционально-когнитивный потенциал реализуется там, где переплетаются и взаимодействуют функции языка и функции той деятельности, с которой связан концепт. Например, исследуя функционально-когнитивный потенциал концепта «говорить», Ф.Р. Имамутдинова указывает на взаимодействие функции языка и, соответственно, функции речевой деятельности [10, с. 28]. То же самое можно, например, сказать о концепте «игра», если рассматривать его в свете данной концепции – функционально-когнитивный потенциал этого концепта реализуется во взаимодействии функции языка и функции игровой деятельности человека.

Вслед за Ф.Р. Имамутдиновой мы исходим из того факта, что существует некое начало, некий элемент, который определяет сущность культурных концептов. При совмещении элементов таких концептов с различными жизненными ситуациями, которые сложились в современном обществе, такие элементы начинают взаимодействовать, приобретая различную социальную окрашенность. В целом проблема взаимодействия концептуального и языкового уровней является весьма сложной, так как говорящему приходится реализовывать свои знания (концептуальные структуры), отличающиеся нескончаемым богатством, при помощи детерминируемого и относительно ограниченного числа языковых единиц. Следовательно, семантический компонент одной и той же языковой единицы может реализовываться по-разному в разных речевых условиях. В связи с этим М. Тернер и Ж. Фоконье высказали идею о том, что необходимо отказаться от понятия «значения выражения», а правомернее использовать термин «потенциал значения» [meaning potential] [20, с. 37]. Развивая положения теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, Ф. Греа отмечает, что семантический потенциал лексической единицы раскрывается полностью только внутри своеобразной интегративной сети. По его мнению, неправомерно ограничиваться рассмотрением семантического потенциала лексемы, речь должна идти и о ее концептуальном потенциале [21, с. 65].

Представляется целесообразным разделить все элементы концептуальной системы с точки зрения деривации на два больших класса: зона-донор и зона-реципиент, а каждый отдельно взятый конструкт знания (концепт) рассматривать соответственно, как концепт-донор или как концепт-реципиент. Концепт-донор должен обладать определенным деривационным потенциалом, то есть способностью переносить свою структуру (или ее часть) на концепт-реципиент, перестраивая его структуру. В свою очередь, концепт-реципиент по своей природе должен обладать «пропускной способностью», то есть способностью «пропускать» через свою структуру информацию, поступающую извне и менять свою «форму».

Попытка не только определить качественные характеристики деривационных процессов, но и «измерить» деривационную динамику при помощи более точных математических параметров, то есть вывести количественные характеристики, была предпринята С.П. Кушнеруком, который предложил термин «дериватометрия» и для которого данный процесс складывается из трех составляющих: деривационной продуктивности, корреляционной зависимости между деривационными и функциональными параметрами и деривационной валентности [12, с. 175]. Исследуя деривационную валентность, лингвист ввел понятие «валентностная мощность», которая проявляется во взаимодействии языковых единиц на уровне синтагматики.

Построение определенных моделей концептуальной деривации с учетом как качественных, так и количественных параметров, по нашему мне-

нию, должно базироваться на динамической характеристике не только действующих, но и потенциально заложенных элементов концептуальной структуры, чтобы определить тот потенциал, на основе которого в процессе концептуальной деривации производятся и воспроизводятся новые элементы.

Мы считаем, что единицы языкового и концептуального уровней не только обладают «мощностью» тех элементов, которые характерны для них в данный момент состояния языковой/концептуальной системы, но что потенциально в ней содержатся и элементы, утратившие в изменившихся социально-исторических условиях свою значимость. Они как бы «затухли», но в определенный момент готовы опять «разгореться», давая тем самым импульс для деривационных процессов.

Список литературы

1. Агеева Ю.В. Семантическая деривация в русском языке новейшего периода: На базе адъективной лексики: дис. ... канд. филол. наук. – 1997. – Казань. – 179 с.
2. Артюхова С.В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – 2005. – Махачкала. – 205 с.
3. Бондарко А.В. Субъектно-предикативно-объектные ситуации. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.
4. Бринев К.И. Внутренняя форма русского слова как носитель потенциала его деривационного функционирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – 2002. – Кемерово. – 144 с.
5. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260–265.
6. Гарилкина Т.Ю. Деривационный потенциал словообразовательных типов с нулевыми суффиксами (на материале имен существительных) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 8. – С. 40–44.
7. Голев Н.Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. ст. / под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – 2001. – Вып. 3. – Барнаул. – С. 20–27.
8. Горбунова В.С. Специальные словосочетания английского языка в текстах строительного профиля: Номинативно-когнитивный потенциал: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – 1999. – М. – 214 с.
9. Грошева М.А. Номинативный потенциал глагольно-именных словосочетаний типа «принять решение» и «to give a smile»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – 2004. – Тюмень. – 23 с.
10. Имамудинова Ф.Р. Функционально-когнитивный потенциал глаголов речи в русском и английском языках: На материале ядерных компонентов сферы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – 1999. – Уфа. – 148 с.
11. Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Краснодар, 1993. – 31 с.
12. Кушнерук С.П. Дериватометрия // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики: Тезисы докладов. – 1991. – Пермь: Пермский ун-т. – С. 175–177.

13. Морозов А.В. Обратный лексикографический перевод как метод исследования деривационного потенциала русского слова в межъязыковом пространстве // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 71–74.
14. Попова А.Р. Реализация словообразовательного и фразеобразовательного потенциала лексической единицы русского языка // Учёные записки Орловского государственного университета: Научный журнал. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 3. – С. 128–133.
15. Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале как языковой категории // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-3 – С. 15–16.
16. Шарикова А.А. Деривация. Аспект. Семасиология: Учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет. – 2000. – 112 с.
17. Шипков К.А. Когнитивно-деривационный и интерпретационный потенциал языка права: На материале терминосферы «Теория государства и права»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – 2004. – Ставрополь. – 182 с.
18. Шпильная Н.Н. Внутренняя форма текста как носитель потенциала его деривационного развития // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – Том 4. – № 4. – С. 232–236.
19. Щербакова Н.Н. О роли контекстуального окружения в выявлении креативного потенциала деривационной системы русского языка // Уральский филологический вестник: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 2. – С. 218–221.
20. Fauconnier G. Mappings in thought and language. – Cambridge: University Press, 1997. – 206 p.
21. Gréa Ph. Les limites de l'intégration conceptuelle // Language. La constitution extrinsèque du référent. – 2003. – № 150. – P. 61–74.

Семантическая модификация терминологической лексики русского языка новейшего периода

Исследуется проблема семантических изменений терминологической лексики и некоторые особенности одного из процессов, который отражает изменения в семантической структуре терминов – процесса семантической модификации. Подробнее рассматривается названный процесс на уровне эмотивного, или эмоционально-оценочного, компонента значения, представляющего ту часть семантики, которая содержит принятое в данном языковом коллективе эмоционально-оценочное отношение к реалии.

The problem of semantic changes of terminological vocabulary and some features of one of the processes, which reflects changes in semantic structure of terms i.e. the process of semantic modification is being examined in this article. The above said process is examined in details, on the level of emotive or emotional-evaluative component of meaning representing that part of semantics which has accepted in this speech community emotional-evaluative reference to the actual.

Ключевые слова: терминологическая лексика, термин, семантические изменения, семантическая модификация, лексико-семантический вариант.

Key words: terminological lexics, semantic changes, semantic modification, lexical-semantic variant.

Значительные изменения, происходящие в последнее время во всех сферах общественной жизни – политической, социально-экономической, государственно-правовой, культурной, – оказывают огромное влияние на языковую ситуацию. Язык, функционируя и развиваясь в тесной взаимосвязи с обществом, живо реагирует на перемены. Об этом свидетельствуют активные трансформации словесных единиц, выявляющиеся на разных языковых уровнях, в том числе – семантическом.

Проблема семантических изменений в лексике русского языка новейшего периода не получила еще достаточного освещения в специальной лингвистической литературе. Это объясняется новизной предмета исследования, а также сложностью его лексикографического отражения. Несмотря на то что издаваемые в настоящее время словари современного русского литературного языка не всегда оперативно и полно отражают происходящие в языке изменения [3], сравнительный анализ лексикографических источников последних лет и предшествующих десятилетий даёт довольно наглядную картину основных тенденций в семантических трансформациях русского языка новейшего периода.

Как показывают наблюдения, в настоящее время семантические изменения затрагивают значения слов-терминов. Семантическим преобразованиям подвергаются лексические единицы различных терминологических групп. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что сдвиги в семантике указанных словесных единиц могут касаться семантической структуры слова в целом или структуры отдельного значения [4, с. 37; 8, с. 23].

Особый интерес представляют семантические изменения, происходящие в значении отдельного лексико-семантического варианта слова-термина. «Семное варьирование прямого лексического значения слова – один из «резервов» развития лексического значения слова» [9, с. 10]. Как показывают исследования, на уровне структуры отдельного значения термина семантические изменения предстают как процессы семантической модификации, связанные с изменением семного состава отдельных лексем. Подобные трансформации наблюдаются на уровне разных микрокомпонентов значения: денотативного, эмотивного, собственно-языкового и эмпирического [4].

Многочисленные семантические изменения наблюдаются в лексических единицах современного русского языка на уровне эмотивного, или эмоционально-оценочного, компонента значения, представляющего ту часть семантики, которая содержит принятое в данном языковом коллективе эмоционально-оценочное отношение к реалии. Данные изменения, обусловленные, как правило, сдвигами в денотативном содержании, связаны со сменой знака оценки. Известно, что термин «интеллектуально чист» [2, с. 3], то есть отрешен от образных и эмоциональных переживаний, лишен экспрессивности; термин – коннотативно нейтральное слово.

Подтверждая вышесказанное о признаках термина, толковые словари в большинстве случаев определяют термины однозначными, «интеллектуально чистыми».

Вектор. Спец. Величина, характеризующаяся числовым значением и направлением, изображающаяся отрезком прямой со стрелкой [1, с. 116].

Гумус. Спец. Перегной растительного и животного происхождения, содержание которого в почве служит показателем ее плодородия [1, с. 235].

Имплантация. Мед. Хирургическая операция вживления в организм человека или животного биологических или искусственных тканей, органов и т.п. [1, с. 390].

Клинч [*англ. clinch зажим*] спорт. В боксе: запрещенный прием, когда соперники, сблизившись, захватывают друг друга [5, с. 327].

Кома. Мед. Тяжелое болезненное состояние, связанное с нарушением сознания и резким ослаблением реакции организма на внешние раздражения [1, с. 443].

Конвертация. Экон. Перевод стоимости одной национальной валюты в другую, осуществляемый по определенной шкале [1, с. 447].

Люминесцентный. Физ. Основанный на люминесценции; связанный с ее проявлением [1, с. 510].

Маховик. Техн. Маховое колесо [1, с. 526].

Планктон. Спец. Скопление мельчайших растительных и животных организмов (бактерий, водорослей, моллюсков, личинок и т.п.), живущих в толще воды морей, рек, озер и переносимых течением [1, с. 838].

Популяция. Спец. Длительно существующая совокупность особей одного вида животных или растений [1, с. 923].

Рента. Экон. Регулярно получаемый доход с капитала, имущества или земли, не требующий от своих получателей предпринимательской деятельности [1, с. 1117].

Санация. 1. Мед. Профилактико-лечебные мероприятия по оздоровлению организма. 2. Экон. Система мер, проводимых для предотвращения банкротства или повышения конкурентоспособности крупных предприятий (обычно с помощью банков или государства) [1, с. 1147].

Тромб. Мед. Сгусток крови, образующийся в кровеносном сосуде [1, с. 1347].

Файл. Информ. Совокупность взаимосвязанных блоков информации, распознаваемая компьютером как единое целое [1, с. 1413] и др.

Таковыми же они нередко представлены и прессе.

Долгосрочное пребывание космонавтов в искусственной **коме** как способ полета к далеким космическим объектам и обратно [«Известия», 2001.10.05].

По закону «Об особенностях функционирования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период» акции эмитентов присоединенных к России территорий, номинальная стоимость которых выражена в украинских гривнах, подлежат **конвертации** в акции той же категории с номинальной стоимостью в рублях [«Известия», 2002.07.24].

Если это так, то нефть, **планктон** и мухи должны быть и на «небесном отце» – древнем Юпитере [«Известия», 2014.05.07].

Инвентаризация между тем показала, что потребуется **санация** неэффективных расходов, сокращение убыточной части инфраструктуры, в том числе зарубежной [«Известия», 2002.12.26].

На аукционе было подано рекордное количество заявок на каждый **лот** (500 тонн минтая), так что цены всякий раз поднимались в среднем по четыре раза [«Известия», 2002.01.11].

Ученые считают, что сформировалась особая городская **популяция** краквы, оседлая, которая осенью не улетает на юг, а зимует здесь же, в городе, где потом с успехом размножается [«Известия», 2003.02.18].

Но, функционируя не в научном дискурсе, а в публицистическом, некоторые термины помещают в пустующую «клетку» семантики оценочность, что нередко основывается на субъективно-групповом рациональном и эмоциональном переосмыслении семем.

Этому процессу соответствует перераспределение сем в структуре данного лексического значения, вследствие которого оценочный компонент, ранее отсутствовавший, становится одним из главных.

При этом возможны варианты:

1) термин продолжает обозначать тот же предмет (явление) окружающей действительности, то есть замены интегральной семы (архисемы) не происходит, с уменьшением числа сем собственно сигнификативного характера (расширение значения):

А предоставляемая возможность «дополнять» Основной закон и федеральные конституционные законы иными правовыми актами может выхолостить суть реформы [«Независимая газета», 2003.07.22].

Но если победа и рекорд недостижимы без медицинских средств, происходит девальвация цели [«Известия», 2002.03.19].

Однако клинч в отношениях случился все же не на прошлой неделе, когда Путин в пух и прах разнес подготовленный белорусами вариант Конституционного акта – «основного закона» будущего государства [«Известия», 2002.06.19].

Но общая оценка скорее позитивна: «При правлении Путина, – пишут авторы «Путинской России», – Россия начала убедительно выздоравливать от хаоса постсоветского коллапса...» [«АиФ» № 34 (1243) август 2004, с. 4].

По всем прикидкам, г-н Глазьев не должен был самовывдвигаться. Но когда это ему удалось весьма изоциренным способом, то словно по команде от него отвернулись почти все единомышленники и финансовые спонсоры. Возникла шахматная ситуация цугцванга: снять его с предвыборной гонки – значило сделать гонимым лидером левых, причем недолго. Оставить – оттянет много голосов. Но способ нейтрализовать С. Глазьева нашелся [«АиФ» № 10 (1219) март 2004, с. 2];

2) термин вследствие одного из ассоциативных переносов начинает обозначать другой предмет (явление) окружающей действительности, то есть происходит замена интегральной семы (архисемы) с утратой конкретной денотации и с расширением сигнификации:

Скоро в России действительно может появиться гибрид, который будет состоять из доллара и евро одновременно [«АиФ» № 10 (1219) март 2004, с. 24].

Провокация, собственно, и есть детонатор, способный превратить поп-продукцию в нечто большее. Формула стара, но работает [«Известия», 2012.12.28].

Все разговоры о стремлении США внедрить демократию на Ближнем Востоке – дымовая завеса. Нефть им нужна, а не демократия [«АиФ» № 30 (1239) июль 2004, с. 4].

В последние дни американские средства массовой информации провели настоящие «ковровые бомбометания» по Кремлю. Нет, они не хотели

разрушить наши исторические святыни. Главная цель удара – президент Путин [«АиФ» № 51 (1260) декабрь 2004, с. 4].

Оценка, появляющаяся у терминов в публицистическом дискурсе, как показывает материал, основана или на комплексе ассоциативно-образных представлений, или на семемах-индикаторах, содержащихся иногда в лексикографическом толковании слова-термина. Термин в первом случае, таким образом, может приобретать оценочное содержание в результате перехода нейтрального значения на метасемиотический уровень.

Между тем, хотя спрос на олигархов и высок, но свободных «лотов» не так уж и много. В завидных женихах числятся А. Мельниченко, М. Прохоров, У. Джабраилов, А. Мамут. Правда, в последнее время они все чаще прячутся за кордоном. Уходит целая популяция... [«АиФ» № 24 (1233) июнь 2004, с. 16].

Лот. Экон. Товар, выставленный на аукционе или на бирже для продажи [1, с. 506].

Исходная дефиниция не содержит ни одной оценочной семы, однако ассоциативный комплекс представлений, связанных с аукционом, биржей (торги, соревнование, потеря, сделка, контракт), становится мотивационной базой оценочного переосмысления. Этимология слова [< фр. lot жребий, выигрыш] [5, с. 402] также поддерживает ассоциативный комплекс. Таким образом, лот (в данном контексте) – с эмоцией иронии и отрицательной оценкой об очень богатом неженатом мужчине.

В качестве индикаторов (показателей) оценки в лексикографическом толковании семантики терминологических единиц могут использоваться прилагательные, обозначающие признаки, которые вызывают то или иное общественно обусловленное отношение.

1. Прилагательные, указывающие на несоответствие этическим, эстетическим, социальным и другим нормам, стандартам, принятым в данном языковом коллективе:

Несмотря на все шапкозакидательские инициативы и тактику политической мимикрии «Единой России», Кремль отчетливо представляет реальную ситуацию перед декабрьскими выборами [«Советская Россия», 2003.08.15].

Потом оперные артисты садятся на свое место в оркестре и изображают игру (реально играют их соседи – настоящие оркестранты). Эта мимикрия – пожалуй, самая большая удача проекта, ибо до поры до времени даже профессиональная публика ловит себя на мысли: неужели правда? Неужели они нашли оркестрантов, способных хорошо петь? [«Известия», 2014.06.09].

Производное значение слова **мимикрия**: «Беспринципный отказ от своих убеждений, приспособление к обстоятельствам, к чужим взглядам ради благополучного, бесконфликтного существования» [1, с. 543].

*Это ж надо, какой **симбиоз** получился – молдавские военные вместе с американскими составят самые подробные карты нашей страны* [«АиФ-Молдова» № 6 (398) февраль 2004, с. 3].

*Злые языки заявят, наверное, что в таком случае культурный уровень американских интеллектуалов не превышает показателей Элочки Людоедки. Но они были бы не правы, ибо Людоедка, несмотря на немногочисленные ее достоинства, всё же не была функционером американского государства и не воплощала собой результат длительного **симбиоза** государственных органов Соединенных Штатов с их же университетским сообществом* [«Известия», 2014.06.14].

У существительного **симбиоз** в лексикографических источниках зафиксировано производное значение: «Соединение, сосуществование, сожитительство» [1, с. 1185]; «перен., негат. Тесное объединение кого-л. с кем-л., преследующее неблагоприятные, реакционные цели» [7, с. 598]. Во втором случае добавлено явно оценочное значение, оно заключено в семемах 'неблаговидные', 'реакционные'. В данных контекстах оценка проявляется на идеологической основе, закрепляется как отрицательная и сопровождается эмоцией иронии.

2. Прилагательные, обозначающие эмоции, переживания:

*Если **метастазы** зашли слишком далеко и больной неоперабелен, не лучше ли поместить его в хоспис и прописать анестезирующие старые песни о главном – гимн, звезду, ласковые беседы президента с народом* [Еще один год великого перелома // «Новая газета», 2003.01.16].

*В стране растет и дает многочисленные **метастазы** злокачественная опухоль – Чечня, война в которой уже привела к гибели сотен тысяч мирных людей и чревата новыми жертвами* [«Новая газета», 2003.09.15].

*Случайно ли, что в отдельные регионы стремятся проникнуть выпускники зарубежных ваххабитских школ? И не просто осесть, но и завестись в диверсиях, подрывах трубопроводов, убийствах священнослужителей и поджогах церквей. Это всё **метастазы** раковой клетки, в которую превращает местное сообщество безнаказанность власть имущих и их круговая порука против общества* [«Известия», 2014.01.14].

*Еще выше – полоса вечной осени: грибной лес, переходящий в безвременье каменистого склона. Серый и скучный, он готовит путника к зиме, как декабрь – к Новому году. Снег появляется у перевала. Пока еще большой и рыхлый, он разъедает лето **метастазами** зимы* [«Известия», 2013.05.29].

В БТС термин **метастаз** зафиксирован однозначным: «мед. Вторичный очаг болезни, появившийся вследствие переноса с током крови или лимфы болезнетворных частиц из первоначального очага» [1, с. 537]. Переносное значение фиксируется в другом источнике: «перен., негат. О расширенном проявлении какого-л. негативного общественного процесса,

чувства и т.п.» [7, с. 350]. Негативное оценочное значение заключено в однокоренном прилагательном.

3. Краткие пояснения, содержание которых имплицитно определяет оценочное значение, например: оттенок значения термина *агония* («О последней стадии существования чего-л.; о состоянии упадка, хаоса где-л.» [1, с. 28]) содержит скрытую отрицательную оценку; в термине *дрейф* (спец. «Отклонение движущегося судна от курса под влиянием ветра или течения» [1, с. 284]) отрицательная оценочность скрыта, на наш взгляд, в сочетаниях 'отклонение от курса' и 'под влиянием'; а вот термин *бацилла* в публицистическом контексте может функционировать как с отрицательной оценкой, так и с положительной, то есть обладает амбивалентной оценочностью.

В МАС термин *бацилла* представлен как однозначный: «Бактерия, имеющая форму палочки» [6, III, с. 66]. Данная дефиниция не содержит ни одной оценочной семы, термин употреблён строго в прямом биологическом значении. В БТС также зафиксировано и другое значение: «О каком-л. негативном явлении в области духовной жизни» [1, с. 62]. В данном словаре термин содержит скрытую негативную оценку в однокоренном прилагательном. В «Толковом словаре иноязычных слов» у термина уже отмечено переносное значение: «перен. О каком-н. отрицательном, вредоносном свойстве, распространяющемся подобно заразе». [5, с. 108]. В этом случае отрицательная оценочная характеристика скрыта в семах 'отрицательный', 'вредоносный', 'зараза'. А вот в словаре Г. Я. Солганика термин приобретает оценку эксплицитно: «перен., негат. О том, что служит источником зарождения, распространения вредных, реакционных идей, теорий и т. п.» [7, с. 39]. Негативная оценка содержится в семе 'вредный':

К середине 2006 года в цивилизованных странах забили тревогу, хорошо понимая, что кризисная «бацилла-мутант» рано или поздно может перейти границы России [«Известия» 07.10.2009].

Чудится мне, что под аккомпанемент полонеза Огинского в страну крадутся, пританцовывая, бациллы Большого Беспорядка [«Независимая газета» 23.11.2010].

Такая бацилла радикализма – она всегда в обществе присутствует, так же как вирусы в организме почти каждого человека [«Независимая газета» 17.12.2010].

Вольно или невольно Д. Иванов наглядно показал, как за эти десятилетия изменились отношения между людьми, насколько нынче распространилась бацилла агрессивности [«Литературная газета» № 26, 2005].

Вскоре ММКФ был мирно передан в руки новому президенту – Никите Михалкову, но от фестивальной бациллы лекарства нет [«Независимая газета» 21.03.2010].

Таким образом, исследованные нами словари отмечают так или иначе только негативную оценочную характеристику. Однако в публицистическом тексте термин *бацилла* нередко приобретает положительную оценку:

Ведь сумел же знаменитый голландец Гус Хиддинк за относительно короткое время привить «бациллу» успешности нашим футболистам [«Независимая газета» 17.03.2009].

*Сегодняшние фермеры – пограничное поколение, которое хотя бы чисто теоретически еще может заразить своих детей и внуков **бациллой** сельского хозяйства. Пройдет еще лет десять – и заражать уже будет просто некому. А сейчас – нечем. Чтобы в сельской местности появилась бацилла труда, нужны условия, при которых мелкое фермерство стало бы сферой реального бизнеса, а не точкой приложения героических усилий [«Известия» 31.08.10].*

*А вот «**бациллой** кино» я заразился еще будучи совсем маленьким, в Лос-Анджелесе – в годы работы папы в консульстве – с 1939 по 1943-й [«Независимая газета» 27.07.2008].*

Функционируя в публицистическом контексте, термин, по нашему мнению, расширяет исходное значение за счет приобретения явного оценочного значения, появляющегося на идеологической основе.

Таким образом, термин обладает амбивалентной оценочностью, которую пока лексикографические источники не отмечают.

Немало терминов в публицистическом контексте обретают полярные оценки, сосуществующие, не отрицающие одна другую: *эвтаназия, маховик, окучивать, селекция, форсировать, эквилибристика* и др.

Возникновение оценки на идеологической основе в публицистическом дискурсе приводит к закреплению нейтрального по исходной семантике термина на одном из полюсов (чаще всего со знаком «-») ценностной шкалы. Словари новых слов и значений, «Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения» [7] достаточно оперативно фиксируют возникающую у терминов оценочность. Если сравнить толкования в МАС, БТС и в словарях новых слов и значений, то динамика семантического развития, сопровождаемая появлением оценочности, становится вполне очевидна.

Таким образом, частотное употребление термина в условиях публицистического контекста изменяет его семантику, а потом и оценка, заданная «социальной картиной» общественных отношений приобретает структурно определенную языковую фиксированность.

Как показывают проведенные исследования, изменения в структуре отдельного значения наиболее ярко представлены на денотативном и эмоциональном уровнях.

В целом, семантические трансформации, зафиксированные в современных лексикографических источниках, представляют собой один из активных процессов в развитии русского языка новейшего периода, обусловленный как собственно языковыми, так и экстралингвистическими причинами (в основном, социально-политического и идеологического характера).

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2003 (БТС). – 1536 с.
2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ, филологический факультет. – М., 1939. – Т. 5. – С. 3–54.
3. Загоровская О.В. Изменения в лексическом составе русского языка последних десятилетий XX века и словари // Культура общения и ее формирование. Мат-лы третьей региональной научно-методической конференции по преподаванию культуры общения в школе и вузе. – Воронеж: ВИПКРО, 1996. – С. 46–47.
4. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1990. – 300 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2002. – 944 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М., 1985–1988.
7. Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения. – М., 2004. – 752 с.
8. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979. – 156 с.
9. Стернин И.А., Харченко В.К. К проблеме развития лексических значений слова // Семантические процессы в системе языка: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1984. – С. 9–18.

О градуальном характере категории переходности

В статье выявляется и описывается градуальный характер категории переходности на примере анализа глаголов *make* и *destroy*, так как в рамках классической модели категоризации не учитываются различия категориального статуса членов категории и подвижность её границ.

The article deals with the usages of the transitive English verbs *make* and *destroy*. The classical approach to the categorization of transitive verbs disregards variation in the categorial status of some of its members. By contrast, the paper describes the mechanisms of the gradual ambivalence inherent in the category of transitivity.

Ключевые слова: категория, переходность, классическая модель категоризации, градуальность, прототип.

Key words: category, transitivity, gradual ambivalence, prototype.

Цель настоящей статьи заключается в установлении возможности однозначной категоризации глаголов как «переходных» или «непереходных» в рамках семантических полей «созидание» и «разрушение». Иными словами, осуществляется попытка определить, возможно ли строгое отнесение глагола в одном из значений к категории переходных или непереходных или допускается вариативность (градуальность) категориального статуса в рамках одного лексического значения глагола.

Обращение к переходности обусловлено тем, что данная языковая категория имеет универсальный характер [9, р. 1] и, в широком понимании, отражает «характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия/отсутствия у него прямого дополнения» [4]. Более развернутое определение переходности находим в пособии по теоретической грамматике И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой и Г.Г. Почепцова: «Переходность — лексико-грамматическая характеристика глагола, его способность передавать действие, направленное на объект, или неспособность передавать такое объектно-ориентированное действие, и, следовательно, неспособность сочетаться с прямым дополнением, выражающим объект действия» [3, с. 75].

С данным определением согласуется точка зрения П. Хоппера и С. Томпсон, которые подчеркивают, что традиционно переходность понимается как глобальное (*global*) свойство всего предложения, согласно которому действие «переносится» или «переходит» от агенса к пациенсу. Таким образом, с традиционной точки зрения, переходность обязательно включает как минимум два участника и действие, которое обычно имеет

какой-то результат [7, p. 251]. Примечательно, что, по данным исторических исследований, деление глаголов на переходные и непереходные первоначально осуществлялось исключительно на лексическом уровне и, несмотря на «постоянный процесс постепенной грамматизации <...> до сих пор не получило специального морфологического оформления» [2, с. 124–125]. М.Я. Блох обращает внимание на то, что разделение глаголов на переходные и непереходные более значимо, с точки зрения морфологии, для русского нежели для английского языка, поскольку формы пассивного залога в русском языке строго закреплены за переходными глаголами [1, с. 99].

Подчеркивается также, что большинство глаголов характеризуется амбивалентностью категории переходности, поскольку в различных значениях они могут быть отнесены как к переходным, так и непереходным. Так, А.И. Смирницкий отмечает, что «глаголы не делятся просто и четко на переходные и непереходные: переходность и непереходность могут очень разнообразно и сложно сочетаться друг с другом в одном и том же глаголе» [5, с. 225].

В данной статье рассматриваются глаголы *to make* и *to destroy*, представляющие, соответственно, семантические группы «созидать» и «разрушать». Отметим, что онтологическим свойством категорий «созидание» и «разрушение» является возникновение некой сущности в результате созидательной деятельности и, соответственно, прекращение её существования вследствие разрушения.

Из этого следует, что глаголы в значении «созидать» или «разрушать» обязательно причисляются к переходным, поскольку переходность предполагает воздействие, или «перенос» действия, на объект. В связи с этим выглядит очевидным и логичным вывод о том, что категория переходности в отношении глаголов, описывающих созидание и разрушение, строится по классической модели, поскольку наличие семантического компонента «созидать/приводить к возникновению» и, соответственно, «разрушать, элиминировать» является достаточным для включения данных глаголов в категорию «переходные».

Напомним, что классическая категория определяется с точки зрения совокупности необходимых и достаточных признаков, то есть член категории должен обладать полным набором необходимых и при этом достаточных признаков для гарантированного включения данной сущности в категорию [6; 8; 11]. Следовательно, классический подход к определению категории устанавливает отчетливые и жесткие границы категории и «разделяет вселенную на два множества сущностей – те, которые являются членами данной категории, и те, которые ими не являются» [10, p. 23].

Однако, принимая во внимание теорию переходности П. Хоппера и С. Томпсон [7], становится возможным установить, что структура категории переходности отнюдь не классическая, поскольку она допускает градуальность признака. Согласно этой теории, можно выделить следующий

ряд параметров переходности. В таблице литера А используется для обозначения агенса (Agent), О – для обозначения объекта (Object).

	HIGH	LOW
A. Participants	2 or more participants, A and O	1 participant
B. Kinesis	action	non-action
C. Aspect	telic	atelic
D. Punctuality	punctual	non-punctual
E. Volitionality	volitional	non-volitional
F. Affirmation	affirmative	negative
G. Mode	realis	irrealis
H. Agency	A high in potency	A low in potency
I. Affectedness of O	O totally affected	O not affected
J. Individuation of O	O highly individuated	O non-individuated

Из данной таблицы следует, что высказывание, удовлетворяющее всем параметрам, представляет собой прототип и характеризуется наивысшей степенью переходности. И наоборот, чем меньше признаков обнаруживается в данном высказывании, тем дальше оно располагается от ядра категории, оставаясь на периферии в большей или меньшей степени. Однако статус данных параметров не равноценен. Так, например, параметр «участники действия» (participants) является одним из ключевых, поскольку перенос действия невозможен, если второй участник ситуации эксплицитно или имплицитно не выражен [7, p. 252]. Как отмечает О. Несс, многие исследователи считают, что прототипическое высказывание переходности должно обладать следующими существенными признаками: (1) преднамеренно (volitionally) действующий агент (agent), (2) совершающий конкретное динамичное действие, (3) которое оказывает осязаемое и продолжительное воздействие на конкретного пациента (patient). При этом, событие должно быть представлено как реальное и завершенное [9, p. 15].

Состоятельность данного постулата может быть верифицирована на примерах употребления глаголов *make* и *destroy*.

1) *He'd made a chocolate cake*. Данное предложение характеризуется высокой степенью переходности, поскольку оно удовлетворяет ключевым параметрам переходности: данная ситуация описывается в изъявительном наклонении (realis), в утвердительной форме (affirmative), как намеренное (volitional), законченное (punctual) действие (action) одушевленного лица (agent high in potency), направленное (telic) на создание (totally affected) из соответствующих ингредиентов определенного кондитерского изделия (highly individuated object).

2) *John was making breakfast in the kitchen*. Данное предложение отличается от предыдущего параметром «мгновенность» (punctuality), поскольку видо-временная форма *was making* указывает на длительность действия, и параметром «выделенность» (individuation), так как границы понятия *breakfast* менее определены, чем границы понятия *cake* (завтрак –

это достаточно абстрактное понятие, обозначающее как саму пищу, так и время её принятия, в то время как торт – определенное кондитерское изделие). Более значимым для определения степени переходности высказывания в данном примере представляется параметр «мгновенность» (punctuality). При сопоставлении примеров (1) и (2) становится очевидным, что видовременная [*ha*]'d *made* описывает ситуацию как завершившуюся: виден результат действия – готовый пирог; в то время как во втором высказывании фиксируется момент приготовления, а не конечный результат.

3) *The company has been making quality furniture for over 200 years.* В данном предложении в качестве агенса выступает не человек, а организация (company), что, по мнению П. Хоппера и С. Томпсон, сигнализирует о меньшей степени переноса воздействия на объект. По мнению авторов, такие примеры, как *John surprised me* и *The film surprised me*, значительно отличаются по параметру переходности, поскольку о каком-либо намерении фильма «удивить» кого-либо не может быть и речи, так как фильм – не живое существо, а продукт сознательной деятельности людей. В данном примере мы сталкиваемся с интересной проблемой. С одной стороны, существительное *company* неодушевленное и, поэтому агенс формально неодушевленный. С другой стороны, любой здравомыслящий человек осознаёт, что за компанией «стоят» люди, которые в ней работают, при этом у каждого сотрудника компании свои жизненные интересы и намерения. Из этого, казалось бы, можно сделать вывод о том, что агенс *company* (3) принципиально не отличается от агенса *he* (1) или *John* (2), так как во всех этих случаях речь идёт о людях. Между тем, есть основания для того, чтобы рассматривать *company* как неодушевленный субъект действия. Дело в том, что сотрудники компании, обладающие личностными интересами и намерениями, в данном случае представлены как единое целое, как организация, которая должна иметь единую четкую цель: производство продукции с целью получения прибыли. Именно в этом, на наш взгляд, принципиальное отличие агенса *company* от агентов *he* и *John*, где первый агенс обезличен, а последние, наоборот, представляют собой отдельных личностей с индивидуальными намерениями. Таким образом, помимо описанного параметра «тип агенса» (agency), данный пример отодвигается от прототипа благодаря наличию видовременной формы *has been making*, с помощью которой действие описывается как продолженное, что не позволяет установить точный момент его завершения (non-punctual).

4) *If only you have made this proposal when it was desperately needed!* В данном примере наблюдается снижение степени переходности за счет употребления сослагательного наклонения, благодаря чему ситуация в целом описывается как нереальная, причем, даже потенциально не имеющая реального продолжения, поскольку действие относится к прошлому. Более того, по параметрам «подверженность воздействию»

(*affectedness*) и «выделенность» (*individuation*), данное высказывание еще дальше отодвигается от прототипа, поскольку *proposal*, будучи абстрактным понятием, не может подвергаться какому-либо воздействию со стороны и в силу абстрактности не удовлетворяет параметру «выделенность» (*individuation*). Анализируемые примеры употребления глагола *make* подтверждают имплицитный тезис Дж. Тейлора, разрабатывающего [10, p. 208] теорию П. Хоппера и С. Томпсон о том, что одним из наиболее значимых факторов является одушевленность субъекта действия. Данный параметр имеет столь важное значение постольку, поскольку только одушевленный субъект действует сознательно, преднамеренно, целенаправленно, что удовлетворяет нескольким параметрам переходности, представленным в таблице выше. Таким образом, гипотеза состоит в том, что в тех случаях, когда субъект одушевленный, степень переходности предложения гораздо выше, чем в случае с неодушевленным субъектом.

Обратимся к анализу употребления глагола *destroy* с тем, чтобы проверить выдвинутую гипотезу. В связи с вышесказанным представляется целесообразным разделить примеры на две группы: с одушевленным и неодушевленным агенсом. Примеры представлены в порядке уменьшения степени переходности на основе параметров, рассмотренных выше.

С одушевленным агенсом	С неодушевленным агенсом
1) He physically destroyed the computer by smashing it to pieces. 2) The commission later destroyed its copy, officials say. 3) The rebels have destroyed whole streets. 4) The people destroy the conditions necessary for their own survival.	1) An earthquake destroyed the town. 2) The bomb blast destroyed the village. 3) The disease destroys the body's ability to fight off illness. 4) Our greed may ultimately destroy the planet.

Так, пример (1) в левой колонке таблицы демонстрирует наивысшую степень переходности, удовлетворяя всем параметрам: ситуация описывается в изъявительном наклонении, в утвердительной форме, действие субъекта намеренное и законченное, при этом оно направлено на «выделенный» объект. Следовательно, надо полагать, что данное предложение описывает прототипическую ситуацию. Степень переходности глагольного признака в (2) ниже, чем в примере (1), так как субъект действия (*commission*) не выделен. Предложение (3) по степени переходности располагается ещё дальше от прототипа по двум параметрам: «выделенность» (*individuation*) и «подверженность воздействию» (*affectedness*). В предложении (3) субъект и объект действия обезличены (субъект – массы протестующих людей, объект – улицы, т.е. не единичные сущности), что в свою очередь отражается на параметре «подверженность воздействию» (*affectedness*), так как повреждения участков улиц, скорее всего, носят неоднородный характер (какие-то участки улиц пострадали больше других). В примере

(4) субъект и объект действия не выделены, кроме того, у субъекта, по логике вещей, отсутствует намерение (volitionality) нанести ущерб условиям собственного выживания, ввиду чего данный случай демонстрирует низкую степень переходности.

Высказывания с неодушевленными субъектами действия в правой колонке таблицы располагаются еще дальше от прототипа, поскольку они не удовлетворяют таким существенным параметрам, как «намеренность» (volitionality), «тип агенса» (agency), «выделенность» (individuation), «подверженность воздействию» (affectedness). Во всех этих примерах в качестве агенса выступают либо неодушевленные сущности (earthquake, bomb, disease), либо абстрактное понятие (greed). Поскольку этот агент неодушевленный, то у него не может быть намерений, как было отмечено выше, поэтому, согласно параметру «намеренность» (volitionality), степень переходности низкая. Согласно параметру «выделенность» (individuation), во всех примерах глаголы также характеризуются низкой степенью переходности, поскольку в трех случаях объект действия не выделен (town, village, planet), а в примере (3) агентом является «болезнь» (disease). Данный параметр отражается в свою очередь на имеющем ключевое значение параметре «подверженность воздействию» (affectedness), поскольку степень воздействия на невыделенный объект, как отмечалось выше, значительно менее определена по сравнению с выделенным объектом. Иными словами, характер воздействия землетрясения на город (1), взрыва бомбы на деревню (2), болезни на организм (3) и человеческой алчности на планету (4) гораздо менее конкретен и однороден, нежели степень воздействия кувалды на компьютер. Впрочем, последнее утверждение может показаться спорным. Вполне справедливым выглядит предположение о том, что последствия взрыва мощной бомбы в небольшой деревне могут быть чудовищны: деревня, что называется, может быть стёрта с лица земли. Подобным образом могут быть описаны и два других примера (2) и (3), однако низкая степень переходности данных высказываний по описанным выше трём параметрам («намеренность», «тип агенса», «выделенность») представляется достаточным основанием для того, чтобы утверждать о значительно более низкой степени переходности высказываний с неодушевленным агентом по сравнению с высказываниями с одушевленным агентом, который действует, как правило, намеренно и целенаправленно.

В результате анализа употребления глаголов в значениях «созидать» и «разрушать» на основе представленных выше параметров установлено, что ряд глагольных форм в большей степени соответствует прототипу, поскольку степень переходности данных конструкций приближена к максимальной. Между тем, низкие показатели по параметрам «намеренность» (volitionality), «тип агенса» (agency), «выделенность» (individuation), «подверженность воздействию» (affectedness) отражают резкое снижение степени переходности высказывания, отодвигая его на периферию. Таким образом, установлено, что глаголы в значении «созидать» и «разрушать»

не образуют классическую категорию переходности, что объясняется значительной градуальностью признака. Это является еще одним подтверждением нечеткости границ категории переходности, в которой более или менее определенно можно выделить только ядро и периферию.

Список литературы

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высш. шк., 1983. – 383 с.
2. Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. – Л.: Наука, 1984. – 352 с.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. – М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
6. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. – Cambridge, 2004. – 56 p.
7. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // Language. – 1980. – 56(2). – P. 251–299.
8. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. – Chicago; London, 1987. – 614 p.
9. Næss Å. Prototypical Transitivity. Typological studies in language. – Amsterdam, Philadelphia, 2007. – 240 p.
10. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford, 1995. – 312 p.
11. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Blackwell Publishers. – Oxford, 1999. – 184 p.

**Квазипричастия, заимствованные из арабского языка
(на материале тюрко-татарского произведения
«Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари)**

Предметом исследования в статье являются арабские квазипричастия в тюрко-татарском произведении эпохи Золотой Орды «Нахдж ал-Фарадис»: рассматриваются их некоторые грамматические особенности и приводятся примеры.

The subject of investigation of this article is the adjectives likend to the participles in the Turkic-Tartar work of the epoch Gold Horde “Nahdj al-Faradis”: examined their some grammatical peculiarities and were brought the examples of their usage.

Ключевые слова: арабские заимствования, прилагательные, субстантивация прилагательных, татарский язык.

Key words: arabic adoptions, adjectives, substantivation of the adjectives, tartar language.

Историю развития татарского языка и татарской литературы невозможно представить без основательного изучения древнетюркских и средневековых памятников, потому что в каждом из них отражается история развития языка на определенном этапе. Для воссоздания истории развития татарского языка и его литературных норм необходимо лингвистическое исследование письменных памятников. Также, по мнению Т.А. Шайхуллина, выявление этнокультурного своеобразия языковой картины мира на материале одного языка не имеет доказательной базы, поэтому закономерным является исследование паремий двух разноструктурных и генетически различных языков [8, с. 3].

Произведение “Нахдж ал-Фарадис” (“Путь, ведущий в рай”), написанное в XIV веке, являясь по жанру текстом религиозно-дидактического содержания, имеет богословско-дидактический характер. К настоящему времени известно 11 рукописей памятника «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари. Подлинник отсутствует. Наибольшую ценность для науки представляет стамбульский список, он же является предметом исследования в настоящей работе, так как на сегодняшний день это единственный список, дошедший до нас в полной сохранности. Он состоит из 222 листов (444 страниц).

Список содержит четыре главы произведения «Нахдж ал-Фарадис» и состоит из сорока разделов; сведений об авторе и месте написания нет [5, с. 59–60]. Ф. Нуриева полагает «наиболее вероятным регионом появления

памятника Поволжье и определяет язык произведения как кыпчакизированный вариант золотоордынско-хорезмского литературного языка, то есть как наиболее близкого предшественника старотатарского литературного языка более поздних эпох» [6, с. 19].

Тюркско-татарское произведение «Нахдж ал-Фарадис» изобилует арабскими заимствованиями, особое место среди которых занимают квазипричастия – прилагательные, образованные от глагола.

В арабском языке, в основном, все слова, в том числе и почти все прилагательные образуются от глагола. Отглагольные имена прилагательные принято называть квазипричастиями. Другое их название – прилагательные, уподобленные имени действующего.

Как заметил В.М. Белкин, «имена действующего и поддейственного, отличающиеся друг от друга в плане субъектно-объектных отношений, следует рассматривать, с одной стороны, как ряд именных, весьма специфических отглагольных форм, выражающих понятие о действии (тема глубоко грамматическая), и с другой стороны, – как два ряда именных форм, выражающих понятие о качествах или же лицах, предметах и проч., обозначенных через глагольный признак (тема специально лексикологическая). В этом втором своем употреблении имена действующие и поддейственного выступают либо как прилагательные и речь идет об адъективной функции этих двух разрядов имен, либо как существительные и можно говорить об их субстантивной функции. В последнем случае их значение часто осложняется в процессе последующего терминологирования. Сказанное также относится к прилагательным уподобленным и именам относительным. Все они входят в грамматически однородный именной класс слов, отдельные разряды которого не противостоят друг другу ни по своей словообразовательной структуре, ни по характеру грамматического флектирования» [2, с. 82]. Одно и то же именование слово может характеризоваться по-разному, «в зависимости от его синтаксической роли, от места, занимаемого им по отношению к другим словам» [3, с. 117].

Описывая отглагольное прилагательное, «арабские авторы отражали в термине *صفة مشبهة* обе стороны этой категории, а именно: первым словом передается то, что это имя обозначает признак, качество лица или предмета, а вторым словом (в значении «уподобленный») – то, что оно по своим грамматическим свойствам схоже с именем действующего» [2, с. 263].

В произведении «Нахдж ал-Фарадис» встречаются прилагательные, уподобленные имени действующего имеющие следующие модели (вазны):
1. *فَعِيلٌ* - фэ'иль- прилагательных, образованных по этой модели (вазну) в тексте подавляющее большинство, например:

Пэйгамбэр галэйһи эс-сэламгэ бирелгэн нурның зэррәсе заһир булса ирде, халыкка һичкем эрсэ аны тэхәммел кылу билмәз ирде, нәтәк кем күзе **зэгыйфь** (от араб. *ضَعِيفٌ* «слабый, бессильный, недостаточный, больной»)

кем эрсэ күнгэ карап, аны күрмэгэн шикелле [4, с. 20]. (*Если бы людям показалась хоть частичка света, данная пророку, мир ему, то никто не выдержал бы ее, как человек со слабым зрением смотрит на солнце и не видит его*).

Куркган кешенең йөзе сарыг кэрэк, тәне **нахиф** (от араб. نَحِيفٌ «худой, тощий») кэрэк [4, с. 195]. (*У боящегося (Аллаха) человека лицо должно быть бледным, а тело худощавым*).

«Әй баба, мин андин хошнуд торырмын, **хәлим** (от араб. حَلِيمٌ «кроткий, мягкий, терпеливый») торыр, кылыгы сезнең кылкыңызга охшар» [4, с. 118]. (*«О отец, я довольна им, он кроток, характером похож на Вас»*).

...үкүш нәфис (от араб. نَفِيسٌ «ценный, драгоценный») тунлар... [4, с. 83]. (*..много добротной одежды...*).

Хак Тәбәрәкә вә Тәгалә **жәмил** (от араб. جَمِيلٌ «красивый, прекрасный, миловидный, привлекательный»), жәмалны сәвәр [4, с. 312]. (*Аллах Истинный и Всевышний красив и любит красоту*).

Однако слова с этой же моделью (вазном), образованные от переходных глаголов, могут иметь и значение причастий страдательного залога. Например:

Шайтан **ләгыйнь** (от араб. لَعِيْنٌ «проклятый») һажәрне аздыру белмәде [4, с. 179]. (*Проклятый шайтан не смог Агарь сбить с истинного пути*).

Жәмләсе **гарикь** (от араб. غَرِقٌ «утонувший») **булдылар** [4, с. 77]. (*Все утонули (букв. все стали утонувшими)*).

2. **فَاعِلٌ** фә'иль- по этой модели (вазну) образуются не только причастия действительного залога (имена действующего), но и прилагательные. Например:

Вәликин бу өгрәткәннең тәкый өгрәнгәннең нийәте **халис** (от араб. خَالِصٌ «чистый, неподдельный, настоящий, искренний») кэрэк [4, с. 193]. (*Только необходимо обучающему и обучающемуся иметь искренние намерения*).

«Гадел (от араб. عَادِلٌ «справедливый, правосудный») кылдыңыз», - тиде [НФ, с. 79]. (*Сказал: «Вы поступили справедливо»*).

В тексте также имеются прилагательные, имеющие вазн **فِعْلٌ** фә'иль- например:

Ул кеше **хәжил** (от араб. خَجِلٌ «стыдливый, робкий») **булып чыкты** [4, с. 165]. (*Тот человек постыдился*).

Күңеле дөһйадан **фариг** (от араб. فَرِحٌ «пустой, свободный, незанятый») кэрэк [4, с. 195]. (*Необходимо, чтобы его душа была свободна от мирского*).

3. **أَفْعَلٌ** – прилагательных, образованных по такой модели (вазну) в тексте мало:

Ахмак (от араб. أَحْمَقٌ «глупый, дурак») кем булыр? [4, с. 132]. (*Кто есть глупец?*)

Ана «**эбтәр**» (от араб. **أَبْتَرُ** «безхвостый, куцый, бездетный») тип эйтер ирделәр [4, с. 68]. (*Его называли “бездетный”*).

Эти прилагательные субстантивированы, причем уже в самом арабском языке.

Модели (вазны) 4. **فَعَالٌ** и 5. **فِعِيلٌ** служат для образования прилагательных со значением усиленного качества:

Бану Исраил эчендә бер парса мәлик бар ирде, инкән **жаббар** (от араб. **جَبَّارٌ** «могущественный, могучий») ирде [4, с. 375]. (*Среди сынов Израиля был очень **могущественный**, богобоязненный король*).

Бу кавемләр **гаммаз** (от араб. **غَمَّازٌ** «подмигивающий, клеветник») **торырлар** [4, с. 72]. (*Эти люди – **клеветники***).

«Бу Абу Бәкер **ситдик** (от араб. **صِدِّيقٌ** «всегда говорящий правду, правдивейший») ирмеш», – тиделәр [4, с. 99]. (*Сказали: «Оказывается, Абу Бакр **правдивейший**»*).

«**Кәззәб** (от араб. **كَذَّابٌ** «очень лживый, лжец») торырсың, йалган сөзләйүрсән» [4, с. 289]. (*«Ты **врун** и говоришь неправду»*).

Выступая в роли подлежащих, сказуемых и некоторых других членов предложений и постепенно утрачивая свое чисто качественное значение, прилагательные, как и причастия, могут выражать значения существительных, то есть субстантивироваться. Например, прилагательное назир (от **نَظِيرٌ** «равный, одинаковый, соответственный, подобный») - равный, может употребляться также в значении ровня:

«Сәниң заманың эчендә сәниң **назириң** йук әрди» [4, с. 194] (*«В твоё время не было тебе **равных**»*).

Имам Шәфигыйның **гаримларын** (от араб. **غَرِيمٌ** «должник») жәмигь кылды, ул йитмеш мең дәрәмне эда кылдылар [4, с. 173]. (*Собрал **должников** Имама Шафи и они выплатили семьдесят тысяч*).

«Анда барсам, ингән (бик) **хәбисләрдin** (от араб. **خَبِيثٌ** «дурной, скверный, мерзкий, злой, зловредный») булырмын» [4, с. 175]. (*«Если пойду туда, то буду **злодеем**»*).

Хак Тәгалә йалгуз торыр, һич **шәрике** (от араб. **شَرِيكٌ** «сообщник, соучастник») йук, эзәли торыр, һич әүвәле йук, тәкый әбәди торыр, һич ахыры йук [4, с. 192]. (*Аллах один, у него нет **сообщника**, вечен, не имеет ни начала ни конца*).

К субстантивированным причастиям и прилагательным относится также большая часть женских и мужских имен. Хәсән (от араб. **حَسَنٌ** «красивый, прекрасный, хороший, благой») -прекрасный, хороший [4, с. 145]; Хәсәен (от араб. **حُسَيْنٌ**) - (уменьшительное от **حَسَنٌ**)- Хусейн [4, с. 145]; Гали (от араб. **عَلِيٌّ** «высокий, возвышенный, выдающийся») – Али [4, с. 151]; Әхмәд (от араб. **أَحْمَدٌ** «похвальный, достойный похвалы») – Ахмад [4, с. 170]; Сәгыйд (от араб. **سَعِيدٌ** «счастливый, удачный, благополучный») – Саид [4, с. 115].

Как видно из вышеприведенных примеров, часть заимствованных квазипричастий в тексте функционирует в качестве прилагательных, а часть –

в качестве существительных, субстантивируясь. К примеру, слова халис (от араб. خَالِصٌ «чистый, неподдельный, искренний») – искренний, халяль (от араб. حَالَالٌ «разрешенный, законный») – дозволенный, харам (от араб. حَرَامٌ «запрещенный, запретный, священный, незаконный») – запрещенный являются прилагательными:

Вэликин бу өгрэткәннең тэкый өгрэнгәннең нийәте **халис** (от араб. خَالِصٌ «чистый, неподдельный, настоящий, искренний») кәрәк [4, с. 193]. (*Только необходимо обучающему и обучающемуся иметь **искренние** намерения*).

Бу куй **харам** (от араб. حَرَامٌ «запрещенный, запретный, священный, незаконный») галаф йиде [4, с. 246]. (*Эта овца съела **запрещенную** еду*). «Әй мөэминләр, **хэләл** (от араб. حَالَالٌ «разрешенный, законный») тәгамләр тәнәвел кылың, тэкый эзгү гамәлләр кылың» [4, с. 244]. («*О верующие, ешьте **дозволенную** пищу и творите благие дела*»).

Среди заимствованных арабских прилагательных есть и такие, которые, в зависимости от контекста, в зависимости от синтаксической связи в предложении могут выполнять функцию как прилагательных, так и существительных. (Впрочем, такая аналогия прослеживается и в самом арабском языке). Например, в значении прилагательного:

Пәйгамбәр галәйһи әс-сәламгә бирелгән нурның зәһрәсе заһир булса ирде, халыкка һичкем әрсә аны тәхәммел кылу билмәз ирде, нәтәк кем күзе **зәгыйфь** (от араб. ضَعِيفٌ «слабый, бессильный, недостаточный, больной») кем әрсә күнгә карап, аны күрмәгән шикелле [4, с. 20]. (*Если бы людям показалась хоть частичка света, данная пророку, мир ему, то никто не выдержал бы ее, как человек со **слабым** зрением смотрит на солнце и не видит его*).

В значении существительного:

«Әй **зәгыйфәләр**, (от араб. ضَعِيفَةٌ «слабая, бессильная, обр. женщина»), жөмлә килең, иләгемдә ултуруң» [4, с. 438]. («*Әй, **женщины**, все идите и сядьте передо мной*»).

В значении прилагательного:

Тэкый бер көн бу мөэмин **кәфер** (от араб. كَافِرٌ неверующий, неверный») карендәше катынга килде [4, с. 361]. (*И однажды верующий пришел к своему **неверующему** родственнику*).

В значении существительного:

Ул **кәфер** (от араб. كَافِرٌ «неверующий, неверный») пәйгамбәр галәйһи әссәламне үкүш сүкте [4, с. 27]. (Тот **неверующий** много поносил пророка, صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ).

В значении прилагательного:

Бу **мөэмин** (от араб. مُؤْمِنٌ «верующий, уверовавший») карендәше тэкый төрт мең алтунны ахирәт әсбабынга харж кылды [4, с. 361]. (*Этот **верующий** родственник четыре тысячи золотых потратил на то, что приносило бы пользу в загробном мире*).

В значении существительного:

Тэкый бер көн бу **мөэмин** (от араб. مُؤْمِنٌ «верующий, уверовавший») кәфер карендәше катынга килде. [4, с. 361]. (*И однажды верующий пришел к своему неверующему родственнику*).

В значении прилагательного:

«Мин **мескен** (от араб. مَسْكِينٌ «бедный, жалкий, несчастный») гасыл кол торырмын» [4, с. 169]. (*«Я несчастный грешный раб»*).

В значении существительного:

Хак Тәгалә сине заигъ кылмагай, аның өчен кем синең изгү гадәтләрең бар, йак-йавукны сәвәрсән, йалган сөzlәмәссең, кунакларны агырларсың, **мескенләргә** (от араб. مَسْكِينٌ «бедняк, несчастный») йары бирүрсең [4, с. 24]. (*Истинный Всевышний не погубит тебя, так как у тебя есть добродетели, ты любишь ближних, не лжешь, чувствуешь гостей и помогаешь несчастным*).

В значении прилагательного:

Бу **газиз** (от араб. عَزِيزٌ «сильный, могущественный, милый, дорогой») кунук торур [4, с. 212]. (*Это дорогой гость*).

В значении существительного:

Әй **газиз**, (от араб. عَزِيزٌ «сильный, могущественный, милый, дорогой»), жөмлә малымны сиңа вәгдә кылдым [4, с. 178]. (*Дорогой, я все свое имущество завещаю тебе*).

Что касается таких прилагательных, как табиб, раһиб и др., то они выступают в тексте в функции существительных. Как правило, эти прилагательные были субстантивированы уже в самом арабском языке. Например:

Харис атлыг **табиб** (от араб. طَبِيبٌ «врач, лекарь») бар ирде [4, с. 113]. (*Был лекарь по имени Харис*).

«Йә **раһиб** (от араб. رَاهِبٌ «монах»), бу чәрик сусап торыр, һич сүчүг су катымызда йук торыр» [4, с. 133]. (*«Эй, монах, войско нуждается в воде, а у нас нет пресной воды»*).

Заманасында бер **галим** (от араб. عَالِمٌ «ученый, знаток») бар иде [4, с. 242]. (*В то время был один ученый*).

Шагыйрьләре (от араб. شَاعِرٌ «поэт») пәйгамбәр галәйһи сәламка мәдех әйтерләр [4, с. 86]. (*Поэты воспевали пророка (لَبَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ)*).

Кроме того, некоторые квазипричастия в тексте выступают даже в качестве наречий. Например:

«Мине дөньяда **мескен** (от араб. مَسْكِينٌ «бедный») тергезгел» [4, с. 150]. (*Сделай так, чтобы я на этом свете жил бедно*).

Хак Тәгаләнең гатасыны **газиз** (от араб. عَزِيزٌ «дорогой сердцу») тотмак кирәк [4, с. 278]. (*Подарок Истинного Всевышнего надо бережно хранить*).

Стоит отметить, что субстантивированные арабские квазипричастия, заимствованные татарским языком, полностью выполняют функцию существительных и могут так же, как и исконные существительные татарского

языка, склоняться по падежам, изменяться по числам, принимать окончания принадлежности.

Как наследие средневековой литературы книга «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари играет важную роль в изучении истории общественной мысли средневекового Поволжья, помогая раскрыть духовное развитие народов нашего региона.

Список литературы

1. Белкин В.М. Арабская лексикология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 201 с.
2. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 596 с.
3. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. – 2-е изд. – М.: Наука, 1969. – 687 с.
4. Мәхмүд әл-Болгари. Нәһжел-фәрадис. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 384 б.
5. Наджип Э.Н. О памятнике XIV века «Нахдж ал-фарадис» и его языке // Советская тюркология. – 1971. – № 6. – С. 56–89.
6. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань: Фэн, 1999. – 190 с.
7. Халидов Б.З. Учебник арабского языка. – Ташкент: Укитувчы, 1981. – 654 с.
8. Шайхуллин Т.А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 23 с.

Сравнение в хантыйской языковой картине мира

В статье рассматривается сравнение как составляющая хантыйской языковой картины мира. Сравнение является важным материалом в познании мира человеком, отражающим мировоззрение, стереотипы и эталоны национальной культуры.

The article deals with the comparison as part of the Khanty linguistic view of the world. The comparison is an important material in the knowledge of the world by man. It is brightly reflected worldview, stereotypes and etalons of the national culture.

Ключевые слова: хантыйский язык, шурышкарский диалект, казымский диалект, сравнение, сравнительная конструкция, языковая картина мира, лексема, семантика, объект, эталон.

Key words: Khanty language, Kazym dialect, Shuryshkarsky dialect, comparison, comparative construction, linguistic picture of universe, lexem, semantic, object, standard.

Сравнения играют большую роль в познании мира. С помощью них формируется общее представление о жизни этноса, о его обычаях, обрядах и традициях, создается языковая картина мира. Под языковой картиной мира нами понимается «совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме» [2, с. 64].

Языковая картина мира народа ханты схожа со многими картинами мира народов Севера, но отождествление действительности у каждого этноса специфично. Ханты – один из коренных малочисленных народов Севера. Территория расселения данного этноса охвачена севером Западной Сибири. Издревле ханты вели самобытный кочевой образ жизни, занимались оленеводством, рыболовством, охотой. Суровые климатические условия, окружающая природа, животный и растительный мир повлияли на сознание народа, сформировали в нем определенный национальный характер, видение мира, миропонимание и мирозерцание.

В хантыйском языке сравнения очень разнообразны. В качестве предмета и эталона сравнений представлены следующие лексико-семантические компоненты:

антропонимы (каз. *χōjat*, шур. *χojat* ‘человек’, каз. *χq*, шур. *χи* ‘мужчина’, *пe* ‘женщина’, *εwi* ‘девочка, девушка’, каз. *рuχ*, шур. *роχ* ‘мальчик, сын’, *welti χojat* ‘охотник’);

бионимы (*mojpær* ‘медведь’, каз. *šcwær*, шур. *Šowar* ‘заяц’, каз. *wōχsar*, шур. *oχsar* ‘лиса’, каз. *wōļi*, шур. *uli* ‘олень’, каз. *wōļi pōrti wcj*, шур.

uli porti woj ‘волк’, каз. *aj wcyj*, шур. *nāmpər woj* ‘мышь’, *χašɲa* ‘муравей’, каз. *wcrɲa* ‘ворона’, шур. *χotəɲ* ‘лебедь’);

фитонимы (*unši* ‘сосна’, каз. *sūmət*, шур. *Sumāt* ‘береза’, *torn* ‘трава’, *jūχ* ‘дерево’);

соматизмы (*sem* ‘глаз’, каз. *ōχ*, шур. *Oχ* ‘голова’, *sām* ‘сердце’, каз. *kałi*, шур. *Ur* ‘кровь’);

природные явления (каз. *χātəl*, шур. *naj*, *χātəl* ‘солнце’, *jert* ‘дождь’, *łońś* ‘снег’, *jiŋk* ‘вода’);

артефакты (*akań* ‘кукла’, *tĩńśān* ‘аркан’, *ukkel* ‘упряжь, вожжи’, *Хор* ‘лодка’, каз. *χct*, шур. *χot* ‘дом’);

абстрактные понятия (шур. *ulapsi*, каз. *wqłōpsi* ‘жизнь’, *lil* ‘душа’, *lūwāt* ‘величина’).

Среди данных категорий в сравнениях наиболее часто встречается понятие «человек». В языковой картине мира он занимает центральное место в системе мироздания и является носителем различных ценностей и противоположностей. Например: шур. *Luw χorātməɲ ańtel itı* ‘Она красива, как мать’; *Nawrem śomłi aj lāŋki itı* ‘Ребенок слабый, как мышонок’; каз. *Nāɲ tarəm χalɛw itı* ‘Ты жадный, как халей’; *Lōw χōjat χōśa sāmāɲ śaśɛn χōrpi* ‘Она добрая, как бабушка’.

В сравнительных конструкциях человек может выступать в качестве предмета и эталона сравнения. Он может сравниваться с любым живым объектом (человек, бог, мифологическое существо, животное), артефактом, природой и т.д. Например: шур. *Роχāl aśel χorpena juwmal* ‘Сын стал похож на отца’; *Marija hawremijjal jośən katāłsəllı. Jisus pa aj hawremət χorpi us* ‘Мария обнимала свое дитя. Иисус выглядел, как любой другой младенец’; *Min, lujl palāt kāt poχλεɲki, min, paɲal palāt kāt poχλεɲki, opi, χolśa wullilman? pa tujeɲan potartılman* ‘Мы, с размером с палец два брата, мы с размером с ухо два брата, сестру откуда возьмем? и о чем поговорим’; каз. *Lōɲətłət χqłəm χq. I iki omsəs joχ ewəłt jiraśək, śit śaśśasi. Kāt χq - χilɛɲān. Lıɲ mānłəɲən ampān, kqrt χonəɲa jūχātman artən, amp itı χurātłāɲən* ‘Входят трое. Один садится подальше от центра, это – дедушка. Двое – внуки. Они изображают, что едут на собаках, когда подъезжают к стойбищу, залаяли, как собаки (имитируют лай собак)’; *Lūw keši nāl pālat* ‘Он низкого роста (букв.: ростом с ручку ножа)’.

Предмет сравнения чаще выражен лексемами родства, близких отношений: *āɲki* ‘мать’, *imi* ‘женщина’, каз. *χq*, шур. *χu* ‘мужчина’, *aśi* ‘отец’, *ɛwi* ‘девочка, дочка’, каз. *puχ*, шур. *poχ* ‘мальчик, сын’.

Например: шур. *Xusəɲ ewı χorpi χu* ‘Мужчина, похожий на капризную девушку’; *Aɲkijem χorpi umaś ne samet χośa śiti ul* ‘Женщину, такую, как мама, в сердце моем всегда ношу’; каз. *Imi χqχəlman śi jāɲχəl, in ewel pātı an ākətman, pūt, kāt hali, kāt keši, ōłtəχilal, letətłal mōjłalən meń-ne itı śi ākətsəlle* ‘Жена забегала, для дочери стала собирать котел, две ложки, два ножа, постель, продукты, как невесту стала собирать’; *Jajən aśen kińśa*

λελθάκ ‘Брат твой ниже отца’; *Aj hawrem iti pōlχilēm* ‘Как маленького ребенка тебя охаживаю’.

Эталонном сравнения чаще выступает природа: птицы, животные, растения и т.п. Например: шур. *Jisus jastās, luw – oš šawiti χojaēt χorpi, miη pa – ošāt χorpet* ‘Иисус сказал, что Он – как пастух, а мы как овцы’; *Aj sort χorpi ešāk χu* ‘На изворотливую шуку похожий мужчина; каз. *Lūw sūmāt jūχ χōrpi wāś* ‘Она худая, как береза’.

Сравнения с человеком образуются на основании следующих признаков:

1) внешний вид человека:

а) внешность, лицо (цвет, форма, величина): шур. *Sewan ewi χorpi χu* ‘Мужчина, похожий на девушку с косами’; каз. *Lūw wenšēn nōwi, λcńś χōrp i* ‘Ее лицо белое, как снег’;

б) фигура, телосложение: шур. *Luw ańtel iti kul* ‘Она, как мать ее, толстая’; *Arśel waśije juχ χorpi* ‘Сестренка худенькая, как палка’; каз. *Sōχēm kūlat sqjmar χq lawəλλəm* ‘Жду мужчину, талия которого толщиной с нитку’;

в) тело человека, соматосфера человека: шур. *Νολəl-wasi ηολ χorasəp* ‘Нос=его похож на нос утки’; *Oχλ kewput χorasəp* ‘Голова=его похожа на котелок’; *Sāməl likaη porśatti amp iti* ‘Сердце=его злое, как у кусающей собаки’; каз. *Νολəl kūl pcrās ηολ χōrasəp* ‘Нос=его толстый, как у свиньи’;

2) деятельность и поведение человека: шур. *Luw itel woj wela* ‘Охотьясь, как он’; *Luw itel neməlt χojat ant jākəl* ‘Как она, больше никто не танцует’; каз. *Śiti śi pqšās cw χcñāηən atelt, cλ m lūk iti, λcλλəm* ‘Так и стою у ограды одна, как заглядевшийся глухарь’;

3) эмоционально-душевное состояние: шур. *Luw pɛlaɛɛl λikem pūt iti kāwārəl* ‘Я его ненавижу (букв. мое зло к нему, как котел кипит)’; каз. *Ewel hawrem iti ojaη* ‘Дочка=ее счастлива, как ребенок’; *Amp iti oɛjəl* ‘Рычит, как собака’;

4) внутренние качества человека, черты характера: шур. *Νawrem ańtel iti kārkəm* ‘Ребенок шустрый, как мама’; каз. *Lūw āηkel iti pōtrəη* ‘Она разговорчива, как мама’;

5) умственные особенности: шур. *Poχəl aśel elti nōmsāη* ‘Сын умнее отца’; *Luw oχ welmaη aśel iti* ‘Он умный, как его отец’; каз. *Χon λāηkər χə χon kińsa nōmsəη* ‘Помощник царя умнее царя’;

6) физическое состояние: шур. *Orem ma eltema kāšəη* ‘Моя сестра в отличие от меня очень больна’; каз. *Pa in arśem neš ma kińsəma pāsti wqlmal?* ‘Оказывается, младший брат быстрее меня оказался?’; *Ōχem atma χir iti jil* ‘Голова становится, как мешок’;

8) речевая деятельность: шур. *Luw pirās ne iti potrāη* ‘Она разговорчива, как старуха’; каз. *Νōr ikel tūr sija saśəl* ‘Говорит голосом мужа (невеста)’; *Jasηəl lajəm mqηχ iti mānl* ‘Он говорит убедительно (букв.: слово его как обух топора идет)’;

9) социально-бытовая сфера: шур. *Miηew Iisus iti ulti mosəl* ‘Нам нужно жить как Иисус’; *Min luw pileln rut iti ulləmən* ‘Мы с ним живем как родственники’;

10) параметрические показатели: шур. *Iisus enmäs, χι lowäta jis* ‘Иисус рос, стал мужчиной (букв. размером с мужчину)’; *Opel luw eltajel ješa unšäk* ‘Сестра в отличие от нее старше’; *Łaŋki palät χija näj jiln* ‘Человеком высотой с белку ты станешь’; каз. *Akem jįk nűw nqr lōwat* ‘Дядя такой же, как водного сучка ручка’; *Łaŋki šcjät χűwat šqrem näj ewältana aj* ‘До тебя осталось короткое расстояние (букв.: от тебя длиной с беличий хвост расстояние маленькое)’;

11) социальный статус: шур. *Ma isi aŋkem iti agronoma jiti sättem laŋxäl* ‘Я, как и мама, хочу стать агрономом’; каз. *Рõхәл wсj welti χq iti jis* ‘Сын стал как охотник’.

При описании человека наиболее распространенными предикатами являются акциональные глаголы: *werti*, шур. *rupitti*, каз. *rqpitti*, движения: *mänti*, шур. *χιχәlti*, каз. *χqχәlti*; бытия: шур. *ulti*, каз. *wqłti*; речи: шур. *potәrti*, каз. *putәrti*; обладания: *tajti*; становления: *jiti*. Например: шур. *Xoti luw jastäl, kašaŋ χojat ulapsa onas iti manäl* ‘Он говорит так, словно жизнь каждого человека, как караван проходит’; каз. *Naŋ isi śimaś jernas ma jernas=em χõrasәp tajlән* ‘У тебя такое же платье, похожее на мое’; *Рõхәл әсел paläta juwmäl* ‘Сын достиг роста отца’ (букв.: к росту отца=своего стал).

Особое внимание во внешнем виде у хантов уделяется соматизмам. Они представляют большое поле для образования сравнений. Чаще среди соматизмов в сравнениях участвуют: лицо ‘*wenš*’, глаза ‘*sem*’, сердце ‘*säm*’, нос ‘*hoł*’, голова ‘*ox*’, рука ‘*još*’, нога шур. ‘*kur*’, каз. ‘*kõr*’. Например: шур. *Охәл küj-sõx iti jűwmäl: siwäsәn, küřәkән tixәlән werәm* ‘Голова его седая, словно шкура от лба оленя: сороки с орлом гнездо свили’; *Охәл kew put χorasәp* ‘Голова=его похожа на железный котелок’; *Luw wenšәl, nowi sumät iti, lotχamtäs* ‘Его лицо, как белая береза, побелело’; *Sәmnał onat χorasәŋән* ‘Глаза=его на рога похожи’; каз. *Кõrŋәл – met waś jõx χорреŋән* ‘Ноги=его похожи на тонкие деревья’; *Tak sätәp, luw χõraspel* ‘С твердым сердцем, похожий на него’.

Лицо сравнивается по его выражению, цвету кожи, мимике. Например: *Luw wenšәl χuw low χorpi* ‘Его лицо вытянутое, как у лошади’. Части тела сравниваются по форме, консистенции с теми или иными предметами, эталонами сравнений: шур. *Ow әnt ujatti kewan χotn, Jűš әnt ujatti kewan χotn, lűj palätkem kät рõхлeŋki, pәŋәл palätkem kät рõхлeŋki, isa ütә uliłәŋән, χot lipijin šušiłiln* ‘Дверь не знающие в каменном доме, дороги не знающие в каменном доме, с ростом с палец два мальчика, ростом с ухо два мальчика, совсем одни живут, в доме ходят’; каз. *Mättirn, tepliel ji sәrt pälät, ji sәrt pälät Хõла-Мәла. А χунәл wet kõšәmp lak õx, a pälättilel лeл, a χунәл wet kõšәmp pälät* ‘Оказывается, это Хула-Мала ростом в одну четверть, а живот (вместимостью) с пять берестяных коробов, лысая голова, ростом низкий, а живот размером с пять берестяных коробов’; *Wűšŋә pәlat* ‘Низкий (букв. ростом с мизинец)’; *Lcs sortlał täm χet lōwat śiti χәślät* ‘След (на снегу) размером с этот дом оставляет’.

На втором месте после человека в сравнениях наиболее часто отражены природа, растительный и животный мир. Они являются неотъемлемой частью окружающей человека действительности. Человек, сопоставляя тот или иной предмет с природным составляющим, находит в нем отражение своих поступков, свойств и качеств..

Сравнения с животными в хантыйском языке, как в любом другом языке, обладают яркой колоритностью и большой выразительностью, имеют специфику и индивидуальность. В сравнениях чаще представлены такие животные: олень, лось, лебедь, лиса, заяц, волк, собака, лошадь. Большинство представлений о них имеют определенные стереотипные взгляды: быть шустрой, как белка; быть хитрой, как лиса; быть пугливым, как заяц; быть быстрым, как олень. Например: шур. *Oχsar itī tumajəŋ* ‘Хитрая как лиса’; *Šōwər itī päl̄təpəŋ* ‘Пугливый как заяц’; каз. *Pastışək wül̄i itī* ‘Быстрый как олень’. Их качества часто приобретают в речи ханты ироническую или неодобрительную окраску. Например: каз. *Wäs̄i itī wāŋkman tqr jōχi lōŋəl* ‘Как утка ползя, только домой заходит’; шур. *Amp itī lāwatəl!* ‘Ругается как собака’.

В хантыйской картине мира с концептом «животное» сравниваются такие понятия, как человек, животное, предметы, явления природы. Например: шур. *Worŋa imi aŋkie, tinaŋ palāt tinaŋ aŋki, tuwəl palāt tuwəl aŋki* ‘Ворона, женщина-мать, величиной с дороговизной дорогая мать, величиной с землю земная мать’; каз. *In ikel nawarməs. Isa-a-a, nemalta wōš ewəlt il̄i jūwət mārāln hūr pōpi* ‘Этот мужчина прыгнул. За время, пока падал сверху вниз, стал похож на медведя’.

Случаи сравнения животных между собой крайне редки, но некоторые из них встречаются: шур. *Šāta ul̄et kurəŋ woj χoraspi* ‘Там олени похожи на лося’; каз. *Tām χūlen mäləŋ χūl χōrasəp* ‘Эта рыба похожа на карася’; *Aj χājəp χōrasəp wcjie* ‘Птичка, похожая на маленького кулика’.

Сравнение с животным миром строится по признаку:

1) внешнего вида животного (цвет, параметры и др.): шур. *Šata ul̄et kurəŋ woj χoraspi* ‘Там олени похожи на лося’; каз. *Šcwər χōrpi wōl̄i* ‘Олень, похожий на зайца-беляка’;

2) действия, поведения животного: шур. *Χōχəlmitəl̄n pa nōtəlmill̄i, aj χō jōrəŋ porājāln unt χot χojatlāl̄ punl̄er itī tutlisli* ‘Когда (конь) побежит, он опять вспомнит, как в молодые годы людей, подобно пушинкам, возил’; каз. *Χqləm χopti wqjtəs pa, mättirn, χqləm χopti isa kirəm χopti itī šqšiləlt, oχlāl̄ jaχa hōrətmən, isa kirəm itī: lānt χirti l̄cll̄ət i wəntla, šəšəmət i wəntla* ‘Трех оленей нашел, оказывается, эти три оленя ходят, будто запряжены (в одну упряжку) – головы вместе прижимая, ходят’;

3) количества: шур. *Χutmet amp̄l, aj mis lowat kem, uχal tal̄ti kašl̄i amp̄ us, neml̄ Miška* ‘Шестую собаку, примерно с величиной с теленка, которая хорошо умела тащить сани, звали Мишка’.

Особое значение в сравнениях у хантов играет растительный мир. Дерево в традиционных представлениях народа ханты играет важную роль. С

ним связано благополучие и здоровье человека, его семейные ценности. Одним из самых почитаемых деревьев в хантыйской картине мира является береза 'sumät'. Например: шур. *Sumtije, aj meñ xorasañ, lopiman jomalman lojäl. Nowi sumät ma pa lulañ, opem iti šawisem* 'Белую березу на груди, как сестру родную, берегу.

Среди природных составляющих в сравнениях также участвуют такие лексические компоненты, как: 1) земля каз. 'mōw', шур. 'muw': шур. *Xanti joχlam iški muw, towi iti sijañ luw* 'Хантыйского народа холодная земля, как весна она шумлива'; *Asew χorpi utañ muw* 'Как Обь широка наша земля'; 2) река 'As', волна 'χomp', протока 'posl': шур. *Χompät jana pał tut iti matsät* 'Волны в самом деле, как стена, шли'; каз. *Täm posten kāti liw χörpi* 'Эта речка похожа на хвост кошки'; *As pa Aj As änta pa ji mälat=ηән* 'Большая Обь и Малая Обь разной глубины'; 3) небо 'tqram': шур. *Turam χar χorpi jeñk šupät tus* 'Небо, похожее на открытое поле, принесло дождевики'; 4) небесные тела: каз. *Tiśsen akem kükär löwät* 'Месяц, как у моего дяди гостевая тарелка'; шур. *Naj hañ pulje χorasap* 'Солнце похоже на блин'; 5) явления природы: шур. *Wotew molχatäl elti tarəmšäk* 'Ветер=наш намного сильнее вчерашнего'; каз. *Lcñsen tämχätäl molχatäl kińsa ar pitäs* 'Снега сегодня выпало больше, чем вчера'; 6) природные объекты: каз. *In aj iki loś lot weräs, lapät pörne ölti löwät loś lot lepäsñ wqläksälle, jämsijewa jil relkäł löläñ täχtiän täχsalle – jämas leśätsälle* 'Мальчик яму в снегу сделал. Снежную яму с размером, чтобы уместилось семь пурнэ, ветками устлал, на дно хорошенько накидал сырые необделанные шкуры'.

Из всех этих компонентов в сравнениях наиболее часто используются понятия, относящиеся к воде. В хантыйской мифологии водная стихия ассоциируется с противоположным миром. Например: шур. *Jiñk luw küł χorpi us* 'В воде он был похож на водяного'; каз. *Akem jiñk nüw nqr löwat* 'Дядя такой же, как водного сучка, ручка'.

Особое значение имеют сравнения с материальной культурой. С помощью них характеризуются разнообразные предметы быта и их отличительные свойства и признаки. Мир вещей в хантыйской культуре является неотъемлемой частью жизни коренного жителя. В свойствах окружающих предметов человек лучше всего находит отражение своих мыслей, выстраивая из них свою модель мироздания, ориентируясь на общенациональные представления и учитывая личный опыт.

При рассмотрении сравнений с предметно-вещественными компонентами наиболее часто употребляются лексемы, связанные с жилищем, одеждой, орудиями труда, материалами.

Наиболее объемной в этом отношении является сфера, объединяющая в себе концепт «дом». Например: шур. *Ma χoten apsel χotl elti unšak* 'Мой дом больше, чем дом брата'; каз. *Iši ji löw χötl, Imi Xili- leñken wqlti χct χōrasap šiñšañ χct* 'Избушка их такая же, подобна избушке с нарами, в которой живет Ими-Хилы'.

Сравнение образуется на основе признака внешнего сходства-несходства, цветовых, количественных характеристик. Например: каз. *Atełt kqrtən aj mcś-ne, atelɛt kqrtən aj tcnt-ne karəŋ ncxər lōwat aj χct, naŋk jūχəŋ cwəl pūnšəl, karti nqrpi kāt wetra wūl pa asa nīk jīŋka mǎnəl* ‘Одинокого селения маленькая женщина Мощ, одинокого селения маленькая женщина Тонт из маленького домика величиной с корявое кедровое семечко, лиственничные двери откроет, с железными ручками ведра возьмет и к быстротечной реке Оби за водой идет’; *Wantijllǎln: mǎttirn, šeraŋka-χct lōwat ji χctije tqp χǎšǎs* ‘Смотрят: оказывается, один маленький домик величиной со спичечный коробок остался!’; шур. *Kartī χotat omassāt: kāt χot wurtišək, χulam χot etar χorpi* ‘Железные дома поставили: два дома красноватые, три дома похожи на закат’.

Предметы быта, артефакты (посуда, орудия труда, транспорт и т.п.) чаще всего являются эталонами сравнения при описании предметов, животных, человека. Например: каз. *In wojaŋl šiti traktor χōrasəp əχǎln wersǎllε pa, kirti šira kelŋ-hōr mōłti wōrn lešǎtsǎllε, ši lešǎtsǎllε* ‘Зверям свои нарты наподобие трактора сделал, и упряжь каким-то образом наладил, чтобы запрячь их’; шур. *Wantāti-sa, turem pilen ulɛti χojatet muj werlət! Luw as mis χorpi jalǎŋ wermel* ‘Нет, только посмотрите, что делают Божьи люди! Они сделали идола, похожего на теленка’.

В основу сравнения ложатся качественно-характеризующие признаки концепта-эталона: *форма*: каз. *Katra aj išnet werənsijt, χanneχq ən leɛpti χōrasəp aj išnet* ‘Раньше делали маленькие окна, похожие на маленькие окна, в которые человек не смог бы влезть’; *цвет*: шур. *Ewi wostī, urti, piti, χojm liptat χorpi χašti juχət tajal* ‘У девочки есть зеленые, красные, черные карандаши, похожие на опавшие листья; *температура*: шур. *Kawrəm šaj χorpi* ‘Похожий на горячий чайник’; *размер*: каз. *Pa šitləl katlijaltī luw kūlǎt, paŋ kūlǎt karti tīnšəŋ šqpal šǎta* ‘Там их упряжь, еще аркан толщиной с большой палец, чтобы ловить их (оленей)’; *Tqrum lōwāt, muw lōwāt χct* ‘Размером с небо, размером с землю дом’.

Встречаются сравнения и с музыкальными инструментами. В хантыйской культуре они носят сакральный характер. Например: каз. *In χcr poŋχǎəl wqŋ nǎrs-juχ, lǎl χūwāt wqŋ nǎrs-juχ, χǎnneχq pǎlǎt nǎrs paši wūslε* ‘Большой нарс-юх размером с лопатку оленя-хора, большой нарс-юх длиной с сажень, нарс-юх размером с человека взял’.

Итак, анализ средств сравнения в исследуемых диалектах хантыйского языка показывает, что это одно из важнейших составляющих в познании языковой картины мира. Различия проявляются в структуре сравнения и в некоторых лексических единицах – показателях сравнения: шур *χorpi*, каз. *χōrpi, εłti*; каз. *ewəłt* ‘от’, *kiŋsa*. Наиболее употребительны в системе сравнений три сферы: человек, природа, предмет. Сравнения с компонентом «человек» наиболее часты в сравнениях. Человек воплощает в своем сознании много ассоциативных связей, которые ложатся в языковую кар-

тину мира этноса. С помощью данного компонента образуется основной центр сравнений в языковой картине мира. Вторую и третью позиции занимают компоненты «животное» и «предмет».

Список литературы

1. Дialectологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н.Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Баско. – 2011. – 208 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Academia, 2001. – 183 с.
3. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. – СПб., 2006. – 336 с.
4. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin: Akad. Verlag, 1966–1993. – Bd. I – XV.

Современная английская лексикография

В статье рассматриваются проблемы современной английской лексикографии и новые направления лексикографии: корпусная лексикография и киберлексикография. В статье отмечается значимость электронной лексикографической продукции, которая позволяет за короткий срок получить всю необходимую информацию.

The article considers the problems of modern lexicography and the new branches of lexicography, such as corpus lexicography and cyberlexicography. The importance of electronic lexicographical production is also defined because it helps to get all the necessary information for a short period of time.

Ключевые слова: английский язык, лексикография, корпусная лексикография, киберлексикография, авторитетные словари, Интернет-словари, Интернет-энциклопедии, электронный текст.

Key words: the English language, lexicography, corpus lexicography, cyberlexicography, authoritative dictionaries, Internet-dictionaries, Internet-encyclopedia, e-text.

В эпоху глобализации не только в нашей стране, но и во всем мире происходят глубокие изменения в общественной, политической и экономической жизни общества. Мировая и региональная интеграция уже давно перешагнула уровень блоковой экономической и военно-политической стратегии и привела к формированию принципиально нового многомерно-социокультурного пространства, поэтому каждый современный человек должен быть готов к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественными устройствами и языковой культурой.

Научно-техническая революция и информационный «взрыв», интеграционные общественные процессы и расширение контактов в различных областях знаний меняют статус иностранного языка в современном обществе и выполняемые им в этом обществе функции. Общеизвестным является на сегодняшний день тот факт, что в связи с произошедшими и происходящими в мире изменениями возрос интерес к изучению иностранных языков, особенно к изучению английского языка, который прочно утвердился в роли одного из самых главных средств межкультурной коммуникации.

Сложившаяся лингвистическая ситуация в современном мире меняет статус английских словарей: ведь они не только фиксируют совокупность знаний об англоязычных странах, которыми располагает общество в настоящее время, но и служат надежным инструментом познания этих

стран и средством интернационального общения, распространения и передачи информации. Рост социальной значимости словарей ведет к тому, что лексикографическое произведение становится не столько лингвистическим изданием, сколько книгой, направленной на предоставление пользователю необходимой информации о мире в целом, и о культуре страны в частности.

В ответ на потребности современности в английской лексикографии появился новый раздел – учебная лексикография, – который в настоящее время является одним из самых плодотворных и бурно развивающихся разделов. Учебная лексикография является важным направлением, в котором получают отражение все значимые тенденции развития языковой педагогики и методики преподавания английского языка как иностранного.

Наряду с печатной продукцией Великобритания выпускает электронные словари для общих и специальных целей на компакт-дисках, позволяющие получать необходимую информацию за считанные секунды и при этом экономить свое время. Примерами таких словарей являются: «Collins COBUILD English Language Dictionary», Glasgow, 1998; «Oxford Advanced Learners Dictionary», Sixth Edition on CD-ROM, Oxford, 2000; «Longman Dictionary of Contemporary English on CD-ROM», Harlow, 2003, Macmillan English dictionary, 2010 и многие другие.

Современная электронная продукция «отличается высокой информативностью, сверхбыстрой скоростью получения любой справки и авторитетностью, поскольку основывается на машинных языковых фондах, являющихся основой любого печатного словаря, публикуемого этими издательствами» [3, с. 70]. Так, например, популярная серия словарей Collins, которая публикуется в Бирмингемском университете, базируется на известном языковом корпусе The Bank of English, включающем более 520 миллионов слов. Лексикографические произведения серии Oxford University Press базируются на British National Corpus, который состоит из 200 миллионов слов; словари Лонгмановской серии – на Longman Mini Concordances. Языковые банки данных обладают большой ценностью, так как сотни примеров, содержащихся в них, представляют собой точные данные для понимания того, как именно, в какой коннотации и с какими употребительными ограничениями слова английского языка используются его носителями. Таким образом, они могут способствовать максимальному приближению к образу мышления британцев, а также пониманию мира их языка.

Электронная лексикографическая продукция присутствует почти во всех ведущих издательствах и, безусловно, является конкурентоспособной, поскольку каждое издательство представляет электронный вариант своих самых авторитетных словарей. Необходимо отметить преимущества электронных словарей над печатными изданиями. Это, в первую очередь, объем, так как информация хранится либо на компакт-дисках, либо на жестком диске; информативная наполненность; простота использования с помощью интерфейсов программы, и самое главное – сокращение временных затрат на поиск необходимой информации.

Благодаря компьютерным технологиям в словарной науке сформировались и стали интенсивно развиваться такие направления, как корпусная лексикография (*corpus lexicography*) и киберлексикография (*cyberlexicography*), ресурсы и способ организации которых предполагают качественно новый подход к информационному поиску.

Корпусная лексикография – это область изучения языка на основе текстовых или акустических корпусов при очень частом использовании компьютера в определенных фазах хранения, извлечения или анализа данных [1]. Корпусная лексикография тесно связана с компьютерными технологиями. В задачи корпусной лексикографии входит не только анализ языка, но и выявление техники и методики анализа текстов с помощью компьютера.

Киберлексикография, которая также является направлением современной лексикографии, использует интернет для создания словаря и для работы с текстом.

Преимущества вышеупомянутых разделов лексикографии заключаются, во-первых, в возможности корректировать, пополнять и обновлять электронные словари за очень короткий срок, во-вторых, в высокой скорости доступа к данным и, в-третьих, в возможности одновременного подключения к нескольким источникам.

Корпуса в электронном формате начали создаваться в 60-е годы XX века. Как отмечает У.Н. Фрэнсис, «имея в наличии тщательно отобранный и подготовленный корпус, можно избавить других от необходимости заниматься формированием корпусов и вводом их в ЭВМ и предоставить в распоряжение ученых стандартный набор данных, который позволил бы проводить сравнительные исследования» [4].

В настоящее время актуальной является проблема перевода языкового материала в электронную форму. Она заключается в необходимости обработки постоянно растущего объема информации, поступающей из СМИ, художественной и научной литературы, документов.

Тексты, составляющие корпус, могут с самого начала находиться в электронной форме (это так называемые электронные архивы, интернет, лазерные диски, собственно электронные тексты) или переводиться в электронную форму путем сканирования и набора текста [2].

В течение последних лет электронные тексты собираются на больших академических сайтах, число которых быстро увеличивается. Основные сайты, предоставляющие английские тексты, – это Oxford Text Archive.ru, Project Gutenberg.ru, Lib.rin.ru, Franklang.ru, Homeenglish.ru, Englishhouse.ru, имеющие много текстов, к которым можно найти доступ по Интернету [2].

Значение корпусной лингвистики для развития лингвистической науки огромно, так как научные описания грамматического строя языков, а также авторитетные академические словари составляются на основе корпусов этих языков [4].

Все более широкое распространение получает интернет-лексикография. Английский язык является базовым языком сети Интернет, следовательно, и преобладающее большинство словарей – это лингвистические англоязычные справочники, представленные одноязычными, двуязычными и многоязычными словарями. К сожалению, их не всегда можно считать надежными, поскольку среди них встречаются некачественные произведения, составленные не специалистами. Вместе с тем, все пользователи интернет имеют свободный доступ ко многим авторитетным словарям, например, Oxford English Dictionary представленным в режиме on-line [6].

Необходимо отметить, что среди интернет-словарей исследователи выделяют в числе приоритетных не общие справочники, а специальные, регистрирующие и обрабатывающие отдельные группы лексики: диалектные словари (Dictionary of American Regional Terms); терминологические или словари подязыков (Biotechnology Dictionary, Food-Lovers Glossary).

Интернет-энциклопедии представлены общими (Encyclopedia Encarta, Britannica) и специальными видами (Knowledge Adventure Reference Section, Financial Encyclopedia). Существует также открытая энциклопедия (Global Encyclopedia), которая составляется самими пользователями.

В последнее время популярными также стали новые энциклопедии, в которых можно найти ответы на часто задаваемые вопросы. К ним относятся и мультимедийная энциклопедия Encarta, включающая фотографии, звуки и видеофрагменты, что, безусловно, повышает информативность, доступность справочника и значительно расширяет диапазон его пользователей. Например, в тексте Encarta можно оперативно найти материал по любому разделу страноведения, литературе, истории и искусству, эта энциклопедия имеет дополнительное культурологическое значение и способствует пониманию английского языка.

Главное достоинство электронных форм словарей – это возможность их постоянного обновления в интернете, а поисковые стратегии пользователя, работающего с электронными справочниками, отличаются большей креативностью по сравнению с возможностями, предоставляемыми печатными продуктами [6].

Список литературы

1. Бархударов С.Г., Новиков Л.А. Каким должен быть учебный словарь? // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 3. – С. 46–50.
2. Карпова О.М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2004. – 412 с.
3. Карпова О.М. Учебная лексикография современного английского языка (на материале словарей серии CollinsCOBUILD) // Лексика и лексикография: сб. науч. тр. – М., 2003. – Вып. 14. – С. 63–87.
4. Сивакова Н.А. Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 34 с.
5. Фрэнсис У.Н. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текста // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. В.Ю. Городецкий. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 47–61.
6. Barnbrook G. Language and Computers: A Practical Introduction to the Computer Analysis of Language. – Edinburgh, 1996. – 381 p.

Отражение англо-американского лингвокультурного влияния в современной русской просодии (на материале теленовостей)

В статье исследуется репрезентация англо-американского лингвокультурного влияния в дискурсе теленовостей. Проанализированы отличия американской интонации от английской, ключевые особенности английской интонации. При анализе русскоязычного материала с точки зрения влияния английских просодических моделей и элементов просодики применен фонопрагматический подход. Обоснован термин «просодическое заимствование».

The article is dedicated to representation of Anglo-American linguocultural influence in contemporary Russian prosody. The differences between American English and British English are analyzed as well as main features of British English intonation. Phonopragmatic approach is applied to analysis of Russian language material from position of influence of British prosodic models and prosodic elements. The term “prosodic borrowing” is justified.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурное влияние, просодика, просодическая модель, элемент просодики, фонопрагматический подход, просодическое заимствование.

Key words: linguoculture, linguocultural influence, prosody, prosodic model, prosodic element, phonopragmatic approach, prosodic borrowing.

Факт интенсивного влияния английского языка и его американского варианта на русский в последние годы является бесспорным. Говоря об этом влиянии, лингвисты рассматривают различные его проявления: лексические заимствования рассматривают Л.П. Крысин, Е.В. Маринова, псевдоэкзотизмы Дж.А. Данн, иноязычные вкрапления А.А. Леонтьев, В.Г. Костомаров, словообразовательные и фразеологические кальки, творческое заимствование Р. Ратмайр, изменение порядка слов в словосочетаниях И.Б. Левонтина, перенесение номинаций из чуждой лингвистической среды на русскую почву Г.Н. Скляревская. Языковой результат этого лингвокультурного влияния оценивается по-разному. А.Д. Дуличенко [3, с. 315–335] говорит об интеррусском языке или руссангле, Р. Ратмайр называет его по аналогии с *Franglais* руссглийским и признает его «языковым феноменом, который нельзя упускать из виду или недооценивать и который требует внимания с разных точек зрения...» [6, с. 81]. Дж. Данн [10, р. 92] предлагает говорить не об англифицировании, а о глобализации в связи с проникновением в русский язык элементов не только английского языка, выделяя при этом области, в которых происходит англифицирование. К ним он относит и интонацию, считая, что русские журналисты и ве-

дущие представители СМИ во многом копируют американскую интонацию. Настоящая статья имеет целью ответить на вопросы: «Присутствуют ли в современной русской речи заимствования на просодическом уровне?» и «Если да, то из какого языка происходит заимствование, из английского или его американского варианта?»

Под просодией понимается «общее название для фонетических супrasegmentных характеристик речи как на уровне восприятия (высота тона, громкость, длительность), так и на физическом уровне (частота основного тона, интенсивность, время). Просодия рассматривается как система супrasegmentных фонетических средств, изучаемых как с позиции физических, так и воспринимаемых качеств» [4, с. 402]. Тон (происходит от греч. *tónos* – натяжение, напряжение) – это «наделенное значимостью контрастное варьирование высотно-мелодических голосовых характеристик при произнесении языковых единиц. В фонетическом отношении тон есть акустический коррелят физиологического действия – колебания голосовых связок, создающего эффект так называемого основного голосового тона» [4, с. 514–515]. Под ритмом (происходит от греч. *rhythmos* – размеренность, стройность, соразмерность) понимается «регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функцию» [4, с. 416]. Темпом (происходит от итальянского *tempo*, от лат. *tempus* – время) является «скорость произнесения элементов речи: звуков, слогов, слов» [4, с. 508]. Изначально термин «просодия» (греч. *prosodia* – ударение, мелодия) использовался применительно к стихам и пению и означал некоторую ритмическую и мелодическую схему, наложенную на цепочку звуков. Просодические характеристики относятся не к сегментным единицам языка (звуку, фонеме), а к суперсегментным единицам (слогу, фонетическому слову, синтагме), что объясняет их продолжительность, неточечность реализации.

Мы также считаем необходимым внести такую дополнительную характеристику, как четкость/нечеткость артикуляции, поскольку ниже речь пойдет об американском английском. Известна шутливая фраза американцев о том, что они разговаривают так, будто рот их все время набит едой, то есть они глотают звуки, артикулируя их нечетко и экономя произносительные усилия, в отличие от англичан, которые артикулируют каждый звук четко.

Слово интонация произошло от латинского глагола *intono* (громко произношу). «Это понятие включает в себя совокупность просодических характеристик предложения: тона, длительности, громкости и фонации (качества голоса). Различают эмфатическую интонацию и неэмфатическую интонацию. Неэмфатическая интонация имеет простой мелодический рисунок, в ней ровно распределяется фразовое ударение, она характеризуется также отсутствием ясно выраженной тембральной окраски и заметных пе-

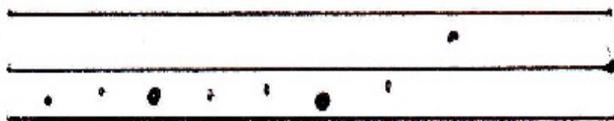
ремен в ритме и темпе. Эмфатическая же интонация связана с подтекстом, сознанием, специальным выделением слов, эмоциональностью» [5].

Рассмотрим разницу между американской интонацией и английской интонацией, как она описывается А.Д. Швейцером в классической работе «Очерк современного английского языка в США». На момент издания книги (1963) различия между американской и английской интонацией были недостаточно изучены, однако факт расхождений в области интонации между британским и американским вариантами английского языка ни у кого не вызывал сомнений, что доказывалось «лишь самыми общими наблюдениями, которые не подкрепляются конкретными исследованиями и экспериментальными данными» [7, с. 71]. Так, американский лингвист, автор классической работы по истории английского языка «History of the English Language» (История английского языка; здесь и далее пер. наш. – А.Г.) Альберт Бо (Albert Baugh) считает, что американская интонация более монотонна и отличается более медленным темпом [8, р. 435]. Схожую точку зрения высказывает и немецкий ученый Ганс Галинский, утверждая, что мелодический рисунок американской интонации более прост и сводится к простому повышению и понижению тона [9]. Еще в 20-х годах XX века Фредом Ньютоном Скоттом и Джорджем Филипом Крэппом было замечено, что английская интонация отличается большей шириной диапазона и более резкими переходами от высоких к низким тонам и наоборот [12, р. 16; 14, р. 50]. Кеннет Пайк (Kenneth L. Pike) в своей книге «The Intonation of American English» (Интонация американского английского) предпринимает попытку сопоставить некоторые черты американской интонации с английской. По его мнению, между английской интонацией Tune 1, при которой ударные слоги образуют постепенно понижающийся ряд, и американской интонацией $^0 2-3$ $^0 2-3$ $^0 2-4$ (где ^{0} – ударение, а цифрами обозначена относительная высота тона от 1-го как самого высокого до 4-го как самого низкого) наблюдается функциональное соответствие. Также К. Пайк отмечает, что у американцев главное понижение тона используется для выражения крайней категоричности и уверенности, что, к сожалению, не иллюстрируется примерами. А.Д. Швейцер отмечает, что «в целом работа Пайка не носит сопоставительного характера, и встречающиеся в ней отдельные сравнения с британским вариантом английского языка делаются мимоходом и без должного обоснования» [7, с. 92].

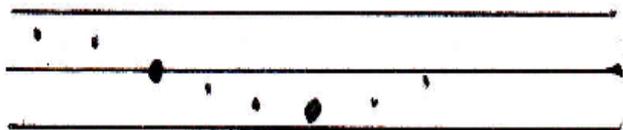
В работе «An Outline of English Phonetics» Дэниел Джоунз (Daniel Jones) отмечает общее сходство между британским английским и американским английским и указывает на ряд различий между ними [14].

1. Американская интонационная конструкция, которая соответствует южноанглийскому Tune 2 (восходящий тон), отличается от последнего своим мелодическим рисунком: по наблюдениям Джоунза, предложения, которые в Англии произносятся с Tune 2, в Америке произносятся на одном среднем или довольно низком тоне и лишь в конце предложения голос повышается.

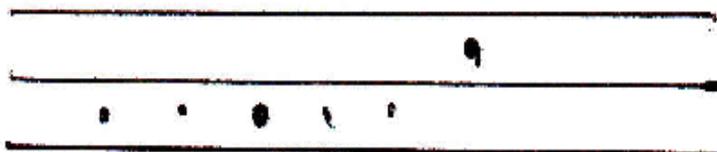
Did it all happen yesterday?

Типичная южноанглийская интонация этого предложения:

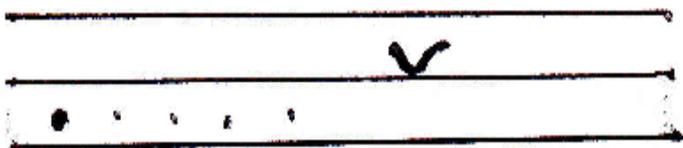

Джоунз также отмечает другой мелодический рисунок, характерный для американской интонации:

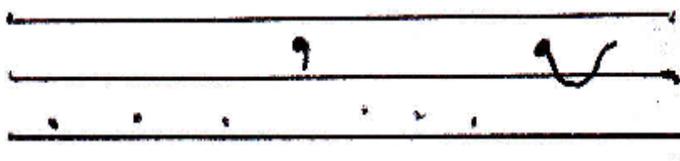
По мнению исследователя, он встречается в тех случаях, когда англичане используют один из вариантов Tune 2 (восходящий тон). Как правило, такая интонация выражает неуверенность, колебание или носит дружелюбно-приветливую окраску, встречаясь в восклицаниях типа Hallo! и Good Bye!

У этой интонационной конструкции есть еще один распространенный в Америке вариант:

В такой интонационной конструкции высота голоса остается ровной (средней или низкой), а конец высказывания произносится с высоким нисходяще-восходящим тоном (fall-rise). Отличие от южноанглийского fall-rise в меньшем диапазоне понижения и большей высоте по отношению к предшествующим слогам, произносимым ровно.

Иногда в этой интонационной конструкции отмечается повышение тона в одном из слогов, предшествующих тому, на который падает нисходяще-восходящий тон:

Джоунз говорит, что такая интонация может означать резкое противопоставление или крайнюю неуверенность, или придавать фразе подчеркнуто вежливую окраску.

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд предварительных выводов относительно американской и английской интонаций:

1) американская интонация отличается от английской более ровным тоном (низким или средним) на месте английского Tune 2 с повышением тона лишь к концу предложения;

2) значимые по смыслу слова в американской интонации выделяются или повышением тона или понижением-повышением тона;

3) при повышении тона его высота более ярко выражена в американской интонации, нежели в английской;

4) при понижении тона в интонационной конструкции fall-rise (нисходяще-восходящий тон) диапазон понижения в американской интонации меньше, чем в английской;

5) американская интонация менее сложна, менее разнообразна и более тяготеет к ровному тону.

Перейдем к рассмотрению английской интонации с точки зрения современной фонетики [1].

В английской интонации различаются следующие тоны:

1. Low Fall (низкий нисходящий).
2. Medium Fall (средний нисходящий).
3. High Fall (высокий нисходящий).
4. Low Rise (низкий восходящий).
5. Medium Rise (средний восходящий).
6. High Rise (высокий восходящий).
7. Fall-Rise (нисходяще-восходящий).
8. Rise-Fall (восходяще-нисходящий).
9. Rise-Fall-Rise (восходяще-нисходяще-восходящий).
10. Mid Level (ровный).

В структуре английской синтагмы различаются следующие компоненты: pre-head (предударное начало), head (шкала), nucleus (ядро синтагмы), tail (послеядерные безударные слоги). «Главным компонентом синтагмы, определяющим ее интонационный смысл, является ядерный слог, или ядро. Ядерный слог является последним ударным слогом в синтагме. Ядру могут предшествовать ударные и безударные слоги. Предъядерная часть может образовывать шкалу» [1, с. 8].

Низкий нисходящий тон обычно выражает законченность суждения, уверенность говорящего и категоричность высказывания. Высокий нисходящий тон сообщает фразе живой, дружеский смысл, указывает на живой интерес адресанта. Низкий восходящий тон показывает незавершенность, неуверенность говорящего, придает ответу или сообщению категоричность. Если при этом тоне за последним ударным слогом следуют безударные слоги, то повышение тона осуществляется на безударных слогах, в то время как конечный ударный слог произносится на низком, почти ровном тоне, как в вопросительной синтагме *Isn't it?* Высокий восходящий тон

употребляется при переспросах, а нисходяще-восходящий сообщает синтагме большую степень незавершенности, неуверенности, служит для вежливых поправок, выражения сомнения, противоречия, контраста, а также упрека. Восходяще-нисходящий тон часто показывает эмфатическое ударение слова и несет оттенок взволнованности, ровный же тон указывает на нежелание акцентировать синтагму, ее незначительность, а также нерешительность. Заметим, что сложные тоны (нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий и восходяще-нисходяще-восходящий) употребляются в разговорной речи довольно редко. Это наблюдение касается и дискурса теленовостей, о котором будет сказано ниже.

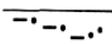
Для полноты обзора английской интонации с точки зрения современной фонетики необходимо привести основные сведения о шкалах.

Обычно в эмоционально нейтральных высказываниях предъядерная часть синтагмы образует нисходящую шкалу (Descending Head), которая включает две разновидности:

1. Падающая шкала (Falling Head):

↘ This is the 'sixth lesson.

2. Ступенчатая шкала (Stepping Scale):

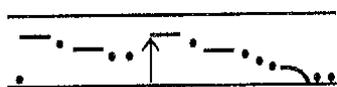
↘ Is this 'lesson ,difficult?

Различают также высокую ровную шкалу (High Level Head), в которой предъядерная часть синтагмы включает один ударный слог:

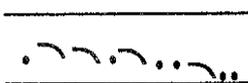
↘ This is a lesson.

Менее частотными являются следующие типы шкал.

Broken Descending Stepping Scale – нисходящая ступенчатая шкала с нарушенной постепенностью:

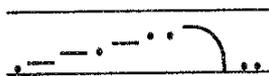
Gradually Descending Sliding Scale – постепенно нисходящая ступенчатая шкала:

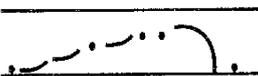
Gradually Descending Scandent Scale – нисходящая прерывистая шкала:

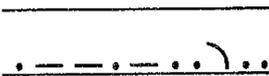
Gradually Ascending Rising Scale – ступенчатая восходящая шкала:

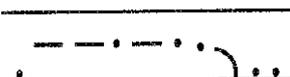
Gradually Ascending Climbing Scale – плавно восходящая шкала:

Low Level Scale – низкая шкала:

Mid Level Scale – средняя шкала:

[1, с. 4–5].

В нашем тексте приняты следующие обозначения тонов и пауз:

- 1) первый ударный слог внутри нисходящей шкалы - \
- 2) низкий нисходящий тон - \
- 3) высокий нисходящий тон - `
- 4) низкий восходящий тон - ,
- 5) высокий восходящий тон - ´
- 6) восходяще-нисходящий тон - ^
- 7) нисходяще-восходящий тон - ˇ
- 8) пауза между синтагмами - |
- 9) пауза между предложениями - ||

Речи британских теледикторов посвящено диссертационное исследование М.А. Деминой. В нем реализован фонопрагматический подход к исследованию просодических особенностей британской дикторской речи. Суть его заключается в следующем: выбор просодической модели диктора зависит от прагматической цели сообщения, ожидаемого воздействия, который должен быть оказан на адресата. М.А. Демина приводит следующий перечень целей коммуникации, по которым сгруппирован материал.

1. Возмущение и осуждение.
2. Намерение развлечь аудиторию.
3. Выражение торжественности, значимости происходящего.
4. Намерение избежать скандала, приуменьшить важность, значимость события.
5. Намерение вызвать удивление, потрясение.
6. Выражение превосходства, а также пренебрежения по отношению к содержанию сообщения.
7. Сообщение трагической новости [2, с. 22].

На обширном материале исследовательница доказывает, что именно цель сообщения диктует отбор просодических средств британского диктора. Среди выводов, которые делает М.А. Демина и которые значимы для предпринимаемого нами анализа влияния англо-американской произносительной традиции на русскую речь, наше внимание привлекло следующее заключение исследователя: «Эффективность некоторых английских просодических моделей настолько высока, что они могут заимствоваться дикторами других национальностей, в частности, русскими. Контрольный эксперимент настоящего исследования подтвердил, что в последнее время в речи русских ведущих информационных программ присутствуют наиболее эффективные английские просодические модели, которые русские дикторы заимствуют у своих иностранных коллег для придания своей речи, по их мнению, большей убедительности и выразительности. Английские просодические характеристики значительно модифицируют привычный зигзагообразный мелодический контур русской речи, делая ритм более четким и ярко выраженным» [2, с. 24]. М.А. Демина, негативно оценивая результат такого просодического заимствования, подчеркивает далее: «Однако в действительности иностранные, чуждые русскому языку мелодические контуры в дикторской речи СМИ вызывают отторжение у русской аудитории, настораживают слушателей и даже настраивают их весьма враждебно. Заимствования на просодическом уровне в данном случае, к сожалению, могут свидетельствовать лишь об обеднении русской звучащей речи, а также об угрозе потерять самобытность и самодостаточность русской интонации» [2, с. 24]. Продолжая и развивая тезис М.А. Деминой о просодическом заимствовании, мы решили ответить на некоторые вопросы, а именно: какие просодические модели или элементы просодики наиболее интенсивно заимствуются сегодня в русской речи, которую мы слышим в электронных средствах массовой информации?; для каких целей коммуникации используются заимствованные просодические модели?

Для этого рассмотрим русские выпуски новостей сообразно обозначенным выше группам (цели коммуникации) на фоне английских (для анализа просодики новостных выпусков Первого канала была использована компьютерная программа Speech Analysis, общее время звучания корпуса рассмотренных новостей составило 33 мин. 59 сек.)

Согласно выводам М.А. Деминой, достижение цели коммуникации *Выражение торжественности, значимости происходящего* английскими дикторами возможно благодаря расширенному диапазону речи, расширенному диапазону произнесения ключевых слов, частотному употреблению восходящих тонов, частотному употреблению постепенно нисходящей ступенчатой шкалы, нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью, высокой предшкалы, замедленному темпу речи, длительному произнесению ударного слога в ключевом слове, ярко выраженному размеренному ритму.

Русские теледикторы при прочтении торжественной значимой новости также используют восходящие тоны на ключевых словах, а также высокую предцентровую часть, сочетая их с расширенным диапазоном произнесения ключевых слов и расширенным диапазоном речи. Фрагментарно русскими дикторами заимствуется постепенно нисходящая ступенчатая шкала, в меньшей степени это касается нисходящей шкалы с нарушенной постепенностью. Также русские и английские теленовости с коммуникативной целью *выражения торжественности, значимости происходящего* объединяются размеренным ритмом, низким темпом произнесения, длительным произнесением ударного слога в ключевом слове, наличием отчетливого, спокойного ритма. Частота основного тона при произнесении торжественной новости низкая. Добавим к этому и то, что русские теледикторы в большей степени выделяют ключевые слова повышением громкости речи. Наши выводы доказываются нижеследующим фрагментом, приведенным с интонационной разметкой, знаки которой были представлены нами ранее:

*Сего́дня в Москвѣ́ на Поклонной горе, открыли памятник российским
воинам героям Первой мировой войны! в которой\ наша страна понесла
самые большие потери// Были убиты по разным данным от семисот ты-
сяч до двух миллионов солдат и офицеров// В огне глобального катаклизма
сгорели не только человеческие жизни но и целые государства// Погибли
четыре империи в том числе Российская// \Ей пришлось пережить распад
революцию и гражданскую войну// Выступая сегодня в день столетней го-
довщины вступления России в войну! Владимир Путин призвал помнить
уроки истории// Он подчеркнул открытый сегодня памятник не только
дань великим подвигам наших воинов но и напоминание о том насколько
хрупок мир.*

Намерение развлечь аудиторию у английских теледикторов реализуется при помощи широкого диапазона речи, расширенного диапазона произнесения ключевых слов, частотного использования эмфатических сложных и нисходящих тонов, употребления разнообразных эмфатических шкал, высокой предшкалы, а также среднего темпа произнесения и менее ярко выраженного ритма.

В группе *Намерение развлечь аудиторию* англо-американское лингвокультурное влияние на уровне просодики не так заметно. Тем не менее, диапазон речи так же, как и у английских дикторов, является широким, а диапазон произнесения ключевых слов – расширенным. Отличием от английских теленовостей у русских является частотное использование восходящих тонов вместо нисходящих, хотя эмфатические сложные тоны также используются. Доля нисходящих тонов в этой группе существенно ниже, чем в британских теленовостях, также используются эмфатические

шкалы, отличные от английских. Русские теледикторы при произнесении новостей этой группы заимствуют у своих английских коллег средний темп речи и менее ярко выраженный ритм. Частота основного тона, как и у английских теленовостей здесь средняя, однако высокая предцентровая часть, как и у британских дикторов, сохраняется. Ниже приводится расшифровка теленовости из группы *намерение развлечь аудиторию с интонационной разметкой*:

В прёссу попали пёрвые фотоснимки с главной свадьбы года как её уже́ назвали поклонники Анджелины Джоли, и Брэда Питта// Как выяснилось Джоли предстала в наряде́ над дизайном которого поработали все шестеро детей пары// Подол и фату украсили их рисунки// Утвержда́ют что, Питт позаимствовал галстук у одного из сыновей потому что свой перед церемонией забы́л//

Для намерения вызвать у целевой аудитории *возмущение и осуждение* дикторами BBC и Sky News привлекаются расширенный диапазон речи, частотные эмфатические нисходящие тона, употребления эмфатических шкал, а также длительного произнесения ударного слога в ключевом слове и четкого ритма, который создается выделением ключевых слов циклично повторяющимися нисходящими тонами.

В группе *возмущение и осуждение* ориентация русских дикторов на своих заокеанских коллег как на образец ощущается довольно сильно, что доказывается заимствованием просодической модели британских теледикторов. Ключевые слова в этой группе выделяются нисходящими тонами, что создает четкий ритм, который сообщает законченность и категоричность суждению, заимствуются как эмфатические шкалы, так и постепенно нисходящая шкала, также для этой группы характерны нисходящие эмфатические тона, расширенный диапазон речи, средняя частота основного тона, частичное использование высокой предцентровой части, в особенности в абсолютном начале фрагмента, расширенный диапазон произнесения ключевых слов, которые, в отличие от британских теленовостей, иногда выделяются повышением тона, хотя понижение тона на них наиболее характерно. Ударный слог в ключевых словах, как и у британских теледикторов, произносится долго и отчетливо. Приведем теленовость из этой группы с интонационной разметкой:

Ба́ра́к Обама при\знал сотрудники американских спецслужб пыта́л и подозреваемых в причастности к теракту о́дцнадцатого сентября две тысячи первого года// Громкое заяв\ление президент США, сделал выступая перед членами Сенáта// Позже на пресс-конференции в Белом Доме изначально она посвящалась эконо́мике/ Обама даже не стал дожидаться соответствующего вопро́са// По мно́гим свидетельствам сотрудники ЦРУ избивали подозреваемых подвергали их унижениям выставляли

на холод и не давали спать // Президент США также заявил о своём полном доверии руководителю ЦРУ Джону Бреннану / который признал что его ведомство взломало компьютеры специальной комиссии Конгресса по расследованию деятельности спецслужб // Теперь сенаторы утверждают их умышленно вводили в заблуждение //

Намерение избежать скандала, преуменьшить важность, значимость события реализуется при помощи среднего диапазона речи, суженного диапазона произнесения ключевых слов, частотного употребления ровного тона, частотного употребления постепенно нисходящей ступенчатой шкалы и ровной шкалы, низкой частотности употребления эмфатических шкал, а также при помощи быстрого темпа и менее ярко выраженного ритма.

Так же, как и британские теледикторы, русские ведущие при произнесении новости из группы *намерение избежать скандала, преуменьшить важность, значимость события* используют среднюю частоту основного тона и средний диапазон речи при суженном диапазоне произнесения ключевых слов, которые, тем не менее, иногда выделяются восходящими тонами, что отличает русские теленовости от британских. Сближает их, помимо вышеперечисленного, заимствование русскими теледикторами ровной шкалы и, в меньшей степени, постепенно нисходящей ступенчатой шкалы, отсутствие эмфатических шкал, повышенный темп произнесения новости и отсутствие отчетливого ритма, как и господство ровного тона:

Тем временем в столице Ирака родственники солдат погибших от рук боевиков группировки Исламское государство разгромили здание парламента // В зале заседаний повреждено оборудование избиты несколько охранников // Депутатов как сообщается успели эвакуировать // А за несколько часов до этого в жилых кварталах Багдада взлетели на воздух два заминированных автомобиля // Погибли по предварительным данным около двадцати человек / до пятидесяти ранены // Не исключено что за этим терактом тоже стоят боевики Исламского государства / ожесточенные бои с ними продолжаются в Ираке уже несколько месяцев // По данным ООН только за август жертвами исламистов стали почти полторы тысячи человек // Напомню / группировка Исламское государство действует и в Сирии // Известно что там террористы получали поддержку США, в борьбе с Башаром Асадом //

Намерение вызвать удивление, потрясение осуществляется благодаря расширенному диапазону речи, широкому диапазону произнесения ключевых слов, частотного употребления эмфатических сложных тонов, частотного употребления постепенно нисходящей ступенчатой шкалы,

нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью, высокой предшкалы, длительного произнесения ударного слога в ключевом слове и четкого ритма.

В этой группе англо-американское лингвокультурное влияние ощущается сильно. Как и британские тележурналисты, русские дикторы при произнесении новости из этой группы используют расширенный диапазон речи и широкий диапазон произнесения ключевых слов, часто сочетая их с высокой предцентральной частью, что особенно заметно у теледикторов-женщин. Заимствуются постепенно нисходящая ступенчатая шкала и, при протяженной синтагме, нисходящая ступенчатая с нарушенной постепенностью. Присутствуют эмфатические восходящие и нисходящие тона, частота основного тона средняя, наличествует четкий ритм, ударный слог произносится долго, ключевые слова выделяются громкостью произнесения:

Жители \Киева уже ощутили последствия кризиса на себе' причем в самом прямом смысле// В \городе отключили горячую воду// Людям объяснили\сделано это для экономии газа/ И осенью, все вернется// Однако многие опа\саются что с наступлением холодов проблемы с отоплением просто прибавятся к трудностям с водой// Она кстати еще и подорожала вдвое//

Выражение превосходства, а также пренебрежения по отношению к содержанию сообщения оформляется у британских дикторов благодаря суженному диапазону речи, узкому диапазону произнесения ключевых слов, частотному употреблению восходящих тонов, частотному употреблению постепенно нисходящей ступенчатой шкалы и ровной шкалы, а также благодаря замедленному темпу и спокойному, размеренному ритму, придающему речи монотонность.

В этой группе англо-американское лингвокультурное влияние на уровне просодии ощущается в меньшей степени, поскольку диапазон речи в данной группе у русских теледикторов является широким, а диапазон произнесения ключевых слов – расширенным, темп – средним, а не замедленным, ритм – энергичным, а не монотонным. Интонация в этой группе является привычной русской волнообразной, частота основного тона – средней. Сближает русские и английские теленовости частотное использование восходящих тонов, однако для русских теленовостей характерно, пусть и в меньшей степени, использование нисходящего тона на ключевых словах:

Сейчас другой поворот темы экономики Украины/ Государственный долг страны в следующем году достигнет пиковой отметки/ семьдесят три процента от валового внутреннего продукта// Эти данные обнародовал сегодня вечером Международный валютный фонд/ пожалуй главный сейчас кредитор киевской власти// И сегодня же в Кцеве получил развитие

подход, взять и заново поделить по отношению к стратегически важным предприятиям//

Сообщение трагической новости у английских теледикторов дается при помощи узкого диапазона речи, узкого диапазона произнесения ключевых слов, частотного употребления нисходящих тонов, минимального присутствия эмфатических тонов и шкал, ровной шкалы, среднего, иногда замедленного темпа речи, менее четко выраженного ритма.

Просодическая модель при произнесении *трагической новости* у русских теледикторов очень близка английской: новость произносится на ровном тоне, частота основного тона низкая, темп речи замедленный, эмфатические тоны практически отсутствуют, ритм не выражен ярко. При узком диапазоне речи и узком диапазоне произнесения ключевых слов ключевые слова иногда выделяются незначительным повышением тона или, что реже, его понижением. Произнесение новостного фрагмента начинается повышением тона, а заканчивается его понижением, однако это можно сказать только об абсолютном начале и абсолютном конце фрагмента, внутри фрагмента тон ровный со слабым повышением на ключевых словах, а иногда – понижением. Факт заимствования просодической модели у английских теледикторов доказывается нижеследующим фрагментом, представленным с интонационной разметкой:

Печальная новость /в Москве, скончалась народная артистка России Ольга Воронец, она была человеком редкой красоты и таланта// Ее называли легендой народной песни// В середине 50-х годов на международном фольклорном фестивале во Франции/ Ольга Воронец исполнила "Калинку" с таким успехом/ что французские зрители певицу потом так и называли/ Ольга-Калинка// Всенародная слава пришла к ней в 1971 году, после выступления на фестивале Песня года/ Вся страна запела/ Зачем вы девочки красивых любите"/ "Горька ягода"/ "Гляжу, в озёра, синие"// Ольга Воронец всегда была крайне требовательна к своему репертуару// О том как она выбирала песни/ Ольга Борисовна рассказала в эфире Первого канала в своём последнем интервью в программе "Пусть говорят"// Ольге Борисовне было семьдесят восемь лет/ она прожила большую и яркую жизнь/ как и её песни.

Проведенное исследование английской и американской интонации, а также русских теленовостей на фоне английских позволяет сделать ряд выводов.

1. Американская интонация отличается от английской большей монотонностью и меньшим присутствием восходящих тонов.

2. В современной практике русских телевизионных СМИ имеет место просодическое заимствование из английского языка, а не из его американ-

ского варианта, поскольку русские теледикторы в своей практике ориентируются на британских коллег.

3. При анализе русских теленовостей на фоне британских целесообразен фонопрагматический подход.

4. В наибольшей степени англо-американское лингвокультурное влияние проявляется в следующих группах теленовостей, сформированных по цели коммуникации: *выражение торжественности, значимости происходящего; намерение вызвать возмущение и осуждение; намерение избежать скандала, преуменьшить важность, значимость события; намерение вызвать удивление, потрясение; сообщение трагической новости.*

5. В меньшей степени англо-американское лингвокультурное влияние проявляется в группе новостей *намерение развлечь аудиторию.*

6. В наименьшей степени англо-американское лингвокультурное влияние проявляется в группе *выражение превосходства, презрения по отношению к содержанию сообщения.*

7. Среди элементов просодики, которые заимствуются, особенно интенсивно применяется ровная шкала, постепенно нисходящая ступенчатая шкала, в меньшей степени – нисходящая шкала с нарушенной постепенностью и эмфатические шкалы, а также высокая предцентровая часть, в особенности в абсолютном начале фрагмента и у женщин-дикторов; восходящие эмфатические тоны.

Список литературы

1. Боднар С.С., Яценко Г.С. English sounds and intonation. – Казань, 2013. – 77 с.
2. Демина М.А. Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ (на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 28 с.
3. Дуличенко А.А. Русский язык конца XX столетия. – Мюнхен: Verlag von Otto Sagner, 1994. – 359 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 868 с.
5. Павлова О.В. Формирование культуры устной речи через обучение фонетике и темпо-ритмическим особенностям. – [Электронный ресурс]: www.conference.meli.ru/section_2/2_5_Pavlova.doc
6. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 412 с.
7. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. – М.: Высш. шк., 1963. – 184 с.
8. Vaughn A.C. A History of the English Language. – N.Y., 1957. – 486 p.
9. Galinsky H. Amerikanisches und Britisches English. – München, 1957. – 364 p.
10. Dunn J.A. The role English in the development of modern Russian // Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21 Jahrhundert. – F. am Main, 2000. – S. 87–101.
11. Jones D. An Outline of English Phonetics. – Cambridge, 1956. – 414 p.
12. Krapp G.P. The rise of English literary prose. – N.Y., 1915. – 272 p.
13. Pike K.L. The Intonation of American English. – Ann Arbor 1956. – 346 p.
14. Scott F.N. The standard of American speech and other papers. – Cambridge, 1926. – 276 p.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 811.112.2

Мельгунова А.В.

Вариативность номинаций в художественном тексте

В статье проводится анализ лексических единиц, используемых в художественной литературе для обозначения лиц, предметов и абстрактных понятий. Выбор различных лексических средств и их чередование в тексте может зависеть от разных факторов: принадлежности к той или иной лексической группе, намерения автора произведения и его стиля.

The article deals with the analysis of words, which are used in the fiction to refer to persons, objects and abstract concepts. The choice of different lexical means and their interchange in the text can depend on many factors, for example, belonging to one or another thematic group, author's intention and style.

Ключевые слова: номинация, синонимы, контекст, лицо, предмет, абстрактное понятие, метафора.

Key words: denomination, synonyms, context, person, object, abstract, metaphor.

Вариативность номинаций для обозначения одного и того же персонажа, предмета или понятия свойственна разным типам текста. Входящие в текст обозначения лица, предмета и т. д., выступающие в предложении в роли подлежащих и дополнений, составляют номинативную цепочку, компоненты которой обычно связаны семантическими отношениями различного типа. Вариативные номинации используются как в соседних предложениях и абзацах, так и в рамках одного предложения или, наоборот, на разных страницах текста.

Далее на материале немецкоязычного художественного текста будут рассмотрены примеры проявления подобной вариативности. Рассмотрим наиболее употребительные в художественном тексте типы номинаций по трём основным группам (лица, предметы, абстрактные понятия).

Номинации лиц

Хотя между словами, используемыми для обозначения одного человека, не всегда существуют определённые смысловые отношения (как, например, синонимия), и связь между ними присутствует лишь в конкретном тексте, – читатель соотносит лексические единицы с одним человеком, так как существует поддержка средствами контекста – как лексическими, так и грамматическими, например, такими, как артикль [3, S. 29]. Именно эта группа номинаций отличается наибольшим разнообразием в художе-

ственной литературе. В номинативную цепочку входят от двух и более номинаций следующей семантики.

1. Названия профессий, должностей, титулов. *Der Arzt packte seine Instrumente zusammen* [4, с. 83]. Данная номинация – «врач», в тексте чередуется с номинацией другого типа – *der Mann* «мужчина».

2. Реляционные имена, то есть обозначающие связь с другими людьми. К ним относятся как термины родства, так и номинации другой семантики: *der Geliebte* «возлюбленный», *der Nachfolger* «последователь», *der Parteifreund* «товарищ по партии». *Mitleidig und verächtlich blickte er nieder auf den jungen Vetter, der demütig vor ihm kniete* [5, S. 93]. В данном случае термин родства «племянник» заменяет наименования *der Prinz* «принц», *der Herr* «господин».

Одним из источников вариативности слов является стилистическая синонимия [1, с. 263], например, *(ihr) Gatte* – *(ihr) Gemahl* (выс.) – «(её) супруг».

3. Ситуативные номинации, то есть подчёркивающие роль или важные особенности в конкретной ситуации. Можно отметить такую особенность ситуативных номинаций по сравнению с другими, как их стопроцентная контекстуальная обусловленность лексическими единицами, использованными для описания ситуации в предшествующем контексте, например *hinaufklettern* «карабкаться вверх» – *der Fassadenkletterer* «человек, вскарабкавшийся по фасаду»: *Aus dem Garten war ein Kerl zu seinem Fenster hinaufgeklettert* [9, S. 327]. (...) *Er bekam keine Antwort; von dem rotbärtigen Fassadenkletterer war keine Spur mehr zu sehen* [9, S. 331].

4. Универсальные номинации – *der Mann* «мужчина», *die Frau* «женщина», *die Dame* «дама», *die Person* «персона», *der Kerl* «парень», *das Kind* «ребёнок» и т. п., которые могут быть отнесены к любому человеку соответствующего возраста и пола. *“Nanu, sowas von Schwein”, – sagte der Budenbesitzer und reichte uns die Sachen. Der Mann wusste nicht, was ihm bevorstand* [12, S. 94]. В данном случае происходит замена номинации по роду деятельности «владелец киоска» на универсальную номинацию.

5. Номинации, подчёркивающие личностные характеристики человека – внешность, возраст, детали одежды и др.: *der Schöne* «красавец»; *der Grauhaarige* «седой», *der Blauäugige* «голубоглазый»; *der Bucklige* «горбун», *der Kleine* «низкорослый»; *der Alte* «старик»; *die Uniformierten* «люди в униформе». *Der Schöne ging schlendernd, er war einzuholen, und Aschenbach beschleunigte seine Schritte* [8, S. 242].

Важное место здесь занимают метонимические номинации типа «часть вместо целого»: *der Graubart* «седая борода», *der Glatzkopf*, *der Kahlkopf* «лысый», *der Rotkopf* «рыжий», *der Ledermantel* «кожаное пальто». *Der Kahlkopf folgte mir nach* [12, S. 185].

Большинство подобных номинаций опирается на какую-то лексику, присутствовавшую до этого в контексте, – прилагательные, существительные, например: *klein* «низкорослый» – *der Kleine* (субстантивированное

прилагательное с тем же значением), *Kuhaugen haben* «иметь глаза, как у коровы» – *die Kuhäugige* «женщина с глазами, как у коровы», *ein Mann mit dem Glatzkopf* «мужчина с лысой головой» – *der Glatzkopf* «лысый»: *Ein kleiner jüdischer Student entkam dem Getümmel. (...) Der Kleine* starnte sie einen Moment fassungslos an [13, S. 219]. *Sie hatte* große, runde, etwas hervortretende *Kuhaugen* (...). *Der skalpierte Cäsar, der Reklamechef und die Kuhäugige* schienen darüber zu wachen, (...) [9, S. 26]. “Gibt es hier eigentlich nichts zu essen?” fragte ein kleiner *Mann mit dem Glatzkopf*, der in der Ecke auf einer Pritsche sass. (...) “O Gott!” sagte *der Glatzkopf* in der Ecke [13, S. 20–22].

Наряду с номинациями по внешности обычно используются и другие номинации, характеризующие персонажа с разных позиций: *der Ministerpräsident* «премьер-министр» – *der Fliegergeneral* «генерал авиации» – *der Würdenträger* «сановник» – *der Jubilar* «юбиляр» – *der Gewaltige* «могущественный» – *das Geburtstagskind* «именинник» – *der Dicke* – *der Fürchterliche* «ужасный» – *(ihr) Gatte* «(её) супруг» – *der Spezialist für Todesurteile und Bombenflugzeuge* «специалист по смертным приговорам и бомбардировщикам» [9]. Иногда номинация по внешности является устойчивой, то есть используется на протяжении всего повествования или какого-либо эпизода. Например: *Eine Minute später sprach ihn ein schwächtiger Mann an (...) Der Mann* redete ihm zu. (...) *Der Schwächtige* zeigte ein sehr schadhafte Gebiss [13, S. 94]. В последующих предложениях используется только номинация *der Schwächtige* «тщедушный» – в общей сложности тринадцать раз в одном эпизоде [13, S. 94–100].

В некоторых случаях номинация может быть и единственной – например, если речь идёт о второстепенном персонаже, имя которого нам не известно. *Lillian sah einer Frau in cremefarbenen Spitzen nach, die mit einem Kahlkopf* das Restaurant verließ [11, S. 182].

При обозначении второстепенных персонажей характерной является лексика, подчёркивающая особенности внешности. В данном случае типичным является тип номинативной цепочки, где имя собственное называется в конце. Обычно это происходит при появлении в произведении новых персонажей: *der Mann (am Steuer)* «мужчина (за рулём)» – *der Besitzer* «владелец (машины)» – *der Dicke* «толстяк» – *Binding* (имя собственное) [12].

6. Метафорические номинации. В качестве метафор могут выступать обозначения людей, животных и даже неодушевлённых предметов: *Tschanz hörte dem unerbittlichen Schachspieler* zu, der ihn mattgesetzt hatte [4, S. 107]. “*Das Krokodil* will mich nicht mehr hinauslassen”, flüsterte sie [11, S. 19]. Er hätte es besser nicht gesagt; denn diese Äußerung entfesselte *das Donnerwölkchen* [6, S. 190]. В приведённых примерах метафоры *der Schachspieler* «шахматист» (в переносном смысле, то есть человек, ведущий какую-то игру), *das Krokodil* «крокодил», *das Donnerwölkchen* «грозовая тучка» используются для замены следующих номинаций лиц: *der Alte* «старик», *die Oberschwester* «старшая медсестра», *(seine) Frau* «(его) жена».

Некоторые метафорические номинации являются устойчивыми для обозначения людей, связанного с определённой оценкой их действий – например, *das Früchtchen* «фрукт» подразумевает негативную оценку поведения: *Ein jüdischer Schüler (...) habe in einem Schulvortrag vor versammelter Klasse Hermann den Befreier aufs Wüteste geschmäht, ohne dass es bis jetzt seinem nationalen Klassenlehrer geglückt wäre, das Früchtchen zur Reichenschaft zu ziehen* [6, S. 189].

Номинации двух героев произведения могут составлять метафорическую пару, например, *der Jäger – das Wild* «охотник – дичь». Интересно при этом, что в разных произведениях эта пара может использоваться для описания разных отношений между персонажами. Например, у Ф. Дюрренматта это отношения следователя и преступника, которого он преследует, у С. Цвейга это отношения между мужчиной и женщиной, благосклонность которой он хочет завоевать. *So trafen sie sich zum letzten Male, der Jäger und das Wild, das nun erledigt zu seinen Füßen lag* [4, S. 101]. *Nun schien es dem ungeduldigen Jäger an der Zeit, sein Wild anzuschleichen* [14, S. 301].

Обозначения главных героев обычно менее разнообразны, чем обозначения второстепенных. Большую роль играет имя собственное, наряду с которым во всём тексте произведения могут присутствовать постоянные обозначения персонажа: *Bärlach – der Alte* «старик» [4]; *Lenz – der letzte Romantiker* «последний романтик» [12].

В меньшей степени распространены случаи использования более 3–4 лексических единиц для обозначения главного героя (или одного из них). Такое бывает, к примеру, если имя собственное так и не становится нам известно, как, например, в «Шахматной новелле» С. Цвейга, где читатель в середине повествования узнаёт только первую букву фамилии главного героя – *Doktor B.* Но номинативная цепочка включает при этом различные универсальные, ситуативные и реляционные номинации: *der Herr* «господин» – *der Mann* «мужчина» – *der Fremde* «незнакомец» – *(sein) Gegner* «(его) соперник» – *(unser) Retter* «(наш) спаситель» – *der Unbekannte* «неизвестный» – *(unser) Helfer* «(наш) помощник» – *Homo Obscurissimus* (лат.) «неизвестный человек» – *der Entflüchtete* «сбежавший» – *(unser) Freund* «(наш) друг» – *der Anonymos* «аноним» – *Ignotus* (лат.) «неизвестный» [15]. В таких случаях номинации характеризуют героя не только с позиции автора, но и показывают отношение других персонажей к нему, которое может меняться по ходу развития сюжета. В связи с этим одна номинативная цепочка может содержать даже антонимы: *(sein) Freund* «(его) друг» – *der Verräter* «предатель» – *der Verhasste* «ненавистный» – *(sein) Feind* «(его) враг»: *Und Edgar beschloss, heute bei Tisch kein Wort mit ihr zu reden, nur mit seinem Freund allein* [14, S. 317]. *Edgar atmete auf, dass sein Feind nicht zugegen war, dass er sein verhasstes Gesicht nicht sehen musste* [14, S. 358]. И «друг», и «враг» – это один и тот же человек в восприятии другого персонажа, который под влиянием обстоятельств начинает ненавидеть того, кем изначально восхищался.

Номинации предметов

1. Замена на синоним или контекстуальный синоним: “Heut müssen Sie mit mir schwimmen”, sagte er und hielt ihr *die Badehaube* hin. Sie nahm ihm zerstreut *die bunte Mütze* aus der Hand [10, S. 35]. Обычно гипоним предшествует гиперониму, как в приведённом примере: *die Badehaube* «шапочка для плавания» – *die Mütze* «шапочка».

Возможна также цепочка из нескольких существительных, в которой каждое слово имеет более обобщённое значение по сравнению с предшествующим – *das Gymnasium* «гимназия» – *die Schule* «школа» – *die Anstalt* «заведение»: Es war ein Artikel über die Zustände am Königin-Luise-Gymnasium. Diese *Schule*, längst eine Zuchtungsanstalt von Landesverrätern, hieß es, sei jetzt vollends verrottet. (...) Beschützt von dem verwelschten Vorstand der *Anstalt*, einem typischen Vertreter des Systems, spreizte sich noch immer der freche Judenjunge in der Glorie seines Landesverrats [6, S. 189].

2. Метафорические номинации. Можно отметить употребление как общепринятых, так и окказиональных, авторских метафор. “Für fünfhundert Mark steigern wir den *Kasten* glatt ein” [12, S. 385]; “Ehrwürdige *Klamotte*” [12, S. 140]. Слово *Kasten* «ящик», в данном случае относящееся к автомобилю, принадлежит к «универсальным» метафорам почти для любого механизма. Следует отметить, что именно для такого предмета, как автомобиль характерны метафорические номинации, т.к. машину в зависимости от её размера и различных технических характеристик, степени изношенности и отношения к ней говорящего можно сравнить со многими другими известными предметами или даже животными. Именно к машине у её владельцев существует особая эмоциональная привязанность. Напротив, какие-либо предметы домашнего обихода, как, например, мебель, обычно не воспринимаются владельцами как нечто особенное и поэтому редко обозначаются при помощи метафор.

В художественной литературе метафорические номинации используются не просто с целью разнообразить текст, а несут определённую смысловую и стилистическую нагрузку, выражают эмоции героев произведения. Не случайно в подавляющем большинстве случаев это употребление метафор в прямой речи.

3. Ситуативные номинации. На первый взгляд может показаться, что ситуативные номинации представляют собой только обозначения живых существ, однако, как показали рассмотренные примеры, в этой роли выступают и названия предметов. Отличие заключается в типе контекстуальной связи – в то время как многие обозначения людей опираются на лексику, описывающую их действия, то ситуативные номинации предметов всегда обусловлены действиями человека по отношению к этим предметам или совершёнными при их помощи, например: *schenken* «дарить» – *das Geschenk* «подарок».

Необходимо сказать ещё об одном отличии: в случае с обозначениями людей ситуативная номинация может быть единственной номинацией лица

в тексте – например, при обозначении второстепенного героя в литературе. С номинациями предметов такого практически не бывает, т.к. в противном случае, без использования основной номинации предмета, не представляется возможным понять, о каком предмете идёт речь. Иногда совершенно невозможно предположить, какую роль может сыграть предмет в определённой ситуации: (...) wollte er etwas nach dem Unhold schleudern; fand nichts, was ihm für diesen Zweck geeignet schien, und riss sich die *Hornbrille* von der Nase. Mit einem krächzenden Aufschrei warf er *die Hornbrille* in die Richtung des Fensters. Aber das armselige *Geschoss* traf den Gegner nicht [9, S. 331]. В данной ситуации *die Hornbrille* «очки в роговой оправе» выступают в роли «снаряда» – *das Geschoss*, брошенного в противника.

Абстрактные номинации

Для данной лексики характерной является замена на синоним или контекстуальный синоним. Небольшая длина номинативной цепочки, состоящей из абстрактных номинаций (обычно 2, реже – 3 и более), объясняется отсутствием реляционных и ситуативных номинаций (как в случае с обозначениями людей) и метафор (как с обозначениями людей и предметов).

Среди рассмотренных синонимов можно отметить большое количество (около трети) синонимов с одинаковым или близким предметно-логическим содержанием, используемых для замещения в тексте. Es fasziniert Barbara, Hendriks lebenden, gehetzten Berichten über den Fortgang seiner *Karriere* zu lauschen. (...) Ja, Barbara macht sich auf aktive Weise verdient um seine *Laufbahn* [9, S. 167]. В данном случае использованные номинации со значением «карьера» полностью синонимичны, что часто бывает в парах, состоящих из немецкоязычного и иностранного слова.

Как и в случае с номинациями предметов, при употреблении в тексте гипоним обычно предшествует гиперониму, выполняющему функцию замещения, например, *die Gage* «гонорар» – *das Einkommen* «доход»: “Was die *Gage* betrifft... (...). Wahrscheinlich sind Sie, von Hamburg her, ein relativ anständiges *Einkommen* gewohnt” [9, S. 163].

Цель использования подобных контекстуальных синонимов – замещение, стремление разнообразить текст. Реже встречаются пары, в которых гипероним стоит на первом месте: *der Gedanke* «мысль» – *die Vermutung* «предположение», *der Unfall* «авария» – *der Zusammenstoß* «столкновение»: “Das Schiff hat einen *Unfall* erlitten...” [7, S. 287]; “(...) Wir haben einen *Zusammenstoß* gehabt!” [7, S. 294]. В данном случае гипоним на втором месте выполняет функцию уточнения. Считается, что данная функция свойственна контекстуальным синонимам. Обозначаемое понятие является многосторонним и не может быть полностью охарактеризовано одним словом. Поэтому используются синонимы, несовпадающие семы которых раскрывают новые стороны обозначаемого [2, с. 446]. Однако, если говорить об абстрактных понятиях, то уточнение, при котором роль контекстуального синонима выполняет гипоним, для них не очень характерно.

Следует подчеркнуть, что существует особый вид уточнения, присущий данной лексике. Такой категории абстрактных существительных, как

обозначения состояний, чувств, присущ тип номинативной цепочки, который можно обозначить как «усиление степени проявления состояния»: der Wunsch «желание» – die Begierde «страстное желание», die Schwärmerei «увлечённость» – die Verliebtheit «влюблённость», die Spannung, die Erregung «напряжение, волнение» – die Angst «страх», die Bewunderung «удивление» – das Staunen «изумление», die Unruhe «беспокойство» – die Furcht «боязнь, страх», die Begeisterung «восхищение» – die Extase «экстаз»: Ich hatte wieder einmal reine *Begeisterung* lebendig spüren dürfen in dumpfer, freudloser Zeit, eine Art geistig durchleuchteter, ganz auf die Kunst gewandter *Extase*, wie sie unsere Menschen längst verlernt zu haben scheinen [15, S. 29].

Данный вид проявления вариативности номинаций присущ именно обозначению абстрактных понятий в художественном тексте, что связано с эмоциональной выразительностью данного стиля.

Состав и длина номинативной цепочки для обозначения различных объектов зависит от таких факторов, как тематическая принадлежность обозначаемого, тип текста, значимость именуемого объекта в структуре повествования и индивидуальный стиль автора. Комплексное рассмотрение вариативности номинаций в зависимости от данных факторов важно для лучшего понимания структуры текста и семантических связей между лексическими единицами.

Список литературы

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М., 1990. – 320 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 2000. – 687 с.
3. Brinker Kl. Linguistische Textanalyse. – Berlin, 2010. – 160 S.
4. Dürrenmatt Fr. Der Richter und sein Henker. Der Verdacht. – Moskau, 2000. – 240 S.
5. Feuchtwanger L. Die Judin von Toledo. – St. Petersburg, 2004. – 480 S.
6. Feuchtwanger L. Die Geschwister Oppermann. – Berlin, 2013. – 381 S.
7. Kellermann B. Das blaue Band. – Moskau, 2001. – 352 S.
8. Mann Th. Der Tod in Venedig. Erzählungen. – Frankfurt am Main, 1989. – 430 S.
9. Mann Kl. Mephisto. – Moskau, 2001. – 352 S.
10. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend. – Berlin, Weimar, 1969. – 430 S.
11. Remarque E.M. Der Himmel kennt keine Günstlinge. – St. Petersburg, 2009. – 352 S.
12. Remarque E.M. Drei Kameraden. – Moskau, 1960. – 455 S.
13. Remarque E.M. Liebe deinen Nächsten. – St. Petersburg, 2011. – 560 S.
14. Zweig St. Die Hochzeit von Lion. – St. Petersburg, 2007. – 544 S.
15. Zweig St. Novellen. – Moskau, 2001. – 160 S.

Антропонимическое пространство книжного гипертекста (на материале английского языка)

В статье рассматривается явление гипертекстовой адресантности, реализованное в книжном гипертексте. В этой связи проводится структурный анализ англоязычных антропонимов как общего текстопостроительного элемента разностилевых текстов, формирующих константный состав книжного гипертекста к современному изданию художественного текста на английском языке.

The article considers the phenomenon of hypertext author-addresser in the framework of book hypertext. In this connection, the author presents a structural analysis of English personal names as the common text-building element of a number of texts, which make the constant structure of book hypertext for a modern English fiction edition.

Ключевые слова: книжный гипертекст, печатный текст, электронный текст, гипертекстовый адресант, художественный текст, антропоним, английский язык.

Key words: book hypertext, hardcopy text, electronic text, author, fiction prose, personal name, English.

В настоящее время основной формой предъявления читателю англоязычного художественного текста по-прежнему является книга. Однако следует заметить, что в начале XXI века помимо традиционного «бумажного» издания (типографского или рукописного) появился ряд иных носителей, на которых она может быть выполнена. Так, известный интернет-магазин «Amazon» (amazon.com), осуществляющий продажи по всему миру, предлагает читателю книги англоязычных авторов в следующих видах: печатное издание в твердой или мягкой обложке (hardcover / paperback); аудиокнига в нескольких форматах записи (audio CD / MP3 CD / audible audio edition); электронная книга (Kindle edition). В свою очередь, американское издательство «Baen» (baenebooks.com), специализирующееся на англоязычных художественных текстах, принадлежащих к жанрам научной фантастики и фэнтези, также предлагает три варианта покупки книг: печатное издание в мягкой обложке (paperback), аудиокнига (audio book), электронная книга в ряде форматов (Mobi/Kindle/Palm edition; Epub/Nook/Stanza edition; RTF; MS Reader; HTML/Online). Таким образом, в рамках новейшей англоязычной литературной коммуникации наблюдается расширение носителей художественного текста, который, параллельно с типографским изданием, все чаще предъявляется читателю в электронной форме.

Однако, несмотря на различие носителей, современные издания англоязычного художественного текста имеют общие черты на структурном уровне. В частности, как печатная, так и электронная книга, характеризуется обязательным включением в нее книжного гипертекста, реализованного в виде ряда дополнительных нехудожественных текстов, возникших после создания художественного текста автором [1, с. 22]. Например, как печатное, так и электронное издание романа «Франкенштейн» английской писательницы М. Шелли (1797–1851) образца 2013 года содержат идентичные книжные гипертексты: вступительная статья (introduction), историческая справка (historical background), биография автора (biography). Данный факт подтверждается содержанием печатной книги [23] и информацией от производителя электронной книги, размещенной на одном из интернет-сайтов: This e-book publication is unique which includes Introduction, Historical Background and detailed Biography [13]. Сходство печатного и электронного изданий мы можем объяснить первичностью печатного издания художественного текста, которое, как правило, без изменений переводится в формат электронной книги (ebook). Исключением является аудиокнига, которая ограничивается аудиозаписью непосредственно художественного текста. Данный вид книги предназначен не для чтения, а для слушания. Рассмотрение звучащего текста в задачи нашего исследования не входит.

Расположение того или иного вида книжного гипертекста варьируется в зависимости от конкретного издания художественного текста. Так, например, хвалебные отзывы могут находиться как в предтекстовом (обложка, передний форзац), так в посттекстовом (задний форзац) положении по отношению к публикуемому тексту. В результате художественный текст оказывается в окружении своеобразного информационного поля, каждый слой которого снабжает читателя разъясняющей информацией по тому или иному его аспекту (автор, план содержания, план выражения, сюжет, герои и т. д.).

Каждый из видов книжного гипертекста принадлежит разным функциональным стилям, и, ссылаясь на конкретный художественный текст в целом, в тоже время вербализует тот или иной его семантико-структурный компонент. Например, краткое содержание (summary) относится к публицистическому стилю и в большинстве случаев фокусируется на сюжетной линии, в то время как вступительная статья (introduction) тяготеет к научному стилю и нацелена на раскрытие идейного содержания.

Качественный анализ структуры 80 изданий англоязычных художественных текстов, опубликованных в начале XXI века (2000–2014), позволил выявить константный состав книжного гипертекста, в который вошли хвалебные отзывы (praise), краткое содержание (summary), биографическая справка об авторе (about the author). Данные виды текстов были отобраны по принципу рекуррентности их реализации и отражают рассматриваемый феномен с синхронной позиции. Методом сплошной выборки нами были

рассмотрены издания художественных текстов как классических, так и современных американских и британских авторов.

Лексический анализ константных книжных гипертекстов позволил выявить их общий текстопостроительный элемент. В частности, использование антропонимов для обозначения автора художественного текста было зафиксировано во всех вышеуказанных видах текстов. В результате мы наблюдаем один из способов языковой реализации явления гипертекстовой адресантности, которое состоит в вербальной презентации автора не в собственном художественном тексте (идиостиль, мировоззрение и т. д.), а в возникшем на его основе новом нехудожественном тексте, автором которого является, как правило, третье лицо (издатель, редактор, журналист, читатель и др.) [2, с. 209], хотя нами были зафиксированы случаи, когда автор художественного текста самостоятельно создает книжный гипертекст к нему, тем самым реализуя гипертекстового адресанта в авторском гипертексте. Однако такого рода тексты (благодарность автора – acknowledgements, предисловие автора – author's preface, примечание автора – author's note) реализуются нерегулярно, что не позволяет включить их в константный состав книжного гипертекста на современном этапе его развития.

Считаем употребление термина «гипертекстовый адресант» обоснованным, так как в данном случае мы имеем дело с двойной адресантностью, которую необходимо различать. Так, с одной стороны, в книжном гипертексте вербализуется его автор, с другой – автор художественного текста о котором идет речь. Рассмотрим данное явление подробнее с целью выявления типовых антропонимических моделей, используемых в процессе вербализации гипертекстового адресанта.

Со структурной точки зрения анализ показал преобладание двухкомпонентных антропонимов (имя + фамилия) в англоязычных книжных гипертекстах. Реализация данной модели была отмечена во всех выделенных нами его константных видах, приведенных в следующих примерах (краткое содержание – пример 1; биографическая справка об авторе – пример 2; хвалебный отзыв – пример 3).

1. Six underlocking lives – one amazing adventure. In a narrative that circles the globe and reaches from the 19th century to a post-apocalyptic future, **David Mitchell** erases the boundaries of time, genre and language to offer an enthralling vision of humanity's will to power, and where it will lead us [20].

2. **Colleen Hoover** is the #1 *New York Times* bestselling author of *Slammed*, *Point of Retreat*, *This Girl*, *Hopeless*, *Losing Hope*, *Maybe Someday*, *Finding Cinderella*, and *Ugly Love*. She lives in Texas with her husband and their three boys [15, с. 409].

3. "There is no simpler, yet deeper, stylist than **Ray Bradbury**. Out of the plainest of words he creates images and moods that readers seem to carry with them forever." *San Francisco Chronicle* [4].

Таким образом, номинация гипертекстового адресанта посредством двухкомпонентного имени собственного является наиболее частотной в

книжных гипертекстах. Данный факт мы связываем с тем, что антропонимическая модель «имя + фамилия» в большинстве случаев совпадает с самономинацией автора-адресанта. Ее воспроизведение в константных видах книжного гипертекста помогает англоязычному читателю наиболее быстро и недвусмысленно идентифицировать того или иного автора художественного текста.

Однако обращает на себя внимание опциональность использования тех или иных антропонимических моделей в процессе вербализации гипертекстового адресанта. Так, для биографической справки (about the author), помимо вышеуказанной двухкомпонентной антропонимической модели, в равной степени продуктивной является модель, содержащая три и более компонента: имя + среднее имя (средние имена) + фамилия. Данный факт отражает одну из особенностей имянаречения в англоязычных культурах. В этой связи в нашем исследовании в качестве наиболее частотных можно отметить трехкомпонентные антропонимы, в то время как более комплексные антропонимы (четыре и более компонента) употребляются достаточно редко. Проиллюстрируем данное утверждение релевантными текстовыми фрагментами из ряда биографических справок, включенных в современные издания англоязычных художественных текстов.

1. **Jody Lynn Nye** lives in Illinois with her husband and two cats of superior bearing [21];

2. **Richard Lee Byers** is the author of more than 15 novels, including *Dark Kingdoms*, *Soul Killer*, *Dark Fortune*, and *The Vampire's Apprentice* [7];

3. **Marion Zimmer Bradley** began her distinguished book-publishing career in 1961 with her first novel, *The Door Through Space* [5];

4. **Dorotea Benton Frank** was born and raised on Sullivans Island, South Carolina [12];

5. **William Wilkie Collins** was born in 1824 [9, с. 5];

6. **Harry Sinclair Lewis** (February 7, 1885 – January 10, 1951) was an American novelist, short-story writer, and playwright [24];

7. **Mary Wollstonecraft Shelly** (née Mary Wollstonecraft Godwin; 30 August 1797 – 1 February 1851) was an English novelist, short story writer, dramatist, essayist, biographer, and travel writer, best known for her Gothic novel *Frankenstein: or, The Modern Prometheus* (1818) [23];

8. **Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde** was born October 16, 1854, to an intellectually prominent Dublin family [28].

Следует заметить, что, в отличие от двухкомпонентной, трехкомпонентная антропонимическая модель может не совпадать с самономинацией автора художественного текста. Так, в первом, втором, третьем и четвертом примерах вербализация гипертекстового адресанта отражает имя автора на обложке издания его произведения. Однако пятый, шестой, седьмой и восьмой примеры демонстрируют нам обратное. В данном случае самономинация автора реализуется посредством двухкомпонентной модели «имя / среднее имя + фамилия» (Wilkie Collins,

Sinclair Lewis, Mary Shelly, Oscar Wilde), в то время как в биографической справке его вербализация осуществляется уже посредством расширенных трех- и пятикомпонентных моделей «имя + среднее имя / средние имена + фамилия» (William Wilkie Collins, Harry Sinclair Lewis, Mary Wollstonecraft Shelly, Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde). Таким образом, книжный гипертекст дает читателю больше информации об авторе того или иного художественного текста посредством указания его полного имени.

Аббревиация компонентов имени собственного также была отмечена в ходе исследования антропонимического пространства англоязычного книжного гипертекста. В тексте биографической справки, как правило, сокращению подвергается имя и/или среднее имя в составе трех- или четырехкомпонентных антропонимов. В данном случае антропонимическая модель вербализации гипертекстового адресанта отражает самономинацию автора художественного текста:

George R. R. Martin sold his first story in 1971 and has been writing professionally since then [17];

J. R. R. Tolkien (1892-1973), beloved throughout the world as the creator of *The Hobbit* and *The Lord of the Rings*, was a professor of Anglo-Saxon at Oxford, a fellow of Pembroke College, and a fellow of Merton College until his retirement in 1959 [27];

F. Scott Fitzgerald was born in St. Paul, Minnesota, in 1896, attended Princeton University, and published his first novel, *This Side of Paradise*, in 1925 [11];

W. Somerset Maugham was born in Paris in 1874, the youngest son of wealthy English parents [18].

Как и в случае с авторской справкой, двухкомпонентная антропонимическая модель широко используется в процессе текстопостроения хвалебного отзыва (praise) как вида константного книжного гипертекста. Проиллюстрируем данное высказывание рядом практических примеров, взятых из изданий англоязычных художественных текстов, опубликованных в 2013–2014 годах:

"**Terry Brooks** is a master of the craft and a trailblazer who established fantasy as a viable genre. He is required reading." – Brent Weeks, New York Times bestselling author of *The Night Angel Trilogy* [6];

"You can count on **Timothy Zahn** for three things: clean, sparse prose; good pacing; and great action scenes. The first book in the Cobra War series hits all those marks in admirable style and makes for a quick, entertaining sci-fi novel." – Blogcritics [29];

"**Philip Caputo** is a splendid, muscular story teller who possesses the crucial power to make endearing ordinary men from diverse fragilities and stubbornness." – Gloria Emerson, *Los Angeles Times* [8].

Антропонимов, включающих три и более компонента, в ходе исследования хвалебного отзыва нами зафиксировано не было. Однако, помимо двухкомпонентных антропонимов, в данном случае была отмечена

более высокая частотность употребления однокомпонентных антропонимов, включающих только фамилию автора художественного текста:

"**Hickman** has a wonderful story to tell." – *The Philadelphia Inquirer* [16];

"Engrossing. . . **Mitchell** is a thrilling and gifted writer, commanding an enormous breadth of language and erudition." – *Financial Times* [20];

"If one book by **Adams** is to survive, I hope and trust that it will be this." – *The Observer* [3];

"**Grimes** is dazzling in this deftly plotted Richard Jury mystery...Psychologically complex...The novel also boasts Grime's delicious wit." – *Publisher's Weekly* [14];

"Potent...**Crawford** tells tales that bring human dimensions to his situation." – *The New York Times* [10];

"**Tolkien's** stories take place against a background of measureless depth . . . That background is ever-present in the creator's mind and it gives Frodo and company a three-dimensional reality that is seldom found in this kind of writing." – *The Washington Post* [26];

"**Frank** specializes in resilient characters who survive thanks to a saucy combination of grit and humor." – *Booklist* [12];

"**Rowling** knows how to write a twisty, involving plot...She is clearly a skilled writer." – *The Huffington Post* [22].

Таким образом, вербализация гипертекстового адресанта осуществляется посредством опущения имени, а также среднего имени (при наличии), что не совпадает с самономинацией автора художественного текста (Homer Hickman, David Mitchell, Richard Adams, Martha Grimes, John Crawford, J. R. R. Tolkien, Dorotea Benton Frank, J. K. Rowling). Данный факт мы связываем со структурно-стилевыми особенностями текста хвалебного отзыва, который, равно как и краткое содержание, в англоязычной традиции относится к текстам издательской рекламы (англ. blurb), о чем свидетельствует определение данного феномена в одном из толковых словарей английского языка: blurb – a short description that praises something (such as a book) so that people will want to buy it [25]. Согласно представленному определению, краткость является важным требованием, предъявляемым к текстам такого рода. В этой связи сокращение многокомпонентного антропонима до однокомпонентного в процессе вербализации гипертекстового адресанта в тексте хвалебного отзыва демонстрирует нам реализацию указанной стилистической особенности на лексическом уровне.

Что касается краткого содержания (summary) как третьего вида константного книжного гипертекста, то в ходе исследования нами было зафиксировано использование одно-, двух-, трехкомпонентных антропонимов, с помощью которых осуществляется вербализация гипертекстового адресанта. В свою очередь употребление той или иной антропонимической модели находится в прямой зависимости от ее

позиции в тексте. Так, анализ структуры краткого содержания художественного текста показал, что антропонимы, состоящие из двух и более компонентов, располагаются в его начале (первый абзац). Как правило, это двух- и трехкомпонентные антропонимические модели, которые совпадают с самономинацией автора художественного текста:

John Crawford joined the Florida National Guard to pay for his college tuition, willingly exchanging one weekend a month and two weeks a year for a free education. But in Autumn 2002, one semester short of graduating and newly married – in fact, on his honeymoon – he was called to active duty and sent to the front lines in Iraq [10];

Once again **Dorothea Benton Frank** takes us deep into the heart of her magical South Carolina Lowcountry on a tumultuous journey filled with longings, disappointments, and, finally, a road toward happiness that is hard earned. There we meet three generations of women buried in secrets... [12].

Однако в последующих абзацах мы наблюдаем использование однокомпонентных антропонимов для обозначения гипертекстового адресанта. Данный факт можно связать с явлением повторной номинации, которое в данном случае реализуется посредством опущения имени и среднего имени. В результате автор художественного текста в кратком содержании вербализуется посредством фамилии:

Crawford and his unit spent months upon months patrolling the streets of Baghdad, occupying a hostile city. During the breaks between patrols, **Crawford** began recording what he and his fellow soldiers witnessed and experienced. Those stories became *The Last True Story I'll Ever Tell* – a haunting and powerful, compellingly honest book that imparts the on-the-ground reality of waging the war in Iraq, and marks as the introduction of a mighty literary voice forged in the most intense of circumstances [10];

...**Frank**, with her hallmark scintillating wit and crisp insight, captures how a complex family of disparate characters and their close friends can overcome anything through the power of love and reconciliation. This is the often hilarious, sometimes sobering, but always entertaining story of how these unforgettable women became *The Hurricane Sisters* [12].

С другой стороны, были отмечены случаи, когда однокомпонентные антропонимы используются при первичном введении гипертекстового адресанта в текст краткого содержания. На наш взгляд, это отражает принадлежность последнего к рекламному типу текста (см. выше), одной из ключевых стилистических характеристик которого является краткость. Рассмотрим данное предположение на примере текста краткого содержания к классическому роману британского писателя У. С. Моэма «Луна и грош» в одном из изданий 2006 года.

Gripped by an overwhelming obsession, Charles Strickland, a conventional London stockbroker, decides in midlife to desert his wife, family, business, and civilization for his art. One of **Maugham's** most popular works, *The Moon and Sixpence* is a riveting story about an uncompromising and self-destructive man

who forsakes wealth and comfort to pursue the life of a painter. Drifting from Paris to Marseilles, Strickland eventually settles in Tahiti, takes a mistress, and in spite of poverty and a long, terminal illness, produces his most passionate and mysterious works of art.

Loosely based on the life of Paul Gauguin, **Maugham's** timeless masterpiece is storytelling at its best – an insightful work focusing on artistic fixation that propels the artist beyond the commonplace into the selfish realm of genius [19].

Как видно из приведенного примера, однокомпонентный антропоним, реализованный в виде фамилии (Maugham), употребляется как в начальной позиции текста (первый абзац), так и в его конечной позиции (второй абзац), то есть начальная и повторная номинация гипертекстового адресанта совпадают. В результате мы наблюдаем сокращение трехкомпонентной антропонимической самономинии автора художественного текста (W. Somerset Maugham) в книжном гипертексте.

Таким образом, исследование антропонимического пространства англоязычного книжного гипертекста показало преобладание имен собственных, вербализующих гипертекстового адресанта. Так, имя автора художественного текста можно встретить в целом ряде дополнительных нехудожественных текстов, регулярно включаемых в современные американские и британские издания на печатных и электронных носителях. В этой связи типичным является использование многокомпонентного антропонима, как правило, двухкомпонентного, совпадающего с самономинией автора художественного текста. В результате вербализации гипертекстового адресанта читатель получает стандартизированную информацию, с помощью которой он может быстро идентифицировать того или иного автора-референта, принадлежащего англоязычной литературной коммуникации.

Однако отдельные виды текстов, формирующие константный состав книжного гипертекста, параллельно с общепринятой антропонимической моделью самономинии адресанта, продемонстрировали отклонение от нее. В результате вербализации гипертекстового адресанта может происходить расширение или сокращение имени собственного автора художественного текста. В этой связи наиболее продуктивными являются трех- и четырехкомпонентные антропонимические модели «имя + среднее имя/средние имена + фамилия», реализованные в тексте биографической справки, а также однокомпонентная модель «фамилия», реализованная в текстах хвалебных отзывов и краткого содержания. Таким образом, книжный гипертекст корректирует структуру антропонима, вследствие чего читатель получает дополнительную (полное имя) или базовую (фамилия) информацию об авторе художественного текста параллельно с его самономинией.

Список литературы

1. Панфилова С.С. Гипертекст – адресант – адресат: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014.
2. Панфилова С.С. Прагматика онимов в англоязычном гипертексте // Вестник Челябинского государственного педагогического ун-та. – 2013. – № 2. – С. 207–217.
3. Adams R. The Plague Dogs. – N.Y.: Ballantine Books, 2006. – 416 p.
4. Bradbury R. The Martian Chronicles. – N.Y.: Simon & Schuster, 2012. – 256 p.
5. Bradley M.Z. The Mists of Avalon. – Boston: Del Rey, 2001. – 1024 p.
6. Brooks T. The High Druid's Blade: The Defenders of Shannara. – Boston: Del Rey, 2014.
7. Byers R.L. Dissolution. – USA: Renton, 2003. – 384 p.
8. Caputo Ph. Acts of Faith. – USA: Alfred A. Knopf, 2005. – 669 p.
9. Collins W. The Moonstone. – Great Britain: HarperCollins, 2001. – 220 p.
10. Crawford J. The Last True Story I'll Ever Tell: An Accidental Soldier's Account of the War in Iraq. – USA: Penguin Group, 2006. – 240 p.
11. Fitzgerald F. Scott. The Great Gatsby. – N.Y.: Scribner, 2004. – 236 p.
12. Frank D.B. The Hurricane Sisters. – William Morrow, 2014. – 336 p.
13. Frankenstein. – [Электронный ресурс]: <http://www.amazon.com/Frankenstein-Mary-Wollstonecraft-Shelley/dp/1493625284>.
14. Grimes M. I Am the Only Running Footman. – USA: Penguin Putman, 2001. – 320 p.
15. Hoover C. Hopeless. – N.Y.; London; Sydney; Toronto: Atria Books, 2013. – 336 p.
16. Hickman H. The Coalwood Way. – N.Y.: Dell, 2001. – 360 p.
17. Martin George R.R. A Feast for Crows. – N.Y.: Bantam, 2006. – 1058 p.
18. Maugham W. Somerset. Of Human Bondage. – N.Y.: Bantam, 2006. – 713 p.
19. Maugham W. Somerset. The Moon and Sixpence. – Dover Publications, 2006. – 237 p.
20. Mitchell D. Cloud Atlas. – London: Hodder&Stroughton Ltd., 2012. – 528 p.
21. Nye J.L. Fortunes of the Imperium. – N.Y.: Baen Books, 2014. – 480 p.
22. Rowling J.K. The Casual Vacancy. – N.Y.: Little Brown & Company, 2012. – 512 p.
23. Shelly M. Frankenstein. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013. – 116 p.
24. Sinclair Lewis. Main Street. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. – 448 p.
25. The Merriam-Webster Dictionary. – [Электронный ресурс]: m-w.com.
26. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. – Mariner Books, 2005. – 1216 p.
27. Tolkien J.R.R. The Silmarillion. – Houghton Mifflin Harcourt, 2004. – 416 p.
28. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. – N.Y.: Branes & Noble Books, 2003. – 254 p.
29. Zahn T. Cobra #7: Cobra Slave. – N.Y.: Baen Books, 2014. – 416 p.

Способы нарушения структурной целостности художественного текста

В статье рассматривается проблема отклонения от языковой нормы в художественном тексте на примере романа А. Дёблина «Berlin Alexanderplatz». Целью предлагаемой статьи является обозначение способов нарушения структуры текста и анализ экспрессивных конструкций, служащих для реализации определенных авторских интенций.

This article deals with the problem of deviation of linguistic norm in the artistic text by the example of the novel by A. Döblin «Berlin Alexanderplatz». The aims of this article were to define the means of the violation of the text structure, to consider expressive constructions used for the realization of author's certain intensions.

Ключевые слова: художественный текст, нарушение структуры, стилистический прием, монтаж, интертекстуальность, прономинализация, гетерогенность текста, дискретное повествование.

Key words: artistic text, violation of the structure, stylistic device, montage, intertextuality, pronominalization, heterogeneity of text, discrete narration.

Художественный текст – это сложное, многогранное явление, системный анализ и множественность интерпретаций которого является объектом повышенного интереса уже не одного поколения ученых.

Будучи особым лингвистическим феноменом, сочетающим в себе отражение объективного мира и авторский вымысел, текст как художественное произведение, в отличие от текста как продукта естественного языка, называют вторичной моделирующей системой [4, с. 13]. Это объясняется тем, что как построение, так и восприятие художественных текстов связано, в первую очередь, с ассоциативно-образным мышлением, благодаря чему создается подтекст, интерпретационный функциональный план или «вторичная действительность», тогда как тексты нехудожественные строятся по законам логического мышления, где средства образности играют лишь второстепенную роль [1, с. 70]. Кроме этого к различиям художественного и нехудожественного текста, по мнению Н.С. Валгиной, относятся: 1) присутствие/отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека; 2) отсутствие/наличие эстетической функции; 3) эксплицитность/имплицитность содержания (отсутствие/наличие подтекста); 4) установка на однозначность/неоднозначность восприятия; 5) установка на отражение реальной/нереальной действительности (художественные тексты представляют не модель реальной действи-

тельности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности) [1, с. 69]. Последние позиции отражают существенные характеристики художественного текста. Однако его основным отличительным признаком является образность. Подтверждением этому может служить универсальная формула текста как продукта речи «действительность – смысл – текст», преобразованная Г.В. Степановым для художественного текста в триаду «действительность – образ – текст» [4, с. 14].

Средства образности способствуют реализации одной из основных функций художественного текста – функции эстетического воздействия на читателя, так как образ, создавая двуплановость и даже многоплановость текста, воздействует на эмоциональную сферу адресата. Вышеупомянутая функция, с одной стороны, отличает художественный текст от нехудожественного, с другой стороны, обуславливает своеобразное использование языковых средств, к которым относится, в частности, отклонение от каких-либо языковых норм. Таковыми считаются нарушение образности стиля, алогичное построение тема-рематической цепи, имитация незавершенности, оборванности, отрывочности, введение в текст внеструктурного элемента, логическая, грамматическая и семантическая несогласованность средств языка. По мнению Голяковой Л.А. и Шабалиной Е.Н., такие явления можно считать неотъемлемой частью литературно-художественного произведения, знаком скрытого смысла [2, с. 149].

Рассмотрение текста как структурного целого дает нам основание полагать, что всякое отклонение от языковой нормы сказывается на его форме и содержании – основных конституэнтах структуры. Отметим, однако, что нарушение структуры художественного текста представляет собой одно из средств, используемых автором для реализации какой-либо конкретной цели в рамках соответствующего идейно-художественного замысла, что позволяет нам рассматривать данный лингвистический феномен как определенный стилистический прием. Как справедливо отмечает в своих работах Лотман Ю.М., такие случаи намеренного несоблюдения правил, дезорганизующие элементы целостной системы произведения, становятся средством его художественной и информационной активизации. Это, в свою очередь, является релевантным признаком литературного текста, в котором, в качестве носителя информации выступает сам язык, тогда как в текстах иной коммуникативной направленности информативен не столько язык, сколько сообщение на нем [3, с. 281–285]. Ученый рассматривает структуру и ее нарушение в парадигме анализируемого функционального стиля как две взаимодополняющие и обуславливающие друг друга стороны единого целого. По мнению автора, художественное произведение функционирует в двойном структурном поле, состоящем из тенденций к осуществлению закономерностей и их нарушению. «И хотя каждая из этих тенденций стремится к монопольному господству и уничтожению противоположной, победа любой из них губительна для искусства. Жизнь художественного текста – в их взаимном напряжении» [3, с. 281–285].

Лингвистические исследования последних десятилетий показывают, что большинство современных авторов все чаще прибегают в своих произведениях к стилистическому приему нарушения языковых норм на различных уровнях, влияющему на структурную целостность текста, с целью сконцентрировать внимание реципиента на каких-либо важных деталях, побудить его к пониманию смысла парадоксальности и декодированию подтекстовой информации.

Рассмотрим случаи нарушения структуры текста в качестве стилистического приема на материале романа Альфреда Деблина «Berlin Alexanderplatz» (1929).

Для данного эпического произведения, как предпочитал называть свой роман автор, характерно использование так называемой техники монтажа, применяемой в разных сферах человеческой деятельности и наиболее типичной для художественного творчества XX в. А. Деблин близок по своей идеологии к экспрессионизму, с чем, вероятно, и связан его выбор вышеупомянутого стилистического приема для воспроизведения жизни Берлина 1920-х гг. Техника монтажа в художественной литературе рассматривается как «способ «конструирования» нарративного текста, при котором повествовательная перспектива расслаивается и превращается в своеобразную полиперспективную структуру» [6, с. 148]. Среди обозначений этой языковой реалии можно встретить также термин «литературный коллаж», используемый автором намеренно для реализации определенных прагматических целей [6, с. 148]. Техника литературного монтажа реализуется посредством включения в структуру текста разнообразных элементов: цитат из газет и других текстов, рекламных слоганов, объявлений и т.д. С помощью данного приема, вызывающего различные ассоциативные ряды в сознании читателя, в тексте «Берлин Александерплатц» А. Деблин побуждает реципиента проникнуть во внутреннее состояние протагониста, его амбивалентные мысли и чувства.

Техника монтажа проявляется уже с первых страниц романа, где мы сталкиваемся со сменой повествовательной перспективы, включающую в себя ее переключение с линии автора на линию героя романа:

(1) (1a) Schreck fuhr in ihn, als *er* die Rosenthaler Straße herunterging und in einer kleinen Kneipe ein Mann und eine Frau dicht am Fenster saßen : (1b)*die* gossen sich Bier aus Seideln in den Hals, ja was war dabei, sie tranken eben, *sie* hatten Gabeln und stachen sich damit Fleischstücke in den Mund, dann zogen *sie* die Gabeln wieder heraus und bluteten nicht. (1c) Oh, krampfte sich sein Leib zusammen, *ich* kriege es nicht weg, wo soll *ich* hin? (1d) *Es* antwortete : Die Strafe [7, S. 16]. (Курсив авторский. – А.П.).

В (1a) четко прослеживается повествовательная линия автора, о чем свидетельствует употребление стилистически нейтральных лексических единиц и нормативной синтаксической структуры. А в (1b) происходит резкая смена субъекта речи на субъект сознания. Под субъектом речи, согласно Б.О. Корману, мы понимаем лицо, которому приписывается текст, а

субъект сознания рассматриваем как лицо, чье сознание в тексте отражено [5, с. 141]. Смена повествовательной перспективы в данном случае подтверждается употреблением модальных частиц *ja*, *eben*, а также присутствием элементов разговорного стиля как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Это, в свою очередь, приводит к некоторому изменению образности стиля, что влияет на целостность структуры фрагмента. Рассматривая синтаксический аспект нарушения однородности повествования, нельзя не обратить внимание на включение в предложение парантезы (*ja was war dabei*), придающей обрывочность высказыванию. Эту стилистическую фигуру, нарушающую синтаксический строй предложения, можно рассматривать в данном случае как один из способов реализации приема монтажа. Далее эта цепь несвязных друг с другом единой линией предложений, представляющая собой несобственно-прямую речь, перебивается в (1с) превращением ее во внутренний монолог героя, что отражается в употреблении местоимения 1 л. ед. ч. (*ich*), которое далее спонтанно сменяется местоимением *es* в (1d), обозначающим в данном контексте тело, так называемое нутро героя. Совмещение разных повествовательных перспектив ведет как бы к расслоению текста, нарушая его линейность, что сказывается на структуре не только фрагмента, но и романа в целом. Автор передает картину с разных позиций для более объективного отображения действительности, избегая каких-либо оценочных высказываний. Задача повествователя, наделенного большими привилегиями по сравнению с самим героем, заключается, по нашему мнению, в том, чтобы правдоподобнее и реалистичнее показать внутреннее состояние протагониста и дополнить картину с помощью фактуального изображения среды, в которой он пытается найти себе место. Такая повествовательная полиперспектива, обеспечивающая построение текста в технике литературного коллажа, вкуче с вмонтированными в него несобственно-прямой речью, внутренним монологом позволяет нам говорить об иллюзии симультанности повествования с нескольких позиций. Нельзя рассматривать человека, являющегося частью общества, отдельно от потока жизни:

(2) (2a) *Er stieg unbeachtet wieder aus dem Wagen, war unter Menschen.*
(2b) *Was war denn? Nichts.* (2c) *Haltung, ausgehungertes Schwein, reiß dich zusammen, kriegst meine Faust zu riechen.* (2d) *Gewimmel, welch Gewimmel. Wie sich das bewegte. Mein Brägen hat wohl kein Schmalz mehr, der ist wohl ganz ausgetrocknet. Was war das alles. Schuhgeschäfte, Hutgeschäfte, Glühlampen, Destillen* [7, S. 15].

Проявление повествовательной полиперспективы демонстрирует нам пример (2). Стилистически нейтральная позиция субъекта речи в (2a), оформленная в рамках конвенциональных правил построения высказывания и лишь констатирующая факт появления героя романа в толпе людей, внезапно переходит во внутренний монолог протагониста в (2b), начинающийся с эллипсов, употребление которых характерно для всего произведения «Berlin Alexanderplatz». Частое использование в романе кратких

эллиптических предложений ведет к компрессии информации, придает динамичность тексту, передающую напряженность ситуации. Благодаря этому читатель становится свидетелем переживаний главного действующего лица. Их отражает обрывочность мышления последнего. Компрессия информации в данном примере создается за счет экскламатива – реакции протагониста на большое количество людей (*Gewimmel, welch Gewimmel*), и перечислительного ряда (*Schuhgeschäfte, Hutgeschäfte, Glühlampen, Destillen*). Внутренняя напряженность героя романа и его недовольство самим собой проявляется в 2(с), что очевидно как на лексическом уровне, состоящем из слов угрозы с пейоративным оттенком, так и на синтаксическом, о чем свидетельствует употребление императива и не соответствующая нормативному синтаксису организация высказывания. Далее, в (2d), после ухода в себя главный персонаж романа снова непроизвольно возвращается в реальную действительность и растерянно наблюдает за ней. Используемый при этом риторический вопрос (*Was war das alles.*) и предложение, состоящее из цепочки номинаций (*Schuhgeschäfte, Hutgeschäfte, Glühlampen, Destillen*), является признаком обрывочности мыслей героя, что также отражается на линейности повествования как данного фрагмента, так и целого романа.

Дополнительным способом организации и концентрации внимания реципиента на драматичности ситуации являются также вмонтированные в предложения парантезы, нарушающие синтаксическую структуру высказывания, способствующие более точному изображению психологического напряжения героя, его стрессового состояния, что мы наблюдаем в (3):

(3) *Der schreckliche Augenblick war gekommen (schrecklich, Franze, warum schrecklich?), die vier Jahre waren um. Die schwarzen eisernen Torflügel, die er seit einem Jahre mit wachsendem Widerwillen betrachtet hatte (Widerwillen, warum Widerwillen), waren hinter ihm geschlossen [7, S. 15].*

Указанный выше случай дискретного повествования является не только оправданным, но и свидетельствует о том, что он представляет собой в данном романе особый стилистический прием, позволяющий автору выразить определенную интенцию.

Одним из важных средств нарушения структуры текста является прономинализация. Возвращаясь к примеру (3), следует заметить, что именно в этом предложении на странице 15 впервые упоминается имя протагониста. Произведение А. Дёблина начинается с местоимения 3 л. ед. ч. (*er*), обозначающего главного героя романа:

(4) *Er stand vor dem Tor des Tegeler Gefängnisses und war frei. Gestern hatte er noch hinten auf den Äckern Kartoffeln geharkt mit den andern, in Sträflingskleidung, jetzt ging er im gelben Sommermantel, sie harkten hinten, er war frei [7, S. 15].*

Многократное использование прономинализации в анализируемом произведении способствует реализации авторской задачи концентрации внимания реципиента не на личности героя, а на ситуации в целом. А. Дё-

блин не спешит познакомить читателя с протагонистом, но тем не менее с первых же строк дает понять, кто перед ним. Речь идет о только что вышедшем на свободу из берлинской тюрьмы «Тегель» бывшем транспортном работнике Франце Биберкопфе, которому предстоит начать новую жизнь. А. Дёблин не заостряет внимание реципиента на конкретной личности, а делает акцент на внутреннем состоянии человека, оказавшегося в подобной ситуации, стремится как можно более полно, объективно и беспристрастно передать суть трагической коллизии человека в мире, его тщетной попытки реализовать себя в обществе, где бытуют иные, отличные от его собственных, взгляды и представления о жизни. Но, если, как уже упоминалось выше, имя главного героя раскрывается в его внутренних монологах, которые являются постоянной составляющей, своего рода константами текста на протяжении практически всего повествования, то интрига, связанная с фамилией протагониста, сохраняется еще относительно долго. Впервые она упоминается только в 4 главе первой книги, когда Франц представляется красному (*der Rote*):

(5) *Ich heeße Biberkopf, Franz [7, S. 30].*

Нарушение структуры текста выражается в произведении «Берлин Александерплац» также с помощью хаотичного употребления глагольных временных форм:

(6) *Es gibt da ä Berühmtheit in Albanien, die war lange tot, aber sie feiern ihn, wie das Volk Helden feiert, er hieß Skanderbeg. Wenn Zannowich gekonnt hätte, hätte er gesagt: er ist selber Skanderbeg. Wo Skanderbeg tot war, hat er gesagt, ich bin ein Nachfahr Skanderbegs, und warf sich in die Brust, hieß Prinz Castriota von Albanien, er wird Albanien wieder groß machen, sein Anhang wartet auf ihn. Sie gaben ihm Geld, damit er leben könne, wie ein Nachkomme Skanderbegs lebt. Er hat den Leuten wohlgetan. Sie gehen ins Theater und hören ausgedachte Dinge an, die ihnen angenehm sind [7, S. 25].*

В примере (6) наблюдается комбинирование претерита (*war, hieß, warf sich*) и презенса (*gibt, feiern, feiert, bin*) для выражения намерения говорящего подчеркнуть важность и актуальность произошедшего в настоящий момент. Представленный автором субъект сознания чередует повествование о прошлом с рассуждением о положении вещей в настоящем времени. При этом нарушается норма контактного расположения презенса и перфекта, которое все-таки имеет место в (...*hat er gesagt, ich bin ein Nachfahr Skanderbegs...*). Таким образом, смена временной перспективы повествования также может рассматриваться как стилистический прием, нарушающий целостность структуры текста.

В тексте романа спонтанно сменяют друг друга и субъект речи и субъект сознания, что отражается, в первую очередь, на употреблении местоимений:

(7) *Wo soll ick armer Deibel hin, er latschte an der Häuserwand lang, es nahm kein Ende damit. Ich bin ein ganz großer Dussel, man wird sich hier doch*

noch durchschlängeln können, fünf Minuten, zehn Minuten, dann trinkt *man* einen Kognak und setzt sich [7, S. 17].

В вышеприведенном примере (7) смена местоимения 1 л. ед. ч. (*ick*) на неопределенно-личное местоимение *man* объясняется, на наш взгляд, намерением автора выразить стремление героя идентифицировать себя как отдельную и самостоятельную единицу общества, которое поглощает индивидуальные различия, но и, одновременно, его желание слиться с окружающей средой, стать ее частью.

(8) In ihm schrie *es* entsetzt: Achtung, Achtung, es geht los [7, S. 15].

В (8) появляется местоимение *es*, что не случайно и стилистически оправдано. Смена субъекта речи с *es* на *er* демонстрирует как бы расслоение сознания героя, в котором возникает некая третья сила.

Многочисленное употребление вмонтированных в произведение интертекстов способствует более точному и объективному изображению немецкой столицы 1928 года. Немаркированные, как правило, иноязычные элементы – цитаты из газет, объявления, рекламные вывески и др. – актуализируют творческие способности реципиента, растворяя его в тексте, и переносят тем самым из фикционального мира в реальную действительность. Например, описывая берлинские улицы, А. Дёблин приводит выдержку из телефонной книги, характеризующую находящуюся на Brunnenstraße Всеобщую электрическую компанию (die AEG.):

(9) Die AEG. ist ein ungeheures Unternehmen, welches nach Telefonbuch von 1928 umfaßt : Elektrische Licht- und Kraftanlagen, Zentralverwaltung, NW 40, Friedrich-Karl-Ufer 2-4, Ortsverkehr, Fernverkehr Amt Norden 4488, Direktion, Pfortner, Bank Elektrischer Werte A.G., Abteilung für Beleuchtungskörper, Abteilung Rußland, Abteilung Metallwerke Oberspree, Apparatefabriken Trepow, Fabriken Brunnenstraße, Fabriken Hennigsdorf, Fabrik für Isolierstoffe, Fabrik Rheinstraße, Kabelwerk Oberspree, Transformatoren-Fabrik Wilhelminenhofstraße, Rummelsburger Chaussee, Turbinenfabrik NW 87, Huttenstraße 12-16 [7, S. 52].

Вкрапление интертекстов публицистического стиля также нарушает стилевую однородность произведения:

(10) Franz liest, während Pums an seinem Schreibtisch herumarbeitet und nur mal was nachsehen will in einer B.Z., die auf dem Stuhl liegt: 3000 Seemeilen in einer Nußschale von Günther Plüschow, Ferien und Linienläufe, Lania „Konjunktur“, Piskatorbühne im Lessingtheater. Piskator selbst hat die Regie. Was ist Piskator, was Lania? Was Enveloppe und was Inhalt, also Drama? Keine Kinderehen mehr in Indien, ein Friedhof für preisgekröntes Vieh. Kleine Chronik: Bruno Walter dirigiert sein letztes Konzert in dieser Saison Sonntag, 15. April, in der Städtischen Oper. Das Programm bringt die Es-Dur-Sinfonie von Mozart, der Reinertrag ist für den Fonds des Gustav-Mahler-Denkmal in Wien bestimmt. Kraftwagenfahrer verh., 32 Jahr, Fahrschein 2a, 3b, sucht Stellung auf Privatgeschäft oder Lastwagen [7, S. 206].

Вставки из нехудожественных текстов приводят к возникновению гетерогенности произведения, что, в свою очередь, также может рассматриваться как один из способов нарушения его структуры, который не исключает наличия в тексте произведения контактных и дистантных связей составляющих его элементов и позволяет автору передать большой объем информации за счет усложнения структуры текста, дает ему возможность более точно передать картину города, а читателю – представить себе атмосферу того времени и понять внутреннее состояние персонажей романа, их мысли, переживания.

Таким образом, все экспрессивно окрашенные элементы, нарушающие структурную целостность текста: смена повествовательной перспективы за счет спонтанной смены субъекта речи и субъекта сознания, алогизм в употреблении времен, приводящий к темпоральной полиперспективе произведения, его рассмотрению в нескольких временных плоскостях, прономинализация, вмонтированные интертексты, – концентрируют внимание реципиента и, вызывая в его сознании множество ассоциативных рядов, побуждают его к декодированию заложенных смыслов парадоксального с точки зрения общепринятой нормы текста, к вскрытию подтекста. Специфика произведений художественного стиля не только оправдывает, но и предполагает отклонения от конвенциональных правил, которые превращаются в стилистический прием, используемый автором для актуализации той информации, выражение которой послужило стимулом для создания произведения.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
2. Голякова Л.А., Шабалина Е.Н. Подтекст: отклонение от литературной нормы как воплощение новой знаковой сущности // Историческая и социально-образовательная мысль. Серия «Филологические науки». – 2013. – № 3. – С. 49–153.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб., 1998. – С. 14–285.
4. Тураева З.Я. Текст: структура и семантика. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 144 с.
5. Корман Б.О. Творческий метод и субъектная организация произведения // Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 141–149.
6. Шипова И.А. Лингвистические параметры техники монтажа в прозе Г. Бёлля // Лингвистические чтения. Цикл 7. Материалы научно-практической конференции. Пермь 2011. – Пермь: Прикамский социальный институт. – 2011. – С. 148–151.
7. Döblin Alfred. Berlin Alexanderplatz. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2008. – 464 S.

**Автобиографическая память как дискурсивный феномен
(на материале немецкого языка)**

В статье исследуются манифестация функций, уровневой структуры автобиографической памяти, организационных форм автобиографического материала в немецкоязычных автобиографических текстах, нарративные параметры дискурсивных практик; делаются выводы о закономерностях дискурсивной реализации указанной подсистемы памяти.

In the article the representation of the autobiographical memory functions, of the organizational forms of autobiographical materials in the memory, of the layered architecture of this memory subsystem in German autobiographical texts, narrative parameters of discursive practices are considered; regularities of autobiographical memory discursive realization are generalized.

Ключевые слова: автобиографическая память, функции, структура, организационные формы автобиографического материала в памяти, дискурсивные практики, автобиографические тексты, нарративные параметры.

Key words: autobiographical memory, functions, structure, organizational forms of autobiographical materials in the memory, discursive practices, autobiographical texts, narrative parameters.

Память – открытая, саморегулирующаяся система направленных на организацию и накопление информации процессов, функционирующая как когнитивная, информационная структура, базирующаяся на взаимодействия субъекта, объекта и окружающей среды. При этом субъект может быть множественным и единичным, объект – социально или личностно значимым (надиндивидуальный, индивидуальный прошлый опыт). Память – социальный конструкт, который имеет семиотическую, интенциональную, коммуникативную природу, что обуславливает перспективность обращения к лингвистическому изучению памяти [6]. Функции автобиографической памяти (АП) манифестируются неинституциональными (бытийными), личностно ориентированными дискурсивными практиками, в которых реактуализируются хранящиеся в памяти знания, происходит реконструкция фрагментов прошлого, достраивание, выведение и аргументирование новых актуальных смыслов, объективируется эпистемологическое измерение памяти.

В статье исследуется дискурсивная объективация работы автобиографической памяти, характеризующейся определенным хронотопом (психи-

ческий хронотоп – психическое пространство и время освоенных субъектом в процессе жизнедеятельности смыслов), целями обращения к содержанию и субъектами (индивидуальный / личность) и типом объектов (индивидуальный прошлый опыт) памяти Автобиографическая память представляет собой отдельную подсистему памяти, характеризуется такими признаками как декларативность и эксплицитность, социокультурная, реконструктивная, адаптивная природа [1; 4; 5]. АП играет определяющую роль при формировании идентичности личности [3], структурирована, имеет базовые функции и предусматривает определенные формы организации автобиографического материала в памяти [2; 5]. При дискурсивной манифестации автобиографического опыта последний с учетом установок вспоминающего и повествующего субъекта, а также типа содержания может быть представлен в нарративе с позиции субъекта-актера, то есть непосредственного участника события (включение в повествование деталей чувственного восприятия, например, тактильных, слуховых, обонятельных или визуальных ощущений, описаний эмоциональных переживаний, душевного состояния); с позиции субъекта-наблюдателя (автобиографический нарратив менее эмоционален, содержит значительно меньше деталей, повествование можно охарактеризовать как дистанцированное) [1].

Материалом исследования при изучении языковых аспектов функционирования автобиографической памяти послужили отобранные контексты (3000 контекстов) немецкоязычных автобиографических текстов разных жанров, содержащие автобиографические высказывания персонажей, включающие последующий контекст реактуализации индивидуального прошлого опыта, позволяющий судить о цели обращения к АП.

Мы исходим из предположения, что в дискурсивных практиках вербализируются следующие функции АП: саморегуляционная, прагматическая, экзистенциальная, коммуникативная [2, с. 21–22]. Отобранные контексты распределяются по манифестируемым функциям АП, позиции вспоминающего и повествующего субъекта, определяется позитивность / негативность воспроизводимого автобиографического содержания, тематические доминанты, модель реактуализации автобиографического содержания в памяти, описываются релевантные языковые средства. Прагматическая функция АП реализуется, когда субъект воспроизводит содержание АП для решения актуальных задач, извлечения уроков из прошлого опыта и планирования действий на будущее. Реализация саморегуляционной функции АП имеет место при реактуализации фрагментов индивидуального прошлого с целью управления своим психическим состоянием (регуляция настроения, мотивации) или повторного переживания каких-либо моментов индивидуального прошлого, эмоционального погружения в прошлое. Коммуникативная функция АП предполагает использование автобиогра-

фического содержания, хранящегося в памяти, в качестве предмета коммуникации. Разделение данного содержания с партнером по коммуникации нацелено на установление новых и поддержание старых социальных контактов [2, с. 21–22]. Реализация экзистенциальной функции автобиографической памяти редко манифестируется в дискурсивных практиках. Это объясняется интрапсихическим характером данной функции АП, не предполагающим обязательное разделение воспоминаний в форме совместной актуализации. Функция сопряжена с формированием целостного представления о себе и индивидуальной истории жизни [2, с. 21–22].

Приведем примеры вербализации базовых функций исследуемой подсистемы памяти.

Es war klein, schäbig eingerichtet und natürlich ungeheizt, aber es war auch preiswert. Sean konnte sich an weit schlechtere Zimmer erinnern, in denen es von Ungeziefer wimmelte, Wasser von der Decke tropfte und eisige Zugluft durch schlecht verkleidete Ritzen blies [10, с. 718]. Приведенный контекст – пример манифестации саморегуляционной функции. Герой воспроизводит фрагменты индивидуальной истории жизни для регуляции своего психического состояния, что предполагает эмоциональное погружение в прошлое и повествование с позиции субъекта-актера, содержащее описание индивидуальных ощущений и впечатлений как участника события. Преобладают лексические единицы с отрицательной семантикой (*klein, schäbig, ungeheizt, schlechter, Ungeziefer, eisige Zugluft*), поскольку молодой человек пробует смириться с неприятным положением вещей с помощью еще более негативных воспоминаний. Рассмотренный пример показывает, что негативные переживания, не являющиеся в рамках манифестации данной функции наиболее релевантными (31,64 %), также имеют определенную значимость для саморегуляции.

При вербализации прагматической функции АП преобладающей позицией является позиция субъекта-наблюдателя (75,6 %), поскольку фрагменты прошлого опыта воспроизводятся с целью решения актуальных задач в настоящем или планирования будущих действий. События описываются как бы со стороны, поскольку для вспоминающего субъекта важна ситуация в целом, ее общие характеристики (участники, обстоятельства, последствия и способы действия). Например: *Ihr kam in den Sinn, dass es in seinem Arbeitszimmer einen Schrank gab, den Michael immer geschlossen hielt. Was bewahrte er darin auf? Und was versuchte er jedem fremden Eingriff zu entziehen?* [13, с. 45]. Героиня, пытаясь разгадать тайну, вспоминает, что в комнате у Михаэля имелся шкаф, который он всегда держал закрытым. Она понимает, что, возможно, именно там ей следует искать ответ на свой вопрос. Воспроизводимое автобиографическое содержание описывается отстраненно, как некая внешняя по отношению к субъекту картина, без указания на впечатления, ощущения или переживания.

При языковой манифестации коммуникативной функции автобиографической памяти практически одинаково релевантны обе вышеназванные позиции вспоминающего и повествующего субъекта, при этом выбор одной из позиций обуславливается ситуативными характеристиками и представлениями о желаемом результате. Позиция субъекта-актера имеет место, если субъекта желает вызвать у собеседника интерес к своей личности или добиться сочувствия, одобрения. В фокусе повествования оказывается сам субъект, его чувства, ощущения, мотивы. Для установления или поддержания контакта, с другой стороны, может быть достаточным указание на наличие общих воспоминаний, краткое, без описания деталей, сообщение о каких-то событиях (позиция субъекта-наблюдателя): «Dieses Haus gehörte dem Schriftsteller Doktor ... Albez!» Antonio de Selvano nickte. Er erinnerte sich genau. «Ich weiß. Das war damals vor drei Jahren der tragische Fall, wo Doktor Albez bei einem Sonntagsspaziergang einen Herzschlag bekam...» [11, с. 77].

Интрапсихическая природа экзистенциальной функции АП затрудняет анализ языковой манифестации данной функции. Следующий контекст отчасти отражает вербализацию данной функции. Субъект воспоминания в процессе саморефлексии формирует представление о себе, собственных качествах, причинах их возникновения. *Woran ich leide, ist eine von meiner Mutter ererbte Krankheit. Meine Mutter ist ein typisches Kind der Weltwirtschaftskrise. Eine meiner frühesten Kindheitserinnerungen ist eine Bemerkung meiner Mutter meiner Tante gegenüber: «Du wirst doch die Kartoffelschalen nicht wegwerfen?» Heute hat meine Mutter ein eigenes Haus, zwei Autos und fünfunddreißig Kreditkarten. ... Mutter ist die Schachtelkönigin unserer Familie. ... Nie hat eine leere Schachtel oder ein Papier den Boden berührt. Mutter hamstert die Schachteln und verstaut sie irgendwo in Schränken. Im Laufe der Jahre ist ihre Wohnung zu einem Mekka für Pappartikel geworden.... Als mich meine Tochter an ihrem Geburtstag im vergangenen Juni darauf ansprach, gab ich nur sehr widerwillig zu, dass auch ich inzwischen den Schachteln verfallen war. Später meinte sie, ich brauchte therapeutische Hilfe, aber ich kann versichern, dass meine Manie keineswegs das Ausmaß hat, das ich bei meiner Mutter feststelle. ... So weit bin ich noch lange nicht* [7, с. 148]. В большинстве случаев представляется невозможным однозначно оценить воспроизводимое содержание как положительное или отрицательное, оценка амбивалентна, поскольку данные контексты отражают размышление о своей жизни, а не описание каких-то конкретных фрагментов прошлого. В целостных представлениях о себе и своей судьбе соседствует позитивное и негативное. Результаты выполненного анализа представлены в таблице.

Закономерности вербализации базовых функций АП

Функция	Прагматическая	Саморегуляционная	Коммуникативная	Экзистенциальная
частота (из 100%)	47,59%	44,98%	4,59%	2,84%
Индекс позитивности воспоминаний	Отрицательные – 52,43%; нейтральные – 38% позитивные – 9,57%	Положительные – 61,02; отрицательные – 31,64 нейтральные – 7,34%	Положительные – 44,12; отрицательные – 38,23 нейтральные – 17,65%	Амбивалентность
Итого	100%	100%	100%	
Позиция субъекта	Позиция наблюдателя – 75,6% позиция актера – 24,4%	Позиция актера – 72,59% позиция наблюдателя – 27,41%	Позиция актера – 55,2%; позиция наблюдателя – 44,8%	
Итого	100%	100%	100%	Не анализируется ввиду редкой вербализации
Основные тематические доминанты	Человек и его характеристики – 30,77%; содержание разговора, документа – 27,69%; место – 18,46% негативные ситуации – 11,54% прочие – 11,54%	Позитивные – 43,30%; негативные – 31,63%; смешанные переживания – 25,07%;	События (недавние или значимые) – 50%; человек и его характеристики – 41,3%; место и его характеристики – 8,7%	
Итого	100%	100%	100%	
Содержание описания ре-актуализируемых фрагментов прошлого	Описание не детальное, менее эмоциональное, несколько дистанцированное	Описание деталей чувственного восприятия и эмоциональных переживаний	Одинаковая релевантность обоих типов описания в зависимости от установок субъекта	

Изменившиеся в современном динамичном обществе потребности субъекта (континуальность реконструкции идентичностей, интеграции фрагментарного опыта и переработки повседневных психологических проблем) обуславливают трансформацию функций АП (усиление периферийных и появление новых). В сочетании с новыми потребностями стремительное развитие компьютерно-опосредованной коммуникации привели к формированию новой формы автобиографического нарратива – сетевого дневника. Блоги характеризуются высокой релевантностью коммуникативной (45,5%) и терапевтической (43,5%) функций АП. Терапев-

тическая функция направлена на преодоление травматического опыта и формирование «положительной проспективной перспективы» [14, с. 266 – 267]. Указанные функции коррелируют со следующими нарративными характеристиками блогов: серийность, интерактивность; смещение дискурсивных границ приватного и публичного; сочетание ориентации на автокоммуникацию и потенциально неограниченную концепцию адресата, что обуславливает выбор релевантных языковых средств. Приведем пример манифестации в блог-записи терапевтической функции АП.

03. Juli 2011. ...nur eine Zahl

Warum spielt für viele Menschen heutzutage das Alter so eine wichtige Rolle? Wie oft ist es mir schon passiert, dass man mich aufgrund meines Geburtsjahres in eine bestimmte Schublade gesteckt hat und sofort irgendwelche Vorurteile damit verbindet. Egal ob es nun bei einer Bewerbung, einer Selbstauskunft oder einem Telefonat mit einem Dienstleister ist. Einige Klassiker sind: “Sie sind aber noch jung!” oder “Sind Sie sicher dass Sie das möchten?” und “Na da haben Sie ja noch sooo viel Zeit!” Ja, ich bin noch jung – na und? Wenn ich mir nicht sicher wäre dann würde ich das garantiert nicht tun und wann soll ich denn anfangen wenn nicht jetzt? Bedeutet jung etwa gleich verantwortungslos, sprunghaft und unfähig? Ich finde, man kann anhand des Alters keine Aussage über einen Menschen treffen. Manch 16-Jähriger ist reifer als ein 25-Jähriger. Irgendwann ist man dann wieder zu alt und das gleiche Spiel beginnt von vorne. Wann ist also der richtige Zeitpunkt?! Irgendwann zwischen 30 und 45? Was soll das?! Das Alter ist doch bloß eine Zahl – wieso wird also so viel darauf gegeben? [8]. Автор поста обращается к проблеме межличностных отношений, несоответствию между самооценкой и восприятием окружающих, блог-запись нацелена на переработку неприятных переживаний автора, связанных с его возрастом. В данном контексте в общественную сферу переносится личное содержание (ощущение дискриминации, обида – Wie oft ist es mir schon passiert, dass man mich aufgrund meines Geburtsjahres in eine bestimmte Schublade gesteckt hat und sofort irgendwelche Vorurteile damit verbindet). Разделение с потенциальным массовым адресатом травматического индивидуального опыта позволяет автору определить собственную позицию и проспективную перспективу на будущее: Was soll das?! Das Alter ist doch bloß eine Zahl – wieso wird also so viel darauf gegeben? Текст выстроен в форме диалога с самим собой (автокоммуникация), эмоционально (большое количество восклицательных предложений, риторических вопросов, оценочной лексики, ЛЕ с отрицательной семантикой, например, verantwortungslos, sprunghaft, unfähig). При этом автор поста стремится вовлечь друзей и гостей блога в обсуждение предлагаемой темы, разделить с ними свою позицию, таким образом, ориентируется на потенциально широкую адресацию.

Блог-записи нацелены на разделение информации и эмоций с другими членами виртуального сообщества, групповую интеграцию, на более широкую социализацию; автор стремится почувствовать себя принятым в

неком сообществе, частью целого, что объясняет высокую релевантность манифестации коммуникативной функции АП. Установка адресанта на коммуникацию может эксплицироваться в обращениях к получателю сообщения, диалогичной форме текста, ссылках и ответах на комментарии, метарефлексивных высказываниях автора поста. Например, в блог-записи Кристин содержится обращение к адресату, призыв о помощи (Hilfe, der Alltag hat mich wieder!). Автор поста пишет о том, что после недельного отсутствия на работе по причине болезни, которое она называет «подаренным отпуском», ей опять пришлось окунуться в серую, будничную рутину. Уже через три дня после возвращения в бюро Кристин чувствует себя раздавленной повседневной обыденностью, как белка в колесе. Ее дни состоят только из забот и хлопот, ей кажется, что ничего у нее не ладится, даже принтер норовит сыграть над ней злую шутку. Адресанта также беспокоит, что через месяц необходимо лететь в Дубай. Это первый самостоятельный полет Кристин, она опасается, что при отсутствии опыта что-то может не получиться, и просит совета у потенциальных адресатов (Kann mir einer von euch da draußen noch was mit auf den “Flug” geben? Muss man irgendwas beachten, wissen, etc.?). В данной записи автор поста сообщает некое приватное содержание (недельное отсутствие на работе, восприятие трудовых буден, настроение, беспокойства, сомнения в себе), рассчитывает на поддержку и обмен информацией. Продуцент сообщения стремится к разделению эмоций (использование восклицательных предложений – Hilfe, der Alltag hat mich wieder!; Nach einer verschenkten Urlaubswoche habe ich mich schließlich pünktlich zum Sonntagabend wieder so gut gefühlt, dass ich keinen Grund mehr hatte um am nächsten Tag nicht in die Arbeit gehen zu können – typisch oder?!; Ich habe heute sogar schon aus Prinzip auf einem völlig anderem Drucker als sonst gedruckt, da würde ich sonst nie hingehen, und was war?!?; Richtig!; оценочной лексики, ЛЕ, описывающих психическую сферу индивида – gut, typisch, völlig, richtig, wahrscheinlich, eigentlich schon fertig, schließlich, froh, komischerweise, voll drinn in meinem Alltagstrott, aus Prinzip, Angst).

06. Oktober 2010. Dies und Das...

Hilfe, der Alltag hat mich wieder! Nach einer verschenkten Urlaubswoche habe ich mich schließlich pünktlich zum Sonntagabend wieder so gut gefühlt, dass ich keinen Grund mehr hatte um am nächsten Tag nicht in die Arbeit gehen zu können – typisch oder?! Was soll ich sagen, nach drei Tagen Büroalltag bin ich wieder voll drinn in meinem Alltagstrott. Sogar das Kopierpapier musste ich heute wieder auffüllen – wie jeden Tag... Irgendwie ist komischerweise immer dann kein Papier mehr im Drucker, wenn ich meinen eigentlich schon fertigen Ausdruck abholen möchte. Ich habe heute sogar schon aus Prinzip auf einem völlig anderem Drucker als sonst gedruckt, da würde ich sonst nie hingehen, und was war?!? Richtig! ...Außerdem habe ich heute festgestellt, dass es ja nur noch ein guter Monat ist, bis wir nach Dubai fliegen. Wenn ich den Flug erstmal hinter mir habe bin ich froh – nicht etwa weil ich Angst vor dem Fliegen an sich

habe, sondern weil das mein erster richtiger Flug alleine ist. ... Kann mir einer von euch da draußen noch was mit auf den "Flug" geben? Muss man irgendwas beachten, wissen, etc.? Aber wahrscheinlich ist das ja eh von Airline zu Airline unterschiedlich? [8]. Блог-запись ориентирована на откровенное общение и сокращение дистанции (эмоциональность, обращение на «ты» – Kann mir einer von euch da draußen ...), широкий круг потенциальных адресатов (отсутствие заданных ограничений), ответную реакцию (использование вопросительных предложений).

Анализ автобиографических текстов указывает на дискурсивную манифестацию следующих организационных форм автобиографического материала в автобиографической памяти: 1) яркие события – 63,22% (образное, эмоциональное описание; использование оценочной лексики, лексем, указывающих на необычные переживания героев); 2) важные события – 15,75% (описание последствий и роли фрагмента прошлого в индивидуальной истории жизни; лексические единицы указывают на особый статус, взаимосвязи событий); 3) сущностные события – 14,27% (конгруэнтность события и личности, их характеристики; лексемы с признаковой семантикой); 4) переломные события – 6,76% (соотнесение двух самоописаний относительно точки перелома, оценка изменений; лексические единицы обозначают два временных плана и реализуют сравнение). Доминирующие тональности повествования в исследованных автобиографических практиках – рефлектирующая (42,37%), эмоциональная (22,7%) и воодушевленная (12,12%); ироничная, ностальгическая, критическая и другие тональности функционируют в качестве дополнительных. Приведем пример.

Warum kommt es mir vor, als habe ich diese beiden Schuljahre in Dunkeln verbracht, in Klassenzimmern ohne Fenster, eingepfercht in die Bank. Diese unzähligen Stunden durch zwei Jahre hindurch nur wie ausgehalten, durchgestanden. Oder wie durch eine Höhle gekrochen, freudlos .... Ab Ostern ein neuer Lehrer ... Herr Stenzel ... war ein Segen für die Klasse. Ein ungeahnter Eifer war erwacht, bei ihm wurde Lernen zur Freude, er zum Vorbild .... Das verführte zur Nachahmung. ... Jetzt konnte ich lernen [9, с. 111–113]. Повествование о переломном событии (приход в класс нового учителя) сопровождается двумя контрастирующими самоописаниями – до (негативное – in Dunkeln verbracht, ohne Fenster, eingepfercht, nur wie ausgehalten, durchgestanden, durch eine Höhle gekrochen, freudlos) и после (позитивное – ein Segen, ungeahnter Eifer, Freude, Vorbild, Nachahmung; Jetzt konnte ich lernen) «точки перелома». Субъект дает свою оценку, описывает эмоции и ощущения, используя лексемы с отрицательной и положительной семантикой и сравнения. Превалирующие тональности повествования в данном контексте – рефлектирующая, воодушевленная.

В автобиографических текстах фиксируется уровневая структура АП, коррелирующая со степенью семантической обработки автобиографического материала и формируемая конкретными эпизодами-случаями, судь-

боносными событиями, жизненными темами, интегральным представлением о судьбе. Приведем примеры объективации в автобиографических текстах двух последних уровней организации автобиографической памяти – жизненной темы и целостного, интегрального представления о своей судьбе.

Жизненные темы отражают сферы активности субъекта, сохраняющие свою значимость на протяжении всей жизни, консолидируя представления о преемственности этапов личной истории субъекта [5, с. 22–23]. Приводимый ниже контекст – запись из дневника писательницы и поэтессы Сильвии Платт (1932–1963; опубликован после ее смерти в 1997 году), одной из родоначальниц «исповедальной поэзии», в которой автор рассказывает о том, как она сочиняет стихи. Это составляло цель, основу ее жизни, наполняло смыслом ее существование.

28. März. 1958. Sylvia Plath. Letzte Woche Donnerstag packte mich die Raserei, mein erster wirklicher Ferientag, und die Raserei hat seither angehalten: schreibe viel schreibe; ich schrieb in den letzten acht Tagen acht Gedichte, lyrische Gedichte und gewaltige Gedichte: Gedichte, die zur wirklichen Lebenserfahrung der letzten fünf Jahre durchstoßen: das Leben, das unantastbar war, eingeschlossen in einem Rokoko-Kristall-Käfig, es durfte nicht berührt werden. Ich habe das Gefühl, es sind die besten Gedichte, die ich je geschrieben habe [15]. В дневниковой записи описываются и характеризуются творчество и ощущения автора (сравнение с исступлением, неистовством, безумием – packte mich die Raserei, die Raserei hat seither angehalten), ее оценки (zur wirklichen Lebenserfahrung; unantastbar; es durfte nicht berührt werden; Ich habe das Gefühl, es sind die besten Gedichte, die ich je geschrieben habe), реализуются эмоциональная и воодушевленная тональности.

Следующий контекст – пример описания обращения к целостному представлению о своей жизни: Also wie ich jung war, da ist mir 's ja auch nicht gut gegangen. Unser Vater ist uns jung gestorben, da war ich sechs Jahre, und da musste ich der Mutter helfen, die Schwester musste schon gehen Geld verdienen, die war was älter, die musste gehen, da musste ich der Mutter helfen, wenn ich aus der Schule kam, da lag schon der Zettel auf 'm Tische, und ich musste was zum Mittagessen kochen. Na ja, das Feld hatten wir sehr weit. Und da bin ich halt mit dem bisschen Essen, was ich so konnte kochen, zu Mutter gerannt. Ach, da hat sie mich manchmal noch ausgeschimpft, dass ich auch nichts Gescheites hab' gemacht. Na ja ich konnte es da aber auch nicht anders. Nun, da musste ich bei der Mutter auf dem Felde bleiben. Das Feld war doch zu weit, ich konnte doch einen Mittag meistens nicht heimkommen. Da musste ich ihr die Kühe treiben. Wenn sie hat geackert, da musste ich die Kühe treiben, bis dann endlich die Schwester soweit war und die hat geheiratet, dass die hat die Wirtschaft übernommen, da war ich ja dann erlöst. Aber unsere Schule, die war so 'n halben Kilometer weg von uns, die war im nächsten Dorf. Und lernen konnte ich gar nicht, da musste ich immer beim Treiben von der Mutter hören, die hat mir 's vorgesagt und da habe ich halt so meine Schularbeit meist auf dem Felde gemacht. Bloß die schriftlichen Arbeiten die musst' ich abends dann ma-

chen, da bin ich manchmal dabei eingeschlafen, und ich habe gar kein Abend gegessen. Die Mutter hatte mit 'm Vieh zu tun, ehe sie abends reinkam und die konnte was kochen, da war ich manchmal bei meiner Schularbeit so eingeschlafen. Na ja, und dann hab' ich geheiratet, ich habe in das Nachbardorf eingeheiratet. Der Mann war Maurer, der ging in die Arbeit, die letzte Zeit war er dann dauernd in Breslau. Ja, da kam er dann die ganze Woche nicht heim, da blieb mir auch die Arbeit, ich hatte drei bis vier Stück Vieh immer gehabt und auch Schweine. Geld habe ich daheim viel gemacht, da haben sich ja die Leute gewundert. Es gab ja auch eine große Qual für mich, so alleine stand ich immer da, die Kinder waren dazumal noch alle klein, und da habe ich halt auch müssen so machen. Mein Mann hat sich eigentlich gar nicht so um die Wirtschaft gekümmert, er hat mir geholfen, wo er konnte, aber die Einteilung vom Acker und so, das hat er mir gar nicht konnte helfen, denn das verstand er, muss ich sagen, gar nicht mal so richtig. Und da habe ich ja auch immer eine Jagd Gänse noch gehabt. Ach, ein Plage war's schon immer für mich gewesen, aber ich war äh, wenn äh, wenn alles Getreide hat dann so schön gestanden, da gingen wir gerne immer sonntags so mal durch die Felder spazieren. Na ja, früher wurde da alles viel künstlicher gefüttert wie hier, in Hessen tun sie das alles anders machen, die füttern die Kühe bloß zweimal, aber wir haben da alles, das war so eine Mode, es musste eben dreimal gefüttert werden, und das Vieh hatte am Mittag Hunger, und hier wird doch bloß zweimal gefüttert, da staun' ich auch, wie das Vieh das so aushält. Aber ich hab's gerne gemacht, ich habe auch immer dreimal gemolken, denn ich habe halt gedacht, wenn die Kühe auf dem Felde rumgehen und die müssen einen ganzen Tag so die Milch behalten, und ich habe eine kleine Wirtschaft gehabt, aber ich habe immer viel Milch geliefert, eine große Kanne, eine Zwanzigliterkanne habe ich immer abgeliefert. Na ja, und die Ernte, der Vater war nicht daheim, der hat, der hat bloß immer konnte Sonnabend Freitagabend und Sonnabend so arbeiten, da war's schon immer schwer für mich. Aber ich bin fertig geworden, ich hatte, ich war immer gesund gewesen, ich habe mich immer gewundert, wenn die Leute im Sommer konnten krank sein, ich habe immer gesagt, ich hätte ja keine Zeit zum Kranksein, da blieb ja bei mir das Vieh und alles, das musste ja hungern, auch die Kinder hätten ja nichts zu essen gehabt. Aber der liebe Gott hat mich immer behütet, ich bin immer gesund gewesen und auch heute noch, ich bin im zweiundsiebzigsten Lebensjahr, aber es geht noch [12]. 72-летняя домохозяйка рассказывает о своей жизни, охватывая все важные периоды. Она повествует о своем детстве, о том, как им трудно жилось после смерти отца, как она должна была с малых лет помогать матери (also wie ich jung war, da ist mir 's ja auch nicht gut gegangen; Vater ist uns jung gestorben, da war ich sechs Jahre, und da musste ich der Mutter helfen; die Schwester musste schon gehen Geld verdienen, die war was älter). Потом стало немного легче (dann endlich die Schwester soweit war und die hat geheiratet, dass die hat die Wirtschaft übernommen, da war ich ja dann erlöst). Женщина вспоминает свои школьные годы (unsere Schule, die war so 'n halben Kilometer weg von uns, die war im nächsten Dorf; lernen konnte ich gar nicht, da musste ich immer beim Treiben von der Mutter hören, die hat mir 's vorgesagt und da habe ich halt so meine

Schularbeit meist auf dem Felde gemacht). Следующий этап жизни – замужество (und dann hab' ich geheiratet, ich habe in das Nachbardorf eingeheiratet; der Mann war Maurer; da kam er dann die ganze Woche nicht heim, da blieb mir auch die Arbeit). Всю жизнь рассказчица трудилась по хозяйству, разводила скот, заботилась о детях и муже (Geld habe ich daheim viel gemacht, da haben sich ja die Leute gewundert; es gab ja auch eine große Qual für mich, so alleine stand ich immer da, die Kinder waren dazumal noch alle klein; es gab ja auch eine große Qual für mich, so alleine stand ich immer da, die Kinder waren dazumal noch alle klein; ich habe eine kleine Wirtschaft gehabt, aber ich habe immer viel Milch ... abgeliefert). Ее жизнь прошла в работе и постоянных заботах, но она благодарна богу за жизнь, которую прожила, за то, что бог дал ей здоровье (ich war immer gesund gewesen; ich habe immer gesagt, ich hätte ja keine Zeit zum Kranksein; der liebe Gott hat mich immer behütet, ich bin immer gesund gewesen; auch heute noch, ich bin im zweiundsiebzigsten Lebensjahr, aber es geht noch).

Проведенный анализ немецкоязычных автобиографических текстов, объективирующих функции АП, позволяет сделать вывод о регулярной дискурсивной манифестации прагматической и саморегуляционной (наиболее частая манифестация) и о слабой дискурсивной объективации коммуникативной и экзистенциальной функций данной подсистемы памяти. Манифестация прагматической функции АП предполагает вербализацию отрицательных и, несколько реже, нейтральных воспоминаний и позицию субъекта-наблюдателя; саморегуляционной функции АП – обращение к положительным воспоминаниям и позиции субъекта-актера; коммуникативной функции – одинаково релевантную вербализацию позитивных и негативных воспоминаний, реализацию позиций субъекта-актера и субъекта-наблюдателя. Наиболее частотные тематические доминанты при реализации прагматической функции АП – «человек и его характеристики», «содержание разговора, письменного документа или их части», «место, интерьер, месторасположение», «негативные обстоятельства», «конкретные данные», «нейтральные события и их участники», «оценка своих поступков»; при манифестации саморегуляционной функции – «позитивные переживания», «негативные переживания», «смешанные переживания»; коммуникативной функции – «события», «человек», «место, его характеристики». Подсистема автобиографической памяти имеет интерактивный и интерсубъектный характер, дискурсивная манифестация ее функционирования отражает ценностную нагруженность ее объектов и сопряженность АП с эмоциональными переживаниями. Частотность вербализации ярких событий, конкретных эпизодов, позиции субъекта-актера, эмоциональной тональности повествования и характер тематических доминант при языковой манифестации функционирования АП свидетельствуют о преимущественной реализации в немецкой лингвокультуре формулы реактуализации индивидуального прошлого – «единичное – яркое – эгоцентричное».

Список литературы

1. Благутина В.В. Как устроена память? Системы памяти и их взаимодействие // *La Recherche*. – 2009. – № 7–8. – [Электронный ресурс]: <http://www.inauka.ru/analysis/article96468/print.html> (дата обращения: 27.10.2010).
2. Василевская К.Н. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 26 с.
3. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Мир психологии*. – № 2(38). – М. – Воронеж, 2004. – С. 77–86.
4. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // *Психологический журнал*. – 2005. – Т. 26. – № 2. – С. 22–32.
5. Нуркова В.В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // *Культурно-историческая психология*. – 2008. – № 1. – С. 17–26.
6. Фуко М. Порядок дискурса // *Воля к истине*. – М., 1996. – С. 47–96.
7. Bombeck E. *Es darf auch mal Champagner sei*. – Augsburg: Gustav Lubbe Verlag, 2001. – 148 S.
8. Christin' Blog. p=1713, Aufreger. – [Электронный ресурс]: <http://livelifetothefullest.de/?p=2090> (дата обращения: 01.02.2012).
9. Epple B. *Vor allem der See. Erinnernte Kindheit*. Klöpfer & Meyer. 2009.
10. Hohlbein W. *Der Hexer von Salem*. – Augsburg: Gustav H. Lübbe GmbH & Co., Bergisch Gladbach, 1987. – 794 S.
11. Kosalik H.G. *Der Mann, der sein Leben vergaß*. – München: Heyne Verlag, 1982. – 143 S.
12. Korpus OS, Deutsches Spracharchiv. – [Электронный ресурс]: <http://dsavoeff.ids-mannheim.de/DSAv>. Interaktion OS041; generiert am 2003-05-07 (дата обращения: 27.10.2012).
13. Morland A.F. *Hochzeit mit einem Mörder?* – München: Bastei-Verlag. Gustav H. Lubbe GmbH & Co, 1983. – 115 S.
14. Nielsen H.K. *Identitätsarbeit und Erzählung // Autobiographisches Schreiben in der deutschen Gegenwartsliteratur*. – 3. Entwicklungen, Kontexte, Grenzgänge. Hrsg. von M. Grote. – München: Iudicium, 2009. – S. 257–271.
15. Plath S. *Die Tagebücher*. Hg. Von Frances McCullough. Dt. Von Alissa Walser, Frankfurt / M.: FVA. // *Absolut privat? Vom Tagebuch zum Weblog. Ein Jahreskalender*. Eine Publikation der Museumsstiftung Post und Telekommunikation. Zusammengestellt von Eva Börs, Hrsg. H. Gold. – Frankfurt, Eintrag 28. März. 2008.

Лингвокогнитивные свойства дневникового текста (на материале английского языка)

В статье рассматриваются лингвокогнитивные свойства построения текстов личностного характера на материале дневников Джорджа Вашингтона. Особое внимание уделяется технике текстопостроения и выбору языковых средств. Отмечается степень актуализации личностного фактора в континууме дневникового текста. Анализ проводится с лингвистических позиций на базе современных концепций языковой личности.

The article deals with lingual and cognitive characteristics of forming texts of personal nature that are based on George Washington's diaries. Particular attention is paid to the choice of technique of text formation and linguistic means. The degree of actualization of the personal factor is marked in the continuum of the diary text. Analysis is performed according to linguistic positions based on modern concepts of lingual individuality.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, личностность, языковая личность, текст личностного характера, психогерменевтика, модальность, лингвокогнитивные свойства текста, текстопостроение.

Key words: cognitive linguistics, personhood, lingual individuality, text of personal nature, psychohermeneutics, modality, lingual and cognitive characteristics of the text, text formation.

Современная лингвистика текста проявляет заметный интерес к текстам разных функциональных стилей и жанров. В настоящее время в поле её зрения всё чаще оказываются тексты, языковая природа которых может быть прояснена только в непосредственном контакте с другими отраслями лингвистики, среди которых первое место заслуженно занимает когнитивная лингвистика. Как следствие можно констатировать появление целой сферы лингвокогнитивных исследований текста, направленных как на выяснение его текстопостроительных закономерностей, так и на объяснение в его континууме многих феноменов антропоцентрического характера, представляющих собой, как известно, объект особого интереса в современной лингвистике.

Антропоцентричность имеет разную парадигму в текстах различных типов. Если иметь в виду когнитивный спектр её проявления, то здесь на первое место следует поставить тексты, которые условно можно определить как тексты личностного характера, а именно тексты-автобиографии, тексты-эпистолы, тексты мемуаров и дневников. В них, как ни в каком другом типе текста, отражен процесс самопознания личности, реализующийся и в технике текстопостроения, и в использовании языкового мате-

риала. В лингвистике уже была обозначена тема личности и личностности в языке [3], которая имеет все основания стать ключевой в изучении текстов личностного характера при том условии, если её перепрофилировать на текстовый уровень.

Однако под углом зрения обозначенной проблемы, а именно самопознания личности в текстах указанного типа, исследовательский интерес следует сместить с того, как отражается личность и личностность в тексте, на то, как фиксируется в тексте процесс познания личностью самой себя. Совершенно очевидно, что в каждом из указанных типов текста процесс самопознания имеет разное проявление: он будет максимальным в автобиографии и мемуарах, где невозможно избежать собственных оценок, и весьма сниженным в письмах, где больше места уделяется передаче какой-либо информации. Вполне допустимо даже теоретически предположить, что таких текстовых фрагментов с самооценками в тех или иных текстах не будет вовсе, но это тоже одно из проявлений личности, по каким-либо причинам не стремящейся к вербализованному самопознанию.

Вопроса о «человеческой личности» касались многие учёные. Прежде всего, они пытались раскрыть содержание данного явления. Наиболее интересным нам представляются точки зрения двух философов. Английский философ Бертран Рассел утверждает, что в личности человека отражается все, что происходило с ним в течение всей его жизни; все эмоции, переживания и мысли оставляют некий «след» в его внутреннем мире [2, с. 40]. Французский философ и психолог Жак Лакан определяет три фокуса, вокруг которых разворачивается личность: 1) индивидуальность, связанная с конкретной историей жизни, 2) структурность, связанная с типичными элементами, затрагивающими любое развитие человека, 3) социальность, связанная с социальным взаимодействием одного человека с другими [3, с. 15].

Помимо понятия «личность» и встречается и понятие «личностность». В. З. Демьянков, цитируя Джона Лайонза, отмечает, что личностность – это «гипотетическая конструкция, о которой мы делаем предположения, исходя из того, что говорит (или о чем умалчивает), что делает (или от чего воздерживается) человек; с помощью этой конструкции мы пытаемся объяснить стабильные черты характера, отличающие данного человека от остальных и дающие основания для прогноза будущего поведения данного субъекта в данных обстоятельствах» [3, с. 16].

Приведенные высказывания далеки как от лингвистики, так и языковой актуализации личности и личностности, несмотря на то, что в отдельных моментах процитированные авторы не могли не коснуться языка. В частности, Б. Расселл был уверен, люди не могут быть сверхиндивидуальными, так как говорят на одном и том же языке. Язык же – явление социальное, он искажает все мысли, выражаемые с его помощью. Таким образом, любое слово может быть интерпретировано для каждого по-своему [2, с. 40]. Мнение Б. Расселла как бы вводит лимит на индивиду-

альность личности, исключая возможность для людей быть сверхиндивидуальными и относя причину этого на язык, допуская, однако, собственную интерпретацию любого слова каждым говорящим.

В известном смысле высказывание философа определяет и лингвистический ракурс личности в языке: личность/личностность в построении речевых произведений и в их интерпретации. В лингвистике это положение обретает окончательный вид в контексте проблемы «языковой личности», которая в последнее время развивается Ю. Н. Карауловым. В своих работах он определяет «языковую личность» как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью». В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов [5, с. 104].

Справедливости ради заметим, что личностному восприятию текстов в лингвистике внимания практически не уделяется. Восприятие стало объектом психогерменевтики, целью которой является анализ субъективных оснований истолкования смысла текста. Психогерменевтика призвана изучать не понимаемый смысл текста, а лишь субъективные основания его истолкования. При этом утверждается, что текст не имеет обращения к читателю, следовательно, не имеет ни значений, ни смыслов, а лишь непреодолимое сознанием выражение самости Я-автора [1, с. 45]. Можно поспорить с приведенным мнением относительно того, что текст не имеет обращения к читателю, но в данном случае важнее сделать акцент на «самости Я-автора». Следует указать также и на то, что исследователь личности (или самости Я-автора) в тексте также оказывается личностью, интерпретирующей текст, способной увидеть или не увидеть какие-то личностные свойства автора.

Для лингвиста исходной реальностью в любом случае должна стать концепция языковой личности, которая в трактовке Ю. Н. Караулова состоит из трех уровней: «1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Эти уровни обеспечивают в анализе языковой лично-

сти закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой деятельности в мире» [6, с. 5].

В анализе личностного потенциала дневникового текста отмеченные уровни требуют известных уточнений. Вербально-семантический уровень расскажет о человеке, не только владеющем в той или иной мере языком, но и имеющем собственные языковые пристрастия. Когнитивный уровень, несомненно, окажется самым продуктивным для конструирования личностных параметров человека, ведущего дневник. Прагматика личности в дневниковом тексте составит особый блок исследования, поскольку такая в отсутствие внешнего адресата ещё не рассматривалась. К тому же при изучении личностных параметров такого рода текстов следует принимать к сведению даже самые малозначительные детали биографии. Например, при рассмотрении личностных качеств Джорджа Вашингтона, запечатлевшихся в тексте его дневниковых записей, датируемых 1789–1791 годами, необходимо учесть ряд обстоятельств. В момент создания дневника Джордж Вашингтон был избран первым президентом США. Его записи освещают период первого срока на посту президента (1789–1791 годы).

Дневник больше походит на ежедневный отчет о выполненных делах за день. В записях первого президента в основном отражены события, связанные с государственными делами. Факты из семейной жизни практически отсутствуют. Дневник имеет весьма необычную структуру. В нем скрупулезно обозначаются годы, месяцы, дни недели и числа. Джордж Вашингтон делал записи ежедневно, не пропуская ни одного дня. Часть из них представлены в сжатом виде. Но некоторые события автор описывал весьма подробно. Это касается тех записей, которые посвящены поездкам в Новую Англию, Лонг-Айленд, Северные штаты Америки или важным политическим событиям (подписание договоров, встречи с политическими деятелями). Джордж Вашингтон всегда давал точные имена тех людей, с которыми он работал или встречался, а также названия мест, где он бывал. Информация излагалась четко и предельно ясно. Описание каждого дня непременно начиналось со дня недели и даты. Например:

Monday, 12th.

Received the compliments of the Count de Penthere, commanding his most Christian Majesty's Squadron in the harbor of Boston – these were sent by the Marquis de Traversy in the active Frigate; who, with all his officers were presented by the French Minister at one o'clock.

Как было уже сказано, большая часть записей посвящена описанию выполнения его обязанностей как президента. Но если Джордж Вашингтон и ссылаясь на семейные дела, то он делал это в самом начале или конце записи:

Saturday, 5th.

Exercised on horseback between 10 and 12 o'clock.

The Vice-President and lady and two sons – Col. Smith and lady and his sister, and Mrs. Adams's niece, dined here.

Friday, 2d.

Dispatching Commissions, &c., as yesterday, for the Judiciary.

The visitors to Mrs. Washington this evening were not numerous.

Единообразная содержательная канва дневника выдает человека, привыкшего придерживаться изначально принятого стандарта в построении текстового произведения. Краткость в изложении информации также является примечательной чертой дневникового стиля Джорджа Вашингтона, если это не касается каких-либо поездок или важных событий. В этих случаях записи автора значительно расширяются. Тем не менее, даже в длинных записях Джордж Вашингтон пытается зафиксировать информацию в самом кратком виде, записывая лишь значимые факты. С синтаксической точки зрения краткость выражается в использовании большого количества разговорных эллиптических конструкций: “Exercised on horseback”, “Spent the afternoon in writing letters to Mount Vernon”, “Did business with the Secretaries of the Treasury and War”. Тенденция к краткости изложения касается и других моментов. Часто встречаются записи, в которых Джордж Вашингтон использует сокращения, начиная от регалий и названий штатов, заканчивая предлогами и обозначениями денежных единиц (“Caused a letter to be written to the **Gov’r** of St. Jago, respecting the imprisonment of a **Capt.** Hammond” (governor, captain); “... it was concluded **betwn.** us, that it had better remain in that train a while longer...” (between); “...this person had been authorized to go as far as about £ 150 **Sterlg.** each, for the ransom of our Captives...” (Sterlings); “But a thin company this Evening, **on acct.** of the badness of the weather” (on account of); “claims of the State of **No.** Carolina to a certain District of Western Territory” (North).

Можно также наблюдать частое использование амперсанда (&). Данный знак начали активно использовать во второй половине XVIII века, и Вашингтон оказался его активным пользователем:

The company at the Levee to day was numerous & respectable.

Had a long conference with the Secretary of State on the subject of Diplomatic appointments - & on the proper places & characters for Consuls or Vice Consuls.

С грамматической точки зрения, тексты дневника Джорджа Вашингтона также характеризуются разнообразием. В записях используются как односложные, так и простые предложения. Некоторые факты он просто резюмирует. Использование сложных предложений наблюдается в основном при описании событий, связанных с государственными делами:

Exercised between 5 & 7 o’clock in the morning on horseback.

Sent the nominations of the officers in the Customs of North Carolina, and one in the place of Mr. Jacob Wray of Hampton in Virginia – who has requested to resign his appointment to the Senate for their advice & consent thereon.

Наблюдается повтор некоторых предложений, фраз, что демонстрирует нам точную последовательность изложения событий, однообразность дневникового стиля:

Monday, 5th.

Exercised with Mrs. Washington in the Post Chaise. Sent duplicates of the Acts received (as above) from the Executive of New York to both Houses of Congress for their information; & deposited the originals in the Secretary of States Office.

Wednesday, 7th.

Exercised with Mrs. Washington in the Post Chaise.

Sunday, 21st.

Went to St. Paul's Chapel in the forenoon – wrote letters respecting my domestic concerns afterwards.

Sunday, 28th.

Went to St. Paul's Chapel in the forenoon. Wrote letters on private business afterwards.

С точки зрения текстовой информации в дневнике Джорджа Вашингтона можно выделить три преобладающих предмета сообщения: государственные дела, светские события, семья. Больше всего внимания в своем дневнике Джордж Вашингтон уделяет государственным делам. Он скрупулезно описывает все свои встречи, поездки, даже темы, которые он обсуждал:

Friday, 5th.

Received from Doctr. Williamson, of North Carolina, a list of names whom he thought would be proper to fill the Revenue offices in that State. Submitted the same to the Senators of that State for their inspection and alteration.

В дневниковых записях Джорджа Вашингтона значительное место отводится описаниям мест, в которых он побывал. Они содержат подробные данные о расположении того или иного объекта. Стоит отметить, что записи изобилуют топонимами. Таким образом, здесь находит ещё одно проявление – любовь автора к точности: The distance between the settlements of white people south of **the French Broad River**, (**French Broad** is a branch of **Holstein River**, on the south side, which is a branch of the **Tennessee**,) and the Indians at and in the vicinity of Chota, (a **Cherokee** Indian town,) is about **12 miles**.

На семейные дела Джордж Вашингтон ссылается намного реже. Он описывает только те события, которые для него действительно важны, а именно бытовые проблемы:

Tuesday, 23d.

Few or no visitors at the Levee to-day, from the idea of my being on the move. After dinner, Mrs. Washington, myself, and children removed, and lodged at our new habitation.

Самый личностный блок дневниковых текстов Джорджа Вашингтона касается проявлений модальности как отношения к описываемым фактам. Модальность присутствует лишь в описании бытовых дел и касается эмоций и чувств автора. При описании событий, происходящих в жизни Джорджа Вашингтона в связи с занимаемой им должностью президента, полностью отсутствует эмотивная лексика.

Monday, 22d.

Set **seriously** about removing my furniture to my new house. Two of the gentlemen of the family had their beds taken there, and would sleep there to-night.

Tuesday, 22nd.

A **pretty** full and respectable Levee to-day – at which several members of Congress, newly arrived, attended.

Saturday, 21st.

Received in the afternoon the Report from the Commissioners appointed to treat with the Southern Indians – gave it one reading – and shall bestow another and more attentive one on it.

Модальность Джорджа Вашингтона также проявляется в другом стилистическом приеме. Автор часто использует капитализацию (прописные буквы). Таким образом он обозначает важных для себя людей, события или объекты:

Tuesday, 8th.

Finished my extracts from the Commissioners' **Report** of their proceedings at the **Treaty** with the Creek Indians – and from many other papers respecting Indian matters and the Western Territory. A full levee to-day.

Saturday, 26th.

Exercised in the **Coach** with Mrs. Washington & the **Children** & by walking in the afternoon.

В заключение приведем мнения современников о Дж. Вашингтоне. Согласно записям самого Вашингтона и рассказам его современников, можно сказать, что по темпераменту он был сдержанным, неторопливым, обладал редчайшим самообладанием. Что касается его образования, то оно не открывало перед ним широких горизонтов. Джордж Вашингтон обучался дома. Его багаж знаний в целом не выходил за рамки начальной школы, но он хорошо овладел математикой и, имея практический склад ума, в 16-летнем возрасте стал землемером. Не удивительно, что в своих записях он давал точные данные о местонахождении того или иного географического объекта.

В контексте биографических данных о Джордже Вашингтоне интерес вызывает и комментирование его дневникового стиля в соотношении с приведенными в начале статьи высказываниями разных ученых о личности и личностности. Наиболее иллюстративными для текстовой реализации личностных качеств человека являются мысли Бертрانا Рассела и Жака Лакана, которые отметили, что в личности человека отражается вся история его жизни, а также социальность, обусловленная общественным взаимодействием людей. Вместе с тем, здесь закономерен вопрос о принципах соотнесения жизненных факторов человека с особенностями его стиля – вопрос, который, в сущности, ещё не ставился. Однако в рамках настоящей статьи некоторые моменты такого соотнесения кажутся бесспорными, как,

например, практический склад ума Джорджа Вашингтона, обусловивший сращение личного дневника с записями о его государственных делах и поездках, содержащими точные имена людей, с которыми он работал и названия населенных пунктов и их местонахождение. Также никогда не ставился и вопрос о самопознании личности в каком-либо тексте. Что касается данного конкретного случая, то можно с определенностью сказать, что одной из составляющих текстовой информации анализируемого дневника является продемонстрированная Джорджем Вашингтоном заинтересованность в близких людях, чему также посвящен ряд записей. Возможно также, что текстовые фиксации этого содержания самим автором не связывались с самопознанием, а были сделаны интуитивно. Таким примером может послужить использование заглавных букв (капитализация). С другой стороны, предпринятый анализ позволяет прийти к выводу, что дневниковые записи Джорджа Вашингтона характеризуются отрывистостью, резкостью. Он оперирует большим количеством сокращений, эллипсисов, односложных и простых предложений, что свидетельствует о личности и личностности автора, проявляющейся благодаря его тезаурусу. Благодаря многочисленным ссылкам на текст дневника Джорджа Вашингтона, во многом определяющего характер его индивидуального стиля, выявляется природа лингвокогнитивных свойств авторского дневникового текста.

Список литературы

1. Батов В.И. Анализ и интерпретация личностного в тексте: дис. ... д-ра культуры: 24.00.01. – М., 2003. – 215 с.
2. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. – М.: ТЕРРА – Кн. клуб: Республика, 2000. – 464 с.
3. Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // "Я", "субъект", "индивид" в парадигмах современного языкознания. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 9–34.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
6. The diary of George Washington from 1789 to 1791. – New York: Charles B. Richardson & Co., 1860. – 248 p.

Речевая проекция психологической иерархии действий в перформативной дискурсивной практике

В статье анализируются способы речевого воплощения психологической триады «операция – действие – поступок» в перформативной дискурсивной практике, такие как эмотивные и этикетные высказывания, клишированные десемантизированные / недесемантизированные перформативы, имплицитные и транспонированные перформативы, перформативный дискурс.

The article studies the means of speech manifestation of the psychological triad “operation – action – deed” in the performative discourse practice, such as emotive and etiquette utterances, clichéd/desemantized / non-desemantized performative acts, implicit and transposed performative acts, performative discourse.

Ключевые слова: речевое действие, речевой жанр, перформативное действие, перформативный дискурс.

Key words: speech act, speech genre, performative act, performative discourse.

В психологической теории деятельности вся система действий человека представлена в виде триады «операция – действие – поступок» [6; 9; 10]. Рассмотрим, как данная система проецируется на речевом уровне в перформативной (не нарративной) дискурсивной практике. Являясь способом выполнения действий, их инструментальной основой, операции, тем не менее, сохраняют осознанность, однако не всегда характеризуются осмысленностью. Операции на речевом уровне соответствуют следующим единицам: эмотивным речевым действиям и этикетным высказываниям, клишированным десемантизированным перформативам, клишированным недесемантизированным перформативам.

1. Эмотивные речевые действия соответствуют аффективным социальным действиям, которым М. Вебер приписывает самую малую степень рациональности из всех выделяемых им социальных действий [3]. Описывая аффективные действия с точки зрения коммуникативного процесса, В.А. Митягина утверждает, что они выполняют три функции: социокультурную семантическую функцию «презентации» определенной эмоции, прагматическую функцию «симптома» состояния коммуниканта и апеллятивную функцию «сигнала» партнеру изменить отношение к ситуации [8].

Следует, однако, подчеркнуть, что, выполняя апеллятивную функцию, аффективные коммуникативные действия, по нашему мнению, перестают быть действиями-операциями и переходят в разряд собственно действий.

В.И. Шаховский характеризует похожее явление как интеллектуальность коммуникативной эмоциональности, иными словами – способность человека «управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и пр. фильтры в процессе общения и, в зависимости от них, “упаковывать” одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не “пропускать” их в язык» [14, с. 23].

Интеллектуальная эмоциональность носит осмысленный характер. В связи с этим мы вносим уточнение в утверждение о том, что операции на речевом уровне соответствуют эмотивным речевым действиям: в качестве операций выступают только эмотивные речевые действия, выполняющие функцию идентификатора той или иной эмоции и связанную с ней функцию индикатора эмоционального состояния говорящего.

Главная особенность речевого этикета – его стереотипность: речевой этикет представляет собой функционально-семантическую микросистему национально специфичных стереотипных единиц, привязанных к шаблонным ситуациям этикета поведения [13, с. 9, 24]. Н.И. Формановская отмечает, что иногда стереотипность ситуации и единиц речевого этикета, связанных с ней, приводит к автоматическому их употреблению [13, с. 24]. В результате этого происходит еще большее «семантическое выветривание» их содержания, а это, в свою очередь, обуславливает такие признаки речевого этикета, как обыденность, индивидуальность, вариативность и фрагментарность [1].

Несмотря на этимологическую «прозрачность» этикетных формул «Благодарю», «Извините», «Спасибо», «Прощайте» и т.д., их мотивированность для современного употребления неактуальна [13, с. 24]. Так, превентивное извинение в предложении *«Извините за беспокойство, не подскажете ли, как пройти к ближайшей станции метро?»* не является актуализацией чувства вины адресанта; оно, скорее, служит проявлением потенциального уважения к адресату, выражением вежливости.

2. Этикетные высказывания соответствуют традиционным социальным действиям в классификации М. Вебера. Степень рациональности в них выше, нежели в аффективных действиях, однако ниже, чем в целерациональных и ценностно-рациональных действиях. Рассматривая традиционные действия в качестве коммуникативных, В.А. Митягина характеризует их как маркеры принадлежности индивида к определенной этнокультурной общности на уровне «условного рефлекса». Традиционные коммуникативные действия, таким образом, отличаются «автоматическим режимом» проявления вежливости [8]. Данное утверждение помогает убедиться в том, что этикетные высказывания представляют собой действия-операции.

Вывод об операционной природе этикетных речевых действий подтверждается также их принадлежностью к дейктическим знакам – лингвистическим переменным, о чем говорит В.В. Дементьев, раскрывая разницу между этикетом и вежливостью: если вежливость – это явление косвенно-

речевое, предполагающее свободное и факультативное выражение, то знаки этикета обязательны, они транслируют определенные смыслы точно и однозначно, будучи включены в конкретную ситуацию общения [4, с. 202] (ср. операции варьируются в зависимости от условий их выполнения [6, с. 278; 9, с. 216]).

3. Клишированные десемантизированные перформативы, этимологически восходящие к ритуальным действиям. Десемантизация ритуальных речевых действий приводит к утрачиванию ими признаков ритуала, которые выделяет А.К. Байбурин: сакральности, коллективности, ригидности и сюжетности [1], – и изменению иллокутивной силы: комиссивы (речевые акты обязательства) переходят в класс ассертивов, то есть речевых актов с утверждающей интенцией («*Клянусь, что это правда!*», «*Держу пари, это так*»), бегахитивы (речевые акты выражения межличностных отношений и чувств) транслируют противоположный смысл в иронических или саркастических высказываниях («*Мы проиграли. – Поздравляю!*»; «*Мы не договорили, нас прервали. – Сочувствую!*»).

1. Клишированные недесемантизированные перформативы, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала. Примером такого рода перформативов являются клишированные формулы, сопровождающие «рутинные» ритуалы: «*Всем встать, суд идет!*» (реплика секретаря в суде), «*Собрание объявляется открытым*», «*Просьба соблюдать регламент*», «*Прошу тишины*», «*Обвиняемый, вам есть что сказать?*» (обращение судьи) и т.п. Все эти перформативы не влияют на содержательную сторону ритуала, но способствуют его регулированию, соблюдению норм его выполнения.

Второй элемент в рассматриваемой иерархии действий – собственно действие – на речевом уровне соответствует следующим единицам.

1. Перформативным действиям с эксплицитно выраженной перформативностью (кроме вышеперечисленных этикетных и клишированных перформативов).

Символическую запись эксплицитных перформативов, уже ставшую канонической, приводит И.П. Сусов:

I verb Perform., 1st Pers., Pres. Indef., Indic., Active you p,

где местоимение *I / я* выражает актанта, глагол употребляется в первом лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога, а *p* – пропозициональное содержание; различные варианты данной формулы образуют парадигму в соответствии с грамматическими нормами языка [11].

Согласно В.А. Митягиной, целерациональное коммуникативное действие (а собственно действие и есть по сути целерациональное действие) ориентировано на презентацию рациональных интенций коммуникантов и достигает нужный коммуникативный эффект путем направленного применения когнитивной составляющей социокоммуникативной компетенции [8]. Перформативные действия с эксплицитно выраженной перформатив-

ностью идеально подпадают под данное определение благодаря ряду характеристик [2]: эквивалентность (равнозначность действию), неверифицируемость (отсутствие необходимости оценивать их по критерию «истинно / ложно» в виду самого их произнесения), автореферентность (речевые действия отсылают сами к себе), автономинативность (речевые действия называют сами себя), эквитемпоральность (речевые действия совершаются в момент произнесения), компетентность (наличие полномочий у говорящего), определенное лексическое и грамматическое выражение (символическая запись приведена выше).

Нельзя не согласиться с В.И. Тюпой в том, что, пожалуй, главной характеристикой из всех вышеуказанных является автореферентность и что она вбирает в себя остальные характеристики [12, с. 36]. Действительно, в силу своей автореферентности перформативные действия типа «*Я советую...*», «*Я запрещаю...*», «*Я отказываюсь...*» и т.п. являются не просто действием, совершаемым в акте высказывания, но в первую очередь позволяют субъекту однозначно выразить цель высказывания и тем самым снять возможные трудности адресата в ее декодировании, что, безусловно, способствует достижению намеченного перлокутивного эффекта.

2. Перформативным действиям с имплицитно выраженной перформативностью.

Имплицитные перформативы несколько уступают эксплицитно выраженным перформативным действиям в рациональности. Однако вряд ли им можно отказать в выполнении перформативной функции: недескриптивность высказывания типа «*Вам необходимо это сделать*» очевидна, поскольку его можно трансформировать до эксплицитного перформатива «*Я настоятельно советую / рекомендую / приказываю это сделать*».

М.Л. Макаров считает, что подобные высказывания отвечают главному критерию перформативности – эквивалентности: высказывания типа «*Хорошо! Well done!*» грамматически не соответствуют эксплицитному перформативу «*Я одобряю то, что ты сделал! I approve what you have done!*», но замещают его на уровне действия, выполняя перформативную функцию [7, с. 165].

3. Транспонированным перформативным действиям.

Поскольку имплицитные перформативы относятся к косвенным высказываниям конвенционального характера, возникает вопрос: могут ли косвенные неконвенциональные (транспонированные) высказывания выступать в качестве собственно действий?

С одной стороны, если учесть, что рациональность есть единство осознанной и осмысленной цели и адекватных средств ее реализации, то транспонированные высказывания вряд ли отвечают требованию рациональности: высказывание типа «*Вы еще услышите обо мне, обещаю!*» совмещает в себе иллюкуции обещания и угрозы, поэтому «идентификация» истинной коммуникативной цели в большой степени зависит от интерпретативных способностей адресата.

С другой стороны, подобные высказывания никогда не употребляются в отрыве от контекста. Как правило, использование косвенных высказываний необходимо и неизбежно и может быть обусловлено рядом причин: если косвенные высказывания непланируемы (первый тип не прямой коммуникации по В.В. Дементьеву [4]), неточность в передаче смыслов объясняется непредсказуемостью коммуникации, интерпретативной деятельности адресата, а также пронизанностью языка не прямой коммуникацией; косвенные высказывания планируемы (второй тип не прямой коммуникации по В.В. Дементьеву) с целью запрограммировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта [4, с. 206].

Третий элемент в изучаемой иерархии действий – поступок – соответствует ценностно-рациональным действиям в классификации М. Вебера. Его коммуникативная проекция – ценностно-ориентированное действие – самим фактом свершения выражает приверженность адресанта определенным идеям, канонам, требованиями, – всему, что является ценностной составляющей социокоммуникативной компетенции [8].

Поступок – это единица более высокого порядка, нежели операция или собственно действие, поэтому коммуникативный поступок объективируется высказыванием не на уровне речевого действия или жанра, а на уровне дискурса. Мы определяем дискурс, релевантный поступку, как текст в ситуации личностно-обусловленного волевого принятия решений и осуществления ответственного альтернативного выбора, актуализирующий смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий.

Ценностная нагруженность коммуникативного действия есть не что иное, как его социорефлексивность, то есть, согласно Е.М. Ковшову, отражение осознания субъектом мотивов и целей социальной деятельности в виде аксиологического компонента [5]. Социорефлексивность высказывания представляется, таким образом, результатом социальной рефлексии субъекта действия. Так, в надписи на стаканчике из Макдональдса: *«Вместе мы сделаем мир чище. Поддержите нас в борьбе за чистоту окружающей среды! Это несложно – просто выбросьте ваш мусор в контейнер»*, – актуализируются не только коммуникативные интенции адресанта (призыв поддержать), но и такие ценности, как общечеловеческая солидарность («вместе», «мы», «поддержите») и охрана окружающей среды («сделаем мир чище», «за чистоту окружающей среды»).

Итак, операции на речевом уровне в перформативной дискурсивной практике соответствуют эмотивным речевым действиям (кроме действий, выражающих интеллектуальную эмоциональность), этикетным высказываниям, клишированным десемантизированным перформативам, этимологически восходящим к ритуальным действиям, клишированным недесемантизированным перформативам, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала. Собственно действиям на речевом уровне соответствуют перформативные действия с экспли-

цитно выраженной перформативностью (кроме этикетных и клишированных перформативов, имеющих свойство операционных действий), перформативные действия с имплицитно выраженной перформативностью, транспонированные перформативные действия. Коммуникативный поступок реализуется посредством перформативного дискурса, то есть текста в ситуации личностно-обусловленного волевого принятия решений и осуществления ответственного альтернативного выбора, актуализирующего смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий.

Список литературы

1. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. – М., 1988. – С. 12–37.
2. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л., 1990. – 87 с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 427–474.
4. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
5. Ковшов Е.М. Социальная рефлексия: Структура, формы и функции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 1999. – 31 с.
6. Леонтьев А.Н. Категория деятельности в психологии // Хрестоматия по курсу Введение в психологию: учеб. пособие / ред.-сост. Е.Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – С. 265–280.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
8. Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. – Волгоград: ВолГУ, 2008. – 356 с.
9. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия; Высш. шк., 2001. – 512 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.
11. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. – [Электронный ресурс]: <http://homepages.tversu.ru> (дата обращения: 27.07.2014).
12. Тюпа В.Ю. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
13. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. – М.: КомКнига, 2006. – 160 с.
14. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Анализ суггестивных приемов гипнотизирующего языка рекламных текстов

В статье исследуется своеобразие языка рекламного текста: охарактеризована композиция рекламных текстов; проанализированы их стилистические возможности на фонетическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях; описаны приемы внушения, используемые в рекламе.

The purpose of the research is to describe the peculiarities of an advertising language style. Tasks: to characterize the composition of advertising texts; to analyse stylistical possibilities concerning phonetics, syntax, word-building of advertisements; to describe methods of suggesting, used in advertisements.

Ключевые слова: рекламный текст, язык рекламы, слоган, приемы внушения.

Key words: advertising language, slogan, methods of suggesting.

В постперестроечное время из-за стремительно развивающейся рыночной экономики получила широкое распространение и утвердилась в практике общественной повседневности новая сфера деятельности – рекламная и новый тип текстов – рекламных. В постиндустриальном обществе реклама превратилась в одно из определяющих звеньев в формировании образа жизни как социокультурного феномена. Реклама подобна вирусу в клетке организма: теперь без нее невозможно существование современной системы массовой коммуникации.

Язык рекламы занимает особое место среди тех функционально-стилевых образований, которые относятся к массовой информации и объединены массовой коммуникацией. Реклама – «готовый продукт», представляющий собой многоуровневый текст как некоторое лингвоаудиовизуальное целое, воплощенное в средствах массовой информации [15, с. 155–156]. При оптимальной организованности этот текст определяется психологическими законами передачи – восприятия информации, а в их реализации принимают участие собственно принципы русского языка, психология, риторика, колористическая семантика, фоносемантика, имиджелогия. Сверхзадача рекламного обращения (текста) – воздействие, внушение, некий категорический императив, приводящий к очевидному результату – приобретению товара или получению услуги. Как сделать текст более действенным, психологически грамотным, обращенным к конкретному покупателю? Эти вопросы сейчас наиболее актуальны не только для дизайнеров, стилистов, маркетологов, но и лингвистов.

В настоящее время язык рекламы оказался объектом самого пристального и внимательного рассмотрения. Ведущие ученые страны (Батурина Л., Граудина Л.К., Васильева М., Добросклонская Т.Г., Кохтев Н.Н., Кривенко Б.В., Максимов В.И., Мурашов А.А. и др.) рассмотрели лексико-семантические и стилистические особенности рекламного текста, а вот гипнотизирующие свойства языка рекламы оказались менее изученными. Вместе с тем реклама воздействует напрямую на подсознание человека как средоточие гипнотизирующих приемов нейролингвистического программирования, защита от которых совершенно необходима. В связи с этим курс русского языка и культуры речи в вузе, уроки русского языка в школе должны дополниться изучением языка рекламы и как примера квалифицированного, талантливого обращения к возможностям русского языка, и как концентрированного воплощения речевых и психолого-речевых ошибок. Кроме того, слово рекламного текста представляет собой синтез коммуникативных возможностей, в контексте других слов, фонетических, лексических, грамматических и колористических явлений, креативная работа с которыми обогащает стилистические характеристики речи студентов и учащихся.

Цель исследования – описать своеобразие языка рекламного текста, основная задача которого – мотивировать человека на совершение конкретного поступка. Указанная цель обусловила постановку и решение следующих задач: 1) описать композицию рекламных текстов; 2) проанализировать стилистические возможности рекламного текста на фонетическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях; 3) описать приемы внушения, используемые в рекламном тексте.

Материалом исследования послужила авторская картотека рекламных текстов (500 единиц), собранная методом сплошной выборки из телевизионных роликов, журнала «Cosmopolitan», газет «Неделя Уренгоя», «Сигма», рекламно-информационного издания «Домашний справочник» (г. Новый Уренгой).

Научная гипотеза сводится к следующему: язык рекламы выступает как средоточие стилистических и суггестивных приемов и технологий, основная задача которого – через внушение мотивировать человека на вступление в коммерческие отношения с рекламируемой фирмой и побудить к совершению импульсивной покупки. Гипнотизирующие свойства языка рекламы основаны на тщательном отборе фонетического, словообразовательного, лексического и синтаксического материала, а также на многократном повторении одинаковых сообщений в одном или нескольких средствах массовой информации.

Реклама – это механизм продвижения и презентации товаров, услуг, организаций и личностей (в том числе деятелей политики, культуры и т.д.) и формирования спроса на них. При этом реклама является также формой массовой коммуникации. Свообразие структуры рекламного текста определяется следующими композиционными элементами: 1) зрительный ряд

(графические, фотографические, художественно-изобразительные, видео-, кинематографические компоненты); 2) звуковой ряд («шумовые», музыкальные компоненты); 3) языковой, или словесный ряд (вербальные компоненты).

Преимущественное положение обычно занимает вербальный ряд – обязательная, неперенная часть содержательно-композиционной структуры всякого рекламного текста.

В вербальном тексте выделяют: 1) ктематоним – словесный компонент торгового знака или символ, обозначающий производителя товара; 2) слоган – короткий лозунг, представляющий рекламу товара; сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи; 3) комментирующую часть, раскрывающую содержание ктематонима и/или функциональное назначение рекламируемого товара в сжатой и выразительной манере: одна – две фразы, динамичные по своей синтаксической структуре. Основной текст, содержащий рекламу товара; 4) реквизиты – адрес и телефон производителя (распространителя) товара [15, с. 158]. Например: *Безупречный изгиб. Совершенство линии* (комментарий). *Новая тушь ILLUSIONIST ESTEE LAUDER* (ктематоним). *Один взмах кисточки преобразует Ваш взгляд, как по волшебству. Новая тушь ILLUSIONIST-это аэродинамический гель, который загибает ресницы и надолго придает им форму и объем. Запатентованная кисточка с гибкими волокнами способствует точному нанесению туши* (комментарий). *Начните день с маленького чуда* (слоган).

Слоган – ключевая фраза вербального текста. Его назначение – привлечь внимание потребителя, широкой аудитории. Благодаря нему хорошо запоминается весь словесный ряд рекламного текста. Его основная идея и тема – рекламируемый товар, который захочет купить потребитель. Слоган как носитель основной рекламной идеи содержит в себе следующее.

1. Призыв к действию, обобщенный императив, высказанный прямо или косвенно (52% от числа представленных слоганов): *PEPSI. Бери от жизни все; Подари своей коже настоящее удовольствие* (реклама мыла DOVE), *Признайтесь в любви к себе* (реклама сока RICH), *2BIO – в новый день налегке, Живи на яркой стороне* (реклама Билайн), *Забудь о пятнах* (реклама пятновыводителя), *Момент настал – прими гасал* (реклама таблеток), *Откройте силу микро-масел для гладких, мягких, послушных волос* (реклама шампуня); *Улыбнись жизни и жизнь улыбнется тебе* (реклама зубной пасты).

2. Эмоционально окрашенное выражение положительной эмоции, удовольствия от того, что рекламируется в телевизионном ролике, на газетной или журнальной странице (17%) (*Слишком вкусно, чтобы делиться* (реклама чипсов), *Чувствуешь только комфорт* (реклама прокладок), *Все в восторге от тебя. А ты от Мэйбеллин* (реклама тонального крема).

3. Высокую оценку рекламируемого торгового предприятия (31%): *Кетчуп Балтимор сделает все едой*; *Ariel – не просто чисто, а безупречно чисто* (реклама стирального порошка); *Always ultra – просто лучшая защита* (реклама средств гигиены); *Comet – 7 дней чистоты*.

Большинство слоганов на некоторое время входят в активный набор фразеологизированных клише повседневной речевой коммуникации. Они часто повторяются в качестве естественных компонентов застольных разговоров и академических дискуссий. Причины, обусловившие распространённость названного явления, таковы: афористичность и повышенная экспрессивность слогана; множественность повторения рекламы на экранах телевизоров, на страницах газет и журналов; слоганы подкрепляются выразительностью зрительного ряда.

Сторонники гипнотических подходов (Васильева М., Кара-Мурза Е.С.) [3; 6] считают, что текст рекламы провоцирует трансовую индукцию при виде товара и совершение импульсивных покупок. Они исходят из следующих положений: 1) человек склонен делать импульсивные покупки (90% всех покупок); 2) реклама не меняет убеждений человека по поводу предпочитаемого им товара, но если этого товара в продаже вдруг не окажется, покупатель возьмет тот товар, который в настоящий момент рекламируется; 3) когда человек видит тот товар, который он намеревается сию минуту купить, он замирает, перестает мигать и сглатывать слюну, его дыхание замедляется, зрачки расширяются, взгляд становится расфокусированным. Это не что иное, как типичная картина гипнотического транса; 4) покупатель, будучи зрителем, читателем и слушателем рекламы, склонен отождествлять себя с каким-то из действующих лиц текстового сюжета или фильма (феномен идентификации). Потребитель рекламного сюжета, скорее всего, будет подсознательно отождествлять себя с персонажем рекламного продукта, если персонаж подобран достаточно адекватно. Реальный человек усвоит поведенческий шаблон персонажа рекламы, и при встрече с реальным товаром поведет себя, скорее всего, так же, как рекламный персонаж.

Нетрудно увидеть в покупательском поведении симптомы гипнотического транса. Был сделан естественный вывод: реклама основана на внушении, которое осуществляется с целью создания определенных состояний или побуждений к тем или иным действиям. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а через них – на его волю и разум. Сила воздействия во многом зависит от наглядности, доступности и логичности информации, а также от авторитета суггестора. *Суггестия (внушаемость)* – произвольная податливость человека мнению других лиц или группы, когда он и сам не замечает, как изменились его взгляды, поведение, это происходит само собой. Эффект особенно силен тогда, когда внушаемое в общем соответствует потребностям и интересам внушаемого.

Вот некоторые из приемов внушения.

1. Конкретность и образность ключевых слов. Суть этого приема сводится к тому, что в рекламном тексте необходимо использовать слова, смысл которых конкретен, содержание которых легко себе представить, так как названные лексемы существенно повышают эффект внушения. А вот абстрактные понятия резко снижают силу внушения.

Проведенное нами исследование показало, что лексический состав рекламного текста в 93% примеров «привязан» к предметной области рекламируемого товара: *средство, борющееся с проявлениями возрастных изменений кожи... разглаживает морщины...использует технологию раздробления пигментных пятен...в виде крема или лосьона* (реклама крема); *изысканные оттенки...запатентованная формула...насыщенность цвета...защита...защита бальзам с фильтром UV* (реклама краски для волос).

Реже (7% примеров) текст строится на базе ассоциативного сопоставления (нередко отдаленного от предметно-вещной природы объекта рекламы): *Живи с улыбкой* (реклама помады, зубной пасты); *Не дай себе засохнуть* (реклама напитков); *Райский комфорт* (реклама прокладок); *Начни день ярко* (реклама зубной пасты); *Вам и не снилось* (реклама кроватей и матрасов); *Всегда горячий прием* (реклама ресторана); *Пластичные решения* (реклама окон). Наиболее употребительны слова *вы, новый, весьма, ваш, лучше, наш, твой*. «Имплицитно для потребителя эти слова переформулируются в императив «купите» [1, с. 20]. Названные лексемы обращены непосредственно к реципиенту, подчеркивают эксклюзивность преподносимой информации, значимость собеседника: *Только для вас!; Мы работаем для вас!; Мы работаем – вы отдыхаете; Ведь я этого достойна; Выбирая «Данон», Вы выбираете здоровье Вашего ребенка!; Твой аромат, твои правила*.

Форма повелительного наклонения глагола встречается в каждом четвертом рекламном тексте (25% от общего числа примеров). Чаще всего используются следующие глаголы: *попробуй (те); доверь (те); подари (те); почувствуйте; откройте; бери (те); признайтесь; подумайте; проверьте; поддайся; выбирай; начни; удивляйся; радуйся; обратите внимание, улыбнись*. Некоторые ученые считают, что прямой императив привлекателен именно для молодежной аудитории, имплицитно отождествляемый с опытом говорящего, его компетентностью в произносимом: *НЕ дай себе засохнуть!; Будь самим собой!* [13].

2. Конкретность и образность качеств. На лексическом уровне этот прием реализуется так: широко используются прилагательные, которые дают качественную характеристику предмета, интересно, что по своей семантике они все соотносительны со словом *лучший* (сама названная лексема присутствует в каждом пятом рекламном тексте, прилагательное «новый» – в каждом втором): *более эффективное, уникальное, невиданное, новое, революционное открытие, великолепный цвет, блестящая идея, несомненно красивее, идеальное; экстремально быстрый стайлинг; экс-*

тремально креативная прическа; экстремально сильная фиксация; лучшее средство. Как видно из приведенных примеров, лексическое наполнение рекламных текстов позволяет передать информацию экспрессивно насыщенно, в повышенной положительной эмоциональной тональности.

3. Избегание отрицательных частиц «нет» и «не». Психика человека сопротивляется им, настораживая, вызывая сомнения. Одно дело в рекламе лекарственного средства заявить «Вы не будете болеть!» и совсем другое «Оно исцелит Вас!». Предложения с отрицанием приобретают утвердительный смысл: *Вы не захотите расставаться с домашней одеждой от DOLCE VITA!*

4. Речевая динамика. Одно из сильнейших средств суггестии. Основные приемы речевой динамики, способные повысить суггестию речи: мягкость и сила голоса, богатство интонаций, паузы, высокий темп речи, тембр речи (в рекламных целях выигрышнее использовать мужской голос, особенно низкий, «бархатный»).

Динамика рекламного текста проявляется и на синтаксическом уровне. Доминируют простые предложения (60, 6% примеров), наиболее оптимальными из которых являются: безглагольные предложения («*Балтика*» – лучшее пиво России; *BURN* – энергетический напиток; *Эльдорадо* – родина низких цен; *RIVOLI* – новое слово в косметике; *Тонизирующий шампунь* – свежесть и энергия для ваших волос; *Сименс* – праздник чистоты; *Полвека во всех косметических салонах Франции* – лечебная косметика института АРНО; *Fairy* лучшее средство по удалению жира в России); назывные предложения, в которых представлено только подлежащее (*VICHY. Источник здоровья кожи; Безупречный изгиб. Совершенство линии; Летний отдых в Италии от фирмы «Саквоаяж»; Регион недвижимости. Продажа. Покупка. Аренда.*

Из сложных предложений преобладают бессоюзные конструкции (26,8% примеров), которые лаконичны и динамичны: *Невиданное кристальное сияние: мои губы ослепительны; Революционное научное открытие: АКТИВА-СЕЛЛ активизирует естественные механизмы защиты и восстановления кожи; Мы докажем: Вы можете выглядеть моложе.* Сложноподчиненные предложения очень редки (12,6%): *Цвет, который питает, несомненно красивее; А, С, Е: 3 витамина, чтобы сказать стоп 4 признакам старения.*

Очень динамичным приемом синтаксической организации текста является «именительный представления», или «именительный темы». Суть такова: один из членов предложения как бы вынимают из синтаксической конструкции и ставят перед всем предложением, отделяя от него точкой или восклицательным знаком [15, с. 160]. Первая часть обозначает актуальное для говорящего или пишущего понятие (тему сообщения), а вторая содержит какое-либо высказывание по поводу данного понятия: *RIVOLI. Это полная гамма декоративной косметики высокого класса из лабораторий в самом сердце Швейцарии; Филтон. Это традиционный новозе-*

ландский сыр с дырками, изготовленный по старинным рецептам; Варя. Это мягкая сливочная ириска с карамелью, которую можно использовать, намазывая на хлеб, прямо из банки или в качестве начинки для любой выпечки.

Такой расчлененный способ подачи информации имеет ряд преимуществ. Во-первых, это дает возможность отступить от строгих синтаксических норм языка, от «интеллектуальных» конструкций, которые представляются несколько обременительными при передаче информации. Слушающему рекламный текст легче воспринять мысль, когда она подается в несколько речевых актов. Расчлененная информация более легко и быстро усваивается, сила воздействия на сознание покупателя увеличивается. Во-вторых, такой способ передачи мысли помогает выделить логически основной момент высказывания, выдвинуть его на первый план. Сообщение, организованное таким образом эмоционально сильнее.

Экономность, смысловая емкость, стилистическая выразительность, динамика присуща и парцеллированным конструкциям, которые также достаточно часто встречаются в рекламных текстах. При парцелляции предложение членится на несколько интонационно-смысловых единиц, следующих одна за другой после разделительной паузы, причем, каждая последующая часть заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое и эмоционально-экспрессивное значение, благодаря этому создается нарастание производимого впечатления: *Новинка для окрашенных волос. Цвет гарантирован. Сколько ни мой!; Подкручивающая. Суперобъемная. Удлиняющая. Суперчерная тушь. РУРА; Кислородная косметика Faberlik. Легкая текстура, тающая на коже. Приятный аромат. И ощущение свежести. Кислородная косметика с АКВАФТЭМОМ. Нежно заботится о вашей коже.*

5. Воздействие звуко сочетаниями. Возможность целенаправленно воздействовать на человека, на его эмоции при помощи определенных звуков и их сочетаний известна с древности [4, с. 154]. Некоторые из них способны вызвать не только определенные эмоции, но и подсознательно восприниматься как какие-то образы.

Существует мнение, что чем больше в речи гласных, тем она благозвучнее. Понятие благозвучия связано с эстетической оценкой звуков речи. Установлено, что присутствие или преобладание в словах гласной «и» вызывает впечатление чего-то маленького или незначительного. Звук «о» производит впечатление мягкости и расслабленности, даже эмоциональной теплоты. Преобладание звуков «а», «э» ассоциируется с эмоциональным подъемом, а звук «ы» производит впечатление чего-то мрачного, неприятного. Сходное ощущение возникает и от обилия согласных, особенно шипящих.

Анализ рекламных текстов убеждает, что используются чаще «музыкальные» звуки – гласные, сонорные, звонкие согласные. Они придают звучащему рекламному тексту напевность, красоту, большую эмоциональ-

ность: *Комплекс витаминов и минералов МАТЕРНА для беременных женщин и кормящих мам* (из 65 звуков только 10 – шипящих и глухих согласных).

Разновидностью звукового повтора является рифма (78% примеров). В рекламном тексте рифма выполняет как смысловую (подчеркивает важные слова), так и экспрессивную функцию (придает тексту особую выразительность): *БОНИН* означает, что вас не укачает; кто понимает – тот выбирает *КАНДИ*; *Квас* – не *СОЛА*, пей *НИКОЛУ*; *Момент настал* – прими *ГАСТАЛ*; *Хилак Форте* – кишечнику комфортно; *Ваша киска купила бы Вискас*; *Прокатись* – зимою насладись!; *Крабовый вкус* – королевский хруст!

6. Опора на опыт других людей, позволяющая человеку при сохранении своей Я-концепции, предполагающей неповторимость и уникальность личности, почувствовать, что он не одинок, причем аналогичные интенции содержатся у подобных ему людей («отзеркаливание», формирующее причинно-следственную взаимосвязь) [13, с. 85]. Незабвенны *Анастасия Волочкова* – звезда русского балета, рекламирующая крем для лица и шоколадный батончик, *Олег Меньшиков* – актер театра и кино, рекламирующий автомобили, *Николай Валуев* – известный спортсмен, боксер с рекламой тарифов МТС, *Наталья Крачковская* и *Леонид Якубович* – актриса и телеведущий с приборами для измерения уровня сахара крови, *Михаил Пореченков* – актер, рекламирующий майонез «Ряба», *Ален Вейсинджер* – один из ведущих визажистов киноиндустрии, рекламирующий губную помаду и др. Аллюзионное воспроизведение узловых моментов истории (это образы Суворова, Наполеона, Петра I, Екатерины II, графа Орлова) делает рекламный тест более весомым, выразительным, а в итоге – более действенным.

7. Диалогичность рекламного текста воплощается в императивных и восклицательных конструкциях, с привлечением различных форм апелляции. Рекламный вопрос воспринимается каждым человеком как обращенный непосредственно к нему и не предполагающий немедленного отклика. Кажется, что вопросы: *Как победить?.. Вы хотели бы?.. Вы не устали от?.. Знаете ли вы?.. Трудно поверить?...* – не несут необходимого заряда воздействия, суггестивности. Но это именно те вопросы, «которые имплицитно или в развернутом виде тот ставил перед собой; собственная проблема, услышанная со стороны как вопрос, ответ на который возможен усилиями рекламирующей себя фирмы, заставляет человека идти на диалог, подвергнуться суггестивному воздействию» [13, с. 84].

Человек из уст говорящего слышит формулировку самого вопроса, причем именно в той форме, в которой он неоднократно формулировал его для себя. Персоналистичность вопроса, тщательная организованность ответа, визуальная информация (кадры дублируют соответствующие реплики – дают изображение рекламируемого товара и способы его применения), ситуативная обусловленность (обычно это бытовая или производственная ситуация, например, при рекламировании стиральных по-

рошков, моющих, чистящих средств, продуктов питания) делают воздействие вопроса наиболее осуществимым. Например: *«Почему, Вы думаете, вещи теряют цвет? Потому что их носят и носят? А потом стирают и стирают, а значит, на них воздействует вода, температура и стиральная машина? Ничего подобного. Прежде всего – порошок. Самый что ни на есть обыкновенный. То есть не предназначенный специально для стирки цветных вещей. Уже после третьей стирки в котором вещи могут потерять до 25% яркости цвета. Не говоря уже о четвертой, пятой, и, тем более, о десятой. В отличие от обыкновенного порошка, ТАЙД КОЛОР создан, чтобы заботиться о цветных вещах. Благодаря уникальной системе Мультикolor он обеспечивает бережное отстирывание и, удерживая краску в волокнах ткани, помогает сохранить цвета яркими. Тайд колор. Необыкновенно яркий цвет. После каждой стирки».*

8. Воздействие через несуществующие слова облегчается за счет того, что названия очень многих новых товаров являются искусственными словами. Рекламный текст обильно засеивается окказиональным словом; каждое новое предложение текста начинается с этого слова — и эффект обеспечен: *Не тормози! Сникерсни!; Все будет Coca Cola!; Вприкуску? Вприглядку!; В шаге! В клике! По звонку!*

Воздействие осуществляется и через нарушение норм литературного языка. В общей массе проанализированных рекламных текстов отступлений от литературных норм немного (из 200 текстов в 33, что составляет 16,5%), среди них наиболее частотны лексические и словообразовательные ошибки. Такие ошибки квалифицируются фразой: «Так по-русски не говорят». Вот примеры: нарушение лексической сочетаемости слов: *Секущиеся концы волос – это настоящее бедствие; Коллекция Бронхикум с активными растительными веществами; «Пауэрпак» с новым революционным мотором; Трогательный тональный крем; Компания Кларанс создала крем, содержащий все витамины, придающие сияние свежести и здоровья Вашей коже; Светящиеся и лакомые ваши щечки; Альянс эффективности и наслаждения; «Бочкарев» – правильное пиво; Изящная мелодия линий; Умная техника в моде! Ваши волосы сияют здоровьем!* использование слова (фразеологизма) без учета его значения: *Помада с золотистым пигментом, Империя меха; Ослепительно белый моноблок – Молочный брат Вашего телевизора; OZON – экология красоты.*

Среди словообразований наиболее продуктивны неологизмы со всевозможными комбинациями самых разнообразных словообразовательных элементов – от приставок (чаще нерусских) до цельнооформленных слов: *ультрасветлые, ультраэффективная, микро-масло, микро-губка, сверхлегкая формула, антивозрастной, мульти-активный крем; сверхзакручивающий эффект; суперобъемная; суперчерная.*

Названные отступления от литературных норм мы рассматриваем как стилистический прием экспрессивной речи, такие отклонения делают текст броским, выразительным, поражающим своей художественной силой.

Очень эффективна в печатной рекламе техника рассеивания – выделение ключевых слов в рекламном сообщении: *Купи UNIT, ПРОЧИТАЙ, найди номер своего гарантийного талона И ВЫИГРАЙ 1000 призов и СУПЕРПРИЗ; Невиданное КРИСТАЛЬНОЕ СИЯНИЕ: мои ГУБЫ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫ; Революция с Актива-Селл, за 8 ДНЕЙ моя кожа ВОЗРОЖДАЕТСЯ; НУТРИЛЕУМ – соединение питательного МИКРО-МАСЛА и РАЗГЛАЖИВАЮЩЕГО компонента – моментально проникает в материю волоса, чтобы придать ему ГИБКОСТЬ и РАЗГЛАДИТЬ по всей длине; ради НАСЛАЖДЕНИЯ ОБНОВЛЕННОЙ КОЖЕЙ СОТРИТЕ лишнее!*

Очень действенна графическая игра. Намеренно отступая от существующих правил, авторы рекламных текстов кириллицу перемежают с латиницей (73% примеров): *мультgames; sportтовары; Доставка себе удоVOLствие; Newsблок с Александром; МЕХХ представляет линию молодежной одежды для женщин ХХ ВУ МЕХХ; NEW! Революционное алмазное укрепляющее средство; Не хватает места? Samsung! Новый мотоблок и ТВ в одном корпусе...; Чай Lipton выбирает тебя. Чай Lipton – везде первый! Persil. Наше вдохновение – это вы; Новый Losk – и пятна вас не остановят! Pampers active baby. Спокойные ночи. Счастливые дни.* В результате происходит, с одной стороны, «разрушение принципов, стандартов употребления кириллического письма», а с другой – «варваризация языка через латиницу» [15, с. 280]. Хороший способ повышения суггестивности речи – персеверация, то есть многократное повторение одинаковых сообщений в одном или нескольких средствах массовой информации.

Как видим, реклама – текст, основная задача которого – мотивировать собеседника, читателя, слушателя, зрителя на вступление в коммерческие отношения с рекламируемой фирмой через товар или услугу. Мотивация – результат внушения через скрытую императивность, реализации которой служат следующие приемы: подчеркиваемое уважение к собеседнику – потенциальному клиенту, приводящее в конечном счете к манипулированию его сознанием; конкретность и образность ключевых слов; отсутствие прямого грамматического императива; избегание отрицательных частиц «нет» и «не»; речевая динамика; воздействие звукосочетаниями; показ трансового поведения; опора на опыт других людей; аргумент к авторитету; беседа с потенциальным покупателем (диалогичность) как средство привлечения внимания и повышения интереса к рекламируемому объекту; формирование коммуникативной комфортности, эстетической привлекательности рекламного текста, чему служат несуществующие и искусственные слова; техника рассеивания; намеренные отступления от литературной нормы; многократное повторение рекламного текста в разных средствах массовой информации.

Список литературы

1. Батурина Л.И. Особенности восприятия рекламы в России на современном этапе (ретроспективный анализ телевизионных рекламных клипов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 30 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001. – 304 с.
3. Васильева М. Слоганы – мистически-массовое явление. – М., 2001. – [Электронный ресурс]: http://www.createbrand.ru/biblio/creative/mistic_mass.html
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 2001. – 448 с.
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. – М., 2000. – 288 с.
6. Кара-Мурза Е.С. Русский язык в рекламе. – М., 2003. – 178 с.
7. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы. – М., 1981. – 91 с.
8. Кривенко Б.В. Язык массовой коммуникации: лексико-семантический аспект. - Воронеж, 1993. – 136 с.
9. Кромптон А. Мастерская рекламного теста. – Тольятти, 1995. – 243 с.
10. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: НОРМА, 2010. – С. 238–279.
11. Митрофанова М. А. Реклама как объект исследования. – М., 1997.
12. Морозова И. Слагая слоганы. – М., 2008. – 172 с.
13. Мурашов А.А. О некоторых особенностях языка рекламы // Русский язык в школе. – 2004. – № 4. – С. 82–87.
14. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2003. – 458 с.
15. Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2005. – 462 с.
16. Чепыжова Е. Рекламный кафтан с чужого плеча // Наука и жизнь. – 2001. – № 1. – С. 132–135.
17. Язык и стиль средств массовой коммуникации и пропаганды. – М., 1980. – 231 с.

Средства создания ценностного кода в рекламном профиле компании

В статье рассматриваются способы создания ценностного кода в рекламном корпоративном профиле. Автор анализирует национально-культурную специфику брендов, слоганов, девизов и миссий компании в зависимости от приоритетов той или иной целевой аудитории.

Means of creating axiological code in the advertising profile of a company are investigated in the article. The author analyzes ethnocultural peculiarities of corporate logotypes, slogans, mottoes and mission statements depending on the priorities of this or that target audience.

Ключевые слова: рекламный профиль компании, ценностный код, субкод, ценности, PR–специалист, культура, лингвокультурное сообщество.

Key words: advertising profile of a company, axiological code, subcode, values, PR – manager, culture, linguocultural community.

Рекламная продукция уже достаточно прочно вошла в лингвистическое поле исследований, посвящённых разным аспектам рекламного дискурса на материале разных языков. Заслуживают внимания публикации, в которых статус слогана в рекламном профиле компании определяется его назначением выполнять функции знака лозунговой, пропагандистской и парольной коммуникации, что влияет на его внешнее оформление и смысловое насыщение [13]. Тем не менее, до сих пор рекламный профиль компании (далее – РПК), в частности ценностный аспект корпоративного имиджа, не получил системного научного освещения, что указывает на теоретическую и практическую востребованность разработки данной темы. Цель данной статьи заключается в установлении языковых и неязыковых средств, к которым прибегает специалист в области корпоративной лингвистики, формируя ценностный код в РПК. Актуальность затронутой проблематики обусловлена прежде всего признанием значимости ценности как базовой категории для культурно-языковой личности и лингвокультурного сообщества (далее – ЛКС) в целом. Ценностный код как часть общего лингвокультурного кода, вбирая в себя общечеловеческую и национальную систему максим, а также структуру личностных предпочтений, может стать эффективным инструментом в руках PR коллектива, выбирающего оптимальный характер коммуникации компании с конкретной целевой аудиторией, используя для этой цели броские фрагменты рекламного дискурса – миссию, слоган, девиз и бренд.

Главный вектор развития современного мира, охваченного идеей глобализации, естественным образом стимулирует попытки копирайтеров унифицировать содержание и форму корпоративного послания для разных категорий адресата, тем не менее в эффективной рекламной коммуникации приходится учитывать специфику ценностей, вкусы и настроения той или иной целевой аудитории. Данная установка приводит к разделению целевой аудитории на внутренних адресатов, или сотрудников компании, и внешнего целевого сегмента в лице конечных потребителей продуктов и услуг, партнёров и конкурентов, социальных и государственных институтов [6, с. 15]. Поэтому для удобства проводимого анализа в ценностном коде РПК выделим субкод 1 и субкод 2, направленные на внутреннюю целевую аудиторию и внешний сектор соответственно. Такая дифференциация ценностных каналов представляется вполне оправданной, поскольку оба субкода синтезируются из совершенно различных ценностных установок.

Ценностность, занявшая центральное место в лингвокультурологических изысканиях, по праву считается ядерной составляющей всех концептов культуры, которые, как известно, будучи ментальными сущностями универсального, национального, группового и индивидуального порядка, нуждаются в вербальном и невербальном овнешнении.

Корпоративная реклама англоязычных компаний последних десятилетий по большей части сосредоточена на фирменном имидже, поддерживаемом так называемой корпоративной культурой, скрепляющей группу людей не столько совместным трудом, сколько общими мировоззренческими взглядами. В силу этого идеология, внедряемая PR коллективом, способствует самореализации сотрудника, с одной стороны, и сплочению коллектива – с другой. Следовательно, в субкоде 1 наряду с концептом индивидуальности в современное массовое сознание проникают идеи соборности. В первом случае отбираются языковые единицы мотивационного характера, акцентирующие исключительность, избирательность персонала *The Company of Champions* (General Mills). Сотрудник словно погружается в атмосферу, где имеются все предпосылки для его карьерного и профессионального роста *Our employees can meet their potential and thrive in an atmosphere of excellence* (Penta Manufacturing Company). Естественно, что в таком положении лидера сотрудник реализует свойственную представителю англоязычного ЛКС способность выделять себя из жизненного потока, развивать планы, обдумывать способы их воплощения в действительность, получая тем самым удовлетворение от активного участия в жизни [7, с. 43], то есть выступать в качестве агента, активного деятеля в той или иной ситуации. Таким образом, сотрудник, принимающий позицию деятеля, противопоставленную созерцательному взгляду на сложившиеся обстоятельства, является тем идеальным, трудолюбивым членом команды, который будет квалифицировать и оценивать работу как некий вызов *Challenge everything* (Electronic Arts), требующий принятия рискованных решений *Take intelligent risks* (AT & T), напористости и инициативности *To combine*

aggressive strategic marketing (Aflac). Неслучайно именно в английском языке возникла фраза *агрессивная реклама*, которую можно охарактеризовать как *forceful, active, assertive*. Отметим, что настойчивый, активный, напористый характер и стиль англоязычной рекламы с трудом адаптируется к данному жанру корпоративной рекламы в иных ЛКС, в частности русскоязычной культуре, склонной к пассивности, нежеланию быть мужественным строителем [1, с. 11–12].

Яркий акцент на индивидуализме каждого своего сотрудника *Cultivate leadership in each team member* (Ross Companies) чреват для корпорации непониманием в иных культурах, особенно в тех лингвокультурах, где преобладают принципы коллективизма, взаимопомощи и поддержки. Определённо, данная стратегия направлена на воспитание в сотрудниках лидеров, но лидеров на своём уровне [10, с. 241], так как лучшие качества человека, согласно концепции западных идеологов, проявляются именно в здоровой конкурентной среде, где отношения между конкурентами строятся на взаимном уважении, справедливости и честности. Эти ценности, на которые опирается практически любое межличностное общение, представляют собой этические нормы, составляющие ядро концептов – регулятивов, понятных и доступных представителю любого ЛКС. В то же время, содержание таких концептов в каждой культуре приобретает свои специфические культурные коннотации. Ввиду этого, различия между лингвокультурами, их этическими нормами и ценностными картинками почти никогда не манифестируются в явном виде, оставаясь закодированными в языке и поведении коммуникантов [9, с. 258], что непременно учитывается при адаптации РПК к иной культуре. Так, компания АТ & Т приветствует открытое обсуждение вопросов с целью достижения консенсуса *Talk straight and follow through* как показатель честной политики в межличностном общении (*straight talk – honest and truthful* [19, p.1424]), что в русскоязычной лингвокультуре покажется признаком дурного тона (*рубить правду-матку*), попыткой попрекнуть собеседника, поставив его в неловкое положение (*правда глаза колет*).

Для сплочения команды PR – специалист прививает коллективу чувство общей судьбы с помощью языковых единиц собирательного типа *We make it happen* (IBM), конструкций совместного действия *Let's fly together* (United Airlines), что без особых потерь дословно переводится на другой язык. Здесь также предпочтение отдаётся этнокультурно маркированному фонду языка. Слово *team*, например, которое имеет эквивалент *команда*, находящийся в разряде фоновой лексики русскоязычной культуры (*команда – группа лиц, выполняющих определённое задание* [2, с. 443]), в американской лингвокультуре отличается дополнительными смысловыми оттенками, характеризующими готовность пожертвовать личными интересами во благо группы (*take one for the team – chiefly US willingly undertake an unpleasant task or make personal sacrifice for the collective benefit of one's friends or colleagues* [20]). Очевидно, что выбор лексемы, обозначающей

рабочий коллектив, зависит ещё и от того, какие именно взаимоотношения внутри коллектива желает видеть руководство. Статус глобальной семьи Ford Motor Company, к примеру, подчёркивает, сколь ценен накопленный опыт корпорации, щедро передаваемый от одного поколения сотрудников другому *We are a global family with a proud heritage*.

Ценности субкода 2, то есть ценности внешней целевой аудитории, значительно отличаются от приоритетов внутреннего адресата, поскольку данный целевой сегмент прежде всего заинтересован в результатах корпоративной деятельности. Более того, принимая во внимание тот факт, что эта категория целевой аудитории разбивается на несколько подвидов адресата, субкод 2 складывается из самых разнообразных ценностных установок. Так, формируя часть субкода 2, направленного на потребителя, PR – специалист всячески угождает искушенному пользователю *Live like a King* (Drawbridge Inn Hotel). В силу этого в субкоде 2 преобладают единицы языка, характеризующие качество продукта и оказываемых услуг: *innovative, quality, best, superior, excellence, efficient*. Обратим внимание на то, что в указанном ряду отсутствует какая-либо объективная оценка, то есть потребитель отталкивается от своего индивидуального представления о качественном, лучшем, превосходном продукте. Само собой разумеется, что подобный ход, который тешит самолюбие западного человека с его врождённой независимостью, не совсем приемлем в русскоязычной культуре. Так, вечно «молодая» Америка с лозунгом *Бери от жизни все! (Ask for more! Pepsi)* вступает в коллизию с духовными ценностями патриархальной России, получившей вместо суверенного индивида ограниченного, социально недоразвитого потребителя, пожертвовавшего социальными связями и ответственностью ради своего собственного благополучия [11]. Будучи рекордсменом в обновлении корпоративной рекламы, но, не получая должной реакции со стороны целевой аудитории иных лингвокультур, компания Pepsi и по сей день ежегодно презентует несколько слоганов в попытках подобрать ключ к сердцу носителей других культур. Ситуация конфронтации ценностей имеет место и в слогане *Chief Do It Yourself Officer. Chief It's All Under Control Officer* (Lincoln Financial Group), в котором актуализируется сугубо этническая установка безграничной власти над обстоятельствами, противостояния непредсказуемым поворотам Судьбы Играющей, требующей активности самого человека [4, с. 54], что никак не соотносится с верой русского человека в силу счастливого случая (ср.: *destiny – what will happen in spite of all efforts to change or prevent it* [21, p. 176], *a fate worse than death; судьбоносный* – имеющий очень важное, определяющее значение для судеб (судьбы) кого -, чего -л. [2, с. 1288], *балавень судьбы*).

Высвечивающееся в корпоративной идеологии этническое начало – далеко не единственный фактор, предопределяющий выбор потребителя. Наряду с ним существуют и такие не менее важные параметры культуры, как налагаемые на культурно-языковую личность социальные маркеры.

Так, если корпоративная продукция рассчитана на мужчин, то в РПК чаще встречаются глаголы *Don't dream it. Drive it* (Jaguar), женская реклама, напротив, изобилует междометиями и прилагательными *Oh, what a feeling!* (Toyota). Существенные различия выявляются и на семантическом уровне: мужской текст взывает к разуму *Designed for living. Engineered to last* (Ford), в то время как женский апеллирует к эмоциям *I love what you do for me* (Toyota). Находящиеся в дисбалансе ценности социума нередко подталкивают PR–специалиста сдерживать эгоцентризм англоязычной культуры, возрождая угасающие в ней групповые ценности, среди которых на первый план выдвигаются семейные ценности *Our focus is on children and families, the environment and sustainable agriculture on family farms* (Ben & Jerry's), *Home is the most important place in the world* (IKEA).

Хотелось бы заметить, что неповторимая структура личностных установок, порой не всегда отражающая структуру ценностей на уровне культуры [3, с. 58], оказывает даже более значительное влияние на поведение целевой аудитории, нежели ценности социума или этноса. И, поскольку индивидуальное мироощущение модифицируется в течение всей жизни человека под влиянием сложившихся обстоятельств, времени, условий и возрастного периода индивида [5, с. 240], перед PR–специалистом встаёт задача создания чрезвычайно гибкого ценностного кода. Данный вопрос решается посредством размытой лексики с абсолютно пустым денотативным слоем значения, что даёт потребителю возможность из всего многообразия духовной и материальной культуры выбрать к языковой единице РПК референт, с которым он когда-либо сталкивался в своём практическом опыте. Например, Pepsi с 2013 года запустила глобальную рекламную кампанию *pulse* лексемой, отсылающей к такому жизненно необходимому соматическому коду, как сердце и кровеносная система, имеющему широкий спектр индивидуальных коннотаций, связанных с определённым эмоциональным и физическим состоянием человека (ср.: *сердце кровью обливается; in hot blood* – сгоряча). Множественность интерпретаций нередко наблюдается и на грамматическом уровне, когда PR–специалист преднамеренно прибегает к морфологическим и синтаксическим ошибкам *Think Different* (Apple), *Winston tastes good like a cigarette should* (Winston Cigarettes), *I'm lovin it* (McDonalds). К этой же категории лингвистических приёмов, вводящих адресата в заблуждение, относятся ситуации, когда потребитель ввиду фактического отсутствия объекта для сравнения оценивает продукт исходя из своей шкалы ценностей: *Like nothing else on Earth* (Hummer), *Higher Standards* (Bank of America).

Немаловажную роль в субкоде 2 играют ценности государственных и социальных институтов, главное предназначение которых – заботиться о наиболее уязвимых слоях населения. Интерес западных стран к социальным проблемам вполне очевиден, ведь человеческое сострадание способно проявляться именно в экономически развитых странах, где люди, не испытывая нужды в материальных ценностях, могут пожертвовать временем и

деньгами во благо других [17, p. 176]: *To encourage our employees to help the less fortunate in the communities where we work – and to do so by making meaningful volunteer activities available to them* (IAC/ InterActiveCorp).

При всей схожести точек зрения относительно социального устройства общества в разных культурах в ходе создания ценностного кода чрезвычайно важно соблюдать принцип локализации РПК в соответствии с потребностями того или иного ЛКС. Компания Louis Vuitton, например, обыгрывает тематику «фальшивой», со слов самих американцев, демократии, которая, провозглашая равенство всех граждан, всё же не решает расовые проблемы США, находящиеся в центре самых горячих дискуссий в жизни американского народа. Ролик, в котором звучат принадлежащие легендарному Мухаммеду Али строки, завершается написанной на ринге лексемой *word* в значении священного писания (*the Word (of God) – the religious teachings in the Bible* [19, p. 1649]), что лаконично репрезентирует корпоративную идеологию, взывающую к всеобщему миру. Поэтому сугубо этнический концепт «diversity» (ср. diversity – 1) a range of different people or things, 2) the quality of having variety and including a wide range of people or things [19, p. 393]; разнообразие – множество, обилие чего-либо исходного, различного, отличающегося друг от друга, отсутствие единообразия [2, с. 1076]), способствующий благополучию государства (The country has benefited from ethnic diversity throughout its history. G. Herald) и мира в целом (It takes all sorts to make a world), прежде имея отрицательные коннотации, начал сдвигаться к полюсу положительной оценки лишь тогда, когда понятия расы и этноса начало входить в его концептуальное поле [18]. К важнейшим этническим ценностям американской лингвокультуры следует также отнести патриотизм граждан США *Victory won't wait for the nation that is late* (Big Ben Clocks).

Наконец, к отдельной категории внешних адресатов относятся партнёры и конкуренты – целевой сектор, который в отличие от других адресатов субкода 2 даёт объективную, а не субъективную оценку корпоративной культуре. Дело в том, что рассматриваемый блок целевой аудитории не столько оценивает, сколько контролирует деятельность компании, проверяет соответствие принципов корпоративной политики общепринятым нормам деловой этики *Corporate activities will be conducted to the highest ethical and professional standards* (Fedex), *We act with absolute honesty, integrity and fairness* (HCA). Для данного адресата важно, чтобы компания пользовалась всеобщим признанием *the most respected global financial services company* (Citigroup), внушала доверие *to build long-term client relationships based on mutual trust* (Computer Sciences Corporation).

Поскольку корпоративная реклама вместе со словесной тканью содержит ещё невербальный регистр, порой считающийся даже более весомым в рекламном дискурсе, нежели вербальный компонент, в основном «дополняющий» визуальный образ [14, с. 227], ценностный код включает графически представленные архетипический, мифологический, символичный и образный коды. Пожалуй, универсальным в этом ряду считается закрытый для модификации, непереводаемый в иные формы выражения и не

допускающий критического восприятия [8, с. 133] архетипический код. К примеру, надкусанное яблоко логотипа Apple актуализирует архетип тени, который вопреки отрицательной трактовке играет важную роль в жизни любого человека. Отдавая должное знаменитому логотипу, внёшему определённую лепту в успех Apple, признаем некоторые слабые стороны изображения бренда той поры. Во-первых, корпоративный бизнес зародился в эпоху сравнительно невысокой конкуренции, когда его единственный соперник IBM не имел столь тесной связи с американским потребителем, которому, как выяснилось, ближе по духу стал амбициозный и дерзкий Apple. Во-вторых, выход продукта на международный рынок сопровождался активной транслируемостью в иные страны идеального и беспечного американского образа жизни, отвлекающего зарубежную аудиторию от политических проблем её государства. В настоящее время превалирующие над национальными общечеловеческие каноны побудили компанию, сохранив продиктованный этнокультурными традициями архетип бунтаря, заменить кричащие цвета перевёрнутой радуги в более сдержанные пастельные тона.

Подобно архетипам, наличествующим в каждой лингвокультуре, символичные коды в отличие от них характеризуются более выраженной этнической детерминированностью. Символизирующий свободу орёл, например, встречается преимущественно в символике американских компаний (Harley Davidson, American Airlines, Barclays, American Eagle Outfitters), ибо несомненно им значение, переплетаясь с такими базовыми концептами американской лингвокультуры, как «freedom» и «patriotism», имеет для неё гораздо большую ценность, нежели для какой-либо другой культуры.

Что касается результатов мифотворчества отдельного народа – мифологических кодов, то они зачастую становятся мировыми стандартами, так как «глобализующийся» мир обнаруживает на себе отголоски самых разных лингвокультур. Так, косметическая компания Clairol в середине прошлого столетия «воспевала» женский образ белокурой блондинки *If I've one life, let me live it as a blonde!* (1955), *Is it true blondes have more fun?* (1956), сформировавшийся под влиянием двух иконических фигур американской культуры: 1) мелькающей на экранах телевизоров красотищи Мерлин Монро и 2) всеми любимой куклы Барби, которую, кстати, Mattel изначально выпускала кареглазой брюнеткой, но, ссылаясь на то, что игрушка выглядит «слишком чужой», непохожей на американку, вскоре выпустила светловолосую голубоглазую модель [15, р. 52]. Будь то крашеный, или натуральный, светлый цвет волос рассматривается как доминантный признак женственности в США *Clearly a quintessential femininity, signified by bloneness...* (D. Hamer, B. Budge), в то время как тёмный цвет волос воспринимается как некий изъян во внешности человека (*She had faults in her personality, her hair wasn't blonde, she was a copper top, her figure wasn't amazing either* [16]). По прошествии определённого времени, однако, PR, осознав, что старые идеалы так или иначе постепенно вытес-

няются новыми, находят более выигрышный слоган с некоторой намеренной «недосказанностью» *Does she...or doesn't she?* (1964).

Отличительная особенность РПК, в котором появляются знаменитые личности, заключается в том, что целевая аудитория располагает живым и, как правило, положительным примером для подражания, что препятствует открытому уравниванию в рекламном дискурсе духовных ценностей и материальных предметов [12, с. 69]. Поэтому Nike приглашает М. Джордана, воплощающего Американскую мечту, или А. Аршавина, персонифицирующего победу для россиян. Интересно, что столь сильный бренд, позиционируя в прошлом исключительно мужские ценности, в ряде европейских стран счёл нужным акцентировать проблемы слабого пола в связи с возрастающей в их культуре ролью женщин. Так, известные спортсменки (М. Шарапова, Н. Спириг, С. Ла Мантиа, Н. Сандерс, Д. Дельзай) разрушают устоявшиеся в обществе стереотипные черты женского характера, что не лишает женщину данных ей от природы мягкости и чуткости.

Довольно часто РПК дополняется аудиальным элементом, являющимся весьма эффективным средством воздействия на целевую аудиторию. Неслучайно, приобретая мобильные телефоны Nokia или iPhone Apple, потребители при всём многообразии звуковых опций в качестве сигнала вызова задают именно корпоративный джингл.

Подытоживая рассмотрение невербального компонента ценностного кода, заметим, что ввиду своей многозначности сам по себе он оказывается недостаточным для полноценного осмысления содержания корпоративной рекламы определённой целевой аудиторией. Именно по этой причине невербальный канал ценностного кода нуждается в убедительном лексическом фонде.

Итак, ценностный код РПК условно был поделён нами на субкод 1, направленный на сотрудников, и субкод 2, адресованный внешней целевой аудитории. При построении обоих субкодов применяются как словесные, так и невербальные средства коммуникации. Невербальный регистр РПК, как правило, формирует определённый образ компании, основанный на ассоциативных реакциях адресатов, что даёт лишь общее представление о корпоративной культуре, избегая конкретизации приоритетов той или иной целевой аудитории. Поэтому имиджевая реклама компании подкрепляется лексической базой, предназначенной для конкретного целевого сегмента. Так, для субкода 1 отбираются семантические единицы воспитательного плана, что способствует воспитанию в каждом сотруднике амбициозного и инициативного лидера, который, имея стойкую веру в собственную исключительность, выделяющей его из всей команды, считает себя неотъемлемой частью этой самой команды. В субкоде 2 используются средства языка, оценивающие качество продукции, характер деятельности компании и её отношения с другими институтами. При этом вербальный компонент субкода 2 также дифференцируется на выраженную оценочную лексику, когда перечисленные аспекты корпоративной деятельности приобретают словесную характеристику, и лексико-грамматические конструкции, рассчитанные на выражение субъективной оценки адресата.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Вишнякова О.Д., Пашутина Т.А. Лингвистические параметры транслируемости культурных концептов // Сб. науч. и науч.-метод. трудов / под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтизиной. – М.: Университетская книга, 2009. – Вып. 6. – С. 58–71.
4. Жданова Н.В. Концепт «судьба» в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – № 36. – С. 52–54.
5. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. – Уфа: БашГУ, 2010. – 366 с.
6. Игнатъев Д., Бекетов А., Сарокваша Ф. Настольная энциклопедия специалиста по рекламе и Public Relations. – М.: Альпина Паблишер, 2007. – 240 с.
7. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
8. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
9. Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.
10. Спивак В.А. Корпоративная культура: теория и практика. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
11. Теоретико-методологические основы изучения определения и формирования национальных интересов России. – [Электронный ресурс]: <http://www.politicalmind.ru/minsos-429-7.html> (дата обращения: 02.02.2014).
12. Ученова В. Философия рекламы. – М.: Гелла-принт, 2003. – 208 с.
13. Чанышева З.З. Динамика рекламного слогана как знака лозунговой коммуникации (на материале англоязычной коммерческой Интернет-рекламы) // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – Вып. 3. – С. 825–828.
14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 432 с.
15. American Icons: an encyclopedia of the people, places, and things that have shaped our culture. – Westport, Connecticut, London: GREENWOOD PRESS, 2006. – 893 p.
16. British National Corpus. – [Электронный ресурс]: <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=She+had+faults+in+her+personality&mysubmit=Go> (дата обращения: 05.02.2014).
17. Clifton R., Simmons J. Brands and Branding. – New York: The Economist, 2004. – 273 p.
18. Etymology Dictionary Online. – [Электронный ресурс]: <http://www.etymonline.com/index.php?term=diversity> (дата обращения: 05.02.2014).
19. Longman Dictionary of Contemporary English, 3d edition with new words supplement. – Longman Pearson Education Limited, 2001. – [Электронный ресурс]: <http://www.ldoceonline.com/index.html>
20. Oxford Dictionaries. – [Электронный ресурс]: http://oxforddictionaries.com/definition/american_english/team#team__17 (дата обращения: 05.09.2013).
21. Student's Dictionary of American English. – New York: Facts On File, 2008. – 737 p.

К вопросу о конститутивных коммуникативно-речевых характеристиках SMS-опосредованной коммуникации

В статье выявляются и анализируются лингвистически релевантные технические параметры SMS и обусловленные ими коммуникативно-речевые характеристики, которые отличают общение в этой коммуникационной среде от иных видов опосредованного и непосредственного речевого взаимодействия.

The article is to reveal and analyze the linguistically relevant technical parameters of SMS and communicative-speech features relating to them, which distinguish SMS-communication among other types of direct and mediated speech communication.

Ключевые слова: SMS, компьютерно-опосредованная коммуникация, коммуникационное средство, коммуникативно-речевые особенности.

Key words: SMS, computer-mediated communication, medium of communication, communicative-speech features.

Специфика SMS-опосредованной коммуникации, выделяемой на основании особого коммуникационного канала, во многом определяется собственно техническими возможностями и ограничениями. По этой причине представляется обоснованным выявление и анализ лингвистически релевантных технических параметров и обусловленных ими коммуникативно-речевых характеристик, которые отличают речевое взаимодействие в среде SMS как от традиционного письменно-речевого и устно-речевого общения, так и от новых дискурсивных практик, реализуемых в сети Интернет.

К описанию конститутивных характеристик SMS-коммуникации обращаются многие исследователи, отдельные публикации содержат эксплицированные списки принципиальных особенностей и установок, в ином случае представляется возможным сгруппировать выделяемые авторами признаки в процессе реферирования работ.

Один из первых исследователей русскоязычной SMS-коммуникации профессор М.Ю. Сидорова среди основных признаков нового жанра называет следующие: «краткость, сиюминутность и частный (непубличный) характер содержания, сильная зависимость от средства передачи информации – мобильного телефона, разрешающего лишь небольшой объем сообщения и располагающего ограниченным набором клавиш (причем порой только с латиницей), на каждой из которых не одна, а несколько букв» [10, с. 175].

Определяя понятие SMS-коммуникации, С.В. Андреева отмечает опосредованность, дистантность, установку на частное/официальное, личное

(реже – ориентированное на массового адресата) коммуникативное взаимодействие, виртуальность, устно-письменный характер, контаминацию информативных и фатических компонентов коммуникации [1, с. 102]. Исследователь также выделяет характерные особенности устной речи, которые заимствуются новым коммуникационным средством: «стремление приблизить скорость высказывания к темпу мыслительного процесса, спонтанность, одноразовость, индивидуальность, необратимость, неустойчивость текстовой организации, особый синтаксический портрет» [1, с. 102].

Т.В. Демидова называет SMS «особым жанром письменной речевой культуры» на основании таких специфических характеристик, как «письменная форма разговорной речи; реализация как в форме диалога, так и монологического высказывания; неподготовленность, незапланированность, самопроизвольность; непосредственность контакта между коммуникантами» [4, с. 112].

В свою очередь Ю.Е. Венедиктова выделяет следующие характерные особенности SMS-коммуникации: «опосредованность сотовым телефоном; дистантность (разделение коммуникантов в пространстве и отсутствие зрительного контакта между ними); особый способ кодирования информации, связанный, прежде всего, с техническими ограничениями канала сообщения (не более 160 символов на латинице и не более 70 символов на кириллице); «устно-письменный» характер речи; личный характер общения; диалогичность (возможность моментального обмена репликами); преимущественно неофициальный характер общения и т.п.» [3, с. 9].

Т.А. Сорокина, описывая дискурсную характеристику русскоязычного SMS-общения, акцентирует внимание на таких параметрах, как диалогичность, мобильность, опосредованность техническим устройством, асинхронность, большая степень подготовленности сообщений в сравнении с синхронными видами технически-опосредованной коммуникации, регламентированный объем сообщения и ограниченность коммуникативного пространства [12, с. 17–18].

По мнению Е.С. Сироткиной, SMS-коммуникация отличается от других типов электронной коммуникации особым типом синхронности: «смс-канал даёт адресанту возможность максимально быстро передать информацию в письменном виде на расстоянии, не принуждая адресата к немедленному ответу» [11, с. 15].

Т.А. Хейлик выделяет признаки устной разговорной речи (по В.К. Харченко), применимые к SMS-коммуникации: спонтанность; непринужденность, естественность; приватность; диалоговость; компрессия [13].

Сопоставив мнения различных авторов, мы приходим к выводу, что наиболее частотными являются такие признаки, как опосредованность мобильным телефоном, диалогичность, приватный, частный характер общения, синхронность, дистантность, краткость, устно-письменный характер и спонтанность речевого акта.

В данной работе основное внимание уделяется непосредственно техническим особенностям коммуникационного средства, а также экстралингвистическим условиям взаимодействия. Объектом нашего изучения является все пространство SMS, в котором функционирует как персональный дискурс, отличающийся диалогичностью и непубличным характером, так и институциональный, для которого более характерны монологические жанры и соответственно большая формализация в плане тематики и языкового воплощения. Выделение параметра спонтанности-подготовленности (имеющего градуальный характер в персональном и институциональном типах SMS-дискурса), на наш взгляд, оправдано тем, что он отличает взаимодействие посредством SMS от традиционных письменных типов речевой коммуникации.

Итак, среди принципиальных технических и коммуникативно-речевых характеристик, которые задают условия общения и определяют облик SMS-коммуникации, мы выделяем следующие: 1) опосредованность мобильным телефоном, 2) мобильность, 3) дистантность, 4) отсутствие визуального и аудиального контакта, 5) квазисинхронность / асинхронность, 6) устно-письменный модус, 7) спонтанность / подготовленность, 8) возможность обслуживания персонального и институционального общения. Соответственно характер общения может быть как формальным, так и неформальным.

Опосредованность мобильным телефоном

В случае SMS-коммуникации канал оказывает существенное воздействие на характер речевой деятельности и стратегии порождения текста. Использование мобильного телефона в качестве терминала передачи письменных сообщений неудобно по ряду причин: упрощенная клавиатура, каждая из клавиш которой отвечает за вывод нескольких символов, небольшой экран, затрудняющий чтение или набор сообщения в случае, если устройство снабжено сенсорным экраном с виртуальной клавиатурой, ограниченный объем SMS-сообщения (160 символов при использовании латинского алфавита, цифр и типографских знаков, 70 – при использовании кириллического написания).

Однако на основе проведенного социолингвистического исследования К. Терлоу пришел к выводу, что лаконичность сообщения далеко не всегда является следствием технического ограничения объема. Согласно статистическим данным, полученным в ходе анализа корпуса англоязычных SMS-сообщений, реципиенты не всегда реализуют технический потенциал сервиса, средняя длина сообщения составляет 65 символов при допустимых 160. Более весомыми причинами компрессии текста являются, по К. Терлоу, не достаточно удобный способ набора, установка на максимально быстрый обмен репликами, приближенный к синхронному устно-речевому диалогу [19, с. 6].

Мобильность

Параметр мобильности до недавнего времени позволял разграничивать SMS-коммуникацию и схожие формы интернет-общения в силу того, что интеракции посредством IM-служб и e-mail требуют доступа к компьютеру с интернет-подключением как минимум коммуникатора, а чат предполагает одновременное присутствие онлайн обоих коммуникантов. В то время как сотовый телефон уже долгие годы является постоянным спутником пользователей, мобильный интернет стал широко доступен в России лишь в последние несколько лет, количество его абонентов по-прежнему существенно меньше числа пользователей услуги SMS. Значительный процент мобильного интернет-трафика приходится на долю беспроводных сетей Wi-Fi, которые не покрывают всю территорию современного мегаполиса. Абонент, не имеющий подключения к сетям 3G или 4G, покидая зону открытого для него источника Wi-Fi, теряет возможность письменной коммуникации посредством интернет-служб и в случае необходимости использует SMS.

Ярким подтверждением большей мобильности SMS в сравнении с письменной интернет-коммуникацией являются услуги SMS-оповещений о событиях, новых электронных письмах и пр., которые сегодня предлагают отдельные социальные сети, например, «ВКонтакте», сервисы электронной почты и другие интернет-службы. Настроить SMS-уведомления с интересующих сервисов в случае нереализованности такой услуги непосредственно в интерфейсе интересующего сервиса предлагают операторы сотовой связи (МТС, МегаФон, Билайн и др.). Кроме того, в отдельных случаях абонент может отвечать на сообщения или комментарии так же посредством SMS. Стоит также отметить и услугу публикации интернет-постов через SMS, реализованную в системе микроблогов Twitter и некоторых других службах. Таким образом, SMS наряду с голосовой связью посредством сотового телефона по-прежнему остается наиболее мобильным коммуникационным средством.

Дистантность

SMS-коммуникация, как и другие виды опосредованного общения, предполагает наличие определенной географической дистанции, разделяющей коммуникантов в пространстве. При этом технические возможности SMS не накладывают ограничений на осуществление коммуникации в зависимости от географической удаленности. Л.Н. Мешкова отмечает, что «распространение современных средств связи, позволяющих общаться с людьми, физически не находящимися с нами рядом, меняет природу общественных мест и социальную географию. Социальное пространство все больше отделяется от пространства физического. <...> Под воздействием цифровых технологий виртуальный, социальный и физический миры сливаются и перестраиваются» [9, с. 52].

Дистантность общения проявляется в отсутствии непосредственного визуального и аудиального контакта, в невозможности использовать такие

паралингвистические средства коммуникации, как жесты, мимика, интонация и пр. Институциональные разновидности формально письменной коммуникации, предполагающие передачу преимущественно диктумного смысла, т.е. объективной фактической информации, не нуждаются в восполнении этого ограничения канала. Иные процессы наблюдаются в тех видах опосредованного электронными средствами общения, которые реализуют бытовое речевое взаимодействие: чат, IM-коммуникация, SMS и т.д. Неотъемлемой составляющей взаимодействия является передача модусного смысла наряду с диктумным, а зачастую и в ущерб последнему. Эта коммуникативная установка, ранее реализовывавшаяся главным образом собственно средствами языка, в новой коммуникационной среде инициировала создание и развитие специальных инокодовых средств восполнения «эмоциональной недостаточности», таких как эмодзи, или смайлики, смысловозначительное использование регистра букв, транслитерация, фонетическое письмо и пр.

Квазисинхронность / асинхронность

Значительное внимание исследователей привлекает параметр синхронности или асинхронности SMS, соотносимый с коммуникативным временем. С одной стороны, дистантность и невозможность непосредственного соприсутствия коммуникантов в едином реальном пространстве, свойственная формально письменной форме речи, задает асинхронный параметр коммуникации, т.е. несовпадение процесса порождения текста коммуникатором и восприятия его реципиентом. Единственным примером синхронной дистантной электронной письменно-речевой коммуникации является чат, предполагающий одновременное присутствие в режиме онлайн всех участников общения. Интерфейс чата реализован таким образом, что реципиент наблюдает за последовательным созданием сообщения коммуникатором в процессе реального времени. По мнению Л.Ю. Щипициной, это способствует созданию общего виртуального пространства, которое хотя и не воссоздает в полной мере ситуацию непосредственного устно-речевого взаимодействия, провоцирует некоторый психологический эффект соприсутствия [15 с. 77–78]. Остальные разновидности электронной, или «технически-опосредованной» [12] коммуникации, в частности SMS, характеризуются различной степенью асинхронности. Так, веб-страница демонстрирует в большей степени признаки асинхронности, в то время как IM-службы стремятся приблизить общение к синхронному.

Согласимся с Е.С. Сироткиной в том, что «смс-переписку нельзя однозначно оценивать как асинхронную, так как получатель сам может выбирать ритм обмена сообщениями и управлять им. Он может использовать её как синхронную систему, сразу же отправляя ответное сообщение, или же отложить общение на какое-то время. Период времени между репликами в смс-общении – это характеристика, не накладываемая каналом коммуникации, а обусловленная решением коммуникантов. Сам канал связи, с одной стороны, позволяет вести общение в приближенном к синхронному

режиме, а с другой – перевести его в асинхронный» [15, с. 14–15]. Для определения такого «приближенного к синхронному режиму» Л.Ю. Щипицина вслед за J. Bittner и С. Dürscheid использует термин квазисинхронный, который представляется нам достаточно удачным. «Этот вид коммуникации близок к синхронному, так как в данном случае и автор, и получатель/получатели сообщения одновременно находятся в сети. Но при квазисинхронной коммуникации получатель не наблюдает непосредственное создание сообщения, то есть не видит, с какой скоростью появляются отдельные буквы и слова сообщения и какая правка с этим сообщением производится. Сообщение достигает аудитории уже готовым и с задержкой в несколько секунд между моментом непосредственного создания сообщения и его публикацией» [15, с. 76].

Важно отметить, что в среде SMS персональный дискурс чаще демонстрирует признаки квазисинхронности, в то время как институциональный тяготеет к асинхронности коммуникации.

Устно-письменный модус

Устно-письменный характер SMS-опосредованной коммуникации получил достаточно широкое освещение в зарубежной [16; 18; 19 и др.] и отечественной литературе [2; 3; 12; 13; 14 и др.]. По мнению А.А. Кибрика, «самый главный классификационный признак, различающий типы дискурса – это модус, т.е. противопоставление между устным и письменным дискурсом. Это разграничение связано с каналом передачи информации, или носителем: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный» [7, с. 16]. В современных гуманитарных исследованиях электронный дискурс и SMS-коммуникация в частности рассматриваются как гибрид устного и письменного речевого взаимодействия с преобладанием критерия концептуальной устности или концептуальной письменности, или же признается равнозначность этих параметров.

Т.А. Сорокина отмечает, что технически-опосредованную и в частности SMS-коммуникацию обслуживает «искусственный (т.е. письменный) косвенный (опосредованный) канал передачи речи, характеризующийся спонтанностью, свойственной прямому (непосредственному) естественному (устному) каналу. Таким образом, специфика нового гибридного канала заключается в том, что он сочетает в себе два свойства, исконно считавшиеся взаимоисключающими: письменную форму и спонтанность» [12, с. 5]. Таким образом, специфика данного типа общения предполагает объединение двух основных векторов: ориентации на звучащую разговорную речь и графическую фиксацию сообщения. Влияние устной разговорной речи проявляется в заимствовании характерной бытовой тематики общения, присущей ей непринужденности, неформальной тональности и определенной степени спонтанности. SMS-коммуникация предпринимает попытки преодолеть ограниченные возможности в выражении паралингвистических смыслов. Так, изменение интонации может имитироваться регулированием регистров (например, написание заглавными буквами символизирует по-

вышение голоса вплоть до крика), а невозможность задействовать мимику и жесты восполняется использованием эмодзи. Неформальная устно-речевая коммуникация в значительной степени влияет и на собственно системно-языковые особенности текстов.

С другой стороны, SMS-коммуникация вписана в парадигму новых электронных медиа, обслуживающих текстовую мобильную коммуникацию, таких как электронная почта (e-mail), чаты, форумы, микроблоги (например, twitter.com), личная переписка в социальных сетях, которые формально можно отнести к письменной форме речи.

Спонтанность / подготовленность

Гибридный модус SMS-коммуникации, предполагающий ориентацию одновременно на устно-речевое и письменно-речевое взаимодействие, определяет специфическую реализацию оппозиции спонтанность / подготовленность речевого акта. Как и отдельные виды интернет-общения, например, чаты, ICQ и другие IM-службы, а также сервисы, допускающие оперативный обмен сообщениями, межличностный SMS-диалог, характеризующийся интенсивной кооперацией, ориентирован на максимально быстрое, «мгновенное» общение. Соответственно, в продолжение интеракции оба коммуниканта заинтересованы в максимально оперативном реагировании на реплики корреспондента. Если происходит задержка и один из акторов не принимает роль говорящего в интуитивно установленный промежуток времени, корреспондент может воспринять это молчание как значимое и в отдельных случаях прислать внеочередное сообщение с просьбой разъяснить причины задержки ответа. При этом несвоевременный ответ «может восприниматься как, во-первых, языковая или техническая некомпетентность, во-вторых, как пренебрежение установленным контактом» [5, с. 160]. Кроме того, в сознании большинства пользователей SMS – это мимолетные сообщения, актуальные только в определенный промежуток времени. Коммуникант может возвращаться к этим текстам с целью восстановить в памяти определенные моменты жизни, однако они не мыслятся как языковые фрагменты, имеющие художественную ценность. Таким образом, необходимость оперативного ответа и относительная незаинтересованность в совершенстве художественной формы текста обеспечивает высокий уровень спонтанности бытовой SMS-коммуникации, приближающий ее к синхронным формам письменно-речевого общения, например, чату.

Статусно-ориентированный SMS-дискурс, напротив, демонстрирует подготовленность, тяготеющую к письменно-речевому взаимодействию. Это объясняется рядом факторов. Прежде всего, в отличие от личностно-ориентированного дискурса, в статусном общении коммуниканты выступают как представители определенных институтов, соответственно их объединяют не личное знакомство, а формальные отношения агент-клиент. Этим объясняется выбор наиболее нейтральных или же официальных средств выражения, исключая разговорные конструкции, сокращения

и пр., большее внимание к грамматической, орфографической и пунктуационной корректности текстов. Кроме того, зачастую адресант преследует цель воздействия на адресата. Ярким примером являются тексты рекламных сообщений или SMS, отправляемые в эфир коммерческих радиостанций или телевизионных каналов, имеющие не только реального, но и предполагаемого адресатов. Намерение произвести необходимое впечатление на собеседника и добиться желаемого результата побуждает пишущего затрачивать больше времени на обдумывание собственного сообщения, выбор и реализацию эффективных коммуникативных стратегий и тактик. Таким образом, параметр спонтанности/подготовленности речевого акта в среде SMS напрямую зависит от социально-ролевых характеристик коммуникантов и типов реализуемого дискурса.

Возможность обслуживания личностно-ориентированного и статусно-ориентированного общения

В наивном сознании SMS ассоциируется главным образом с персональным межличностным общением. Е.И. Литневская подтверждает справедливость такого представления, отмечая со ссылкой на статистические данные, что «70% пользователей используют смс-услуги для общения с друзьями, родными и близкими (<http://www.mobile-review.com/articles> (дата обращения: 17.12.2006 г.)), то есть для неофициального неформального общения» [8, с. 27]. Однако, по свидетельству Р. Линга, первоначально разработчики сервиса не рассчитывали, что он будет использоваться для личного общения, служба SMS создавалась для оповещения абонентов о голосовых сообщениях, а также могла быть использована для распространения информации о погоде, биржевых новостях и т.д. [18, с. 1]. Таким образом, сложно сказать, какой из типов дискурса является генетически исходным для SMS-коммуникации.

Персональный дискурс, реализуемый посредством SMS, представляет собой неформальное общение лично знакомых коммуникантов, в то время как институциональная разновидность дискурса возникает, когда нивелируются различия между межличностной и массовой коммуникацией. В.И. Карасик определяет статусно-ориентированный, или институциональный дискурс, как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [6, с. 193].

Сегодня в разных странах мира SMS активно проникает в различные сферы социального взаимодействия и используется для оповещения о банковских операциях, курирования политических и социальных акций, распространения священных текстов среди прихожан церкви [2; 16; 19] и т.д. В России на данный момент наиболее распространенными институциональными дискурсивными практиками в среде SMS являются рекламные рассылки, управление банковскими операциями и оповещение о них, уведомления от транспортных, торговых и сервисных компаний о выполнении за-

каза или его доставке, оповещения абонента оператором связи о состоянии счета, подключенных услугах и пр., а также управление собственным счетом, заказ мобильного контента (рингтонов, игр, картинок, гороскопов, шаблонов поздравительных сообщений и т.п.) и некоторые другие.

Персональный SMS-дискурс характеризуется неформальной тональностью общения, преимущественно бытовой тематикой, свободой в выборе лингвистического воплощения, допустимостью, а чаще преобладанием фатического общения. Статусно-ориентированный SMS-дискурс, напротив, отличается официальностью, информативностью сообщений, формализацией социальных отношений, языковой стандартизацией, проявляющейся с различной степенью интенсивности.

Проанализированные технические параметры SMS-коммуникации позволяют выделить эту форму речевого взаимодействия как принципиально новую, отличную от традиционных видов устно-речевого и письменно-речевого взаимодействия, а также от новых электронных коммуникативных практик. Выделенные характеристики коммуникационного канала и средства общения (опосредованность мобильным телефоном, мобильность, дистантность, отсутствие визуального и аудиального контакта, квазисинхронность / асинхронность, устно-письменный модус, спонтанность / подготовленность, возможность обслуживания лично-ориентированного и статусно-ориентированного общения) являются лингвистически релевантными и в значительной степени определяют специфический облик дискурсивных практик, а также собственно лингвистические особенности текстов SMS.

Список литературы

1. Андреева С.В. Специфика нового канала передачи речи (на примере смс-общения) // Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности: материалы выступлений на V Междунар. конф. РКА «Коммуникация-2010». – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 101–102.
2. Бондаренко С.В. Особенности культуры текстовой мобильной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. – 2006. – С. 7–9.
3. Венедиктова Ю.Е. СМС-сообщения: опыт типологического исследования (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 22 с.
4. Демидова Т.В. Языковые особенности SMS-сообщений (на примере речевой культуры студентов средних специальных учебных заведений) // Вестник Адыгейского госуд. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 1. – С. 111–114.
5. Зайцева В.С., Сидоренко Г.П., Усова С.В. Языковые и структурные особенности стиля текстовой коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 2. – С. 158–163.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 90 с.

8. Литневская Е.И. Неформальная смс-коммуникация как форма письменной разговорной речи // Вестник Московского городского педагогического ун-та. Серия Филологическое образование. – 2011. – № 2(7). – С. 25–32.
9. Мешкова Л.Н. Текстинг как явление современной культуры // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 49–53.
10. Сидорова М.Ю. «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча пенять...» // Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. – М., 2006. – С. 173–182.
11. Сироткина Е.С. Русскоязычная смс-коммуникация как объект лингвистического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 25 с.
12. Сорокина Т.А. Дискурсная организация русскоязычной технически опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2013. – 21 с.
13. Хейлик Т.А. СМС как новая форма речевой коммуникации // Вісник Дніпропетровського ун-ту. Серія "Мовознавство". – 2009. – № 11. – Вип. 15. – Т. 2. – [Электронный ресурс]: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2009_15_2/article/25.pdf
14. Шилоносов А.И. Графические особенности смс-текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 219–223.
15. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.
16. Crysta D. Txtng: the Gr8 Db8. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 239 p.
17. Ling R. The Socio-linguistics of SMS: An analysis of SMS. Use by a Random Sample of Norwegians. Telenor R&D. – 2004. – 9 p.
18. Tagg C. (2009) A Corpus Linguistics study of SMS text messaging. PhD thesis, University of Birmingham. – 2009. – 402 p.
19. Thurlow C. Generation Txt? The sociolinguistics of young people's text-messaging. Discourse Analysis Online, 1(1). – 2003. – [Электронный ресурс]: [http://www.crispinthurlow.net/papers/Thurlow\(2003\)-DAOL.pdf](http://www.crispinthurlow.net/papers/Thurlow(2003)-DAOL.pdf)

Адаптивность языковой личности политика как ее прототипическая системная характеристика

В статье языковая личность политика анализируется как динамический системный дискурсивно-текстовый феномен, к прототипическим характеристикам которого относятся институциональность, абсолютный характер персуазивности речевой деятельности, медийность и адаптивность. Высокий уровень адаптивности языковой личности политика – это ключевой компенсаторный фактор, который определяет эффективность всего процесса осуществления коммуникативной деятельности политика, позволяющий оказывать влияние на системные компоненты политического дискурса и их субъектов и не подвергать себя воздействию с их стороны.

In this article linguistic personality of a politician is analyzed as a dynamic system discursive and textual phenomenon, prototypical characteristics of which include the following: the institutional character, the absolute nature of persuasively speech activity, media activity, adaptability. The high level of adaptability of linguistic identity of a politician is key compensatory factor that determines the efficiency of the whole process of communication activities of a politician that have impact on system components political discourse and their subjects, and not to expose them.

Ключевые слова: языковая личность, текст, дискурс, система, адаптивность.

Key words: linguistic personality, text, discourse, system, adaptability.

Антропоцентрическая тенденция является одной из наиболее масштабных и влиятельных в современном научном пространстве, что, с одной стороны, представляет собой частное проявление глобального процесса гуманизации наук, с другой – тенденции включения лингвистики во внешнюю по отношению к ней синергетическую парадигму естествознания. Современное онтологическое понимание антропоцентризма может быть связано с осознанием того, что язык, отражая объективную действительность через внутренний мир человека, трансформирует ее сообразно мотивам, целям деятельности и ценностным ориентациям личности как представителя определенной социальной и национальной общности [7, с. 161].

Новым содержанием наполняется также смысл категорий «субъект» и «объект». Они не противостоят друг другу, как в классической эпистемологии, а дополняют, доопределяют друг друга, взаимно конструируют. Для нового этапа развития науки характерно снятие «субъектно-объектного дуализма, в результате уходит со сцены науки «абсолютный наблюдатель», наступает эпоха диалога, происходит переход от статического структурно-ориентированного мышления к мышлению динамическому, ориентирован-

ному на процесс. Слово «процесс» здесь является ключевым. Понимать нечто как сложное целое можно только процессуально. Самоорганизующееся целое создает себе части из элементов среды в процессе своего становления. Современная наука, ориентируясь на целостное, холистическое мировидение, сопрягает познавательный опыт с эпистемологией соучастия, которая предполагает и новую онтологию, и новую этику. Парадигма сложного, формирующаяся на современном этапе развития науки, в которой выделяется теория сложности, а также феномен сложного мышления, наполняет понятие «сложность» новым смыслом [8; 9]. «Категория сложного», как пишет в своей новой монографии «Текст сквозь призму сложного» И.А. Щирова, «отражает сложность современного мира, которому принадлежат и текст, и человек» [10, с. 19].

Исследование сущности политической деятельности позволяет сделать вывод о том, что политика – это сложный многомерный феномен, проявляющийся в двух постоянно взаимодействующих измерениях: объективном и субъективном. Политическую деятельность можно рассматривать как процесс, в котором осуществляются субъект-объектные взаимодействия. Речевое поведение языковой личности политика как субъекта политического дискурса представляет собой, с одной стороны, уникальный, сложившийся в течение жизни опыт личности, с другой стороны, языковая личность политика как синкретический феномен оказывается осложненной институциональным компонентом как институциональная языковая личность, совершающая свою дискурсивную деятельность в политическом (институциональном) дискурсе. Вслед за В.И. Карасиком, мы определяем институциональный дискурс как «статусно-ориентированное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [4, с. 193].

Языковая личность политика, осуществляя дискурсивную деятельность, актуализируется в пространстве политического дискурса, т. е. в среде. Среда не просто пассивный «фон» для языка и мышления, но и активный участник процессов их развития, оказывающий влияние на реализацию дискурсивных действий через ряд средовых параметров биофизической, социальной и культурной природы. Актуализация языковой личности политика – это реализация системных прототипических характеристик, которая происходит в процессе осуществления языковой личностью дискурсивной и текстовой деятельности. К прототипическим системным характеристикам языковой личности политика мы относим следующие: институциональность, абсолютный характер персуазивности речевой деятельности политика, медийность и, наконец, адаптивность. Рассмотрим данную характеристику подробнее.

Адаптивность – в широком смысле характеризуется соответствием результата деятельности индивидуума принятой ранее цели, неадаптивность – расхождением, а точнее, противоположностью результата и цели. Говоря об «активности», «адаптивной направленности», мы имеем в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде, но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества требований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует «полноценность» субъекта как члена общества. Изучая процесс и результат адаптации, следует иметь в виду также процессы «самоприспособления», например подчинение, саморегуляцию [1; 2; 6; 11].

Исследователи (М.И. Бобнева, О.С. Виханский, А.Н. Занковский и др.) определяют процесс адаптации как вхождение человека в систему внутригрупповых отношений, выработку образцов мышления и поведения, которые отражают систему ценностей и норм данной группы, приобретение, закрепление и развитие умений и навыков межличностного общения в этом коллективе. Постоянно меняющиеся условия современной политической действительности, необходимость интеграции как во внутри -, так и во внешнеполитическое пространство современного общества для осуществления эффективной коммуникации требуют адаптивного поведения языковой личности политика как потенциала ее самоактуализации [3].

Поведение языковой личности – это результат непрерывного взаимодействия между индивидом и дискурсивными ситуациями, в которые он включен и в которых осуществляется его самоактуализация. С личностной стороны существенными являются когнитивные и мотивационные факторы, со стороны ситуации – то психологическое значение, которое ситуация имеет для индивида.

Адаптационные процессы языковой личности политика в политическом дискурсе можно рассматривать, с одной стороны, как непрерывные, сопровождающие весь период политической деятельности личности, а, с другой стороны, можно говорить о кризисных периодах в ходе профессионального роста политика, когда в точке бифуркации политику необходимо выбрать наиболее оптимальную дискурсивную стратегию действий в измененной ситуации, что обеспечит в дальнейшем эффективную коммуникацию и достижение поставленной цели.

Языковая личность политика как отдельная целостная адаптивная система соотносится с другой адаптивной системой – политическим дискурсом, состоящим из нескольких относительно самостоятельных подсистем – дискурса СМИ, дискурса избирателей, дискурса посредников. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что адаптивность языковой личности политика имеет лучевой, многоуровневый характер. В процессе актуализации системных свойств своей языковой личности при осуществлении речевой деятельности в пространстве политического дискурса политик адаптируется как к компонентам самой системы этого дискурса, так и к субъектам дискурса (другим политикам, избирателям, журналистам и т.д.);

далее: к речевым жанрам, которые соответствуют (которые оптимальны) конкретной коммуникативной ситуации политического дискурса, например, ситуации предвыборных дебатов и т.д. Высокий уровень адаптивности языковой личности политика – это ключевой компенсаторный фактор, который определяет эффективность всего процесса осуществления коммуникативной политической деятельности политика, позволяющий оказывать влияние на системные компоненты политического дискурса и их субъектов и не подвергать себя воздействию с их стороны.

Рассматривая политический дискурс как среду, в которой путем осуществления дискурсивной деятельности актуализируется языковая личность политика, заметим, что по нашему мнению, его можно представить в виде поликодового дискурсивного политического пространства социального взаимодействия субъектов, реализуемого как вербальными, так и невербальными (например, визуальными) средствами и характеризуемого интердискурсивностью, которая проявляется во взаимодействии различных сегментов (подсистем) политического дискурса: дискурса профессиональных политиков, дискурса СМИ, дискурса избирателей и дискурса посредников, в основе которых – речевая система, в которой различные типы речевых субъектов связаны между собой, образуя совокупное «взаимосодействие» (К.П. Анохин), порождающее эффект взаимоусиления сегментов и обеспечивающее функционирование дискурсивной системы политики. Осуществляя соответствующие действия, политик как основной субъект политического дискурса порождает множество текстов различных жанров (приветственные речи, указы, плакаты, тексты интервью на ТВ и др.).

Таким образом, языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с разной степенью интенсивности актуализируются типологические (надындивидуальные и индивидуальные) черты. Изучение подобных текстов как «следов дискурса» позволяет рассматривать языковую личность политика как динамический феномен, что выражается с одной стороны, во взаимодействии трех уровней структуры языковой личности, предложенных Ю.Н. Карауловым: вербально-семантического уровня, когнитивного, и прагматического [5]. С другой стороны, рассматривая языковую личность как динамический феномен, мы предлагаем представить ее структуру в виде функциональной системной модели, представляющей совокупность взаимодействующих в его речевом дискурсе системных прототипических характеристик, дискурсивных стратегий и тактик. В ряду стратегий и тактик можно выделить как универсальные (персуазивная), отличающие речевую деятельность политика от речевой деятельности других типов языковой личности, и накладывающие своей спецификой ограничения на данную языковую личность, так и индивидуальные стратегии и тактики. Это связано со сложным переплетением в политической деятельности человека объективных и субъективных факторов, в том числе названных выше.

Итак, рассматривая с лингвистических позиций актуализацию системных прототипических характеристик языковой личности политика, заметим, что изучение биологических, социальных и других сторон феномена личности может стать и становится отдельным самостоятельным направлением исследования, однако для нас это имеет дополняющий характер, поскольку языковая личность как сложное явление требует учета междисциплинарного аспекта при ее изучении. В нашем же исследовании, изучая языковую личность политика с точки зрения лингвистики, мы рассматриваем ее с позиций деятельностного (функционального) подхода как сложный динамический дискурсивно-текстовый феномен.

Список литературы

1. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляции поведения. – М.: Наука, 1978. – 312 с.
2. Занковский А.Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. – М.: Институт психологии, 2011. – 294 с.
3. Занковский А.Н. Организационная психология. Учеб. пособие для вузов / Рос. акад. наук, Моск. психол.-социал. ин-т. – М.: Флинта, 2000. – 647 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 6-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 261 с.
6. Магнуссон Д. Ситуационный анализ. Эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // Психологический журнал. – 1983. – № 2. – С. 94 – 102.
7. Мандрикова Г.М. Интерпретация антропоцентризма в современной лингвистике / Антропология языка. The Anthropology of Language: сб. статей / отв. ред. С.Р. Омельченко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – Вып. 2. – С. 149–166.
8. Черникова И.В., Черникова Д.В. Когнитивные аспекты сложности // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2012. – Вып. № 4 – Вып. 1(20). – С. 91–101.
9. Черникова И.В., Черникова Д.В. Сложность как способ бытия саморазвивающихся систем // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. – М., 2011. – С. 194–210.
10. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. – СПб.: Политехника-сервис, 2013. – 216 с.
11. Eandler N., Magnusson D. Interactional Psychology and Personality. – New York, 1976. – P. 11–21.

Особенности выражения реакции человека на запахи (на материале немецкого языка)

В настоящей статье на материале немецкого языка рассматриваются особенности вербализации результата познания человеком запаха, заключающегося в возникновении физической и эмоциональной реакции на него субъекта.

This article concerns especially verbalization of result of man's knowledge of smell, which implies the physical and emotional reactions of subject.

Ключевые слова: ситуация познания, субъект, результат познания, физическая реакция, эмоциональная реакция, обонятельный образ, вербализация.

Key words: cognitive situation, subject, result of perception, physical reaction, emotional reaction, olfactory image, verbalization.

Ситуация восприятия человеком запаха, зафиксированная в языке, может быть рассмотрена как сложный конструкт, включающий в себя взаимосвязанные между собой компоненты: субъект восприятия, объект, познавательное действие, инструмент, результат (следствие), место, время и т.д. Эти компоненты в зависимости от описываемых реалий и речевых намерений коммуникантов с различной степенью детальности выражаются в предложении, фиксируя лингвистические и нелингвистические знания человека [4, с. 249].

Результатом познавательного действия субъекта является реакция на воспринимаемый запах, принимающая, с одной стороны, форму описания или оценки, а с другой стороны, реализующаяся в квалификации физического или эмоционального воздействия. Описательные языковые построения представляют собой выражение автором высказывания объективных или приписываемых качественных характеристик запаха: *Erst die Straße der Gemüsestände mit ihrem **herben**, dann wieder **süßlichen** und manchmal **beißenden** Geruch* [42]. Оценка запахов, эксплицируемая в языке, может осуществляться в соответствии с количественной [9], гедонистической [11] или нормативной шкалами [10]: *Es riecht **ein bisschen** nach Leder hier, nach Schweiß und nach Pferd* [24]; *Wir **lieben** ihren Duft und ihr **Aroma** und **schätzen** sie als Zutat in unserem Weihnachtsgebäck – die Vanille* [32]; *Sie (Buletten) riechen gut, sie riechen **richtig**, die Fleischklöße* [14].

Запахи играют важную роль в жизни человека, окружая его повсюду: каждую минуту человек произвольно или непроизвольно анализирует десятки запахов, которые оказывают не только сильнейшее эмоциональное

воздействие, вызывая в памяти воспоминания и переживания, но и являются импульсом для возникновения различных физиологических реакций, в том числе регулирующих поведение.

Проблема реакции человека на запахи получила освещение в научном знании. Изучению их связи с эмоциями в рамках ассоциативного эксперимента посвящено исследование Т.Н. Березиной, объясняющей эту связь, исходя из взаимодействия обонятельного анализатора с лимбической системой, которая отвечает за генерацию эмоций [1, с. 60]; о связи запаха с памятью, основанной на эмоциях, пишет Х. Шиффман [7, с. 756]; проблеме воздействия запахов эфирных масел на организм человека рассматривает Л.В. Кудряшова [5]. Существует также большое количество специальных исследований, рассматривающих воздействие на человека запаха в качестве одного из приёмов маркетинговой коммуникации [2; 6; 12; 8]. В основу манипулирования поведением посредством запахов положен принцип генерации у потенциального покупателя определённых эмоциональных состояний, предопределяющих покупку; подробно эта связь рассмотрена в работе [3].

Изучение данного вопроса с лингвистических позиций позволяет выявить особенности концептуализации знаний человека о запахах: в частности, рассмотрение соответствующих языковых объективаций способствует выявлению образных форм осознания невидимых сущностей путём использования знаний о материальных предметах, живых существах и т.д.

Воздействие запахов на человека часто вызывает ответные реакции тела, имеющие конкретные физические проявления. Так, например, глаголы *anregen*, *aufmuntern*, конструкция *wach werden*, существительное *Muntermacher* употребляются по отношению к запахам, оказывающим бодрящее действие, а сочетание *müde machen*, напротив, характеризует их как вызывающие сонливость, усталость и подобные состояния:

Ich muss früh aufstehen für die Arbeit und bin häufig noch schläfrig, wenn ich hier auf dem Feld ankomme. Aber beim Pflücken werde ich schnell wach: der Duft regt so an [21];

Ein direkter Muntermacher vom Kaiserstuhl, der nach grünem Apfel und Limette duftet, und mit seiner lebhaften Säure aufmuntert [20];

So gebe es natürliche Aromen, die müde machen wie Valium [13].

Часто в языковом представлении ситуации познания запаха встречаются описания реакций человеческого организма на неприятные запахи (гнили, разложения, отходов, пота, перегара и т.д.), которые не только ухудшают настроение, но и могут вызвать тошноту, рвоту, дискомфорт в глазах, ощущение удушья:

Ich habe wieder den Gestank der Festzelte gerochen und den Kater gespürt [34];

Es ist ein modriger Geruch, der Brechreiz erzeugt [22];

*Aus den benachbarten und gegenüberliegenden Häusern kommen zu viele Menschen zum Vorschein, als dass sie alle Anwohner sein könnten, und **reiben sich die Augen**. In der Luft liegt noch der Geruch des Tränengases [25];*

*Ein tiefes Schlürfen und Schmatzen drang aus dem Dickicht, an ihm vorbei quoll eine Wolke **stickig** scharfen Geruchs [23].*

Кроме того, используемые для вербализации ощущений человека причастия **stechend**, **beißend** и **berauschend** свидетельствуют об ассоциативной связи испытываемого при восприятии запаха дискомфорта с укусами, укусами животного или насекомого, воздействием на организм алкоголя:

*«Diese Fischpaste, <...> doch für europäische Nasen einen grauenvoll **stechenden** Geruch verbreitet, ist für unseren Geschmack kaum genießbar [19];*

*Ein **beißender** Geruch hing in der Luft, die Neonröhre leuchtete hart [36];*

*Arusha, die Tropengartenstadt unter dem Mount Meru <...> in den Straßen der **berauschende** Duft von Frangipani, ringsum jadegrüne Kraterseen [20].*

Положительная физиологическая реакция (приятные ощущения, наслаждение) возникает, как правило, в процессе воздействия запаха пищи и напитков на обонятельные и вкусовые рецепторы человека:

*So erwachen zu Beginn «Mutti» und «Oma» mit betäubungsmittelschwerem Kopf in der heruntergekommenen Wohnung, lugen zitternd durch den Türspalt – und wundern sich, bevor sie sich mit Möbelstücken bewaffnen, über den **behaglichen** Duft nach frischem Kaffee [28];*

*Wie ein Ariadnefaden zieht sich der Duft frisch gebackenen Brotes durch die verwinkelten Gassen hinunter an den Hafen und **lockt** die Reisenden in den Ort hinauf [27].*

Физиологические реакции человека на запахи, основанные на приятных или неприятных ощущениях, лежат в основе положительных и отрицательных эмоциональных реакций. Обонятельные образы, ассоциирующиеся у человека с различными реалиями, ситуациями, воспоминаниями и переживаниями, хранятся в памяти и актуализируются в процессе его жизнедеятельности, вызывая как на сознательном, так и на подсознательном уровне приятные или неприятные эмоции. Стремление человека к позитивным эмоциям и приятным ощущениям проявляется в попытке окружить себя запахами, поднимающими настроение, и избегать дурных запахов. Однако, несмотря на кажущееся однозначное отнесение запахов к приятным или неприятным, следует отметить субъективность в оценочных описаниях запахов людьми. Один и тот же запах может вызывать абсолютно противоположные как физические, так и эмоциональные реакции: *Was andere Menschen zur **Verzweiflung treibt**, weil es Lärm und. Gestank, Dreck und Stau bedeutet, **lässt ihr Herz höher schlagen** [30].*

Для выражения отрицательного воздействия запаха на эмоциональную сферу человека используются глаголы и производные, описывающие нервное состояние, беспокойство, страх (**nerven**, **beunruhigen**,

erschrecken), а также существительные с эмотивной семантикой (**Furcht**, **Ekelreaktion**, **Stressfaktor** и т.д.):

*Es ist einfach zu heiß für Kochwürste und Haxe. Dennoch **nervt** das satte Aroma von Cumin [16];*

*Ich bin **beunruhigt**.... Mich **erschrecken** die großen Städte, der Lärm, der Gestank, wie das Leben dort rast [33];*

*Das Resultat war ... der Verlust von subtiler Würzung durch **die Furcht** vor kräftigen Aromen [37];*

*Mal wehte seinen Versuchspersonen lieblicher Erdbeergeruch um die Nase, mal traktierte er sie mit dem Gestank von verfaulten Eiern oder Buttersäure. Das hätte starke **Ekelreaktionen** und wunderbare neurologische Effekte erzeugt, erzählt Keyers freudig [35];*

*... und während das Haustier zumindest im Welpenalter noch niedlich ist, ist das eigene Kind bereits direkt nach der Geburt ein Gestank, Lärm und Schmutz produzierender **Stressfaktor** [18].*

Позитивная роль запахов для эмоционального состояния человека также велика. Использование в контекстах глаголов с семантикой целенаправленного положительного воздействия (**verbessern**, **entgegentreten**, **stimmen**) а также глаголов **bewirken**, **beeinflussen**, **beeindrucken** в сочетании с наименованиями эмоциональных состояний неслучайно: запахи влияют на эмоционально-волевую сферу: они не только способствуют эмоциональной стабильности человека; благодаря выплеску гормонов, они поднимают настроение, помогают бороться со страхами:

*Bewusste oder unbewusste Duftwirkungen können die Ausgeglichenheit oder die emotionale Stabilität **verbessern**, sie können Ängstlichkeit oder Verärgerung **entgegentreten**, sie können beispielsweise auch schöpferische Kreativität **bewirken**. Die Bereiche des Gehirns, in denen Informationen über Gefühle, Erinnerungen oder Sexualität sitzen, werden direkt angesprochen. Der Körper antwortet darauf mit einer Ausschüttung von Hormonen – die jeweilige Stimmung wird sofort **beeinflusst** [15];*

*Originale Kostüme und Kampftechniken sollen dem Publikum dabei ebenso geboten werden wie antike Gerüche. Der Gestank in den Straßen Roms soll ja einst **beeindruckend** gewesen sein. Ein imposantes Erlebnis also, das erlaubt, mit allen Sinnen in die Historie einzutauchen [17];*

*Obwohl er mich mit seinem herrlichen Aroma ziemlich heiter **stimmte**, versagte ich mir das fällige Lachen [38].*

Одним из проявлений воздействия запахов на эмоциональную сферу человека является возникновение сложных ассоциаций, ярких или почти забытых воспоминаний, сильнейших эмоциональных переживаний или даже потрясений. Процесс воспроизведения перцептивной системой хранящихся в памяти обонятельных образов, соотносимых с познаваемым объектом в конкретном акте восприятия, выражается в языке глаголами **erinnern** и **erkennen**: *Joffe sagte «Weiß», und es gab einen Duft, der an Asche **erinnerte** [29]; Du **erkennst** den Wald schon von weitem am Duft seines Par-*

fürs, den du nie wirklich vergessen, an den du dich aber auch nie wirklich erinnern kannst [31].

Запах способен оживлять в памяти целые сцены из прошлой жизни, заставляя человека переживать отдельные моменты снова и снова. В приведённых ниже примерах демонстрируется ассоциация воспринимаемого запаха с человеком из прошлого: запах свежей рыбы или яблочного штруделя вызывает воспоминания о человеке, связанном с этими запахами, например, по роду деятельности, месту жительства и т.д.: *Ihr Atem stank nach frischem Fisch und erinnerte Ben an Anna* [39]; *eine Großmutter, Jahrgang 1899, ist mit 98 Jahren gestorben, aber der Duft von Apfelstrudel erinnert mich bis heute an sie* [41].

Между воспринимаемым запахом и порождаемой им сценой существует определённая зависимость: запахи могут вызывать цепочки воспоминаний, связанных с переживаемыми ранее эмоциями, жизненными отрезками: *«Der Duft erinnert an einen Abendspaziergang durch reife Kornfelder nach einem sonnendurchfluteten Sommertag», wirbt die Seite www.gesundheitskissen.com für ihre Dinkelkissen* [28]. Наиболее сильные эмоции человек испытывает, воспринимая и анализируя запахи из детства: *Im ersten Kapitel der «Suche nach der verlorenen Zeit» gibt es die berühmte Stelle, wo der Erzähler eine Tasse Lindenblütentee trinkt und eine Madeleine dazu isst, wie einst in seiner Kindheit. Das Aroma des Tees setzt dann eine Kette von Erinnerungen in Gang, in der die ganze Kindheit wieder lebendig wird* [26].

Рассмотрение примеров языкового воплощения физиологической и эмоциональной реакции человека на запахи позволяет выявить некоторые закономерности концептуализации знаний о когнитивных процессах, отражающей определённое видение человеком окружающего мира.

Во-первых, часто запах осознаётся человеком как сущность, влияющая на физическое состояние, поведение, эмоционально-волевую сферу. Использование в языке акциональных глаголов, а также производных от них существительных свидетельствует о пассивной позиции человека, претерпевающего на себе воздействия запаха извне. Во-вторых, следует различать как прямые экспликации реакции человека на запахи, отражённые в наименовании переживаемых эмоций или физических состояний, так и косвенные, реализуемые в контекстах с помощью ассоциативных описаний. В-третьих, зафиксированная в языке физическая или эмоциональная реакция может быть названа одним словом (например, существительным с эмотивным значением), или же она выражается с помощью пространственных описаний, включающих не только наименования одного или нескольких состояний, а целого комплекса переживаний, включая действующих лиц и ряд обстоятельств, относящихся к определённому жизненному отрезку человека. В-четвёртых, во многих проанализированных контекстах очевидна роль запаха как некоего импульса, воздействующего на человека не только здесь и сейчас, но и активирующего воспоминания, переживания, давно забытые эмоциональные и физические реакции.

Список литературы

1. Березина Т.Н. Возникновение позитивных и негативных базовых эмоций под влиянием базовых запахов // Вестник Московского государственного гуманитарного ун-та им. М.А. Шолохова. – 2011. – № 3. – С. 59–69.
2. Гагарин А. Ароматизация воздуха как элемент маркетинга // Рекламные технологии. – 2005. – № 5(66). – С. 48–50.
3. Киселёв В.М., Красюк И.Н., Плющева Л.В. // Моделирование процесса обонятельных маркетинговых коммуникаций в местах продаж. – [Электронный ресурс]: <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/modelirovanie-protssessa-obonjatelnykh-marketingovykh-kommunikatsijj-v-mestakh-prodazh/> (дата обращения: 17.07.2014).
4. Клэстер А.М. Фреймовый анализ немецкой терминосистемы инженерной психологии // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3. – С. 249–255.
5. Кудряшова Л.В. Ароматерапия. Теория и практика. – Тверь: ГЕРС, 2010. – 464 с.
6. Покровский А. На запах покупателя: сенсорный анализ, как инструмент регулирования спроса // Современная торговля, 2004. – № 11. – С. 64–70.
7. Шиффман Х. Ощущение и восприятие. – СПб.: Питер, 2003. – 928 с.
8. Шмит Б. Эмпирический маркетинг. – М.: Гранд, 2001. – 400 с.
9. Шнякина Н.Ю. Концептуализация обонятельных ощущений в немецкой языковой картине мира (количественный аспект) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2013. – № 3(131). – С. 51–56.
10. Шнякина Н.Ю. Норма в сфере запахов (на материале немецкого языка) // Язык. Культура. Образование: материалы..., посвящ. 65-летию факультета ин. яз. ОмГПУ 23–24 октября. – Омск: ОмГПУ, 2013. – С. 143–146.
11. Шнякина Н.Ю. Оценка «хорошо/плохо» в сфере концептуализации обонятельных ощущений (на материале немецкого языка) // Язык. Культура. Образование: материалы Второй Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с зарубежным участием, посвященной 80-летию Омского государственного педагогического университета. 25–26 октября 2012 г. – Омск, 2012. – С. 215–219.
12. Чаудхури А. Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителей. – М., 2007. – 256 с.
13. Brüggе M. Der Duft der Firma. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2009/02/C-Duftdesigner> (дата обращения: 31.01.2014).
14. Buß Ch. 50 Folgen. – [Электронный ресурс]: <http://www.spiegel.de/kultur/tv/50-folgen>.
15. Corner N. Der Geruchssinn. – [Электронный ресурс]: <http://gesund.co.at/dueftegerueche-10319/> (дата обращения: 31.01.2014).
16. Ehring F. Klimawandel. – [Электронный ресурс]: <http://zuender.zeit.de/2009/05/nntagstext-klimawandel> (дата обращения: 31.01.2014).
17. Dorfer A. Geschichte hautnah. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2009/04/A-Donnerstark> (дата обращения: 31.01.2014).
18. Dorfrichter V. Katharinas Leben. – [Электронный ресурс]: <http://www.wallstreet-online.de/diskussion/1010965-31-40/katharinas-leben> (дата обращения: 31.01.2014).
19. Gasser H. Deutschland, ein bisschen sauer. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2003/30/Kambodscha> (дата обращения: 31.01.2014).
20. Grill B. Das Land, wo alles began. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2006/44/Afrika-Safari> (дата обращения: 31.01.2014).
21. Harms S. Der Duft der Rose. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2006/38/Rosen2> (дата обращения: 31.01.2014).

22. Hoffmann I. Ich will mein albernes Leben zurück! – [Электронный ресурс]: [http://www.zeit.de/2006/31/_Ich_will_mein_albernes_Leben_zurueck_\(дата обращения: 31.01.2014\).](http://www.zeit.de/2006/31/_Ich_will_mein_albernes_Leben_zurueck_(дата_обращения:31.01.2014).)
23. Horalek H. Zurück zur Natur! – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/1954/49/zurueck-zur-natur> (дата обращения: 31.01.2014).
24. Katenkamp S. Als der Fondsmanager kam. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/online/2009/27/galopp-krise> (дата обращения: 31.01.2014).
25. Kermani N. Gott gegen Gott in Teheran. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2009/27/Teheran-Reportage> (дата обращения: 31.01.2014).
26. Klein S. Erinnern Sie sich? – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2009/12/Klein-Monyer> (дата обращения: 31.01.2014).
27. Korfmann H. Das kleine Inselglück. – [Электронный ресурс]: http://www.zeit.de/2007/35/Das_kleine_Inselglueck (дата обращения: 31.01.2014).
28. Kutter I. Kammerspiel als Luftnummer. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/online/2007/45/wir-sagen-du-schatz> (дата обращения: 31.01.2014).
29. Lippitz U. Der Duft des Goldes. – [Электронный ресурс]: http://www.zeit.de/2008/20/Der_Duft_des_Goldes (дата обращения: 31.01.2014).
30. Michel K. Die Frau fürs Grobe. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2008/38/P-Glaser> (дата обращения: 31.01.2014).
31. Moers E. Stellen Sie sich, Herr von Mythenmetz! – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2007/35/L-Moers> (дата обращения: 31.01.2014).
32. Querfurth N. Im Schwitzkästchen veredelt. Available at. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/online/2007/50/bg-vanille>
33. Rauterberg H. Das Museum hinterm Maisfeld. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2007/30/> (дата обращения: 31.01.2014).
34. Reintke Th. Pöbeln und Prügeln im Sommerloch. – [Электронный ресурс]: http://www.zeit.de/2007/30/Poebeln_und_Pruegeln_im_Sommerloch (дата обращения: 31.01.2014).
35. Schröder N. Von diverse. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2008/31/EU-Projekte> (дата обращения: 31.01.2014).
36. Seifert L. Zu viele Leichen im Keller. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/campus/2008/04/anatomie-koerperspendsen> (дата обращения: 31.01.2014).
37. Siebeck W. Hirnloses Bayern. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2007/20/Siebeck-Kolumne-Wettkochen-Muenchen> (дата обращения: 31.01.2014).
38. Siebeck W. Wie kommt der Ingwer ans Essen? – [Электронный ресурс]: http://www.zeit.de/2002/21/200221_siebeck_kolumne_xml (дата обращения: 31.01.2014).
39. Wagner W. Spinat mit Ketchup. – [Электронный ресурс]: <http://www.wortpiratin.de/blog/?cat=46&paged=4> (дата обращения: 31.01.2014).
40. Weihser R. Jeden Tag den Urlaub riechen. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/lebensart/2013-06/diptyque-parfum> (дата обращения: 31.01.2014).
41. Wellniz A. Lustzentrum Gaumen. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/online/2008/47/rezpte-der-redaktion> (дата обращения: 31.01.2014).
42. Wenner D. Bücher. Abermillionen. – [Электронный ресурс]: <http://www.zeit.de/2009/18/Kalkutta> (дата обращения: 31.01.2014).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.112.2

Ямшанова В.А.

Толерантность без терпимости? (Русско-немецкие параллели)

В немецком языке значение слова *Toleranz* развивается в сторону «уважение, согласие, принятие», однако сохраняет связь со значением «терпимость». В русском языке заимствованное слово «толерантность» не содержит смысла «добровольный выбор ненасильственных форм борьбы с неодобряемой ситуацией», принимая значение «уважительное отношение к чужой позиции без ее ценностного анализа».

In German the meaning of the word *Toleranz* is evolving towards „respect, consent, acceptance”, however connection to the meaning of *Duldsamkeit* remains. In Russian the loanword *толерантность* does not contain the meaning of “voluntary choice of non-violent struggle against unauthorized situation” and is getting the meaning of “respectful attitude to the opponent's position without value analysis”.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, ценность.

Key words: tolerance, patience, value.

Заимствованное в XVI веке из латинского языка существительное *Toleranz* долгое время употреблялось как синоним немецкого слова *Duldsamkeit* (терпимость) [16]. Его использование сначала ограничивалось теологической сферой, затем значение *веротерпимость* сменилось более широким значением *терпимость к инакомыслию*.

В русском языке вплоть до сегодняшнего дня в ходу понятное всем слово *терпимость*. Заимствованное с Запада слово *толерантность* (а также *толерантный*, *толерировать*) появлялось в русском языке дважды: в середине XIX века в сочинениях авторов либерального толка и – после почти векового забвения – в конце 90-х годов XX века. С этого времени употребление слова *толерантность* набирает обороты, чему способствуют участие России в рассчитанных на многие годы общеевропейских целевых программах по «формированию установок толерантного сознания и воспитанию культуры мира», а также присоединение России к ежегодному празднованию «всем цивилизованным миром» Международного дня толерантности (16 ноября).

Несмотря на разное происхождение и разную судьбу слов *Toleranz* и *толерантность*, в настоящее время и в Германии, и в России идет жаркая

дискуссия по поводу понятия *толерантность*. В первую очередь она касается соотношения толерантности и терпимости.

Понимание терпимости отработано веками и идентично для русской и немецкой ментальности, что отражено в словарях, в употреблении этих слов в обоих языках, в многочисленных свидетельствах как исследователей, так и рядовых носителей русского и немецкого языков. Терпимость включает в себя, прежде всего, оценку ситуации с нравственной точки зрения (в самом общем виде – как добро/зло, хорошо/плохо). Если ситуация оценивается негативно, возникает проблема выбора модели поведения по отношению к ней – бороться или проявлять терпимость. Терпимость – ненасильственный вариант поведения и может квалифицироваться как таковой только при (потенциальном) наличии альтернативы – насильственного варианта отношения к неодобряемой ситуации. В качестве ненасильственного варианта могут выступать воспитание, разъяснение, а то и просто молчание. (Поскольку терпимость по определению может применяться только по отношению к чему-то плохому (но никак не к хорошему, иначе речь шла бы не о терпимости, а об одобрении), не совсем понятна точка зрения авторов, утверждающих, что «в русской наивной этике терпимость оценивается отрицательно, поскольку предполагает обычно терпимость к плохому и связана с понятием *прощать*» (см.: [7]).

В настоящее время понятие *терпимость* все чаще уступает место понятию *толерантность*. В немецком языке это происходит на базе употребления того же слова *Toleranz*, в значении которого фиксируются определенные изменения; в русском языке новые смыслы призвано нести и новое, заимствованное, слово *толерантность*.

Смысловые сдвиги фиксируются, в частности, при анализе концепций толерантности Райнера Форста, насчитывающей четыре ступени: «концепция разрешения» („Erlaubnis-Konzeption“), когда власть или большинство общества позволяет меньшинству жить в соответствии с его убеждениями;¹ «концепция сосуществования» („Koexistenz-Konzeption“), признающая противостояние примерно равных по силе группировок, которые вынуждены идти на компромиссы друг с другом; при этом толерантность понимается преимущественно с инструментально-прагматической стороны; «концепция уважения» („Respekt-Konzeption“), в которой основой для взаимоотношений сторон является уважение как моральная категория, и «концепция признания высокой ценности объекта/предмета уважения» („Wertschätzungs-Konzeption“), выдвигающая на передний план не просто отношение к другим как к равноправным, но и признание этической цен-

---

¹ При этой форме толерантности «авторитет» позволяет меньшинству жить в соответствии со своими убеждениями, квалифицируемыми «авторитетом» как «отклоняющиеся» от нормы до тех пор, пока не ставится под сомнение само главенство «авторитета» [28].

ности за их убеждениями [18]¹. «Концепции уважения» отличаются от «концепции разрешения» переходом от «терпимого существования друг подле друга к уважительному равноправному сосуществованию» [28].

Даже краткая характеристика этих концепций показывает, что только две первые из них можно рассматривать как концепции, в основе которых лежит идея терпимости. Две последние базируются на таких не свойственных понятию *терпимость* характеристиках, как *уважение, почтение, признание высокой ценности*. Помимо использованных в классификации Р. Форста понятий *Respekt* и *Wertschätzung* авторы исследований современной толерантности употребляют также понятия *Annahme (принятие), Akzeptanz (признание, согласие), Achtung (внимание, уважение, почтение)*.

Несоответствие данных понятий понятию *терпимость* проходит по двум направлениям.

1. *Уважение*, а также *принятие, согласие, почтение* выражают явно положительное отношение к кому-либо или чему-либо. Терпимость по определению предполагает позиционирование себя на стороне сил добра и добровольное терпение зла вследствие невозможности или нежелательности выступления против него с позиции силы. Уважение, принятие, согласие, почтение по отношению к чему-то, что ты квалифицируешь как зло, означали бы явный переход на сторону зла, что противоречит представлению о терпимости.

2. Терпимость предполагает, что осуждению подлежит именно неодобряемая позиция (суждения, действия и т.п.), но не ее носитель², то есть *уважение, принятие, согласие, почтение* должны касаться оппонента, но никак не его убеждений или действий. Только так может быть обеспечено мирное сосуществование с инакомыслящими без обязательного согласия с их идеями. Еще Вольтер, отвечая на вопрос «Что такое терпимость?», об-

---

¹ Рассуждая об институциональных образцах практического применения толерантности, Михаэль Вальтер рассматривает исторические модели толерантных обществ: многонациональное государство („Vielvölkerreich“), федерацию („Bundesstaat“), национальное государство („Nationalstaat“) и общество, принимающее мигрантов („Einwanderungsgesellschaft“) [18].

² Известная христианская идея «Люби грешника и ненавидь грех» (в современной формулировке: «Осуди грех и прости грешника») восходит, по одним источникам, к Бл. Августину, по другим – к Феодосию Печерскому. «Св. Иаков в своем Послании говорит, что грешить означает перейти с Божьей территории на территорию Его противника. Слово „хет“, которым обозначается грех на древнееврейском, означает „находиться за стеной“. В образности Послания св. Иакова, когда он говорит о грехе, присутствует основанное на этимологии этого слова представление о том, что „грешить“ – значит находиться за стеной, быть абсолютно отделенным от места святости, также как „быть святым“ этимологически означает быть абсолютно отделенным от греха» [1, с. 42]. В то же время «слишком просто считать, что если люди ошибаются, то они нам чужие» [1, с. 209].

ращал внимание на то, что ошибаться – естественное свойство человека и терпимость предполагает прощение другим их ошибок [25].

Последний, четвертый, этап классификации толерантности Р. Форста („Wertschätzungs-Konzeption“) не только характеризуется уважением оппонентов как равноправных людей, но и прямо связан с признанием высокой ценности за их убеждениями, что противоречит общепринятым определениям терпимости. В современной научной литературе «терпимость как нравственное качество и как термин, используемый в научных теориях, ... означает адекватное восприятие факта наличия множественности нравственных стандартов, сосуществующих в современном индивидуализированном обществе. В этом смысле терпимость означает отсутствие враждебности в отношении носителей моральных кодексов, противоположных по отношению к собственным моральным нормам индивида, но она отнюдь не обязательно свидетельствует о желании сталкиваться с формами поведения, воплощающими плюралистические нравственные стандарты на практике» [9, с. 93].

Переосмысление толерантности, базирующейся на терпимости, в некое другое понятие сопровождается 1) отмежеванием от понятия *терпение*, составляющего сердцевину понятия *терпимость*, и 2) поиском новых обозначений, адекватных понятию новой толерантности.

Основной аргумент разграничения терпимости и новой толерантности, приводимый большинством как немецких, так и русских исследователей, это – активность толерантности в противоположность пассивности терпимости, основывающейся на «безропотном терпении» [7; 14; 24; 28].

Так, некоторые немецкие авторы считают, что понятие *терпение* имеет в настоящее время столь негативную коннотацию, что «специалисты призывают не терпеть ничего, что осложняет твою жизнь» [14]. Пассивность терпения, утверждаемую немецкими исследователями, можно объяснить утратой положительного, активного, значения слова *Geduld* (*терпение*) в современном немецком языке, хотя данные словарей свидетельствуют о широком распространении этого значения существительного *Geduld*, например, в немецких пословицах [22]. Однако в русском языке активное значение слова *терпение* – настойчивость, упорство в каком-нибудь деле в ожидании нужных результатов, перемены – не только не утрачено, но отмечается всеми современными словарями [21, с. 618–620]. Это убедительно доказывает и русский философ Иван Ильин в своем эссе «О терпении»: «Терпение совсем не есть „пассивная слабость“ или „тупая покорность“, как думают иные люди; напротив, оно есть напряженная активность духа» [5, с. 277].

В то время как активность толерантности сегодня лишь декларируется, для активности терпимости есть явные доказательства. Не могут не быть активными рациональные действия по анализу реальных ситуаций с точки зрения добра/зла, истины/заблуждения и по утверждению собственной позиции: осуждение зла/заблуждения и отсутствие осуждения по от-

ношению к их приверженцам. Несомненно, активными являются действия по выбору ответных – ненасильственных – средств реагирования на осуждаемую ситуацию. И, наконец, никак нельзя назвать пассивной саму актуализацию этих средств: проявление выдержки, сдерживание себя вопреки желанию дать волю «справедливому гневу», терпение ради поставленной цели – также определенный тип активности.

В качестве новых «терминов», дополняющих привычный смысл слова *Toleranz*, расширяющих, а иногда и изменяющих его значение, в литературе фигурируют слова *Annahme*, *Hinnahme* (*принятие, примирение*) [14; 24], *Akzeptanz* (*согласие*) [15; 23; 24; 26; 29], *Respekt* (*уважение*) [25; 26; 28], *Achtung* (*внимание, уважение, почтение*) [20], *inklusive Gesellschaft* (*инклюзивное общество*) [27]. Эти понятия исследователи считают обладающими более высокой ценностью, чем *Toleranz* [14; 15; 21; 23; 27].

Идея промежуточного характера терпимости в межличностных отношениях восходит к известному высказыванию Гете о том, что терпимость должна быть, в сущности, лишь временным отношением к другому и в конечном счете должна привести к его признанию. Терпение – это оскорбление („*Toleranz sollte eigentlich nur eine vorübergehende Gesinnung sein; sie muss zur Anerkennung führen. Dulden heißt beleidigen*”). Хотя Гете, в соответствии с классическим пониманием терпимости, имел в виду изменение (в лучшую сторону) отношения к человеку, но не к защищаемой им позиции [30], современные авторы часто стирают эту грань в своих рассуждениях.

Некоторые исследователи предлагают, сохранив привычный термин *Toleranz*, выйти за рамки содержащегося в нем смысла терпимости и иллюстрируют новое понимание пословицей «Жить и давать жить другим». Современное понимание толерантности предполагает открытость к новому, активность в его освоении, а также готовность – после проверки – примириться с ним, если «это не мешает Вам жить, не ограничивая качества Вашей жизни» [14].

Другие авторы предлагают отмежеваться от самого слова *Toleranz* и прямо указывают на причину своего желания заменить его, например, словом *Akzeptanz*. Так, Дилек Колат, одна из представительниц Берлинского Сената, говоря о столице Германии, считает, что общепринятое определение *Toleranz* не совсем удачно характеризует этот открытый всему миру город. В слове *Toleranz* содержится намек на «отмежевание или даже отрицание», ведь прежде чем начать что-либо толерировать, необходимо осознать несогласие с ним [13]. Понятие же *Akzeptanz* прямо подтверждает то, что ты находишь положение вещей «в полном порядке» [24], что иное также имеет право на жизнь [29]. *Akzeptanz*, в отличие от *Toleranz*, означает, что ты нацелен на то, чтобы понять другого и активно пытаешься найти решение любого конфликта, удовлетворяющее обе стороны [24].

Из рассуждений исследователей и данных словарей ясно видно, что и понятие *Akzeptanz*, и понятие *Respekt* обозначают положительное отношение не только к человеку, но и к позиции (действиям, взглядам, суждени-

ям) этого человека. Слово *Akzeptanz* (*согласие*) чаще употребляется по отношению к взглядам человека, чем непосредственно к их носителю. Что касается слова *Respekt* (*уважение*), то, хотя немецкие словари говорят о синонимичности значений *Respekt* и *Toleranz* «по отношению к другому лицу», пример, иллюстрирующий это значение, указывает на отношение к поступку другого лица и лишь опосредованно к нему самому: *Мое уважение вызывает ситуация, когда кто-то не преклоняет колена перед священником* („Ich respektiere es, wenn jemand vor dem Priester nicht niederkniet.“) [31].

Настоящее время знаменуется переходом от так называемой «толерантности-терпение» („Duldungs-Toleranz“) к «толерантности-уважение» („Respekt-Toleranz“) [28]. Первая форма толерантности еще функционирует в правовом поле Германии, например, в дискуссии о юридическом признании однополых браков, однако сегодня она уступает место толерантности, базирующейся на уважении, особенно тогда, когда необходимо примирить общественные настроения, предотвратить раскол, воспрепятствовать проявлению нетолерантности. Поскольку в плюралистическом обществе современной Германии ни религия, ни какая-либо другая авторитетная идея или авторитетный институт не могут занять естественную доминирующую позицию, именно «толерантность-уважение» приобретает все большее значение [28].

При этом «толерантность-уважение» понимается как способность твердо придерживаться своих религиозных и этических убеждений и одновременно «смирненно релятивировать» их, не претендуя ни на их уникальность, ни на действительность для всех. Ведь убеждения, претендующие на абсолютность, в конечном счете, всегда ведут к подавлению свободы и ущемлению прав человека и соответственно признаются «враждебными» по отношению к новой толерантности [28].

Следует, однако, указать на то, что готовность «смирненно релятивировать» свои убеждения совсем не так безопасна. Позиция релятивизма ведет к заключению, что все идеи более или менее равноценны и в конечном счете «все дозволено» [25]. Немцы знают из опыта, что толерантность имеет тенденцию к индифферентности, безразличию [14; 23; 28; 30]. Релятивизм фактически снижает, если не вовсе уничтожает положительную активность новой толерантности, которую постулируют ее приверженцы. Это и понятно. Лишенная важнейших признаков терпимости – разграничение добра и зла, истины и заблуждения, а также осуждение заблуждения и милосердное отношение к его приверженцу – новая толерантность («толерантность-согласие», «толерантность-уважение», «инклюзивная толерантность») превращается в аморфное понятие. Традиционная терпимость учит «добрососедски уживаться даже с тем, что тебя коробит, не отказываясь при этом от своего понимания истины, тогда как западная толерантная модель учит, что неправильного поведения не бывает» [8]. Дефиниция толерантности в Декларации принципов толерантности (примечательно, что

отечественные исследователи единодушно цитируют именно этот перевод Декларации ЮНЕСКО, хотя существует ее другой перевод под названием «Декларация принципов терпимости» [3]. – В.Я.), принятой 16 ноября 1995 года, – «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности» [4] – не определяет, что значит «правильное понимание».

В настоящее время в Европе речь идет уже о глобальной толерантности, которая «начинается там, где кончается общепризнанная мораль, и она практикуется там, где в межгосударственные отношения требуется вмешательство дипломатии» [19].

Сегодня отношение к понятию *толерантность* в Германии и России не одинаково. Рассуждая о новых тенденциях употребления слова *Toleranz*, немцы неизбежно обращаются к ядру его семантики – *терпимости*, признавая важность этого понятия для сегодняшнего дня или полемически отвергая его. Для русских *терпимость* и *толерантность* – два разных слова, и их смысловая связь не привлекает большого внимания. Принимая сегодня в свой словарь заимствованное слово *толерантность* (а как не принять, если оно все время на слуху и перед глазами!), русский человек понимает его смысл как уважительное, снисходительное отношение к «иному», не обременяя себя анализом качества этого «иного». Опасность сползания толерантности в сторону безразличия, равнодушия, индифферентности, о которой бьют тревогу даже рядовые участники дискуссии в немецком Интернете, для носителей русского языка (пока) не очевидна. Наши же специалисты (лингвисты, психологи, социологи, политологи) чаще настаивают на положительном смысле толерантности, противопоставляя его негативному смыслу «пассивной терпимости».

Между тем терпимость – важная характеристика русской ментальности. В этом единодушны как русские, так и западные исследователи. «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. Скажут, что таков характер исповедуемого ею православия. Конечно. Но ведь то же православие было первоначально и религией Запада, однако же, как мы видим, оно исказилось именно под влиянием насильственности романо-германского характера. Если оно не претерпело подобного же искажения у русского и вообще у славянских народов, значит, в самих их природных свойствах не было задатков для такого искажения, или, по крайней мере, они были так слабы, что не только не могли осилить того кроткого духа, который веет от христианства, но, напротив того, усвоив его себе, совершенно ему подчинились» [2, с. 187].

Православная традиция неосуждения человека-носителя чуждых взглядов, настроений, традиций помогала русским и при контактах с другими народами. «Для русского менталитета было не характерно ... предвзятое отношение и неприятие чужого. В отличие от английских или французских колонизаторов, русские поселенцы умели налаживать вза-

имовыгодный и взаимоуважительный симбиоз и с мордвой, и с казаками, и с якутами, вовсе не пытаясь подогнать их под свои стереотипы, и наоборот, подстраиваясь под местные условия. И уже в нашем веке на Западе было отмечено, что из русских эмигрантов получаются лучшие колониальные чиновники. Из-за их способности понять нужды местного населения и находить с ним общий язык – в отличие от европейцев, которые даже при самых прогрессивных антирасистских взглядах и честной службе все равно обозначали подсознательную дистанцию между собой и „дикарями“» [10, с. 32–34]. «Во время заграничных походов русской армии и флота солдаты и офицеры тоже быстро находили общий язык с местным населением, даже совершенно не зная этого самого языка. Тут уж сказывалась такая национальная черта, как высокая контактность русских, уважительно относящихся к чужим особенностям и поэтому налаживающих отношения с французами или итальянцами так же легко, как с калмыками или тунгусами. Но такое преодоление межнациональных и межкультурных барьеров происходило и происходит только при взаимоуважении и обоюдном стремлении» [10, с. 36–37]. Еще в конце 30-х годов XX века немецкий философ Вальтер Шубарт, посвятивший свое знаменитое исследование «Европа и душа Востока» взаимоотношениям России и Европы, в том числе и особенно – России и Германии, отмечал: «Как отличается истинно русская терпеливость от показной терпимости европейца!» [11, с. 169].

Современные социологи подтверждают высокую степень консензорности¹ у русских: «Мы более сильно и активно действуем в направлении согласия» [6, с. 261]. «У нас с толерантностью все хорошо»: шкала *терпимость* или *толерантность* свидетельствует о том, что русские «весьма терпеливо относятся к различным отклонениям во взглядах и поведении своих партнеров. Здесь наши мужчины выбирают почти 2/3 шкалы (65,8%), а женщины – даже больше (68,3%), американцы – чуть больше половины (соответственно 53,5 и 52,8%)» [6, с. 253].

Швейцарские бизнесмены, работающие в России последние 25 лет, также свидетельствуют о том, что уровень толерантности русских по отношению к явлениям чужого порядка «заметно высок» [17, с. 62].

Русская терпимость (и терпеливость) не раз послужила нашему народу и в мирные, и в военные времена, при освоении новых земель, в сохранении незыблемости своей веры в гонениях, в построении многонационального государства, в проявлении высокого уровня веротерпимости по отношению к окружающим народам. О способности русского народа, как никакого другого, «вместить в себя идею всечеловеческого единения» ярко говорил Ф. М. Достоевский в своей знаменитой «Речи о Пушкине».

---

¹ Консензорность – сохранение и налаживание согласия с другими людьми, стремление к сохранению и поддержанию отношений в группе [6, с. 261].

Бездумное заимствование чужих идей, пусть даже привлекательных, но выросших на иной почве, без анализа их корней и тенденций развития ведет к забвению исторических, культурных и ментальных традиций своего народа. Нет ничего плохого в самом факте заимствования слова *толерантность*, как и многих других слов, пришедших в последнее время в наш язык с Запада. Однако провозглашение многими отечественными авторами, в том числе лингвистами, преимуществ нового «прогрессивного», «положительного» понятия *толерантность* перед «устаревшим негативным» понятием *терпимость* нуждается в более аргументированных доказательствах. Эта тенденция, а также исключительно высокая частотность употребления слова *толерантность* в СМИ показывают, что понятие *толерантность* претендует не просто на сосуществование с понятием *терпимость*, а на постепенное вытеснение последнего. Хотя именно терпимость как сильная сторона русского характера особенно нужна нам сегодня, в разгар информационной войны, войны слов, когда важно твердо отстаивать свою правоту, не опускаясь до уничижительных оценок своих оппонентов. В конечном счете речь идет не о словах, а о ценностях, которые мы приобретаем вместе с заимствованием новой лексики или теряем с утратой значимых в прошлом слов.

Список литературы

1. Антоний, митрополит Сурожский. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002) / пер. с англ. – М.: «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»: Никая, 2013. – 288 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа (1868). – М.: Книга, 1991. – 574 с.
3. Декларация принципов терпимости. – [Электронный ресурс]: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
4. Декларации принципов толерантности. – [Электронный ресурс]: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>
5. Ильин И.А. О терпении // Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. – 2-е изд. – М.: ДАРЬ, 2006. – С. 267–279.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
7. Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста. – [Электронный ресурс]: <http://avkrasn.ru/article-1653.html>
8. Поможет ли терпимость там, где не спасает толерантность? – [Электронный ресурс]: <http://scienceport.ru/analytics/pomozhet-li-terpimost-nam-gde-ne-spasaet-tolerantnost.html>
9. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Мораль в сравнительном изменении // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 88–101.
10. Шамбаров В. Государство и революция. – М.: Алгоритм, 2001. – 592 с.
11. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 440 с.
12. Ямшанова В.А. Терпение и смирение vs. Geduld и Demut // От значения к форме, от формы к значению: сб. статей в честь 80-летия А.В. Бондарко. – М., 2011. – С. 617–631.
13. Archiv. 100 Grimmische Wörter: Toleranz (Beitrag 04.03.2013). – [Электронный ресурс]: http://www.deutschlandradiokultur.de/toleranz.1730.de.html?dram:article_id=237308

14. Bauer M. Definition von Toleranz – so wenden Sie den Begriff richtig an. – [Электронный ресурс]: http://www.helpster.de/definition-von-toleranz-so-wenden-sie-den-begriff-richtig-an_147206#anleitung
14. Contor B. Gefährliches Toleranz-Defizit. – [Электронный ресурс]: <http://www.readers-edition.de/2010/10/19/gefaehrliches-toleranz-defizit/>
15. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm (Digital) (1878). – [Электронный ресурс]: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode>
16. Eckstein K. A. Geschäftserfolg in Russland: Business-Tipps von Russland-Kenner Nummer 1. – Zürich, Orell Füssli Verlag AG, 2007. – 201 S.
17. Fromm E. Toleranz – eine diffuse Gemengelage? Eine Rezension zu: Rainer Forst (Hrsg.): Toleranz Philosophische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis einer umstrittenen Tugend. – [Электронный ресурс]: http://www.luise-berlin.de/lesezei/blz01_06/text27.htm
18. Gardizi F. Eine Tugend, die den Frieden ermöglicht. – [Электронный ресурс]: <http://unesco.de/3991.html>
19. Habermas J. Zumutungen der Toleranz. – [Электронный ресурс]: <http://www.nzz.ch/aktuell/startseite/article8XD0W-1.266687>
20. Honekamp F. Tolerierbare Intoleranz? – [Электронный ресурс]: <http://www.freiewelt.net/>
21. Jamšanova V. Sind Russen geduldiger als Deutsche? / Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russland 2010. - Bonn, 2011. – S. 43–54.
22. Kumitz-Brennecke Chr. Was hat Reformation mit Toleranz zu tun? – [Электронный ресурс]: <file://localhost/C:/Users/д/Desktop/Toleranz/Quellen/Kumitz-Brennecke.pdf>
23. Nebelsiek K. Toleranz als Fähigkeit. – [Электронный ресурс]: file://localhost/C:/Users/д/Desktop/Toleranz/Toleranz%20als%20F_higkeit.htm
24. Ropper K.-R. Duldsamkeit und intellektuelle Verantwortlichkeit (gestohlen von Xenophanes und von Voltaire). – [Электронный ресурс]: [bookfi.org>Digital library Bookfi>1563839](http://bookfi.org/Digital_library_Bookfi/1563839)
25. Schaede St. Frechheit und Toleranz. – [Электронный ресурс]: <file://localhost/C:/Users/д/Desktop/>
26. Schestag A. Ich bin nicht tolerant! – [Электронный ресурс]: <http://www.schestag.de/2013/03/29/ich-bin-nicht-tolerant/>
27. Schneider N. Reformation und Toleranz. – [Электронный ресурс]: http://www.ekd.de/vortraege/schneider/2013_01_23_schneider_reformation_und_toleranz.html
28. Steinacker P. Grenzen und Chancen von Toleranz. – [Электронный ресурс]: <http://www.nr-kurier.de/artikel/24902-peter-steinacker-sprach-in-bad-marienberg-ueber-toleranz>
29. Weber Fr. Über die Grenzen von Lessings Toleranzbegriff in der Ringparabel. – [Электронный ресурс]: file://localhost/C:/Users/д/Desktop/Toleranz/Toleranzbegriff_neu.pdf
30. Wikipedia. – [Электронный ресурс]: <http://de.wikipedia.org/wiki/Respekt>

Денотативная модель перевода в контексте проблемы понимания текста*

В статье анализируется денотативная модель перевода как наиболее универсальная из имеющихся в современном переводоведении. Авторы рассматривают данную модель в контексте фундаментальной проблемы понимания, которая, в свою очередь, анализируется в терминах теории текста А.И. Новикова.

The article is devoted to the denotative model of translation as the most universal one in modern translation studies. The authors consider the model within the context of fundamental problem of comprehension, that, in its turn, is analysed in the terms of A.I. Novikov's text theory.

Ключевые слова: перевод, моделирование, денотативная модель, реферативный перевод, текст, основное содержание.

Key words: translation, modeling, denotative model, abstract, text, basic content.

В настоящее время практически невозможно назвать область человеческой деятельности, в которой в той или иной степени не использовались бы методы моделирования. Особенно это касается исследования сложных систем, не поддающихся непосредственному наблюдению. Присущее человеку абстрактное мышление позволяет анализировать такие системы и строить их модели, которые, как правило, упрощают моделируемую систему. Перевод, бесспорно, представляет собой одну из таких «сложных систем», и строгое (однозначное) определение и описание этого неуловимого феномена представляется невозможным. Поэтому, с одной стороны, существует большое количество различных моделей перевода, а с другой – ни одна из них не является универсальной, представляющей всю сложность и многогранность перевода. Можно сказать, что каждая из них упрощают перевод, описывая ту или иную его сторону.

Из множества моделей, имеющихся в современном переводоведении, можно выделить как наиболее универсальную (непротиворечащую сути любого перевода) денотативную (или ситуативную) модель, в основе которой лежит концепция о неразрывной связи языка и действительности. Слова Н.И. Жинкина о том, что «переводятся не слова, не словосочетания и не предложения, а мысли о действительности» [2, с. 113] очень точно отражают суть именно этой модели, согласно которой процесс перевода можно

представить как поэтапный переход от внешней (языковой) формы к его внутренней (т. е. содержанию) и затем к новой языковой. Другими словами, это переход от текста оригинала, к предметной ситуации (действительности) и уже от нее к тексту перевода. Комментируя данную модель, В.Н. Комиссаров задает вопрос: «Есть ли какие-нибудь доказательства, что перевод, действительно, может осуществляться подобным образом?» И сам же отвечает, что данная модель в ряде случаев хорошо объясняет наблюдаемые факты. К таким фактам он относит перевод безэквивалентной лексики, а также те случаи, когда необходимо установление именно ситуативной эквивалентности, как, например, при переводе клишированных, паремиологических единиц языка. Однако ученый подчеркивает, что денотативная модель охватывает лишь некоторые способы реализации процесса перевода. В частности, он пишет, что в переводе очень часто мы вынуждены отказаться от описания той же самой ситуации, что была описана в оригинальном тексте. Из этого следует вывод о том, что денотативная модель «обладает ограниченной объяснительной силой» [3, с. 160].

Нельзя не согласиться с ученым относительно определенной ограниченности данной модели, в частности, когда речь идет о художественном переводе. Как известно, там важна не только (а часто и не столько) представленная в исходном тексте предметная ситуация, сколько способ ее описания и отношение к ней автора, т. е. тот смысл, который автор вкладывает в текст, используя тот или иной фрагмент реальной или мыслимой действительности как своего рода код. В таком случае нужно разводить понятия «содержание» и «смысл» текста, что и предлагает современная «психолингвистика текста».

Термин «психолингвистика текста» был предложен А.И. Новиковым в работе «Текст и его смысловые доминанты» (2007). Этим термином ученый назвал особое направление в исследованиях текста, в котором в отличие от чисто лингвистических исследований текст рассматривается как речемыслительная единица, включенная «в более широкий коммуникативный контекст, где, кроме текста, существенную роль играет человек, порождающий и воспринимающий текст» [10, с. 16].

Анализируя феномен текста, А.И. Новиков различает его статическое и динамическое состояния: первое из них соответствует «тексту, рассматриваемому как некоторый результат, продукт речемыслительной деятельности». Второе (динамическое) состояние – «это текст в процессе его порождения, восприятия и понимания». Соответственно, лингвистика текста исследует текст в его статическом состоянии, а психолингвистика – в динамическом. В последнем случае можно и нужно говорить не столько об организации текста, сколько об организации структуры сознания. Обращение к динамике текста привело ученого к выводу, что в основе всех свойств текста (не только психолингвистических, но и собственно лингвистических) в качестве их глубинной основы лежит именно категория смысла. В связи с этим А.И. Новиков видел свою задачу «в том, чтобы рас-

смотреть проблему текста сквозь призму смысла как основного интегрального механизма его порождения и понимания» [10, с. 30].

А. И. Новиков начал свои психолингвистические исследования текста именно с разграничения понятий «содержание текста» и «смысл текста», с определения их принципиального различия, с ответа на вопрос, что реально существует в тексте. Отмечая синонимичность употребления двух понятий, исследователь подчеркивает их феноменологическое различие: «содержание и смысл – это разные ментальные образования». Оба эти явления (содержание и смысл) есть результаты понимания, но в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное "положение вещей" в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении "сути дела", запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» [8, с. 35]. Как итог рассуждений ученого появляются четкие определения содержания и смысла как ментальных образований: содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст. Из вышесказанного можно сделать заключение: содержание объективно (и поэтому его можно моделировать), смысл же всегда субъективен. Отсюда и следует самый, на наш взгляд, важный вывод: «Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. Принадлежностью текста является структура содержания, понимаемая как такое образование, которое формируется в сознании под непосредственным воздействием всей совокупности языковых средств, составляющих этот текст, и которое базируется на координатах объективной действительности, отражаемых сознанием и позволяющих ориентироваться личности в этой действительности» [9, с. 179].

Такое представление о содержании текста позволяет по-иному взглянуть на денотативную модель перевода. Здесь уместно вспомнить еще одни слова Н.И. Жинкина о том, что переводчик переводит «не то, что сказал говорящий-пишущий, а то, что он понял», а понимать, как подчеркивал ученый, надо «не речь, а действительность» [2, с. 92]. А действительность в тексте представлена его денотативной структурой и понять ее, то есть выявить предметы и их отношения – это задача переводчика, причем, задача вполне достижимая, и более того, есть объективный критерий для оценки результата понимания, предложенный в свое время Н.И. Жинкиным и А.И. Новиковым. Это так называемый денотативный граф, наглядно представляющий внутреннюю форму текста, т. е. иерархическую структуру, в которой отражены не только денотаты, но их отношения. Таким образом,

задачу на понимание содержания можно представить в терминах «дано» и «найти»: дан текст в его вербальной (внешней) форме, а найти нужно его внутреннюю форму, т. е. его денотатную структуру (ДС). «Только тот человек, который умеет усваивать денотатную структуру новой речевой информации, сам становится автором текста», – подчеркивал Н.И. Жинкин [2, с. 110]. В данном контексте процесс перевода можно описать как поэтапный переход: T1 → ДС → T2, что и отражено в денотативной модели.

Исходя из вышеприведенного, можно, на наш взгляд, утверждать, что денотативная модель особо применима к реферативному переводу, наиболее востребованному в настоящее время, поскольку именно он является наиболее эффективным способом обработки первичного иноязычного текста, позволяющим ознакомиться именно с основным содержанием первоисточника [6; 7]. В связи с этим более чем закономерным нужно считать популярность и распространенность во всем мире так называемых реферативных журналов (РЖ). Именно они служат средством оперативного оповещения специалистов о публикуемой в мире новой научно-технической литературе, и они же являются инструментом для ретроспективного поиска научных документов по соответствующим отраслям знания, проблемам и предметам. Согласно статистическим данным, без РЖ специалист может ознакомиться не более чем с 6 % опубликованных работ, а с помощью РЖ – около 80–90 % [5, с. 53–54].

Что же представляет собой реферат как вторичный текст? Согласно определению, реферат — это «семантически адекватное, ограниченное малым объемом и вместе с тем возможно более полное изложение основного содержания первичного документа» [1, с. 225]. Принципиальным в этом определении является, на наш взгляд, понятие основного содержания. Представляется, что данное понятие в массовом сознании является весьма нечетким, соответственно, и его выделение из текста носит достаточно субъективный характер, что и сказывается на тексте реферата.

Таким образом, если попытаться построить модель именно реферативного перевода, то необходимо подчеркнуть наличие в нем промежуточного звена, представляющего собой результат осмысления и понимания текста в целом, который фиксируется в памяти в виде целостного мыслительного образования. Он, однако, не имеет эксплицитного выражения, но это образование становится замыслом нового текста – текста реферата. Поэтому реферат – это не просто результат редукции исходного текста, а результат его смыслового преобразования, обязательным этапом которого является смысловое свертывание, совершаемое в процессе осмысления и понимания исходного текста в целом.

Последние исследования А.И. Новикова, о которых шла речь выше, позволяют во многом углубить понимание механизмов смыслового свертывания и, соответственно, выделения основного содержания. Прежде всего это касается фундаментальных свойств текста, среди которых ученый особо выделял компрессивность. К этому свойству он обращается в связи с

понятием целостности текста, которая есть «проекция на текст внутренней связности компонентов содержания» [10, с. 21]. Принципиально в данном контексте понятие внутренней связности, которая противопоставляется внешней (формальной). Эти два типа связности не обязательно совпадают, поэтому даже при отсутствии внешней связности текст может восприниматься как внутренне связный и целостный. Это происходит потому, что «содержание текста формируется в сознании в принципиально ином коде, чем естественный язык», т.е. том коде, который был назван Н. И. Жинкиным универсально-предметным (УПК). На этом коде и базируется смысловой код, обеспечивающий «перевод» текста с естественного языка на внутренний, что ведет к иному (не линейному) представлению информации в сознании воспринимающего. Особенностью такого представления является симультанность (в отличие от сукцессивности языковых средств, образующих внешнюю форму текста). Благодаря этому, содержание текста может быть свернуто в «нечто краткое, в некоторую точку, которую всегда можно развернуть во времени и пространстве» [10, с. 22]. Возможность свертывания и развертывания можно рассматривать, по мнению Новикова, как критерий целостности текста. Таким образом, компрессивность как свойство текста является производной от другого его свойства – целостности. На связь целостности и возможности свертывания указывал и А.А. Леонтьев, который писал, что целостный текст можно определить как «такой текст, который при переходе от одной последовательной ступени смысловой компрессии к другой, более "глубокой", каждый раз сохраняет для воспринимающего смысловое тождество, лишаясь маргинальных элементов. Иначе говоря, только тот текст по-настоящему осмыслен, основное содержание которого можно выразить в сколь угодно краткой форме» [4, с. 29].

Из вышесказанного следует главный для представления сути реферирования вывод: условием семантической адекватности реферата является четкое понимание содержания реферируемого текста, то есть представленной в нем предметной ситуации или, другими словами, его (текста) денотативной структуры. На это указывал и М.В. Ломоносов, который предъявлял весьма строгие требования к составителям рефератов: «Кто беретя сообщать публике содержание новых сочинений, должен наперед взвесить свои силы, ибо он предпринимает труд тяжелый и весьма сложный, которого цель не в том, чтобы передать вещи известные и истины общие, но чтоб уметь охватить новое и существенное в сочинениях, принадлежащих людям самым гениальным. Говорить о них неверно и нерассудительно – значит подвергать себя презрению и посмеянию, – значит уподобляться карлу, который захотел бы поднять на своих плечах горы» [1, с. 7].

Бесспорно, эти требования должны сохраняться и сегодня, поскольку при неполном понимании исходного текста процесс свертывания может иметь случайный (стохастический) характер, что, соответственно, ведет к

неверному представлению основного содержания реферируемого текста. Полное же понимание появляется только тогда, когда реципиенту становится ясно, «что к чему относится», когда все компоненты содержания и (главное!) их связи «замыкаются» в единую структуру, не имеющую «разрывов» и «пустот». И тут А.И. Новиков обращал внимание на то, что «формирование такой целостной структуры содержания обеспечивается не только и не столько самой организацией текста, сколько теми когнитивными и коммуникативно-смысловыми структурами сознания, которые активируются в результате воздействия на них всей совокупности языковых средств, составляющих внешнюю форму текста». Активация названных структур сознания происходит по «принципу резонанса», благодаря чему при восприятии текста в процесс включаются не только те ментальные структуры, на которые оказывает непосредственное воздействие текст, но и их окружение. Эта своего рода «избыточность» актуализируемых сознанием средств и обеспечивает целостность структуры содержания, формирующегося в сознании. И именно этот фактор обеспечивает «целостность восприятия текста независимо от того, обеспечена ли она автором в действительности» [10, с. 19–20]. Этот вывод ученого представляется особо важным с точки зрения объяснения феномена понимания, а также для уяснения сути реферата как вторичного текста. Из вышесказанного следует, что, во-первых, реферат – это не набор случайно выбранных и переведенных предложений исходного текста, а это вторичный (цельный и связный!) текст, очень сжато, но адекватно отражающий информацию, содержащуюся в источнике; во-вторых, что порождение реферата требует самого высокого уровня понимания, необходимого для объективного выделения основного содержания реферируемого текста. При реферативном переводе недопонимание не может быть компенсировано за счет нахождения формального (лексико-грамматического) соответствия. В данном случае от уровня понимания зависит и форма изложения, поскольку, как было отмечено выше, только хорошо понятое может быть выражено в сколь угодно сжатой форме, а такая форма требует от переводчика владения особым (реферативным) стилем. Таким образом, текст реферативного перевода – это своего рода трансдукт (семантическая свертка), который не сохраняет языковой формы исходного текста, а только его основное содержание.

Итак, как уже было подчеркнуто, условием свертывания является понимание, то есть корректное выделение основного содержания, которое и есть критерий семантической адекватности реферативного текста исходному.

Как уже отмечалось, методика графического представления содержания текста, разработанная в школе Н.И. Жинкина и А.И. Новикова, позволяет рассматривать процесс понимания текста как задачу на преобразование форм его представления. Это означает, что понятие «основное содержание» приобретает объективную форму представления, соответственно, появляется возможность сформулировать и критерий семантической адекватности текста реферата тексту первоисточника. Та-

ким критерием становится совпадение денотатных структур данных текстов, представленных графически.

Результаты экспериментального реферирования, включающего в себя представление исходного текста в графической форме, дают основание утверждать, что фиксирование результата понимания в виде денотатного графа дает возможность наглядно представить промежуточное звено, наличие которого является спецификой процесса порождения вторичного текста. Данное «звено», представляя результат осмысления и понимания текста в целом, фиксируется в памяти в виде мыслительного образования, которое и становится замыслом вторичного текста и обеспечивает его адекватность. Все это дает основание утверждать, что именно денотативная модель обладает признаком универсальности, а с другой стороны, именно она корректно описывает реферативный перевод и может стать основой его автоматизации.

Необходимо также отметить, что денотативный анализ текста является эффективным методическим инструментом в обучении переводу, в частности, в профессионально-ориентированному, а визуальная экспликация его результата в виде графа позволяет будущим переводчикам увидеть то необходимое для качественного перевода промежуточное звено, которое должно быть при переходе от текста оригинала (его внешней языковой формы) к тексту перевода (к новой языковой форме). Как показала практика, применение такой методики обучения переводу заметно влияет на качество перевода. Таким образом, можно сказать, что в денотативной модели находит отражение универсальный механизм перевода, поскольку перевод и понимание неотделимы друг от друга, что и выражено в известных максимах: «понять — значит перевести» и «перевести — значит понять».

Список литературы

1. Жанры информационной литературы: обзор. реферат / А.А. Гречихин, И.Г. Здоров, В.И. Соловьев. – М.: Книга, 1983. – 320 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 156 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 110 с.
4. Леонтьев А.А. Психологический портрет лектора. – М.: Знание, 1979. – 47 с.
5. Михайлов А.И. Реферативный журнал // БСЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 22. – С. 53–54.
6. Нестерова Н.М. Реферативный перевод: проблема смыслового свертывания и семантической адекватности // Вестник ЧелГУ. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2011. – Вып. 58. – № 25(240). – С. 112–119.
7. Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М.: Наука, 1991. – 148 с.
8. Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 33–38.
9. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики-2001. Сборник статей / отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 155–180.
10. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

Процесс описания деятельности переводчика в метапоэтике перевода И.А. Кашкина

В статье исследуется возможность расширения смыслового диапазона в процессе описания деятельности переводчика в рамках метапоэтики И.А. Кашкина. Перевод рассматривается как вид реалистического искусства. Аналогия перевода и искусства заключается в идее творческого воссоздания живой действительности, отраженной в художественном произведении.

The article is devoted to the possibility of semantic data expansion during the description of the translator's activity within I.A. Kashkin's metapoetics. Translation is considered as a piece of realistic art. The analogy of translation and art consists in the idea of a recreation of the vivid reality reflected in a work of art.

Ключевые слова: метапоэтика перевода, перевод как вид реалистического искусства, координация энциклопедизма и творчества, экранизация как вариант перевода.

Key words: metapoetics, translation as a piece of realistic art, coordination of encyclopedic knowledge and creativity, a screen version as a translation.

Метапоэтика перевода И.А. Кашкина – гетерогенная система, которая строится на стыке таких сфер познания действительности как наука и искусство. И.А. Кашкин исследует язык и перевод художественного произведения в терминах и понятиях реалистического искусства и общелингвистических дисциплин – лингвистики и литературоведения. По мнению И.А. Кашкина, перевод нельзя рассматривать изолированно от других видов искусства, в разрыве с наукой о языке. И.А. Кашкин ведет активный полилог по проблеме изучения языка в рамках переводческой практики, призывает к сотрудничеству, к освещению вопроса с разных сторон.

Перевод как общелингвистическое явление строится, по мнению И.А. Кашкина, на понятиях языка и литературы. Исследование языка перевода, по мнению переводчика, следует проводить на стыке лингвистики и литературоведения. Художественный перевод не терпит «монополию одной науки» [4, с. 499]. Взятые в отдельности приемы смежных наук о языке «не исчерпывают весь процесс до конца» [6, с. 151]. В статье «В борьбе за реалистический перевод» (1955) И.А. Кашкин пишет, что язык не следует «противопоставлять» литературе, следует использовать и то и другое «в интересах художественного перевода» [4, с. 499].

Перевод как разновидность искусства – это синергетическая система, которая включает в себя множество сфер познания и требует от перевод-

чика комбинации энциклопедизма и творчества. «Творческий метод» И.А. Кашкина гласит: «исследовать, чтобы переводить, и переводить, чтобы исследовать» [15, с. 450]. Перевод требует от переводчика глубоких познаний в сфере культуры, истории, литературоведения, языкознания. Переводчику, как утверждает И.А. Кашкин, необходимо быть не только переводчиком-художником, мастером слова, но и универсальным ученым, воплощающим в себе качества филолога и лингвиста, историка и культуролога, психолога и социолога, теоретика и практика. Переводчик, по мнению И.А. Кашкина, – «существо двуединое»: «Он и энциклопедист-филолог и писатель-стилист. Вдумчивый исследователь и творческий полпред автора» [10, с. 113]. Переводчик по И.А. Кашкину – это энциклопедичная, элитарная языковая личность, комбинация энциклопедизма и мастерства. В основе его работы – соединение научных и художественных посылок, в основе его мастерства – умелая координация энциклопедизма и творчества: «одинаково нужен как трезвый реалистический учет обстановки и возможностей, так и вдохновенный порыв; как изучение подлинника, так и вживание в него; как строго научный анализ, так и творческий синтез. Переводчику не приходится забывать ни той, ни другой своей ипостаси» [10, с. 114].

Идея об энциклопедизме переводчика, выраженная в пространстве метапоэтических текстов И.А. Кашкина, коррелирует с энциклопедичной личностью самого И.А. Кашкина, многомерным пространством его метапоэтических дискурсов, многообразием речевых данностей. И.А. Кашкин – воплощение портрета переводчика, созданного им в процессе описания деятельности переводчика. Среди областей познания И.А. Кашкина можно выделить философию, историю, культурологию, политику, литературоведение, педагогику, лингвистику, стилистику, сравнительное языкознание, математику, биологию и это далеко не все его увлечения. В своих работах И.А. Кашкин виртуозно пользуется военной терминологией, терминологией искусства и его частных проявлений как живопись, музыка, кинематограф, кулинария. Глубокая эрудиция, мировоззрение И.А. Кашкина расширяют его смысловой диапазон, выводят его за грань обычного понимания явлений перевода и находят свое языковое выражение в работах переводчика. В диалогах с читателем И.А. Кашкин мыслит свежо, ново, доступно своему современнику. Текстам метапоэтики перевода И.А. Кашкина свойственна научная метафора и языковая игра, сопряженная с областями его знаний и сферами интересов: математикой, биологией, теологией, философией, педагогикой, политикой и тактикой.

Использование научной метафоры в пространстве метапоэтических текстов И.А. Кашкина продиктовано эпистемой и идеологией советского времени, обширной дискурсивной практикой, обширной деятельностью и фактами биографии И.А. Кашкина. Согласно биографическим источникам, И.А. Кашкин – выходец из потомственной военной семьи – получил хорошее образование: учился в московской гимназии, с 1917 по 1918 годы был

студентом историко-филологического факультета Московского университета, после увольнения из армии продолжил свое образование и в 1924 году закончил педагогический факультет 2-го МГУ, участвовал в Гражданской и отечественной войне [14].

Научная метафора позволяет И.А. Кашкину вести диалог с читателем-современником доступным языком. Научная метафора в метапоэтических текстах И.А. Кашкина представлена дефинициями для толкования и интерпретации понятий метапоэтики перевода. Например:

1) дефиниции, отражающие приверженность переводчика к традиции: «вольные стрелки» [7, с. 454–455], «художник – анархист» [10, с. 113], «передовые», «отстающие», «задние ряды» [4, с. 464];

2) дефиниции этапов перевода: «поэтическая разведка», «разворачивание литературного строя», «длительная осада», «победоносный штурм», «решительный штурм», «взятие крепости» [11, с. 229];

3) дефиниции перевода: «арифметическая сумма слагаемых: содержание + форма подлинника», «искомый икс – это художественный результат самого процесса перевода» [5, с. 9];

4) дефиниции «живого» перевода: «живое дерево пересаженного в наш язык оригинала» [7, с. 465], «жизнеспособное заглавие» [4, с. 462];

5) стратегии «живого» перевода: «действие умножения, где множимое – заданный подлинник, множитель – талант и мастерство переводчика, а в алгебраическом произведении – та же книга, но в новом равноценном языковом обличье» [5, с. 9], «вдохнуть жизнь в персонажей», «перевод по образу и подобию автора», «оживить подлинник» [10, с. 111, 118];

6) дефиниции «мертвого перевода»: «обструганное бревно» [7, с. 465], «сухие, вялые переводы» [4, с. 441];

7) стратегии «мертвого» перевода: «действие деления, где делимое – опять-таки подлинник, делитель – неумелость или бездарность переводчика, а искомое частное – обедненный против подлинника текст» [5, с. 9], «умертвить подлинник» [10, с. 118], «разъятие на части», «вивисекция», «анатомирование живого кролика», «умерщвление художественного целого» [10, с. 113].

Научная метафора выводит И.А. Кашкина на новый уровень – уровень языкотворчества. Так, например, в статье «Текущие дела» (1959) И.А. Кашкин для описания стратегии перевода обыгрывает поговорку: «станешь выслеживать заведомо недоступного запретного лося – и пропущешь по вполне реальным зайцам» [10, с. 113–114].

Метапоэтические тексты И.А. Кашкина отличаются своеобразным исследовательским почерком, «тонкостью художественного анализа», «широтой параллелей и аналогий, иногда, казалось бы, далеких и неожиданных». Как отмечает П.М. Топер, текстам И.А. Кашкина «не во всех случаях присуща безупречная композиционная логика», но И.А. Кашкин всегда видел предмет исследования «в исторической взаимосвязи и в контрастных сопоставлениях» [14, с. 9].

Текстам И.А. Кашкина свойственна прямота и резкость в суждениях. П.М. Топер в статье «Иван Александрович Кашкин (1899–1963)» отзываясь о нем как о «страстном полемисте»: «И. Кашкину было в высшей степени свойственно присущее передовой русской общественной мысли отношение к литературе, к печатному слову как к делу жизни, неумение шутить идеями <...> Мягкий в личном общении и, казалось бы, не умеющий добиваться своего, И. Кашкин обнаруживал вдруг поразительную неуступчивость и твердость, как только дело доходило до принципиального литературного спора <...> В душе он был страстным полемистом; это видно и по его статьям, и, еще больше, по стенограммам и протоколам многочисленных конференций и совещаний, в которых он принимал участие» [14, с. 9].

Исследование метапоэтики перевода и языка метапоэтики И.А. Кашкина невозможно без учета идеологического дискурса. По мнению К.Э. Штайн, «метапоэтика — это творческие установки того или иного поэта, и в условиях несвободы слова, жестко внедряемой государством идеологии (цензура, печать) они так или иначе складывались в системе отношений к хорошо выделенному и артикулированному идеологическому дискурсу» [16, с. 854]. Язык советского времени подвергался сильнейшему воздействию идеологии, которая в условиях тоталитаризма становится неотъемлемой частью культуры. Идеология подчиняет себе науку, искусство, культуру.

Язык метапоэтики перевода И.А. Кашкина под влиянием идеологического дискурса приобретает некую двойственность. Согласно И. Земцову, «двусмысленность – следствие двойственности советской социальной системы: социалистической формы, обращенной к внешнему миру, и тоталитарной сущности, направленной к собственным народам. Слова и выражения советского языка, действующие на уровне бессознательной психики, превращаются в сжатые пружины политического манипулирования: с их помощью в человека вгоняют заряды идеологической энергии. Реальность проектируется по законам вымысла: рабство объявляется свободой, ложь – истиной, война – миром и т.д.» [2, с. 7].

Наличие в тексте научной метафоры, советской идеологии отвлекает внимание от содержания, но не затрудняет восприятие текстов, благодаря способности советского читателя читать «между строк». Р. Барт в своей работе «Нулевая степень письма» (1983) отмечает: «В любом письме можно обнаружить двойственность, свойственную ему как особому объекту, который одновременно является формой языкового выражения и формой принуждения...» [1, с. 315].

Согласно классификации метапоэтик эпохи соцреализма по отношению поэтов к навязываемому им идеологическому дискурсу, предложенной К.Э. Штайн, И.А. Кашкин был одним из тех, кто «шел на определенный компромисс и пользовался двумя языковыми кодами, внешним из которых служил идеологический, а внутренним проводились идеи

подлинного искусства» [16, с. 854]. О языковых кодах говорит и сам И.А. Кашкин в одном из своих стихотворений: «Если / хочешь понять / скрытый язык / строк огневых – / внимай. // Видишь, / к деке скрипач / ухом припал, / слушая мольвь / струны. // Ты же / ритм этих строк, / тайный их смысл, / страстный призыв / поймешь, // Если / ухо свое, / тихо склоняясь, / к сердцу прижмешь / моему» [9, с. 59].

Существование в соцреалистическом дискурсе требует от переводчика приспособленчества, адаптации, соглашательства. И.А. Кашкин вырабатывает систему приемов для совмещения требований идеологических стандартов социалистической государственности и процесса перевода. Помощью рефлексии, самовыражения, принципов художественности он умело маскирует принципы подлинного мастерства перевода за семантическими шаблонами, заполняющими внешний, идеологический, код. В своих работах И.А. Кашкин избегает громких слов и газетных штампов, однако, как отмечает П.М. Топер в предисловии сборника «Для читателя-современника», он «постоянно ощущал себя «бойцом идеологического фронта», а свою борьбу за принципы, которые считал правильными, – сражением на доверенном ему участке» [14, с. 9].

И.А. Кашкин умело соединяет военно-революционные, идеологические смыслы в целостную единицу языка, которая выполняет функцию приобщения деятелей литературы к решению политических задач, гарантирует соответствие требованиям идеологических стандартов социалистической государственности, означает причастность к методу социалистического реализма. При описании деятельности переводчика И.А. Кашкин часто поднимает тему революционной борьбы. Как отмечает П.М. Топер, в работах И.А. Кашкина часто встречается военная терминология, «употребляемая достаточно необычно для литературоведческих исследований» [14, с. 9]. Позиционирование перевода как части общей борьбы в идеологическом коде представлено терминами: «литературный фланг», «разворачивание литературного строя», «поэтическая разведка», «осада» и «победоносный штурм» и «взятие» подлинника-крепости [11, с. 229]. В образе «осады крепости» закодированы усилия, деятельность, направленные на преодоление, искоренение буквализма и формализма из рядов перевода.

Идея борьбы выражается в метапоэтическом дискурсе И.А. Кашкина имплицитно, посредством научной метафоры, языковой игры и антиномий. И.А. Кашкин описывает перевод через оппозицию «витальное-летальное», «эстетичное-неэстетичное» в других видах искусства: музыку, живопись, скульптуру, экранизацию, кулинарию.

1. Музыка. Чтобы подчеркнуть живое начало и эстетику перевода как искусства, И.А. Кашкин противопоставляет «чистое звучание» [12, с. 267] и «чужое звучание» [11, с. 237]; «благозвучие» и «какофонию» [11, с. 236, 239]; «живой ритм» и «мертвые паузы» [4, с. 386].

По данным малого академического словаря:

‘звучание’ – ‘2. *перен.* Направленность, характер, смысл’ [13];

‘чистый’ – ‘9. Правильный, соответствующий определенным правилам, нормам (о языке, слоге и т. п.)’ [13];

‘чужой’ – ‘5. Имеющий мало общего с кем-л., не сходный с кем-л. по духу, взглядам, интересам; чуждый, далекий’ [13];

‘благо...’ – ‘Первая составная часть сложных слов со значением: *хорошо, добро*’ [13];

‘какофония’ – ‘Режущее слух сочетание звуков, неблагозвучие (в музыке, в стихах)’ [13].

2. Живопись. Позиционируя перевод как живопись, И.А. Кашкин противопоставляет «многокрасочный язык» «ничем не объединенной языковой смеси» [11, с. 237].

По данным малого академического словаря,

‘многокрасочный’ – ‘1. *только полн. ф. Полигр.* Относящийся к воспроизведению чего-л. в красках’; ‘2. *перен.* Многообразный’ [13];

‘смесь’ – ‘2. Сочетание, совокупность чего-л. разнородного’ [13].

4. Кулинария. Перевод с точки зрения кулинарии представляет собой блюдо, которое в зависимости от выбранного подхода и метода может «сохранить витамины» [4, с. 482] или остаться «бессолевым, безвитаминым питанием» [7, с. 461].

В процессе описания деятельности переводчика И.А. Кашкин предпринимает попытку сопоставить процесс перевода с еще одним видом искусства – с экранизацией фильма. Однако сопоставление искусства перевода с кинематографом выражается не только на лексическом уровне – в научной метафоре. И.А. Кашкин выходит за рамки теории концепта «перевод – кинематограф» и на практике реализует свои убеждения. Так, в 1961 году, незадолго до смерти И.А. Кашкина, в газете «Советская культура» от 16 марта в рубрике «кино» была опубликована критическая статья на экранизацию повести Э. Хемингуэя «Старик и море». Рецензия представляет собой подробный обзор повести «Старик и море» в сопоставлении с вышедшим фильмом сценариста Питера Виртеля, и режиссера Джона Старджеса «Старик и море» со Спенсером Трэси в главной роли, а также в сопоставлении с советским фильмом молодых режиссеров Т. Вульфовича и Н. Курихина «Последний дюйм» по рассказу английского писателя Джеймса Олдриджа. Свой выбор И.А. Кашкин обосновывает тем, что «обе эти картины близки не только из-за большой родственности литературного материала. Они близки и по принципу кинематографического решения, при котором нет «перевода», но зато есть благороднейшее сделанное изложение» [8, с. 3].

По данным малого академического словаря, ‘экранизация’ – «Создание фильма на основе какого-либо произведения театрального искусства или литературы, не предназначенного специально для кино» [13]. Согласно И.А. Кашкину, экранизация – это особый вид перевода художественно-

го произведения, заключающийся в творческом осознании и воссоздании единства формы и содержания текста, стиля и индивидуальной манеры автора средствами кинематографического языка доступному зрителю-современнику.

Экранизация как особый вид искусства перевода имеет ту же методологическую основу, то есть предполагает подход, метод, принципы и установки. И.А. Кашкин называет два «принципа кинематографического решения»: перевод и изложение.

По данным малого академического словаря, *‘перевод’* от *‘перевести’* – ‘6. Передать (какой-л. текст или устную речь) средствами другого языка’ [13];

‘изложение’ от *‘изложить’* – ‘Сообщить, передать что-л. в связной и последовательной форме, устно или письменно’ [13].

По мнению И.А. Кашкина, *‘изложение’* – это детальное воспроизведение, «визуализация» текста, *‘перевод’* – творческое «воссоздание» текста художественного произведения. И.А. Кашкин разграничивает принципы мерой свободы и творчества, которую позволяет себе режиссер-переводчик, и проводит таким образом аналогию с принципом реалистического метода художественного перевода и принципами формализма и буквализма.

На основании деления принципов, выделяется два вида экранизации.

1. Экранизация как «перевод» художественного произведения. Перевод художественного произведения на язык кино предполагает «творческое воссоздание», интерпретацию текста художественного произведения языком кинематографии доступным зрителю-современнику. В доказательство своих идей И.А. Кашкин в рецензии на фильм цитирует Э. Хемингуэя «Не было еще хорошей книги, которая возникла бы из заранее выдуманного символа, запеченного в книгу, как изюм в сладкую булку. Сладкая булка с изюмом хорошая штука, но простой хлеб лучше. Я попытался дать настоящего старика и настоящего мальчика, настоящее море и настоящую рыбу и настоящих акул. И если это мне удалось сделать достаточно хорошо и правдиво, они, конечно, могут быть истолкованы по-разному» [8, с. 3].

2. Экранизация как «изложение» художественного произведения. Изложение художественного произведения на язык кино предполагает его визуализацию, то есть текст художественного произведения (имплицитный и эксплицитный) является своеобразным сценарием. Ритм, темп произведения, речь и жесты героя – все элементы выдерживаются в рамках авторского видения произведения. Так, И.А. Кашкин в критической статье отмечает нарастание напряженного внутреннего ритма картины, медленное развертывание действия, что «лишь подчеркивает величавый, эпический ритм большого напряжения» и является прямым следованием излюбленной манеры письма Э. Хемингуэя [8, с. 3].

По мнению И.А. Кашкина, картина «Старик и море» режиссера Джона Старджеса – это перевод в манере «изложения». Как отмечает

И.А. Кашкин, изложения в качестве формы экранизации обосновывается стилем, ненавязчивой сдержанной манере, свойственными Э. Хемингуэю: «такие специфические, своеобразные по манере кинематографического изложения фильма, как "Старик и море" и "Последний дюйм" не только имеют право на существование, но просто необходимы» [8, с. 3].

В газетной статье, посвященной экранизации повести Э. Хемингуэя «Старик и море» И.А. Кашкин иллюстративно доказывает, что экранизация – это не просто способ репрезентации (в лучшем случае) или интерпретации (что наиболее характерно для современности) художественного произведения, а особый вид перевода, который обладает всеми присущими переводу характеристиками.

1. Оригинал (источник). Экранизация, как и перевод, «не живет без повести. Любая экранизация, даже самая отдаленная от первоисточника, использует его идеи, материал, сюжеты, образы, атмосферу. То есть берет те или иные ресурсы «исходника» и распоряжается ими» [3, с. 15].

2. Язык перевода. Экранизация художественного произведения – это всегда перевод на особый «кинематографический язык». Режиссер-постановщик должен выступать в роли переводчика, а, следовательно, должен пройти от осознания идейно-художественного единства произведения к выбору кинематографических средств, с помощью которых можно передать своеобразие авторского мастерства. И.А. Кашкин считает, что в экранизации, как и в переводе, важен оригинал, поэтому он отводит большую часть статьи на осмысление и освещение повести «Старик и море» с точки зрения стилистики и композиции, литературоведения и критики, особенностей кубинской действительности и фольклора.

2. Алгоритм перевода. Согласно И.А. Кашкину, процесс перевода заключается в принципе осознания и воссоздания единства формы и содержания. По мнению И.А. Кашкина, экранизация призвана «оживить восприятие книги» средствами кинематографии [8, с. 3]. Главное в экранизации, как отмечает Антон Карелин в статье «История кино. Проблема экранизации», «передать заложенное в первоисточнике, используя киноязык, киносредства», «визуализировать то, что раньше он (читатель. – Е. Ч.) мог лишь представлять» [3, с. 15]. На данном этапе самое главное, по мнению И.А. Кашкина, не поддаться «восхищению литературным материалом», которое «сковывает творческую работу» и сценариста и режиссера. Оригинал не должен подавлять «кинематографическую мысль» [8, с. 3]. Стиль и индивидуальная манера автора художественного произведения должны быть творчески воспроизведены. Имплицитные смыслы авторского текста должны быть визуализированы и нести смысловую нагрузку на зрителя. Особое внимание, как отмечает И.А. Кашкин в своей рецензии, следует уделять образам-метафорам, например свернутый парус – «флаг неизменного поражения», большая рыба – «образ всякой большой цели и закрепление достигнутого» и др. [8, с. 3]. Экранизация, как отмечает А. Карелин в

статье «История кино», должна быть «на уровне первоисточника и выше его» [3, с. 15].

Таким образом, процесс описания деятельности переводчика у И.А. Кашкина выходит за привычные рамки традиционной теории перевода. Имплицитный характер, двойственность языка метапоэтики перевода мобилизует переводчиков на борьбу за реалистическое искусство и реалистический метод отображения действительности.

Список литературы

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 306–349.
2. Земцов И.Г. Советский политический язык. – Лондон, 1985. – 431 с.
3. Карелин А. История кино. Проблема экранизации // Мир фантастики. – 15 ноября 2004 г. – С. 15–17.
4. Кашкин И.А. Для читателя-современника (Статьи и исследования). – М.: Советский писатель, 1977. – 358 с.
5. Кашкин И.А. Критики есть и нет критики // Мастерство перевода-1964. Сб. – М., 1965. – С. 5–11.
6. Кашкин И.А. О методе и школе советского художественного перевода // Знамя. – 1954. – № 10. – С. 141–153.
7. Кашкин И.А. Перевод и реализм. Выступление на Закавказской региональной конференции по вопросам перевода в Тбилиси в 1962 году // Мастерство перевода–1963. Сборник. – М., 1964. – С. 451–465.
8. Кашкин И.А. Старик и море // Советская культура. – 16 марта 1961 года (рецензия на фильм) – С. 3.
9. Кашкин И.А. Стихи. – М.: Захаров, 2007. – 158 с.
10. Кашкин И.А. Текущие дела (Заметки о стиле переводческой работы) // Мастерство перевода. – М., 1959. – С. 106–152.
11. Кашкин И.А. Традиция и эпигонство (Об одном переводе байроновского «Дон Жуана») // Новый мир. – 1952. – № 12. – С. 229–240.
12. Кашкин И.А. Удачи, полуудачи и неудачи (рецензия на «Избранное» Байрона. М.–Л., Детгиз, 1951) // Новый мир. – 1952. – № 2. – С. 266–268.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – (МАС).
14. Топер П.М. Иван Александрович Кашкин (1899–1963) // Для читателя-современника (Статьи и исследования). – М., 1977. – С. 5–13.
15. Художник, педагог, ученый // Мастерство перевода. – М., 1963. – С. 447–450.
16. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Метапоэтика отображения реальной действительности «отрешения» от неё // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: в 4 т. / под общ. ред. проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного ун-та, 2006. – Т. 4: XX в. Реализм. Соцреализм. Постмодернизм. – С. 852–870.

Словосочетание как проблема обучения английской письменной речи

В статье рассматриваются вопросы образования и употребления английских словосочетаний в письменной речи. Представлены теоретические взгляды известных зарубежных лингвистов, объективные результаты практического исследования письменных работ, целью которого является выявление наиболее часто используемых типов лексических словосочетаний, а также анализ типичных ошибок в их употреблении. В работе даны методические рекомендации по работе со словосочетаниями и некоторые виды упражнений.

The paper deals with a number of issues relating to the formation and use of collocations in English Language Learning (ELL) writing. Special attention is focused on theoretical views of famous foreign linguists who consider collocations to be a problem for L2 learners. To show the relevance of the subject matter, the article offers the objective results of practical research into students' writing. The research is aimed at identifying the most commonly used types of lexical collocations, as well as an analysis of typical mistakes in their use. The paper provides teachers with some exercises and advice on how to work with word combinations in an effective way.

Ключевые слова: коллокационная компетенция, коллокация, устойчивое выражение, лексическое упрощение, лексическое поле, интенсификатор, приобретение языковых навыков.

Key words: collocational competence, collocation, chunk, lexical simplification, lexical field, intensifier, acquisition.

Без преувеличения можно утверждать, что словосочетания являются важнейшей категорией лексического структурирования (lexical patterning). Эти единицы синтаксиса, превратившиеся в устойчивые элементы описания, необходимы для обучения студентов всем видам речевой деятельности английского языка. Кроме того, они играют первостепенную роль в подборе преподавателями дидактических материалов для занятий. Арбитрарная природа словосочетаний идеально соответствует принципу независимого обучения (independent language learning) [2]. В наше время остро стоит проблема необходимости уделять пристальное внимание словосочетаниям разного вида, поэтому крайне важно вырабатывать у студентов основные навыки работы с этими лексическими единицами, чтобы в

дальнейшем они могли самостоятельно развивать коллокационную компетенцию без помощи преподавателя, то есть автономно. Это становится особенно актуальным в эпоху информационных технологий, предоставляющих доступ к большому количеству электронных текстов из различных источников.

Обращаясь к теме, посвященной использованию словосочетаний студентами, для которых английский язык является иностранным, мы делаем акцент на важности этого вопроса не только с лингвистической, но и с практической точки зрения. Мы имеем в виду, что в современном мире умелое использование словосочетаний является признаком хорошего владения языком, что немаловажно для повышения социального статуса личности. Многие лингвисты отмечают, что умелое и релевантное использование словосочетаний в речи, как устной, так и письменной, является своеобразным критерием, который позволяет отнести говорящего или пишущего к разряду владеющих языком на очень хорошем уровне. Использование не калькированных сочетаний, а исконно английских словосочетаний избавляет неносителя языка от «лексического акцента». Доказательством справедливости этого суждения могут послужить такие английские словосочетания, как: *jacket potato* – картофель в мундире, *pay a visit* – наносить визит, *long haul* – долгий жизненный путь.

Утверждают, что обучение имеет тенденцию линейности и поэтапности, тогда как процесс учения эволюционирует, является холистическим и циклическим [7]. Это происходит потому, что студентам необходимо все время соотносить вновь приобретенные знания с тем, что усвоено прежде. Происходит своеобразная реорганизация интеръязыка, так как невозможно понять какие-либо лингвистические явления в отрыве друг от друга, без согласования предыдущего знания с новым опытом. Разумеется, в первую очередь это касается лексики. Лингвисты считают, что обучение английской лексике должно быть построено на сочетании слов, а не только на изучении студентами денотаций и коннотаций отдельных слов.

В этой статье мы ставим перед собой цель показать, что проблема изучения студентами английских словосочетаний и использование их в письменной речи является актуальной. Для этого мы рассмотрим некоторые теоретические вопросы, которые позволят нам разобраться в причинах ошибок в образовании и употреблении словосочетаний. Кроме того, мы представим результаты практического исследования письменных работ (эссе) и попытаемся ответить на вопрос, как учить лексическим словосочетаниям и нужно ли учить этому в целом.

Вслед за авторами, занимающимися проблемой обучения правильному использованию английских словосочетаний, нам представляется необходимым выделить ряд важных моментов, на которые преподаватели английского языка обращают пристальное внимание в образовательном

процессе: почему необходимо развивать коллокационную компетенцию; что такое словосочетания; в чем состоят различия в использовании словосочетаний носителями языка и изучающими английский язык как иностранный; как использовать на практике теоретические знания о словосочетаниях для развития лексической компетенции у студентов; какие упражнения необходимо делать для лучшего усвоения словосочетаний.

Сначала попробуем выделить некоторые причины, которые лежат в основе высокого процента ошибок, которые делают студенты в письменной речи при использовании словосочетаний. Оказывается, в этом случае изучающие английский язык (L2 learners) [2] чаще всего не осознают присутствия ошибок. При этом они не акцентируют на них внимания или не замечают их. Кроме того, трудности возникают, во-первых, по причине существования огромного количества словосочетаний, во-вторых, в силу того, что часто невозможно объяснить, почему слова сочетаются друг с другом. Из этого вытекает, что необходимо много учить наизусть, а выучить все невозможно [8]. Ряд лингвистов придерживается мнения, что по этой причине словосочетаниям учить невозможно и не нужно.

В результате такого пренебрежительного отношения к этому важному разделу лексики в целом приходится говорить о плохом знании сочетаемости слов, что приводит к использованию стратегии лексического упрощения (*lexical simplification*): синонимии, перифраза, интерференции, буквализмам, грамматикализации.

Причину применения такой стратегии также связывают с дихотомией грамматики и лексики. Грамматика не только дает возможность правильно использовать разные категории слов, но и является своеобразным инструментом для конструирования недостающих элементов нашего лексикона. Вместо этого хорошо знающие английский язык пользуются уже готовыми языковыми устойчивыми сочетаниями (*chunks*), которые содержат прагматический элемент. Прибегая к лексическому упрощению, студенты используют длинные витиеватые фразы с примитивной лексикой, тогда как словосочетание позволяет просто и точно передать нужную мысль. Кроме того, чтобы попытаться выразить мысли эксплицитно, необходимо использовать разные грамматические правила, которым студенты учатся на протяжении многих лет и правильно их применяют в заданной учебной ситуации. С другой стороны, плохо владея коллокационной компетенцией, студенты вынуждены использовать грамматику по своему собственному разумению, вне релевантного контекста, что часто ведет к досадным грамматическим ошибкам, не говоря уже об употреблении придуманных, не существующих в английском языке комбинаций слов. Следовательно, дефицит лексики покрывается знакомой грамматикой, что приводит к грамматикализации. Например, английское словосочетание *twist of fate* (поворот судьбы) передается таким образом: *an important turning moment in a person's life when everything changes*.

Тем не менее, никакие языковые препятствия не приводят к тому, что изучающие английский язык избегают образовывать и использовать английские словосочетания. Некоторые исследования, проведенные в университете имени Ломоносова, показали, что эссе, написанные студентами продвинутого уровня обучения, изучающими английский как иностранный язык, содержат не меньшее количество разного рода словосочетаний, чем то, которым пользуются студенты-носители английского языка [14].

Далее отметим, что английские коллокационные модели целостно и адекватно воспринимаются и без усилий используются носителями языка в отличие от неносителей. Эти модели образуют целый блок важных лингвистических вопросов, ответ на которые пытаются найти как преподаватели, так и студенты. Исследования показывают, что изучающие английский язык как иностранный (L2 learners) испытывают трудности, связанные как с образованием словосочетаний, так и с использованием их в устной и письменной речи.

Каковы принципы изучения словосочетаний, есть ли какие-то правила, насколько родной язык способствует или мешает овладению этой стороны лексики? Широко распространенным является утверждение, что студенты, для которых русский является родным языком, “творчески” подходят к решению обсуждаемой проблемы, то есть придумывают свои собственные сочетания, опираясь на «сверхлиберальные суждения относительно коллокационной эквивалентности семантически схожих элементов» [15]. Другими словами, если слова синонимичны, это не означает, что их можно использовать одинаково, игнорируя правила сочетаемости слов, как это охотно делают русскоязычные студенты. В качестве примера приведем два слова: *operation*, *surgery*, которые являются синонимами, однако для образования словосочетания пластическая операция необходимо использовать именно *plastic operation* вместо *plastic surgery* [13]. Письменные работы студентов подтверждают то, что они образуют словосочетания, руководствуясь грамматическими правилами, а не привычными английскими лексическими единицами, включенными в словарный состав языка (*lexicalized routines*). Так, слово *obedient* правильно сочетается с существительными в словосочетаниях: *obedient child/ servant*, в то время как вместо *law-obedient citizens* следует использовать *law-abiding citizens*. Известный лингвист Банз призывает анализировать типичные ошибки, связанные с неправильным сочетанием слов: *feeble tea*, *put up a campaign*, *laugh broadly*, *commit treachery*, *hold a burial*, *climb a horse*, *healthy advice* [3]. Автор подчеркивает, что такого рода ошибки говорят об отсутствии так называемой коллокационной компетенции, что в совокупности с ошибками в произношении усиливает иностранный акцент.

Что же такое словосочетание? Среди лингвистов нет единого мнения, более того, существуют не только разногласия в подходе к этому вопросу,

но и путаница, которая усугубляет его сложность. Мы рассмотрим точки зрения нескольких авторов, чтобы, опираясь на теоретические суждения, подойти к практической части нашей работы.

Одно из определений, которое сам автор называет «наивным», гласит, что словосочетанием называется «способ того, как слова сосуществуют в естественно-языковом тексте статистически значимым образом» [7]. Примером могут послужить практически все словосочетания. Необходимо отметить, что, в противовес естественным коллокациям, существуют закрытые, неправильные (blocked): wage battle (правильно: wage war), которые студенты должны записывать, а затем зачеркивать их, чтобы затем никогда не употреблять в речи, как советует Джон Синклер, приводя следующие примеры: a cool reception, heavy rain, take the opportunity to show, выдвигает предположение, что коллокация иллюстрирует принцип идиомы. Это означает, что в распоряжении говорящего имеется большое количество фраз, которые он называет «заготовками» [13]. Вот примеры таких словосочетаний: that's neither here nor there; take the earliest possible opportunity; a heavy-handed approach to the problem; I see what you mean.

Согласно оксфордскому словарю, термин коллокация в английском языке означает следующее: комбинация двух или нескольких слов, которая регулярно используется в речи [2]. Словосочетания могут быть сильными и слабыми. Носитель языка легко может «предсказать», с какими другими словами сочетается данное. При этом процент предсказуемости может быть высоким, если слово сочетается с меньшим количеством других, как например слово ostrich: to act like an ostrich, the ostrich policy, to have the digestion of an ostrich [1]. В этом случае мы говорим о сильном словосочетании (strong collocation). Если процент предсказуемости низкий, мы говорим о слабом словосочетании. Например, слово job: job-carriage, job-centre, job-gardener, jobholder, job-hopper, job-horse [11].

Хенриксен называет словосочетаниями шаблонные, устойчивые лексические обороты [6], подразделяя их на идиомы (if the worst comes to the worst), фигуральные выражения (to have a fright of one's life), прагматические формулы (have a nice time), маркеры беседы (allow me to focus your attention on), лексикализованные опорные предложения (this implies that), сочетания слов (absolutely true).

Браши выделяет две основные группы сочетаний: фигуральные сочетания, состоящие из глагола и существительного, в которых один компонент используется в прямом смысле слова, а другой – в переносном; сочетания прилагательного и существительного, где один из компонентов используется по правилам сочетаемости слов английского языка [5].

Бенсон классифицирует сочетания, подразделяя их на две большие группы: грамматичные и лексические. Приведем таблицу, которую предлагает автор.

Таблица 1

Грамматические словосочетания по Бенсону [4]

Модели	Правила	Примеры
G1	Существительное+предлог	The solution to the problem seems to be reasonable
G2	Существительное+to+инфинитив	They made another attempt to correct all mistakes
G3	Существительное +that+придат. пр.	The committee drew the conclusion that the sanctions had been toothless
G4	Предлог+существительное	The painting was sold by auction last week
G5	Прилагательное+предлог	They were angry at my friends
G6	Прилагательное+to+инфинитив	She is ready to go
G7	Прилагательное+that+придат. пр.	It is vital that a new chairman should be appointed immediately
G8	19 моделей с глаголом, включая: глагол +to+инфинитив, глагол +герундий, глагол+дополнение1+дополнение2 и другие	They tried to do their best to achieve progress. He gave up smoking. Mr. Brown taught us two European languages

Таблица 2

Лексические словосочетания по Бенсону

Модели	Правила	Примеры
L1	Глагол (деятельность)+существительное	She does the washing-up most willingly
L2	Глагол (со значением: отказ)+noun	A friend of mine refused to help us
L3	Прилагат.+существ./существ.+существ.	The room has a sour smell
L4	Существ.+глагол (действие)	The audience burst into applause
L5	Существ. (класс предметов)+of+существ.	I left a bunch of keys at your place
L6	Наречие+прилагательное	She was deeply touched
L7	Глагол+наречие	The trees suffered seriously in the period of drought

Нессерхауф предлагает более простую классификацию путем выделения трех основных классов словосочетаний [10]: рестриктивные, например: take/have a shower, где одно слово варьируется, а другое используется рестриктивно; свободные, элементы которых свободно комбинируются: write a book; идиоматические, элементы которых не могут быть заменены другими словами, например: take somebody for a ride (одурачить кого-либо).

Основополагающий европейский документ “Общеввропейские компетенции владения иностранным языком” (CEFR) по-иному подходит к классификации словосочетаний. Все лексические элементы разделены на две большие группы: устойчивые сочетания и отдельные словоформы. Первая группа включает устойчивые словосочетания [3]: 1) сентенциальные модели: прямые “дочерние узлы” (экспоненты) языковых функций, например: прощание (See you soon!); пословицы и поговорки: a watched pot never boils; архаизмы: prairie schooner; 2) фразовые идиомы: семантически непрозрачные устойчивые метафоры: hit the roof; слова, передающие эмоциональную окраску: as hungry as a hunter; 3) фиксированные рамки: Would you be so kind as to ...; 4) фразовые глаголы: go in for; be up to; 5) устойчивые сочетания, состоящие из фиксированного набора слов: throw a birthday party.

Вторая группа включает отдельные словоформы – как слова, так и закрытые лексические множества, а также грамматические сочетания слов, где ключевая роль отведена предлогу.

Из вышеизложенного становится ясно, что существуют разные точки зрения, дающие общее представление о словосочетаниях, а также их классификации. Подчеркнем, что мы не ставили перед собой задачу дать исчерпывающую теоретическую информацию о словосочетании. Даже из того небольшого теоретического обзора, который мы предложили, становится ясно, что проблема существует. Мы можем констатировать, что теоретическое знание вопроса создает благоприятные условия для формирования коллокационной компетенции и позволяет студентам расширить лексический диапазон.

В рамках данной работы мы попытаемся ответить на вопрос, насколько широко наши студенты со средним уровнем владения английским языком используют лексические сочетания в письменной речи. Для этого мы воспользуемся классификацией Банза [3], которая аккумулирует идеи Бенсона. Исходя из этого, мы рассмотрели только лексические сочетания, использованные студентами при написании работ, разделив их на три группы: свободные, идиомы, свободно-фиксированные.

Прежде всего, напомним, что в НИУ ВШЭ письменное задание Writing II IELTS, то есть эссе объемом в 250 слов, оценивается по четырем аутентичным критериям, третьим из которых является так называемый лексический ресурс, охватывающий спектр лексики и точность передачи ею смысла содержания, адекватность использования менее распространенных лексических элементов, умение использовать словосочетания. Как активно студенты уровня B1 и B2 используют словосочетания, показало исследование, в ходе которого было рассмотрено 24 эссе на тему, касающуюся ответственности индивидуальной личности в командной работе. Работа проводилась аудиторно в рамках подготовки к письменной части экзамена формата IELTS. Выяснилось, что студенты особенно активно применяют свободные сочетания. Ниже в виде таблицы мы представляем

подгруппы свободных словосочетаний, которые мы взяли выборочно из студенческих эссе в качестве примеров. При отборе сочетаний мы опирались на принцип частотности, то есть процент их встречаемости в разных письменных работах.

Вид словосочетания (с/с)	Примеры с/с
Интенсификаторы	crucially important, completely exhausted, immensely hard, extremely difficult, highly competitive
Прилагательное+существительное	serious problem, proven scientific fact, mutual support, team-building studies, working strategy, corporate clients
Существительное+существительное (субстантивные с/с)	team effectiveness
Глагол+существительное	create a friendly atmosphere, form groups, become close to each other, solve problems, find a way out, highlight the importance, discover difficulties, share ideas

Обратимся к нашим выводам, сделанным на основе анализа отобранного материала. Во-первых, несмотря на то, что в письменной речи студенты широко применяют наречия-интенсификаторы, во многих работах предпочтение отдается хорошо известному слову *very*, в то время как существует целый ряд синонимов этого слова: *greatly*, *much*, *highly*, *too*, *jolly*, *most*, *badly*, *quite*, *extremely*, *right*, *exceedingly*. Во-вторых, наблюдается многократное использование в составе словосочетаний слов-интернационализмов, например *training*, которое может быть заменено на целый ряд слов со сходным значением: *workout*, *practice*, *exercise*, *drill*, *coaching*. В-третьих, самыми используемыми компонентами словосочетаний являются слова: *do*, *situation*, *problem*, *work*. Особо отметим, что в письменных работах практически отсутствуют субстантивные сочетания, например: *supervisor call instruction*. Это также касается и ядерных адъективированных словосочетаний, состоящих из нескольких однородных прилагательных, например: *an ambitious promising young colleague*.

Идиомы являются следующей группой словосочетаний, которая стала объектом нашего исследования. Из относительно большого числа студенческих эссе только два содержат идиомы: *be at loggerheads*, *a big frog in a small pond*, хотя тема дает большую возможность использовать как идиомы, так и метафоры, поговорки и др.

Как стало очевидно, свободно-фиксированные сочетания активно используются студентами. Среди самых употребительных отметим следующие: которая оказалась которые мы выбрали в качестве примеров: *do one's best*, *lose control*, *achieve results*, *make sure*, *take measures*, *make efficient*, *spare time*, *make an effort*, *delegate responsibilities*, *undertake a project*, *take steps*, *assign work*, *meet the deadline*. Хотя эта лексическая группа представлена широко, нехватка словарного запаса и неразвитая коллокативная ком-

петенция приводит к образованию ошибочных комбинаций слов, например: do measures, reduce problems, intricate solutions, discharge duties, found a solution, lose benefits, distribution of responsibilities, apply abilities and qualities, implement into life.

Предложим еще ряд аутентичных примеров из эссе, свидетельствующих не только о применении ошибочной стратегии при образовании словосочетаний как по причине незнания языковых явлений, так и по причине языковой интерференции: combat the situation **вместо** cope with the problem/solve; in a written form **вместо** in writing; establish the deadline **вместо** fix/set the deadline; receive the result of work **вместо** obtain results; stated problem **вместо** performance targets; have proxy to hand **вместо** delegate responsibility/authority; have a role in a team **вместо** fulfill/discharge/exercise a function, fulfill a role; with a fast tempo **вместо** at a quick rate; strict structure **вместо** solid/firm structure; have a depression **вместо** fall into a funk. С лингвистической точки зрения самым интересным оказалось неправильно образованное словосочетание raft members of the team – сплавивать членов коллектива (raft – сплавливать лес).

На наш взгляд, внимательная критическая проверка студенческих письменных работ, в первую очередь эссе, дает преподавателю возможность использовать полученные объективные данные о неправильном использовании словосочетаний для того, чтобы установить обратную связь со студентами и информировать их о типичных ошибках. На этом этапе очень важно привлечь внимание студентов к существованию этой проблемы. Роль преподавателя состоит не только в информировании студентов о сделанных ошибках в письменных работах. Регулярный поиск словосочетаний в текстах, анализ неправильно образованных сочетаний слов под руководством преподавателя, взаимопроверка письменных работ приучают студентов к вдумчивому отношению к лексике такого рода. В дальнейшем обученные студенты смогут самостоятельно исследовать тексты, находить словосочетания, а затем активно использовать их в разных видах речевой деятельности.

Проводя анализ письменных работ, мы еще больше убедились в том, что учить словосочетаниям необходимо. Рассмотрим методику, которую предлагает Льюис, опираясь на словосочетание “заядлый курильщик” – heavy smoker [7]. Студенты зачастую генерируют сочетание a strong smoker вместо вышеуказанного английского варианта, то есть прибегают к прямому переводу на английский язык с русского. В этом случае достаточно исправить студента, предложив правильный вариант и продолжать работу. Льюис обращает внимание на то, что, сталкиваясь с подобными ошибками, преподаватель должен не только исправить студента, но и предложить другие слова: occasional, chain, pop, которые образуют сочетания с ключевым словом smoker. Количество таких слов в подобных ситуациях может быть разным. Несмотря на то, что существует лишь небольшая вероятность того, что комбинации слов будут выучены, тем не менее, появляется

шанс усвоения хотя бы части этого материала (acquisition) [2]. Лингвист называет такую методику сценарием (heavy/occasional/chain/non-smoker scenario), по которому будет разыгрываться подобная ситуация в том случае, если студент делает ошибки при образовании, использовании или толковании словосочетаний. Кроме того, следует принимать во внимание, что для успешного обучения лексике английского языка слова необходимо рассматривать не изолированно друг от друга, а внутри коллокационных полей, которые раскрывают разницу в значении слов, напр.: inflict a wound – нанести рану, lacerate heart – ранить сердце, offend sensibilities – ранить самолюбие, pistol – ранить из револьвера.

Безусловно, любой преподаватель использует в своей работе передовой опыт известных лингвистов, методистов, коллег. Нами также накоплен опыт работы со словосочетаниями, поэтому ниже мы приводим некоторые приемы, которые нам кажутся наиболее эффективными.

1. Поиск, запись, изучение словосочетаний для последующего их выучивания на базе связного текста. Студенты учатся тому, чтобы записывать словосочетания в исходной форме и в предложениях иллюстрировать их использование: a bull in a china shop → he was so awkward that people called him a bull in a china shop.

2. Перевод английских словосочетаний на русский язык.

3. Подборка примеров с неправильно образованными сочетаниями слов для последующей корректировки на занятии.

4. Регулярное выполнение ряда упражнений следующего типа:

1) Fill in the blanks in the sentences with the most suitable verb that best collocates with the noun:

The boy _____ the pledge not to lie to anybody shortly after that incident.

2) Multiple-choice exercises:

The teacher _____ a good mark to the student.

a) put b) gave c) presented d) awarded

3) Cross the odd word in the collocation:

gossip: → blow about/keep/set about/sell/retail

5. Match the words in column A that collocate with the ones in column B [8]:

A	B
a) Soothe	a. hypocrisy
b) dodge out of	b. tension
c) highly	c. obstacle
d) treacherous	d. unlikely
e) insuperable	e. responsibility

Нам представляется, что универсальным способом научиться правильно словопотреблению является чтение. Прекрасным примером является книга A Good Turn of Phrase [9], которая подходит как для аудиторной, так и для самостоятельной работы над лексикой. Книга состоит из 16 уроков, в каждом из которых отрабатываются фразовые глаголы и предложные сочетания слов. Большим достоинством книги является то,

что словосочетания вводятся в связном тексте и отрабатываются в 16 упражнениях, которые позволяют закрепить материал до автоматизма. Уроки не озаглавлены, что существенно отличает эту книгу от других учебных пособий. С одной стороны, это опровергает тематический принцип, которому следует большинство авторов при составлении лексических упражнений. С другой стороны, это отражает тот факт, что в повседневной речевой, а не условной языковой ситуации словосочетания употребляются комбинированно, а не тематически.

Марианна Паскаль в книге “Say it better in English” [12] предлагает читать специальную литературу на английском языке с тщательно подобранной лексикой. Суть состоит в том, что необходимо читать понемногу ежедневно, затем по прочтении шести страниц решить кроссворд, обращая внимание на лексико-грамматическое оформление задания. Каждая страница содержит одно или несколько синонимичных словосочетаний. Упражнения составлены по принципу многократной повторяемости одних и тех же сочетаний, что облегчает процесс их запоминания.

В заключение нашей статьи, опираясь на выше изложенное, мы предлагаем общие рекомендации [5] относительно работы со словосочетаниями, которые могут смоделировать подход к работе с ними. Студентам следует:

выделять и выписывать словосочетания в английском тексте наряду с новыми словами;

понимать, что родной язык влияет на процесс образования словосочетаний;

пользоваться специальными словарями словосочетаний вместо словарей, предназначенных для общих целей;

осознавать, что дословные сочетания в русском и английском языках встречаются крайне редко;

понимать, что «творчество» в создании словосочетаний может привести к образованию нелепых или непринятых в английском языке фраз;

составлять свои собственные списки всех словосочетаний, которые встречаются в учебном материале;

пытаться расширить коллокационный словарный запас, чему способствует, прежде всего, чтение и аудирование.

Самое главное, что должны осознавать наши студенты: расширять лексику – это не только учить слова, а учить знакомые слова в новых комбинациях.

Список литературы

1. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 2001.

2. Общевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка // Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К.М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003. – 256 с.

3. Bahns J. Lexical collocations: a contrastive view // *ELT Journal*. – 1993– 47/1. – Oxford: Oxford University Press. – P. 56–63.
4. Benson M., Benson E., & Ilson, R. *The BBI dictionary of English word combinations* (Rev. ed.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. – 256 p.
5. Brashi A. Collocability as a problem in L2 production // *Reflections on English Language Teaching*. – 2003. – Vol. 8. – No.1. – P. 21–34.
6. Henriksen B. Research on L2 learners' collocational competence and development—a progress report // *Journal L2 vocabulary acquisition, knowledge and use*. – 2010– P. 29–56.
7. Lewis M. *Teaching collocation: Further developments in the lexical approach*. (Ed). – Hove: Language Teaching Publications, 2000. – 245 p.
8. Oskuee M., Pustchi S., Salehpour S. The effect of Pre-teaching Vocabulary and Collocations on the Writing Development of Advanced Students // *Journal of Academic and Applied Studies*. – 2012. – Vol. 2(5). – P. 86–103.
9. Milton J., Blake B., Evans V. *A good Turn of Phrase*. – Express Publishing, 2000. – 104 p.
10. Nesserhauf N. The use of collocations by advanced learners of English and some implications for teaching // *Applied Linguistics*. – 2003. – 24/2. – P. 223–242.
11. *Oxford Collocations Dictionary for students of English*. Second Edition. Kathy Block and Hannah Friesen. – [Электронный ресурс]: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 02.09.2014).
12. Pascal M. *Say it better in English*. – Michigan: Language Success Press ANN Arbor, 2007. – 370 p.
13. Sinclair J.M. *Corpus, concordance, collocation*. – Oxford: Oxford University Press, 1991
14. Siyanova A. & Schmitt, N. L2 Learner Production and Processing of Collocation: A Multi-study Perspective // *The Canadian Modern Language Review*. – 2008. – 64(3). – P. 429–458.
15. Wray A. *Formulaic Language and the lexicon*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 344 p.

**Связь лексики и грамматики в обучении китайских студентов
(на материале русских прилагательных)**

В статье рассматривается связь между преподаванием лексики и грамматики, предлагаются упражнения для уроков русского языка как иностранного в китайской аудитории. Прилагательные отобраны с учетом несоответствия их значений в русском и родном языках студентов, они требуют особого внимания при предъявлении. Процесс представления языкового материала в русле национально-ориентированной методики является эффективным.

This article examines the relationship between the teaching of vocabulary and grammar, offers exercises that can be offered to foreign students at lessons of Russian as a foreign language in Chinese audience. Adjectives are selected on the basis of their values mismatch in Russian and student's native language, they require special attention during the presentation. Submission process of the linguistic material in line with nationally oriented methodology is effective.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, связь между лексикой и грамматикой, национально-ориентированная методика, китайская аудитория, прилагательные.

Key words: Russian as a foreign language, the connection between the vocabulary and grammar, national-oriented methodology, Chinese audience, adjectives.

Изучение иностранного языка – процесс усвоения его законов, которые отражаются на всех уровнях языка, а также дальнейшее использование полученных знаний в процессе коммуникации. Все языковые уровни, так или иначе, взаимосвязаны.

Обучение одновременно всем аспектам языка способствует наиболее успешному овладению языком, закреплению навыков. При пополнении словарного запаса у учащегося возникает потребность в расширении знаний о грамматических явлениях изучаемых процессов в языке. Поэтому, обучение лексике и грамматике должно происходить параллельно и взаимосвязано. Важным отбором лексики является грамматический материал [1, с. 60]. Лексика – словарный состав языка, какого-нибудь его стиля, сферы, а также чьих-нибудь произведений, отдельного произведения [2, с. 323]. Слово всегда функционирует в контексте, вместе с другими словами. Учащимся необходимо знать, как именно слова связаны друг с другом, углублять свои знания в области лексики и грамматики одновременно. Грамматика – формальный строй языка (словообразование, морфология и синтаксис), образующий вместе с фонетикой и лексикой его целостную систему [2, с. 143].

Лексика какого-либо языка напрямую связана с его грамматикой, одно не существует без другого. Лексика и грамматика оказывают влияние друг на друга, процессы, происходящие на лексическом уровне языка, не могут не отражаться на его грамматическом строе. Процесс познания русской лексики – это не просто заучивание новых слов, но и усвоение фонетических, грамматических, смысловых и ассоциативных связей, которые имеются между ними.

Некоторые исследователи, принимая во внимание принцип учета родного языка, выделяют следующие критерии отбора лексики: соотношение значения и формы слов в родном языке учащихся и изучаемом, учитывая интерференцию родного языка; особенность слова в изучаемом языке. На основании этих двух критериев выделяют восемь типов слов: заимствованные слова со значением, которое совпадает в обоих языках; сводные слова и производные, значения которых знакомы учащимся; слова, объем которых не противоречит семантической наполненности слова в родном языке; специфичные для изучаемого языка слова; слова общего корня в родном и изучаемом языке, но разные по семантике. А также слова и словосочетания, компоненты которых знакомы учащимся, но имеют расхождения в родном и изучаемом языке; слова, семантика которых шире объема значений эквивалентов в родном языке; слова, семантика которых намного уже в эквивалентах родного языка.

Лингвисты подчеркивают, что активное владение лексикой является основой для формирования лингвистической компетенции, включающей в свой состав лексическую компетенцию, так как именно слово обозначает реалии материального мира и ментального уровня сознания, определяет отношения между ними.

Трудности в преподавании и изучении лексики возникают в связи со сложностью лексической семантики в языке, объясняются скрытым характером системной организации лексических единиц и многоаспектностью слова, разницей в сочетаемости одних и тех же слов в разных языках. Главная особенность лексической системы русского языка – это большой объем словарного состава. Эта особенность связана с иерархией компонентов значения слова и многообразием смысловых связей отдельной лексической единицы. Различия в объеме значения, лексической сочетаемости, способах функционирования слов русского и родного для обучающихся языка составляет психологическую трудность в процессе усвоения русского языка.

При сравнении языков расхождения, несовпадения между ними проявляются на всех уровнях, но особенно заметно – на лексическом, поскольку семантическое членение языком действительности не может полностью совпадать у всех народов. Лексика больше, чем какие-либо другие области языка, связана с внеязыковой реальностью. Каждый язык по-своему отражает и закрепляет в значениях своих лексических единиц объективную реальность [3 с. 31].

Многие ученые, описывая способы представления лексического материала, отмечают, что для пояснения грамматических и лексических значений в случае межъязыковых несоответствий можно пользоваться словесной наглядностью: приводить типичные актуальные живые ситуации и использованием изучаемого языкового явления, для того чтобы в сознании учащегося возник требуемый образ в его связи со средством русского языка.

На этапе отработки лексических навыков осуществляется закрепление умения использовать грамматические навыки. Студент, строя фразу на русском языке, подбирает нужную форму слова, согласовывает слова между собой. При разработке упражнений следует учитывать то, что некоторые слова трудно дословно перевести на родной язык учащихся, вследствие чего учащиеся не в полном объеме усваивают значение русского слова. Различия в одинаковых словах разных языков связаны с неодинаковым видением мира разными народами, носители одного языка не всегда закрепляют в лексических единицах своего языка то, что имеется в другом языке.

Можно выделить следующие этапы работы над лексикой: знакомство с новым материалом, введение его в аудиторию, семантизация; развитие навыков и умений его использования в речевой деятельности; контроль над усвоением материала. Существуют переводные и беспереvodные способы семантизации лексики. К беспереvodным можно отнести: наглядность, приведение определений слова, перечисления, семантизация с помощью синонимов и антонимов, определение семантики слова на основе контекста или на основе внутренней формы слова. К переводным относятся: перевод с помощью эквивалента родного языка; перевод, при котором кроме приведения эквивалента студентам сообщается информация о расхождении слов в объеме значения.

Изучая грамматическую систему языка, иностранцы учатся произносить и писать слова, встречаются с лексикой, читая тексты и слушая поступающую информацию. Слово изучается не изолировано, а во взаимодействии с другими словами в составе предложения или текста. Коммуникативная цель обучения грамматике позволяет сформулировать основное требование к объему грамматического материала, который подлежит усвоению: он должен быть достаточным для пользования языком как средством общения и соответствовать условиям реальной коммуникации.

Важно отметить, что грамматика является необходимой базой, без которой невозможно полноценное владение иностранным языком, употребление его как средство коммуникации. Задача обучения грамматике состоит в формировании у студентов грамматических навыков в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности в пределах определенного программой грамматического материала.

Необходимо ограничивать языковой материал при предъявлении его в аудиторию. Причиной является невозможность овладения учащимися пол-

ностью всем грамматическим строем русского языка по причине его обширности и трудности процесса формирования грамматических навыков. Следует рационально отбирать грамматический материал, которым учащиеся смогут пользоваться при порождении и восприятии речи. Ограничение грамматического материала, предъявляемого в аудиторию иностранным студентам облегчается тем, что в языке имеется развитая система синонимии. Однако, при всем богатстве языка лишь наиболее употребительная его часть является самой употребляемой. Следовательно, необходимо ограничивать объем материала с учетом конкретных условий обучения РКИ. В активный грамматический минимум включаются те явления русского языка, которые являются необходимыми для говорения, слушания, чтения, письма.

Выделим некоторые требования, которые должны быть предъявлены к материалу и его отбору: частотность использования, то есть распространенность отобранных единиц носителями языка в устной речи, соответствие реальным условиям коммуникации, образцовость, исключение двусмысленности, исключение синонимических грамматических явлений и пр. Немаловажен принцип функциональности, грамматические правила, явления не должны изучаться в отрыве от лексического аспекта, отработка и закрепление навыков владения грамматическими законами должна осуществляться на лексическом уровне, с выходом в коммуникацию. В соответствии с принципом распространенности среди носителей языка и принципом образцовости в грамматический минимум можно включить лишь те явления языка, которые являются употребительными в устной речи и распространяются на большую часть лексики. Все остальные грамматические явления усваиваются лексически. Что касается принципа исключения двусмысленности, то в активный минимум включается лишь одно явление из всего синонимического ряда, нейтральное в стилистическом плане. Также многие ученые выделяют грамматические явления, которые относятся к пассивному грамматическому минимуму. Они являются наиболее употребительными в письменной речи. Объем пассивного минимума обычно больше объема активного минимума.

Рациональная организация и отбор предъявляемого грамматического материала играют важную роль в про обучении РКИ, определяют успех работы над грамматической стороной, которая отражается в том числе и на лексическом аспекте. Грамматический материал должен быть функционально организован, чтобы грамматические явления сочетались с лексическими и отражались в коммуникативном аспекте.

Раскрытие значения слова в процессе овладения русским языком как неродным является одной из актуальнейших задач в современной лингводидактике, решение которой связано с ведущим лингводидактическим принципом – коммуникативностью. Это означает, что при изучении второго языка учащиеся должны не только понять и запомнить новые слова, но и освоить их настолько, чтобы, во-первых, использовать их во всех видах

речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование), а во-вторых, использовать их в качестве источника для развития своего потенциального словаря. Целесообразно новые слова давать не изолированно, а в системе различного рода связей (семантических, грамматических, структурных, стилистических и т.д.) [4, с. 93].

В учебном процессе важны следующие моменты: комплексный подход в организации языкового материала, лексика и грамматика должны изучаться неразрывно друг от друга; нельзя игнорировать особенности грамматического и лексического аспектов языка при их взаимосвязанном изучении; нельзя ориентироваться только на какой-либо один аспект, так как одноаспектное преподавание РКИ (без взаимосвязи с другими аспектами русского языка) ведет к трудностям в процессе обучения студентов русскому языку как средству коммуникации.

Необходимо отметить важность речевого образца. Он объединяет грамматический, лексический и фонетический аспекты языка. Образец позволяет студентам не использовать дословный перевод с родного языка, а представляет целостный элемент, который соответствует всем нормам изучаемого языка.

Можно выделить следующие этапы работы над грамматическим материалом: этап введения грамматических явлений; создание навыка владения ими путем их реализации в устной речи; включение речевых навыков в различные виды речевой деятельности; развитие речевых умений. Важным условием является строгое соблюдение того, чтобы при введении нового материала студентам были известны все явления, кроме нового вводимого. Упражнения на аналогию облегчают усвоение материала, его запоминание. При введении материала важна наглядность, исключение двусмысленности.

Основными целями грамматических упражнений можно определить следующим образом: овладение студентами грамматического материала, и дальнейшее умение пользоваться им в процессе коммуникации, то есть адекватно реагировать на высказывания и порождать их; отработка лексических навыков. Целесообразно подавать материал в аудиторию от простого к более трудному. Можно выделить языковые, условно-речевые, подлинно-речевые упражнения. Подлинно речевые упражнения – упражнения в естественном общении, естественной ситуации. Условно-речевые – упражнения, имитирующие речевую коммуникацию в условии урока. Языковые – это упражнения, в которых нет признаков коммуникативности.

За счет развивающихся экономических, туристических, образовательных и других связей между Россией и Китаем увеличивается количество китайских студентов, что диктует необходимость в создании национально – ориентированной методики обучения. Обучение китайских студентов русским прилагательным подразумевает не только обучение лексике, но и на основе прилагательных возможно обучение грамматике, отработку и закрепление навыков. За счет имеющихся расхождений на лексическом и

грамматическом уровне русского и китайского языков у учащихся возникают трудности при овладении каким-либо аспектом языка. Учет имеющихся расхождений в родном языке студентов и изучаемом помогает рационально построить учебный процесс, выбрать эффективные пути предупреждения ошибок в речи студентов, пути введения языкового материала и его закрепления.

Одним из критериев отбора лексического материала, представленного в данной статье, явились несовпадения значений прилагательных в русском и родном языке учащихся (китайском). За счет этих несовпадений у учащихся наблюдается порождение ошибок в речи. В целях предупреждения ошибок следует учитывать особенности родного языка, лексическую сочетаемость в нем, производить контроль над усвоением материала с помощью заданий.

Ниже представлены задания, которые могут быть использованы на уроках по грамматике в китайской аудитории. При составлении заданий учитывалось то, что студенты уже знакомы со всеми значениями отобранных прилагательных.

Задание 1. Подберите к каждому существительному подходящее по значению прилагательное из предложенных ниже. Напишите прилагательное в нужной форме: тонкий, дикий, крутой, точный, буйный, чистый, сырой, тесный, ясный, плоский, крутой.

зелень (какая?) _____

туризм (какой?) _____

поворот (какой?) _____

яйца (какие?) _____

ночь (какая?) _____

блюдо (какое?) _____

рыба (какая?) _____

ряды людей (какие?) _____

профиль (какой?) _____

удар (какой?) _____

небо (какое?) _____

Задание направлено на отработку навыков согласования существительного и прилагательного.

Задание 2. Образуйте от данных прилагательных наречия и составьте с ними предложения. Образец: грубый – грубо. Он грубо ответил и ушёл.

Грубый, дорогой, крутой, легкий, пассивный, положительный, прямой, сырой, тесный, тонкий, точный, тяжелый, чистый, ясный.

Задание 3. Определите, в каком падеже употреблены прилагательные. Напишите значения выражений, которые Вам известны.

Мир тесен. _____

Тяжелая пища. _____

Тяжелая рука. _____

Тяжелая голова. _____

Легкая рука. _____
Чистая правда. _____
С легким паром! _____
С тяжелым сердцем. _____
С чистой совестью. _____
Легок на подъем. _____
Легок на помине. _____
Тяжелый на подъем. _____
Сказать от чистого сердца. _____
Делать круглые глаза. _____

Задания рассчитаны на повторение падежей, а также устойчивых выражений.

Задание 4. Раскройте скобки, употребив правильную форму слова.

По другую сторону (грубый), (необструганный) стола расположился полковник Антуан Моле (Л.В. Никулин, «России верные сыны»).

Рана оказалась (легкая), организм быстро восстановил силы (П.П. Вершигора, «Люди с чистой совестью»).

Пыль проникала во все щели, сквозь рамы окон, лежала на подоконниках (тонкий) слоем (А.Н. Толстой, «Сестры»).

Его красивое лицо страшно побледнело, а (тяжелый) взгляд больших черных глаз стал еще сумрачнее (А.И. Куприн, «Поединок»).

Варвары спокон века отличались (тонкое) зрением (А.И. Герцен, «Письма из Франции и Италии»).

Задание нацелено на отработку и повторение согласования существительных с прилагательными.

Задание 5. Образуйте сравнительную и превосходную степень данных прилагательных. Образец: тяжелый – тяжелее – самый тяжелый (наитяжелейший).

Грубый, дорогой, крутой, легкий, пассивный, положительный, сырой, тесный, тонкий, точный, чистый, ясный.

Задание рассчитано на повторение сравнительной и превосходной степени имен прилагательных.

Задание 6. Придумайте ситуации, в которых можно употребить следующие прилагательные. Разыграйте диалоги.

Легкий, пассивный, ясный, дорогой, точный.

Задание рассчитано на закрепление навыков владения прилагательными в процессе коммуникации.

Предложенные задания нацелены на отработку навыков согласования существительных и прилагательных, повторение образования наречий от прилагательных, сравнительной и превосходной формы прилагательных, а также повторение устойчивых выражений, в которых содержатся отобранные прилагательные. Контроль над усвоением материала студентами также осуществляется в задании с выходом в коммуникацию.

Список литературы

1. Вагнер В.Н. Лексика русского языка как иностранного и ее преподавание: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 104 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1997. – 994 с.
3. Малых Л.М. Введение в мультилингвальное обучение. Принципы сравнения языков: учеб. пособие / науч. ред. Т.И. Зеленина. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 112 с.
4. Плотникова Г.Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 144 с.

Орфографические девиации в письме детей младшего школьного возраста

Тема исследования находится в рамках онтолингвистики. В статье рассматриваются девиации в письме учеников 1–3 классов как одна из частей орфографического портрета ребенка младшего школьного возраста.

The research topic is in the framework of ontolinguistics. The article describes the deviation in the letter of students 1-3 classes as part of spelling portrait of a child of primary school age.

Ключевые слова: орфографическая личность, орфографический портрет, онтолингвистика, письмо детей, девиации.

Key words: the spelling of the person, spelling portrait, first language acquisition, writing of children, deviation.

Возрастающее влияние антропоцентрического направления в современной лингвистике проявляется в необходимости описания различных типов речевых личностей через их речевые портреты. Нас интересует орфографический портрет ребенка младшего школьного возраста: «Внимание к индивидуальной стратегии ребенка в постижении им родного языка все чаще выдвигается на передний план в последнее время в связи с возросшим интересом к онтогенетическому развитию языковой личности, становлению идиолекта, проблемам речевой диагностики и т.п.» [9, с. 127]. Н.П. Павлова выделяет параметры, на основании которых можно «нарисовать» орфографический портрет ребенка: умения писать и воспринимать письменные высказывания; определенный уровень «внутренней» языковой компетенции (знание «внутренней» системы родного языка) и «внешней» ее реализации (умение вербализировать «внутреннюю» систему во «внешнюю»); наличие в меру развитой языковой (орфографической) интуиции (чутья); умение создавать и применять интуитивные алгоритмы письма [7, с. 36]. Отметим, что целью данной статьи является рассмотрение орфографических девиаций как одной из частей орфографического портрета ребенка младшего школьного возраста (наряду с нормативными написаниями, описками и исправлениями) с учетом отражения в написаниях фонетических процессов. Если бы наше правописание было фонетическим, то все затруднения при переводе устной речи в письменную, как отмечает Д.Н. Богоявленский, свелись бы к усвоению «отношений между отдельными звуками и буквами как их графическими коррелятами, суще-

ствующими в русском письме» [2, с. 117]. Для орфографического письма знаний алфавитной графики недостаточно.

В качестве материала для исследования выступают тексты сочинений, диктантов, образцы естественной письменной речи учеников 1, 2, 3 классов. В наших наблюдениях отмечены следующие примеры отражения фонетических процессов как в области гласных: качественная редукция так и в области согласных: ассимиляция по глухости и по звонкости, сокращение групп согласных и др.

Рассмотрим примеры детских написаний, в которых встретилось влияние фонетических процессов в области гласных и согласных:

1. Качественная редукция гласного первой степени после твердых согласных в предударных слогах: *дарагой* (дорогой) (Артем С., 7), *с высаты* (с высоты) (Миша К., 8), *праказник* (проказник) (Саша Р., 9).

2. Качественная редукция гласного второй степени после твердых согласных в предударных слогах: *дарагой* (дорогой) (Артем С., 7), *пабижит* (побежит) (Кирилл С., 8), *с калбасой* (с колбасой) (Богдан Р., 9).

3. Качественная редукция гласного первой степени после твердых согласных в заударных слогах: *с нигурачкой* (со снегурочкой) (Семен У., 7), *транспарт* (транспорт) (Илья О., 8), *пичатнае* (печатное) (Диана К., 9).

4. Ассимиляция по глухости: *присафку* (приставку) (Миша П., 7), *фискультура* (физкультура) (Лиза Д., 8), *повоска* (повозка) (Егор Л., 9).

5. Закон конца слова: *детморос* (Дед Мороз) (Артем С., 7), *дошить* (дождь) (Лиза М., 8), *бутерброт* (бутерброд) (Витя К., 9).

«Конец слова дождь, утвердившегося в церковнославянском написании с ЖД, в современном русском языке произносится неодинаково. Это связано с тем, какой звук произносят в этом слове на месте сочетания *жд* перед гласными. В соответствии со старыми московскими нормами на конце этого слова произносится [ш':]: до[ш':]...на конце слова при оглушении соответственно произносится [шт']: до[шт']» [1, с. 129]: *дошить* (дождь) (Лиза М., 8), *дошт* (дождь) (Максим Ч., 8).

6. Ассимиляция по звонкости: *фудбольную форму* (футбольную форму) (Даниил Ж., 7), *фудболистом* (футболистом) (Андрей В., 8).

7. Сокращение групп согласных:

7.1. Передача диэрезы на письме: *здраствуй* (здравствуй) (Катя Т., 7), *капусная* (капустная) (Даша Ф., 7), *празники* (праздники), *любимый праздник* (любимый праздник) (Миша К., 7), *звоний* (звездные) (Женя А., 7).

7.2. Передача на письме двойного согласного: «немые буквы» [б]: *хакейну* (хоккейную) (Миша К., 7), *калекця* (коллекция) (Саша Г., 7), *покла-су* (по классу) (Максим С., 8), *мелеонер* (миллионер) (Антон Б., 8), *катедж* (коттедж) (Леша М., 9).

7.3. Сокращение групп согласных под влиянием устной разговорной речи (шумный щелевой согласный плюс шумный смычный согласный: остается смычный согласный): *насиба* (спасибо) (Наташа В., 7).

8. Диссимиляция по звонкости: *т_роже* (дрожжи) (Миша К., 8), *ч_исбургер* (чизбургер) (Витя К., 9): написание *ч_исбургер* отмечено у 52 % учеников 3 класса.

Рассмотрим написание *кагда*: сочетание [г+д] не допускает диссимиляции, но в наречиях, типа *когда*, орфоэпически возможно произношение [к^уда] (модификация фонемы /г/). Ребенок обозначает звук [γ] на письме буквой К. Подобное написание отмечено и в письме ученика 2 класса: *кагда* (когда) (Максим С., 8). Л.Б. Парубченко рассматривает орфоэпические ошибки как отраженное на письме ненормативное произношение пищевого [7, с. 19].

9. Обозначение позиционной мягкости на письме: *сентябрь* (сентября) (Степа Б., 7), *первыесеньбрь* (первое сентября) (Кристина Д., 7), *сентябрь* (сентября) (Алина Н., 7), *сэбрь* (сентября) (Алина Д., 7), *популярность* (популярность) (Алиса Ж., 8).

Влияние литературной нормы проявляется не только в отражении качественной редукции гласных в неударных слогах и диссимиляции согласных, но и в написаниях типа *первава* (первого) (Таня Г., 7), в которых представлено второстепенное несистемное значение буквы Г - В: *у каждого* (у каждого), *первава* (первого) (Степа Б., 7), *всево* (всего) (Саша Г., 7); в обозначении сочетания ЧТ как Ш: *своевороста* (своего роста) (Миша К., 8), *унево* (у него) (Кирилл С., 8), *своево* (своего) (Кирилл С., 8), *штоп ты* (чтоб ты) (Дима В., 7).

Девиации, вызванные влиянием литературной произносительной нормы, – у 16 % респондентов: *штоп* (чтоб) (Дима В.), *штобы* (чтобы) (Алина С.), *первава* (первого) (Алина Н.), *всево* мира (всего мира) (Саша Г.), *што то* (что-то) (Влад Л.).

Представлено влияние просторечия на письмо: *шобы* (чтобы) (Артем К., 7), *чёнибуть* (чего-нибудь) (Артем П., 8). Отмечена передача на письме долгого гласного под влиянием разговорной речи: *наадни* (на одни) (Гриша Ш., 7), *щици* (щи) (Диана Н., 8).

Особенности разговорной речи и литературного произношения встретились и при обозначении сочетания звуков [т+с] на стыке морфем. Чередования с||ц, фонетически как [т^н] передается на письме сочетанием тц или ц (полное слияние [т+с] в аффрикату [ц]): *нравиц* (нравится) (Вика Б., 7), *мнэнратца* (мне нравится) (Алена Б., 7); сочетанием ТС, звук [с] – как твердый: *учитса* (учиться) (Наташа Н., 7). Ребенок 7 лет опирается на звучащую речь, на орфоэпический, а не на орфографический образ слова: «на месте сочетания ТС между гласными на стыке личного окончания 3-го лица и возвратной частицы *-ся* произносится двойной согласный [ц], то есть [ц] с долгим затвором: несё[^тць]» [1, с. 181]. «Одно-однозначные отношения в триаде звук ⇒ фонема ⇒ буква отсутствуют в том случае, если какой-либо из членов триады (или два) обладают не одним вариантом выражения... звук [ц], в котором нейтрализуют свои различия 11 фонем и фонемных сочетаний, имеющих каждая и каждое свое буквенное выраже-

ние: <ц>, <т+ц>, <д+ц>, <т+с>, <т+с/з>, <д+с>, <д+с/з>, <т/д+с>, <т/д+з/с>, <д/т+т/д+с>, <т'/д'+с>. Фонемной идентификации в малограмотном письме нет, пишущий наугад берет одно из буквенных обозначений, которые в его графическом опыте связываются со звуком [ц]» [7, с. 12]. В наблюдениях за письмом детей младшего школьного возраста отмечены написания типа *транцпот* (транспорт) (Кирилл А., 8).

Рассмотрим способы обозначения сочетаний ТСЯ и ТЬСЯ.

1. Полное слияние [т+с] в аффрикату [ц]: *катаца* (кататься), *купаца* (купаться) (Катя Т., 7), *нравица* (нравится) (Илья В., 7), *катаюца* (каются) (Илья О., 8).

2. Как сочетание ТЦ (обозначение на письме призвука [тц]): *нратца* (нравится) (Алена Б., 7).

3. Как сочетание ДЦ: *нравидца* (нравится) (Таня Г., 7).

4. Как сочетание ТСЯ, но с пропуском Ъ: *здароватся* (здороваться) (Сергея К., 7), *зарегестририватся* (зарегистрироваться) (Илья М., 8).

5. Как сочетание ТСА, с пропуском Ъ: *учитса* (учиться) (Арина С., 7), *учитса* (учиться) (Наташа Н., 7).

6. Вставка Ъ: *катаютъся* (катаются) (Даша С., 9)

7. Нормативный вариант ТСЯ / ТЬСЯ: *нравиться* (Катя Т., 7).

«Буквосочетания ТС и ТЬС вовлекаются в конкуренцию с ТЦ и ДЦ как однозвучными» [6, с. 190]: *нратца* (нравится) (Алена Б., 7), *нравидца* (нравится) (Таня Г., 7).

Ненормативные написания могут быть вызваны множественностью буквенных соответствий одному и тому же звуку в русской графике: «в нормативном письме фонема /ц/ передается 2-мя способами, фонемы /ш/, /ш'/, /ж/, /ж'/, /ч/ – 15-ю» [8, с. 55].

В письме представлена и передача полной ассимиляции на письме: обозначение долгого диссимилятивного согласного [ш:] (буквосочетание СЧ) графически буквой Щ («[ш:] передается в русском письме буквой Щ и буквосочетанием СЧ с конвенциональным распределением по словам» [7, с. 12]: *щасте* (Лера А., 7) (*счастье* – морфемный стык полностью утрачен): «Сочетания СЧ или ЗЧ на стыке корня и суффикса –чик произносится так же, как буква Щ, то есть обычно как долгий мягкий [ш]» [1, с. 178].

В наблюдениях за письмом учеников первого класса отмечено обозначение долгого диссимилятивного согласного [ш:] буквой Ш с последующим дублированным смягчением при помощи Ъ и буквы ряда Я: *шьястя* (счастья) (Женя Р., 7).

Укажем, что данная девиация встретилась у 7 учеников (общее количество респондентов – 20) 2 класса: *щастье* (счастье) (Кирилл П.). В слове считалочка сочетание СЧ графически буквой Щ передают 8 учеников: *щиталитчка* (считалочка) (Артем Р.), при этом только у двух детей девиации подобного рода отмечены в обоих словах. Отмечено в письме детей 8 лет и обратное обозначение нормативной графически Щ сочетанием СЧ, возможно, как проявление гиперкоррекции при письме осторожного ре-

бенка (написание слов *счастье* и *считалочка* у ребенка соответствуют норме): *блесчет* (блещет) (Даниил С.).

Буква Щ имеет такое фонемное значение, которое может быть выражено сочетанием букв ШЧ. В.Ф. Иванова относит букву Щ к буквам-дублетам к другим буквам [5, с. 131]. «На месте сочетания ШЧ в слове *веснушчатый* чаще произносится [шч']...в слове возможны два варианта: *весну[ш:]атый* и *весну[шч']атый*» [1, с. 179]. При передаче на письме сочетания ШЧ в слове *веснушчатый* отмечены следующие группы девиаций:

1. Звук [ш:] графически обозначен сочетанием СЧ: *веснусчатый* (веснушчатый) (Артем Р.).

2. Звук [ш:] графически обозначен буквой Ч: *веснучатый* (веснушчатый) (Кирилл П.).

3. Звук [ш:] графически обозначен буквой Щ: *веснущатый* (веснушчатый) (Саша Ф., 8). «Морфемный стык: корень + суффикс более фузионен, поэтому и согласные, вступая в контакт, сливаются особенно тесно. Орфоэпическая норма последовательно рекомендует здесь произношение [ш:], а не его вариант [шч'] как для буквосочетания СЧ на хорошо различаемом стыке приставки и корня» [6, с. 196].

Рассмотрим написание детьми слова *извозчик*. «Для звука [ш:] избирается буквосочетание, а не буква Щ в тех случаях, когда можно доказать, что этот звук распределяется по двум разным морфемам...дериваты, в которых этот звук формируется путем непосредственного контакта производящей основы со словообразовательным суффиксом: словообразовательные суффиксы с начальным [ч], которым предшествуют согласные, обозначенные Ш, Ж, С, ЗД, СТ» [6, с. 196–197].

1. Звук [ш:] графически обозначен буквой Щ (у 13 из 20 респондентов): *извощик* (извозчик) (Саша Ф.).

2. Звук [ш:] графически обозначен сочетанием СЧ: *извосчик* (извозчик) (Даша П.). «Звук [ш:] употребляется наряду со звуками [шч] в одних и тех же словах, например: *расчистить*, *возчик* и др.» [5, с. 75].

3. Звук [ш:] графически обозначен буквой Ш: *извошик* (извозчик) (Алиса О.).

4. Звук [ш:] графически обозначен как пропуск З плюс Ч: *извчик* (извозчик) (Артем Р.).

Отмечена девиация при передаче сочетания ЧШ: *лутишый* (лучший) (Женя Р., 7.4): «твердая аффриката [ч] произносится в словах *лучиший*, *улучшение*, *улучишить* на месте буквы Ч в сочетании ЧШ...эти слова произносятся так, как если бы было написано ТШ» [1, с. 188].

Субституция Щ на Ш отмечена в письме детей дошкольного и младшего школьного возраста: на месте буквы Щ произносится двойной мягкий фрикативный согласный Ш ([ш:]): *ишо* (еще) (Миша К., 7), *блэшет* (блещет) (Саша В., 8), *ешё* (еще) (Влад Н., 9).

Передача на письме сочетания ЖЧ. Выделяются группы девиаций при передаче сочетания ЖЧ:

1. Буквой Щ: *мужщина* (мужчина) (Маша К.).
2. Буквой Ж: *мужина* (мужчина) (Миша К.).
3. Сочетанием СЧ: *мусчина* (мужчина) (Антон Г.).
4. Сочетанием СШ: *музщина* (мужчина) (Артем Р.).

При передаче на письме звука [ж:] девиации – в 87,5 % написаний:

1. Графическая передача одной буквой Ж: *мажевельник* (можжевельник) (Саша Ф.).
2. Передача на письме с помощью буквы Ш: *машивельник* (можжевельник) (Максим Ч.).
3. Передача сочетанием ЗД: *дрозжи* (дрожжи) (Ярослав Г.).
4. Передача на письме с помощью буквы Щ: *дрощ* (дрожжи) (Диана Н.).
5. Передача сочетанием ЖД: *дрожди* (дрожжи) (Даниил С.).
6. Передача сочетанием ЗЩ: *дрозщи* (дрожжи) (Лиза М.).

На месте орфографического сочетания ЗЖ внутри корня произносится [ж:]. При передаче на письме сочетания ЗЖ отмечены следующие виды девиаций:

1. Передача звука [ж:] буквой Ж и пропуск З: *поже* (позже) (Антон Г.).
2. Передача звука [ж:] сочетанием ЖЖ: *пожже* (позже) (Артем Р.).
3. Передача звука [ж:] буквой Щ: *поще* (позже) (Диана Н.).
4. Передача звука [ж:] сочетанием ЗЧ: *приезчий* (приезжий) (Лиза М.).
5. Передача звука [ж:] сочетанием ЗШ: *приезший* (приезжий) (Маша К.).
6. Передача звука [ж:] сочетанием ЗЩ: *визщать* (визжать) (Маша К.).
7. Передача звука [ж:] буквой З и пропуск Ж: *визать* (визжать) (Женя С.).
8. Передача звука [ж:] сочетанием ЖЧ: *ежчу* (езжу) (Лиза М.).
9. Передача звука [ж:] сочетанием ЗД: *приездий* (приезжий) (Антон Г.).
10. Передача звука [ж:] субституция З на Й: *пойже* (позже) (Аня Д.).

Наряду с фонетическими написаниями представлены и гиперкорректные написания, написания против произношения как «отражение субъективного учебного опыта пишущего» [8, с. 53–54].

Гиперкорректные написания в области гласных:

- ученики 1 класса: *пжалусто* (пожалуйста) (Артем С., 7), *краскоми* (красками) (Таня Г., 7), *комас* (КАМАЗ) (Сергея В., 7);

- ученики 2 класса: *почтольён* (почтальон) (Кирилл П., 8), *повельён* (павильон) (Артем Р., 8), *среди тровы* (среди травы) (Миша К., 8), *долеко* (далеко) (Миша К., 8), *спола* (спала) (Максим С., 8);

- ученики 3 класса: *котатся* (кататься) (Рома П., 10), *баторея* (батарея) (Маша Т., 9), *распространять* (распространять) (Саша О., 9).

Гиперкорректные написания в области согласных:

- вставка звука (непроизносимого согласного: гиперкоррекция): *считалтчка* (считалочка) (Саша Ф., 8), *щиталтчка* (считалочка) (Артем Р., 8), *распространенный* (распространенный) (Вика П., 9): «ошибки гипер-

коррекции демонстрируют «сверхбдительность», возбуждаемую орфографическим правилом, результатом чего являются буквы-фантомы, когда обозначается то, чего нет» [8, с. 19];

- использование неадекватно фонемного написания: *егурд* (йогурт) (Кирилл П., 8), черебаху (черепаху) (Алиса И., 8) (замена в буквы в сильной позиции, использование «этикетных букв»: ошибки гиперкоррекции – свидетельство отношения к правилу как к мундиру, реверансы орфографическому правилу, своего рода этикетные буквы» [8, с. 19].

В начальной школе фонетическим (алфавитным) написаниям типа трава уделяется меньше внимания как «очевидным». Наоборот, начинают систематизироваться в виде наблюдения за написаниями, типа мороз, молоко и постепенно приобретают вид правила (понятие «правило» мы рассматриваем в широком смысле как всякое указание, нормирующее правописание [2, с. 128]). Именно на данной стадии и начинает проявляться явление, которое принято называть гиперкоррекцией. Как отмечает Л.Б. Парубченко: «Субъективный учебный опыт пишущего проявляется в нарушении нефонемных орфографических правил и ошибках гиперкоррекции» [8, с. 7].

В письменной речи детей-первоклассников она проявляется в том, что, усвоив сформулированное в учебнике правило, ребенок отступает от «своего» правила. Данный вид девиации (выбор неадекватнофонемного варианта написания) определяется А.Н. Гвоздевым как ошибка против произношения [3, с. 46], В.Ф. Ивановой как ошибка на всякий случай [5, с. 193].

Новая стратегия письма: «слышу и пишу по-другому» вступает в противоречие со стратегией «пишу, как слышу»: ребенок выбирает вариант письма далекий от произношения, но теоретически возможный. Фонетические и гиперкорректные написания совмещаются. Не только фонетические, но и гиперкорректные написания заслуживают пристального внимания и анализа со стороны учителей в процессе изучения русского языка в начальной школе. «Ошибки гиперкоррекции: имеют не физический (отражение акустико-артикуляционных ощущений) и не грамматический, а умозрительный характер: это ошибка в лингвистических рассуждениях пишущего, именно – результат неудач в применении орфографического правила» [8, с. 19].

Гиперкорректные написания типа *робота* можно рассматривать и как результат влияния вологодского говора: «оканья» на письмо ребенка.

На произношение жителей города Череповца оказали влияние окружающие его говоры. Рассмотрим примеры «еканья», характерного для севернорусских говоров, встретившиеся в письме детей дошкольного и младшего школьного возраста: *октеб~~р~~я*, *сентеб~~р~~я*. Передача «еканья» на письме отмечена и в ударных слогах: *ше~~в~~ель* (щавель) (Алиса О., 8), *ше~~в~~ель* (щавель) (Максим Ч., 8).

Написание *на день рождение* (на день рождения), возможно, является результатом переразложения синтаксических форм может как образование «новых слов»: «утрата словом *день* управления (слово *рожденье* почти во всех приведенных примерах сменило полагающийся ему Р.п. на Им., В. и Тв.), а также особенность согласования всего словосочетания не по мужскому (*день*), а по среднему (как у *рожденье*) роду – *было, мое* – свидетельствуют о том, что информанты воспринимают словосочетание *день рождения* как одно сложное слово среднего рода с согласуемой препозитивной частью *день*» [8, с. 50–51].

«Иканье» также представлено в письме детей младшего школьного возраста:

- ученики 1 класса: *ситиб* (сентября), *питорак* (пятерок), *насикомых* (насекомых);

- ученики 2 класса: *мяжживельник* (можжевельник) *блешит* (блещет), *мидальен* (медальон);

- ученики 3 класса: *пичатанье* (печатание), *хочиш* (хочешь), *ригистрируеш* (регистрируешь). Отмечено написание *илицтричество* (электричество) (Саша И., 8), в котором отражены особенности индивидуального произношения ребенком [и]-образного звука.

В первом предударном слоге безударный [э] после мягкого согласного произносится [и]-образным звуком: *панидельник, забири, мажживельник, мидальён, запритила, симирная*.

В положении гласного после мягкого согласного и перед звонким согласным является наиболее закрытым и наиболее склонным к полной редукации и представленным звуком [и³][4]: *придлажыли, очинь, набижит, сриди, ригистрируют*.

Обозначение второй степени мягкорядной редукации фонемы /э/ в абсолютном исходе слова (гласный звук, приближающийся по восприятию к звуку [и]): *в садики*. Пример «иканья» после твердого согласного: *считалитчка* (считалочка) (Саша Ф., 8).

В письме детей обозначена редукация гласного первой степени в предударных слогах после мягкого согласного: *вяснушчатый* (веснушчатый) (Антон Г.), *мажявельник* (можжевельник) (Саша В.) и редукация второй степени в предударных слогах после мягкого согласного: *мядальён* (медальон) (Саша В.).

Орфографические девиации, как показывает анализ детского письма, представляют собой результат влияния разговорной речи на письмо ребенка (фонетические написания, напоминающие собой упрощенную фонетическую транскрипцию: *марос*), особенностей произношения: «оканье», «еканье»: *деван, робота*; при этом в письме детей встречаются гиперкорректные написания как проявления осторожности при письме: выбор неадекватного фонемного варианта «на всякий случай»: *могозин, самолед*.

Анализ орфографических девиаций в письме детей младшего школьного возраста показывает «принципиально-неизбежную вариативность ненормативного письма» [8, с. 7].

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М., 1984. – 383 с.
2. Богоявленский Д.И. Психология усвоения орфографии. – М.: Просвещение, 1966. – 307 с.
3. Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. – М.: URSS, 2007. – 288 с.
4. Земская Е.А., Красильников Е.В., Капанадзе Л.А., Барина Г.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – 240 с.
5. Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М.: Просвещение, 1976. – 288 с.
6. Мейеров В.Ф. Типология буквенных орфограмм. – Иркутск, 1988. – 212 с.
7. Павлова Н.П. К орфографическому портрету ребенка // Русский язык в школе. – 2010. – № 5. – С. 36–41.
8. Парубченко Л.Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Омск, 2004. – 41 с.
9. Цейтлин С.Н. Современные подходы к изучению детской речи // Онтолингвистика. Некоторые итоги и перспективы. Материалы научн. конф. 27–29 марта 2006 г.: К пятнадцатилетию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена / редкол.: С.Н. Цейтлин (отв. ред.), Т.А. Круглякова, М.Б. Елисеева. – СПб.: Санкт-Петербургский Институт раннего вмешательства, 2006. – С. 126–131.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 07-019

Теплицкая А.А.

Пропаганда научных знаний в детских научно-популярных изданиях

В статье рассматриваются вопросы информационной компетентности ребенка, значение медиаграмотности и свободного ориентирования в медиaprостранстве.

This article explores the importance of education for media literacy, orientation in the media and status of children's information competence.

Ключевые слова: научно-популярная журналистика, медиаграмотность, влияние СМИ на детей, детская журналистика.

Key words: popular science journalism, media literacy, impact of media, influence of media on child, children's journalism.

Во всем мире научно-популярная журналистика занимает достойное место в системе средств массовой информации (СМИ). И это естественно, ведь адаптация научного знания к уровню понимания массовой аудиторией представляет собой сложный и чрезвычайно важный творческий процесс. Популяризация науки сегодня – это насущная необходимость. Научно-популярная журналистика давно рассматривается учеными как обширная область журналистики, которая обладает определенными функциональными, жанровыми и предметно-тематическими особенностями. Западные страны тратят большой объем ресурсов на производство и верификацию знаний. Поддержка науки способствует увеличению количества ученых, которые, в свою очередь, добиваются больших научных успехов. По мнению профессора Билефельдского университета Петера Вайнгарта, экспоненциальный рост науки становится основным фактором от перехода от индустриального общества к обществу знания [3]. Для того чтобы коммуникация между наукой и обществом состоялась, главным образом используются СМИ. Наука производит «истинное» знание, которое является специальным для массовой аудитории, а поэтому подвергается переводу, после чего адаптированная научная информация распространяется через СМИ. Под научной информацией понимают «совокупность процессов представления, передачи и получения научных данных, образующих основной механизм существования и развития науки» [9, с. 9].

Научно-популярная журналистика сопровождается большим количеством споров и разных мнений: например, широко распространено мнение

о том, что популяризируемое знание является упрощением, или то, что наука подается в искаженном виде и зачастую является носителем ложной информации и не соответствует реальности. Известны случаи, когда сами ученые, которые контролируют процесс подачи научной информации, обвиняются в том, что используют ее в своих целях ради получения дополнительного финансирования на свои проекты и прочее. Однако, несмотря на все это качественная научно-популярная журналистика, несомненно, приносит пользу обществу, являясь единственным посредником между наукой и обществом.

Научно-популярная журналистика реализует просветительскую и образовательную функцию прессы, соответственно, тесно связана с понятием научного знания и интеллектуального развития. Традиционно интеллект понимают как не столько уже имеющиеся знания и умения, сколько способность думать и учиться. Интеллект не сформирован от рождения, его развитие определяется в том числе и социальными условиями и может быть скорректировано вне зависимости от природного типа нервной системы субъекта [10]. Это утверждение помогает нам сделать вывод, что интеллектуальное развитие может продолжаться в течение всей жизни индивида и изменяться под влиянием внешних воздействий. Именно в детстве закладывается фундамент познавательных потребностей, происходит процесс усвоения культурных норм и ценностей, формируется основа мыслительной деятельности, а также вырабатываются идеалы и поведенческие шаблоны.

Систематизирование знаний о законах природы, общества и мышления позволяют говорить об уровне интеллектуальных способностей ребенка, а особенности характера интеллекта решающим образом зависят от социальных условий жизни индивида. Развитие личности ребенка начинается очень рано, но только в младшем школьном возрасте появляются соподчинение мотивов, стремление к самоутверждению, ориентация на мнение окружающих детей, развитие воли и многие другие критерии, при которых начинают активно формироваться настоящие качества личности. Д.Б. Эльконин – советский психолог, специализирующийся главным образом на детской и педагогической психологии, выделял следующие психологические новообразования в развитии ребенка к концу дошкольного возраста: возникновение первого схематического абриса, возникновение первичных этических инстанций, возникновение соподчинения мотивов, возникновение произвольного поведения, возникновение личного сознания [12].

В этом возрасте, естественно, увеличивается количество внешних факторов, которые могут влиять на отдельные психические процессы ребенка. В число этих внешних факторов попадают и средства массовой информации. Именно в это время в процесс воспитания ребенка, в формирование его личности, взглядов и убеждений включается такой фактор, как средства массовой информации. Известно, что изучение воздей-

ствия СМИ на личность часто оказывается в фокусе исследований по социологии, психологии, теории журналистики и антропологии. Подобные теории помогают нам понять, насколько комплексным и всепроникающим является влияние масс-медиа. Достаточно большой массив научной литературы, относящийся к разделу влияния СМИ именно на детское сознание, представлен работами М.И. Холмова [11], И.А. Руденко [8], Ш. Ишкулова [5], Л.В. Бутыльская [2], О.П. Березкина [1]. За пределами нашей страны этот вопрос поднимается чаще и особо хочется отметить исследования Альберта Бандура [13], Джорджа Гербнера [15] и А. Захури [17].

Однако в большинстве случаев эта тема рассматривается в плане негативного влияния СМИ на неокрепшую психику детей – имеются в виду некоторые телевизионные программы и полнометражные фильмы. Социологи и психологи говорят об информационном тоталитаризме, информационных неврозах, информационном манипулировании. Практически отсутствуют исследования, где результатом чтения печатных изданий становится положительное информационно-психологическое воздействие на детскую психику.

По исследованиям профессора Тегеранского университета доктора философии Али Захури социализирующая роль телевидения становится более значимой, когда ребенок живет в реальности, отличающейся от той, которую показывают по телевидению. В соответствии с теорией культивирования, дети с доверием относятся к той социальной реальности, которую показывает телевидение. В сравнении с американцами, дети из других стран чаще используют телевизор в образовательных целях из-за того, что испытывают потребность к заимствованию языка, традиций, норм поведения. Культивация относится к близости между восприятием телевизионной аудиторией социальной реальности и описанием социальной реальности, представленной телевидением. Подводя итоги, Али Захури объясняет, что согласно его ожиданиям, представители разных культур по-разному воспринимают одну и ту же информацию, полученную из органов СМИ [14].

Влияние СМИ на неокрепшее детское сознание особенно велико. СМИ являются одним из наиболее значимых источников инкультурации и социализации, которые в том числе занимают и одно из ведущих мест по силе воспитательного воздействия. С точки зрения перспективы, необходимо четко проводить границу между негативно воздействующими масс-медиа и теми, которые оказывают положительное влияние на детское развитие. Среди благоприятных критериев можно выделить: повышение политической культуры, ориентировку в современной ситуации, развитие социальных навыков, преобладание поведенческих шаблонов, повышение интеллектуального уровня, подъем культуры, социализация в обществе, определение будущей профессии. Естественно, виды СМИ для получения благоприятных результатов могут быть различными – ребенок может использовать для этого печатные ресурсы, радио- и телепередачи или Интернет. Интересную теорию предложили доктор Энтони Форд-

Джонс (мемориальный госпиталь Джозей Брант) и Питер Ниман (Детская больница Альберта). Они утверждают, что уровень развития конкретного ребенка является решающим фактором в определении, будет ли СМИ иметь положительные или отрицательные последствия [4]. То есть при низком интеллектуальном развитии ребенок, «как губка», будет впитывать все то, что попадает в поле его зрения, при этом неправильно интерпретируя материал и делая ложные выводы. В этом случае он поглощает все отрицательные влияния СМИ, такие как чрезмерная жестокость, насилие, человеконенавистническая пропаганда и многое другое. При высоком развитии ребенок будет пропускать все то, что считает неприемлемым, и получать по большей части позитивную информацию, правильно влияющую на его сознание и психику. Дело в том, что подобная самостоятельная ориентация в медиапространстве заметно уменьшит родительский контроль и тем самым позволит ребенку по своему усмотрению отбирать и анализировать поступающую к нему информацию, что необходимо по мере его взросления.

Однако даже концепция, предложенная Энтони Форд-Джонсом и Питером Ниманом, имеет две небесспорные импликации: во-первых, родитель не может с точностью определить уровень интеллектуального развития своего ребенка и здесь возникает риск ошибки; во-вторых, ребенок изначально может иметь другие социальные установки и собственные предпочтения при выборе тематики материалов. В этом случае возможно оградить ребенка от негативного влияния СМИ, предлагая ему заведомо безопасные источники информации. Этими источниками, бесспорно, являются научно-популярные детские издания. К сожалению, в последние десятилетия все больше и больше издателей приходят к единогласному мнению, что «научно-популярные журналы – это вид, находящийся под угрозой исчезновения» [16].

Вильсон де Сильва, бывший президент всемирной федерации научных журналистов и основатель известного научного журнала «Космос», говорит о том, что научная журналистика находится под серьезным давлением в США, где уже расформированы многие научные издания, а столичные ежедневные газеты увольняют «научных» журналистов. Однако он утверждает, что это происходит не от того, что интерес к науке стремительно падает, а потому, что медиаиндустрии США сейчас находятся в большой беде [6]. Это доказывает и тот факт, что научный репортаж процветает в развивающихся регионах, таких как Латинская Америка, ближний Восток, Китай.

Научно-популярные издания для детей сейчас представлены в разных странах мира. Печатные СМИ осуществляют привлечение молодежи к важным сферам общественной жизни, предлагая читателям выбирать интересующие их материалы по разнообразным критериям – классификации журналов по тематикам, периодичности издания, по жанрам и по возрастным особенностям аудитории. Научно-популярные журналы во всем своем

многообразии оставляют за маленьким читателем право выбора именно той специфики, к которой он тяготеет. Во многом благодаря содержанию и стилистике материалов стало возможным побудить ребенка к изучению именно той сферы деятельности, формирование и развитие которой существенно для усовершенствования экономики страны. Или просто привлечь его к процессу познания и расширения кругозора, что немаловажно для повышения культурного и образовательного уровня населения.

Ни для кого не секрет, что главными критериями, которые используют журналисты при отборе темы в научно-популярное издание, являются актуальность, сенсационность, персоналии и связь с локальными интересами [3]. Это естественно, ведь взрослый читатель интересуется главным образом возможной связью между результатом научного исследования и своей жизнью. В противном случае даже открытие международного уровня не представит для него никакого интереса.

Примечательно то, что эти самые критерии сильно отличаются от тех, которые используются в детской научно-популярной прессе. Для ребенка не имеет ровно никакого значения практическая ценность и социальный характер того или иного знания, а также присутствие в материале известной личности. Наоборот, в детских материалах научной направленности играют роль такие критерии, как наличие вымышленных персонажей, увлекательность и игровая составляющая. То же самое происходит с предметно-тематической направленностью в научно-популярных изданиях: авторы, пишущие для взрослой аудитории, выбирают злободневные темы научно-популярных текстов, ориентируясь большей частью на объективную реальность и актуальность выбранной проблематики, тогда как детские научно-популярные издания характеризует широкий предметно-тематический спектр наук.

Для выявления тематического разнообразия были проанализированы более тридцати современных научно-популярных детских изданий США и Канады, в том числе: «Chirp Magazine», «Chicka DEE» «OWL», «Kayak» «WILD», «Ranger Rick», «Appleseeds», «Calliope», «LadyBug», «Minimag», «Winter Soldier», «Zootles», «Dig», «Spider», «Turtle», «Muse», «Zoobooks», «Muse», «Cricket», «Academy Earth», «Boys' Life», «Discovery Girls», «National Geographic Kids Magazine», «The Open Road for Boys», «Stone Soup» и многие другие. Подробное изучение вышеперечисленных изданий позволило выявить тематику детской научно-популярной периодики: «Здоровье и медицина», «Разум и мозг», «Сельское хозяйство», «Земля и климат», «Пространство и время», «Материя и энергия», «Компьютеры и математика», «История и археология», «Биология», «Литература и искусство», «Химия». В целом мы можем прийти к выводу, что области тем детских изданий практически не отличаются от тем, предлагаемых взрослой аудитории.

По возрастной аудитории научные издания разделяют на журналы для дошкольников (3–6 лет), журналы для младших школьников (7–10 лет), журналы для старшекласников (10–16). Естественно, тематическое мно-

гообразии журналов расширяется по мере взросления ребенка. Следует упомянуть и тот факт, что разделение детей на группы по возрастным характеристикам является условным и индивидуальным, так как дети одной возрастной группы могут находиться на разных стадиях биологического, психологического и социального развития.

Канадский рынок детской научно-популярной прессы представляет немалый интерес. Его отличают неизменное качество и публикуемых материалов, и печатной продукции. По официальным статистическим данным, на начало 2014 года на территории Канады выпускается около сорока детских изданий [6], из которых двенадцать имеют ярко выраженный научно-популярный уклон. Что касается ситуации в США, то здесь количественные показатели детских изданий находятся на более высоком уровне, что естественно при тенденции концентрирования массмедиа на территории страны. По данным на 2014 год на территории США публикуется более 75 детских изданий [7].

Замечательно, когда интеллектуальное развитие ребенка не ограничивается только чтением научно-популярного журналов. Особый эффект производят научно-популярные программы в комплексе: телевизионные передачи, которые занимают пропагандой научных знаний (дорогостоящие экспедиционные съемки природы, новости, посвященные научным исследованиями и ученым, компьютерные реконструкции прошлого, наглядные эксперименты по естественным наукам), печатные и электронные журналы, иллюстративный и графический материал (занимательные карты, атласы, подборки фотографий), интернет-ресурсы (виртуальные экскурсии, интерактивные карты, развлекательно-познавательные программы). Правильно подобранные ресурсы по различным темам могут быть направлены на динамичное интеллектуальное развитие ребенка.

В качестве заключения можно говорить о том, что в современном мире информация является ведущим ресурсом, информационная компетентность начинает выступать главной характеристикой человека. Детская аудитория, несомненно, является активным потребителем информации и, поскольку СМИ играют первостепенную роль в современном обществе, мы никак не можем препятствовать этому процессу. В зависимости от степени развития интеллекта любой ребенок в той или иной мере подвергается воздействию СМИ, и это воздействие может производить как положительный, так и отрицательный эффект. Со своей стороны, мы можем дать ребенку необходимое медиаобразование, которое является одним из эффективных инструментов защиты от вредных воздействий СМИ. Медиакомпетентность поможет свободно ориентироваться в медиaprостранстве и критически анализировать информацию; это необходимо также и для того, чтобы четко контролировать совокупное воздействие СМИ на собственную жизнь.

Список литературы

1. Березкина О.П. Социально-психологическое воздействие СМИ: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2009. – 239 с.
2. Бутылская Л.В. Внушение как естественная предпосылка социальной регуляции поведения // Проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2010. – № 1. – С. 46–53.
3. Вайнгарт П. Момент истины для науки: последствия «общества знания» для общества и науки // Российская наука и СМИ: Материалы междунар. интернет-конференции, проходившей 5 нояб. – 23 дек. 2003 г. / под ред. Ю.Ю. Черного, К.Н. Костюка. – М.: Московское представительство фонда им. Конрада Аденауэра, 2004. – С. 318–327.
4. Заметки о семинаре по научной журналистике на Европейском открытом форуме науки ESO2006, который прошел с 15 по 19 июля 2006 года в Мюнхене. – [Электронный ресурс]: <http://sciencewriter.livejournal.com/9578.html>
5. Ишкулова Ш. Использование средств массовой коммуникации в социализации подростков // Воспитание школьников. – 2007. – № 9. – С. 30–33.
6. Официальный государственный сайт статистики Канады. – [Электронный ресурс]: <http://www.statcan.gc.ca>
7. Официальный сайт статистики США. – [Электронный ресурс]: <http://www.statista.com>
8. Руденко И.А. Детская печать в России на современном этапе // Вестник МГУ. – 1997. – Сер. 10. Журналистика. – № 1. – С. 48–56.
9. Современные проблемы науки и журналистики: учеб. пособие / сост. С.И. Сметанина. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 149 с.
10. Соловьева Ю.В. Зависимость интеллектуального развития детей от социокультурных условий их жизни: дис. ... канд. психол. наук. – М, 1999. – 175 с.
11. Холмов М.И. Становление детской журналистики для детей. – Л.: ЛГУ, 1983. – 208 с.
12. Эльконин Д.Б. Период детства. – [Электронный ресурс]: http://www.ido.rudn.ru/psychology/age_psychology/8.html#8.3
13. Bandura A. & Walters, R. Social Learning and Personality Development. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1963. – 467 p.
14. Ford-Jones A., Nieman P. Impact of media use on children and youth // Paediatr Child Health. – 2003. – 8(5). – P. 301–306.
15. Gerbner G. Media Competency As A Challenge to Schools and Education. A German-North American Dialogue. – Gutersloh: Bertelsman Foundation Publishers, 1993.
16. The Walkley Foundation by Wilson da Silva, 2010. – [Электронный ресурс]: <http://www.walkleys.com/features/616/>
17. Zohoori A.R. A Cross-Cultural Analysis of Children's Television Use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. – 1988. – № 1. – V. 32. – P. 105–113.

Сведения об авторах

Артёмова Лидия Александровна – аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); lilimermaid@mail.ru

Балакин Сергей Владимирович – заведующий кафедрой, Уральский государственный университет путей сообщения, кандидат филологических наук, доцент (г. Екатеринбург); SBalakin@usurt.ru

Баринова Ирина Александровна – доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, кандидат филологических наук (г. Пермь); barinova.i.a@yandex.ru

Беляева Жанна Дмитриевна – старший преподаватель, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровская республика); belyaevaghanna@yandex.ru

Букина Вера Александровна – заведующий кафедрой, Московский государственный областной гуманитарный институт, кандидат филологических наук, доцент (г. Орехово-Зуево); bukina_vera@bk.ru

Вахрушева Тамара Александровна – доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Новоуренгойский филиал, кандидат филологических наук (г. Новый Уренгой); vakhrusheva.tamara@mail.ru

Гильманова Альфия Анваровна – старший преподаватель, Казанский федеральный университет, кандидат филологических наук (г. Казань); alfiagilm@mail.ru

Горбачева Елена Николаевна – доцент, Астраханский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань); elen-gorbachyova@yandex.ru

Григорян Артем Эдикович – аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва); a.e.grigoryan@gmail.com.

Захарова Виктория Трофимовна – профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород); victoriatz@rambler.ru

Зеновская Полина Евгеньевна – ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); whisper11@yandex.ru

Кутузов Алексей Александрович – аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); kutuzov.alex@gmail.com

Кушакова Наталья Олеговна – аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); n_kushakova@hotmail.com

Макарова Инна Сергеевна – доцент, национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский филиал, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); inna-makarova@mail.ru

Мельгунова Анна Владиславовна – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); melgunova@rambler.ru

Нестерова Наталья Михайловна – профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, доктор филологических наук, профессор (г. Пермь); nest-nat@yandex.ru

Панфилова Серафима Сергеевна – доцент, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, кандидат филологических наук (г. Саранск); scully_ss@rambler.ru

Первова Анна Валентиновна – аспирант, Московский педагогический государственный университет (Москва); pernova2012@mail.ru

Полубояринова Лариса Николаевна – и.о. заведующего кафедрой, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург); LarPolub@hotmail.ru

Ребрина Лариса Николаевна – доцент, Волгоградский государственный университет, доктор филологических наук, доцент (г. Волгоград); Reblora@mail.ru

Садомина Наталья Сергеевна – аспирант, Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск); gogyaeva3@yandex.ru

Салахова Ильвера Ирфановна – ст. преподаватель, Российский исламский институт (г. Казань); gauhar8@mail.ru.

Салькаева Альбина Няилевна – аспирант, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск); alb2303@mail.ru

Сальникова Ольга Сергеевна – аспирант, Череповецкий государственный университет (г. Череповец); salnikova00s@yandex.ru

Сунь Тин – старший преподаватель, Сианьский нефтяной университет, Институт иностранных языков (Сиань, Китайская народная республика); xatutu@126.com

Теплицкая Анна Аркадьевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); 9961717@mail.ru

Усманова Елена Георгиевна – доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Новоуренгойский филиал, кандидат филологических наук (г. Новый Уренгой); elenushka1973@yandex.ru

Хасанова Римма Махияновна – аспирант, Башкирский государственный университет (г. Уфа); rimmochka84@rambler.ru

Храброва Валентина Евгеньевна – старший преподаватель, национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский филиал (Санкт-Петербург); stefankhrabrova@mail.ru

Цуциева Мария Геннадьевна – доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург); Maria-TS@yandex.ru

Черникова Елена Дмитриевна – соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь); Chernikovaed@yandex.ru

Шнякина Наталья Юрьевна – доцент, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук (г. Омск); zeral@list.ru

Ямшанова Виктория Александровна – профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург); vaifl@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 4

Том 1. Филология

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1096

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а